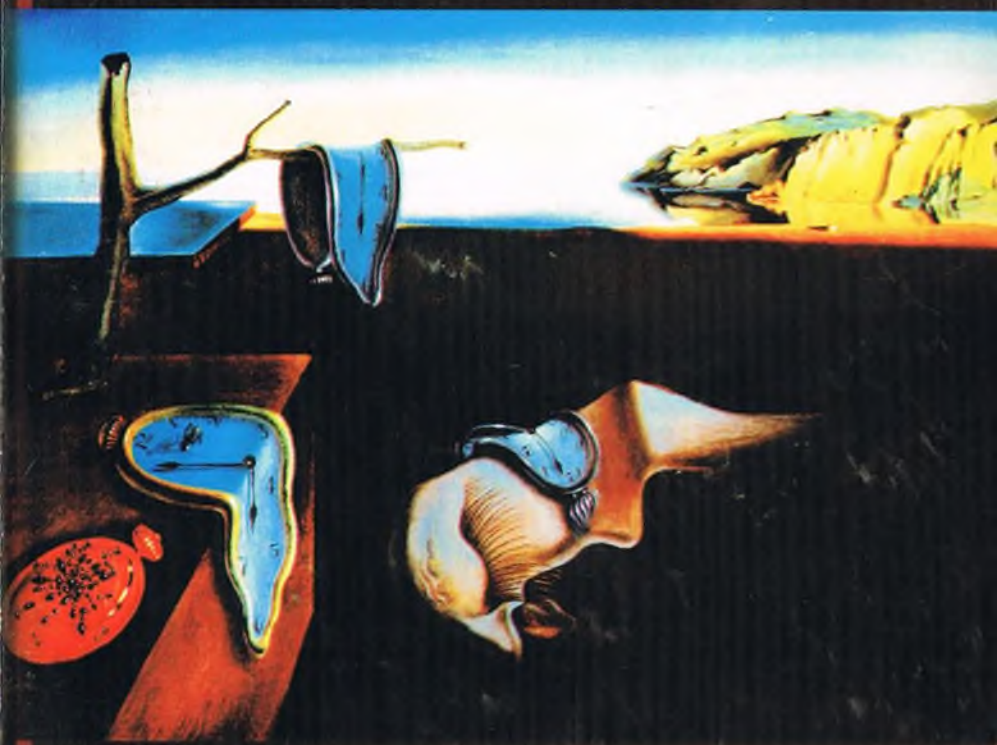

Елена Сапрыгина

СТРАЖИ ВРЕМЕНИ

**Елена
Васильевна
Сапрыгина**

*Краевед, генеалог
искусствовед*

Родилась в 1946 году, в Архангельске. Среднюю школу окончила в Нарьян-Маре. С 1965 по 1971 год была студенткой Ленинградского института имени А.И. Герцена (художественно-графическое отделение). С 1973 года живет в Костроме, работает в основном в музеях. Ныне пенсионер.

Ее перу принадлежит ряд книг: «Костромская вотчина Катениных» (1993), «Путь на Парнас...» (1999), «Литературная Кострома» (1997), а также многочисленные публикации в журналах «Губернский дом», «Костромская старина», «Русь» и ряде прочих.

Выступала и в качестве редактора-составителя книг: Е.Ф. Дюбюк «Предвесенье» (1993) и сборника докладов «Памяти Селифонтова» (2000).

В 1999 году награждена за заслуги в развитии культуры и искусства областной премией главы администрации Костромской области «Признание».

Елена Сапрыгина

**СТРАЖИ
ВРЕМЕНИ**

КОСТРОМА
2005

*Время безвозвратно
И нет пути обратно...
За нами следуют тени –
Эти странные стражи времени.*

Т. Альбинони

*Ирине Николаевне Сапрыгиной – моей матери,
чьё незримое и благотворное присутствие
никогда не покидает меня,
посвящаю...*

Автор

ББК Р6
С 19

Сапрыгина Е.
С19 Стражи времени. – Кострома: Промдизайн-М, 2005 – 380 с.: ил.

Книга состоит из серии очерков краеведа Е.В. Сапрыгиной, ранее опубликованных, преимущественно в «Губернском доме». Тема ее изучения – культурное наследие костромского края – помещичьи усадьбы, фамильные галереи, архивы, библиотеки, а главное – судьбы их владельцев – дореволюционных писателей, художников, ученых.

Книга предназначена всем, кто неравнодушен к истории родного края.

ББК Р6

Елена Васильевна Сапрыгина
СТРАЖИ ВРЕМЕНИ

Компьютерная верстка и дизайн Шаталов В.В.

Сдано в набор 30.12.2004. Подписано в печать 07.06.2005. Объем 95 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 43.

Отпечатано в ООО «Промдизайн-М». 156000, г. Кострома, ул. Локомотивная, 3д.

© Сапрыгина Е., 2005.
© «Промдизайн-М», 2005.

Вступление

КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ОБРАЗ СУЩЕСТВОВАНИЯ

ПЕРЕД нами новая книга – сборник очерков костромского краеведа Е.В. Сапрыгиной «Стражи времени», под рабочим названием «По медвежьим углам Костромской губернии». Даже от заголовка, не говоря уже от содержания книги, веет иным временным пространством, когда «во времена оны» в дремучих борах и в чащобах обитали дикие звери, раскольники строили свои скиты, а вдоль дорог промышляли разбойники.

Кстати сказать, выражение «медвежий угол» вовсе не искусственное, не декоративное, а идущее издревле, от наших далеких предков. Оно встречается и в частной переписке и в деловых бумагах прошедших веков, а также в художественной литературе, например у А.Ф. Писемского, П.А. Катенина, С.В. Максимова. Как следует из содержания книги речь в ней пойдет о местных помещичьих усадьбах, хотя к настоящему времени и не сохранившихся, но теоретически реконструированных автором, а также о судьбах их обитателей. Как правило, находились они в костромском захолустье, но порой представляли собою настоящие культурные оазисы, поскольку сосредотачивали в себе дворянские архивы, фамильные галереи и библиотеки. Кроме того, в некоторых усадьбах функционировали крепостные мастерские, оркестры и театры.

Книга имеет семь разделов, один из которых посвящен костромским литераторам, в основном дореволюционной поры, их генеалогическим или имущественным, а также творческим связям с нашим краем. Географический охват изучаемых автором усадеб необычайно широк: почти нет узлов в Костромской губернии, так или иначе не представленных в очерках. В результате этого на страницах сборника возникает целая панорама провинциально-усадебной культуры. Однако читатель видит не столько архитектурные достоинства дворянских особняков с их интерьерами, включающими в себя непреходящие культурные ценности, сколько многовековую в последовательных поколениях жизнь их владельцев, показанную исключительно достоверно.

В поле зрения автора попали следующие имена костромских литераторов: усадьбы Шаево и Клусеево, связанные с жизнью и творчеством П.А. Катенина, находившиеся в Кологривском и Чухломском уездах; усадьба Толстикovo в Буйском уезде, принадлежавшая поэтессе Ю.В. Жадовской; села Семеновское и Марьянское Нерехтского уезда, владельцами которых были писатели и bibliофилы Н.Н. Селифонтов и Е.И. Якушкин; село Никольское с деревнями в Макарьевском уезде, принадлежавшее внуку открывателя и исследователя «Слова о полку Игореве» А.И. Мусин-Пушкина, Н.И. Мусин-Пушкину и ряд других.

Выбор тем в книге очерков не случаен: он определяется профессиональными интересами автора – бывшего старшего научного сотрудника Костромского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника и хранителя фонда ценной и редкой книги. Кроме того, Е.В. Сапрыгина имеет двадцатипятилетний исследовательский стаж работы в Государственном архиве Костромской области, что обеспечило ее источниковедческой научной базой для краеведческих трудов. К нему приохотил Елену Васильевну старейший костромской краевед Александр Александрович Григоров, с которым она познакомилась в 1974 году и до его кончины являлась последовательной и верной ученицей¹.

А.А. Григоров дал Елене Васильевне азы краеведческой работы. Главное, что она заимствовала у него: исследовательский метод в генеалогических изысканиях. Предельно скрупулезный в своих штудиях Григоров шаг за шагом, в течение десятков лет расписывал генеалогические цепочки. Если какие-либо звенья отсутствовали, он, не жалея трудов, пылливо доискивался недостающих звеньев. Точное следование факту отличает и все труды Е.В. Сапрыгиной, будь то небольшая статья или научная монография.

А.А. Григоров подкупил начинающего исследователя также и масштабом им сделанного: сотни Костромских дворянских родов буквально возникли из небытия только благодаря его целенаправленному подвижническому усердию, фанатичности, в высшем смысле этого слова. При широком охвате многих сотен, если не тысяч, представителей костромских дворянских родов, включенных им в свою знаменитую картошку, у него не было возможности пристально вглядываться в их лица, в перипетии их разнообразных судеб, за исключением нескольких выдающихся, и потому его творческий метод во многом определялся почти статистическим подходом (родословные схемы, таблицы, знаменитая картотека) – вот тот фундамент, на котором строились сжатые, лаконичные, фактологические статьи Александра Александровича. Может на это влияла и профессия краеведа (он был бухгалтером), а также предназначенность статей для местной прессы и прежде всего для газет?

Если говорить о миссии нашего старейшего краеведа-генеалoga, то им вычлeнены и упорядочены основные роды, а частично и кланы костромских дворян, вычлeнены предельно емко и сжато их представители, произведена географическая привязка к местности. Это похоже на сетку или канву, вышивать по которой должно было следующее поколение, и в частности, его ученица и преемница. В отличие от А.А. Григорова Елена Васильевна никогда не ограничивалась в своих исследованиях интересами только генеалогического порядка. Ее интересовали и продолжают интересоваться не столько факты исторического или литературно-краеведческого свойства, сколько характер соответствия этих фактов конкретной эпохе. «КОНТЕКСТ» – вот то ключевое слово, благодаря которому можно подобрать ключик к раскрытию своеобразного творческого метода краеведа.

Содержание

КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ОБРАЗ СУЩЕСТВОВАНИЯ. П. Корнилов	7
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОПЫТЫ	
Литературные призраки (Совместно с П. Корниловым). Фантастическая повесть	13
Питомцы благородного пансиона. Пьеса	29
ЛИТЕРАТУРНЫЕ «ГНЕЗДА» И ИХ ОБИТАТЕЛИ	
Усадьба Раменья в судьбе А.Ф. Писемского	41
«Рыцарь без пятна и упрека» (Е. И. Якушкин)	47
Ивановское – дворянское «гнездо» Бирюковых	51
Последний приют (Ю.В. Жадовская)	65
Хозяева и гости сельца Леонтьева (Молчановы и Волконские)	69
Конфидент Волынского (П.И. Мусин-Пушкин)	77
Ученый и политик (А.А. Мусин-Пушкин)	83
Аристократ в «Медвежьем углу» (Н.И. Мусин-Пушкин)	87
Две эпохи усадьбы Шаево (П.А. Катенин)	90
Чухломская вотчина Катениных	95
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРСОНАЛИИ	
Пионер костромского краеведения (И.К. Васьков)	101
Начальник костромского ополчения (Ф.И. Васьков)	107
Мировой посредник первого призыва (А.Ф. Васьков)	112
За завесой времени (А.И. Одоевский)	119
Двойной портрет: Островский и Писемский	126
Война и мир Аркадия Петрова	137
Искрометный маэстро (А.И. Дюбюк) (Совместно с П. Корниловым) ..	141
Статистик и поэт (Е.Ф. Дюбюк) (Совместно с П. Корниловым)	146
Издатель и редактор П.И. Андроников	154
Н.Ф. Грамматин – директор Костромской классической гимназии ...	162
П. А. КАТЕНИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ	
Члены Российской академии (П.А. Катенин и А.С. Пушкин)	167
Поэт-однополчанин (Н.С. Голицын)	172
«Литературный адвокат» П.А. Катенина (Н.И. Бахтин)	180
«Подмастерье» поэта (Д.П. Зыков)	189
Пяткины – крестные дети П.А. Катенина	200
Страсти по деревне Брагиной (Лопатины и Пяткины)	206

Музыкальный феномен (Погожевы)	212
Высокий покровитель (В.Ф. Адлерберг)	217
Левашовы – родственники и соседи поэта	221
Ревнитель народного просвещения (М.И. Катенин)	224

ОБРЕТЕННЫЕ ИМЕНА

Лики и лица. Обретение (А.М. Горшман) (Совместно с Е. Бабенко)	231
Шедевр из усадьбы Патило (Я.Д. Купреянов)	241
Алтиповская коллекция (Совместно с В.Н.Бочковым)	248
Племянник антрепренера (В.В. Дягилев)	255
Чухломская галерея Катениных	265
Представитель позднего классицизма Ефрем Годун	272
Гигант среди пигмеев (Петр I)	276
Пушное дело Пановых (Совместно с П. Корниловым)	278
Портретная галерея Костромского дворянского собрания	286
Фантом Григория Островского	294

КНИЖНЫЕ И РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОСТРОМЫ

Библиотека Грамматиных	309
Библиотека Н.Н. Селифонтова	320
Автограф пушкиноведа (В.Ф. Миллер)	329
Масон Лабзин и Сергей Аксаков	334
Загадка В.А. Рубановского (Радищевы и Рубановские)	341
На заре русской журналистики (А.Е. Измайлов и Н.Ф. Грамматин) .	349
Редкий документ (Д.Н. Бантыш-Каменский)	354
«Костромская вивлиофика» Михаила Диева	357
Эхо столетий (Д.П. Горчаков)	363
Ипатьевская летопись в Костроме (Совместно с Н.Н. Березовской) ...	374

ОТ АВТОРА	379
-----------------	-----

Любимый период Е.В. Сапрыгиной – первая половина XIX столетия, изучен ею досконально, благодаря центральному в ее творчестве персонажу – поэту, драматургу и критику П.А. Катенину, о котором она написала пару книг: «Костромская вотчина Катениных» (Кострома, 1992) и «Соревнователи или путь на Парнас» (Кострома, 1999). Однако и соседние эпохи – конец XVIII и вторая половина XIX столетий также не обойдены исследователем. Каждый персонаж ее очерков органично вписывается в свое время, место, дружеское и родственное окружение, с которыми свободно общается собственным языком, извлеченным из его писем, поэтических или прозаических произведений. Автор услужливо пропускает вперед своего героя, дает ему высказаться перед читателем, рисует его словесный портрет, тактично беседует с персонажем, ненавязчиво комментирует сказанное. Эффект при этом удивительный. Описываемый субъект почти голографически осязаем, его голос индивидуален и верен как по содержанию, так и по тональности. И этот оживший человек пребывает не в вакууме, а в соответствующем ему интерьере и окружении, в его родной эпохе, как будто бы автор был лично знаком со своим героем.

«Это так и есть, – шутит Елена Васильевна, – ведь по астрологическим расчетам я в предыдущей жизни пребывала в Санкт-Петербурге с 1824 года». Что ж, судя по тому, что она знает о П.А. Катенине, можно бы и поверить, но почему же тогда статистик и поэт Евгений Федорович Дюбюк, почти наш современник, выплакался у нее на плече? Я имею в виду собранную ею совместно с Л.А. Поросятковской книжку стихов В.Ф. Дюбюка «Предвесенье». (Кострома, 1993).

Впрочем, мы говорим уже о 80-90-х годах XX века, когда краевед уже состоялся, а вернувшись в 70-е годы, видим, как мало еще себя проявившая ученица А.А. Григорова сближается с другим видным костромским краеведом Виктором Николаевичем Бочковым².

Несмотря на одну цеховую принадлежность, В.Н. Бочков и А.А. Григоров не были похожими людьми, в определенной мере можно даже говорить об их противоположности, что объясняется разницей в возрасте, происхождении, чертах характера. В отличие от Григорова, тяготевшего к упорядоченности и схематизации, Бочков испытывал интерес к художественной интерпретации краеведческого материала. Общеизвестно, что книги Бочкова читаются на одном дыхании: автор умело закладывает в сюжет динамичную, беспрецедентную интригу. Занимательность явно не последнее качество, присущее всему творчеству Бочкова. Творческие контакты Елены Васильевны и Виктора Николаевича развивались не по каноническому пути. С самого начала отношения складывались не столько в режиме учитель-ученик, сколько определялись как дружеское партнерство. Именно Е.В. Сапрыгина поддержала Виктора Николаевича, когда он подвергся преследованиям в тяжелые для него времена, с ее легкой руки он стал руководителем краеведческого объединения при комбинате им. ЗвORYкина, созданного при инициативе и активнейшем участии Елены Васильевны. Результатом коллективного труда членов объединения стал изданный в 1989 году «Справочник улиц Костромы».

В Викторе Николаевиче Бочкове Сапрыгина нашла во многом родственную душу: его тяготение к художественности, попытка беллетризации истории, интерпретации зачастую сухого краеведческого материала находили сочувствие у молодого краеведа. Сообщая приемы литературного изложения материала, старший коллега учил младшего на конкретных примерах, результатом чего появилось несколько совместных статей, в частности «Антиповская коллекция», включенная в раздел книги «Обретенные имена».

При всех попытках расширить профессиональные рамки (а по профессии Виктор Николаевич был историком-архивистом) над Бочковым довлел груз академического образования, который не позволял ему отдаваться целиком стихии художественного творчества, сдерживая его перо. В краеведении его интересовала не столько психологическая подоплека конкретной ситуации или поступка исторического персонажа, сколько удачно сочлененный узор тех ситуаций и поступков.

Прежде всего историк, он стремился ответить на вопрос «Как это было?», но умолкал, когда ситуация задавала другой вопрос «Почему это случилось именно так?»

Е.В. Сапрыгина в исследовательской работе всегда руководствовалась психологическим началом. В отличие от В.Н. Бочкова, активно работавшего «по заданию», на публикацию, Елена Васильевна не могла беспристрастно работать над материалом, пока не «заболевала» им. Персонаж и ситуация должны были захватить краеведа, проникнуть в его кровь, как вирус, вызвать жар, необузданный интерес, побудить к действию. Первую флюиду краевед получила от поэта и драматурга Павла Александровича Катенина. Он пленил ее своей незаурядной личностью, к которой нельзя было подойти с обычными мерками и которую многие поколения знаменитых исследователей тщетно пытались разгадать.

«Мне нравится как вы ведете Катенина», – говорил Бочков младшему коллеге. «Это не я, а он меня ведет», – отвечала Елена Васильевна. В этом кратком диалоге очевидна разница двух подходов к материалу, к теме. Сам процесс освоения темы у Сапрыгиной также необычен. Выделив для себя интересного персонажа, она годами собирает о нем сведения как архивные, так и печатные, складывая выписки в отдельное «досье». Каждую новую порцию она не просто подшивает в скоросшиватель, но и пересматривает всю папку, освежая и пополняя все растущую биографию своего будущего героя. Когда плод созреет, то он сам падает, а когда материал даст полную картину, то значит он готов к окончательной обработке. Некоторые досье пока тоненькие, другие не уместятся в одну папку. По катенинской тематике набралось уже около двухсот папок. Всего краеведом наработано около тысячи дел, половина из которых хранится дома, а остальные переданы в Государственный архив Костромской области, в личный фонд исследовательницы (ГАКО. Ф.Р.-1022). П.А. Катенину посвящен целый раздел книги «Стражи времени». В нем помещены несколько статей о поэте, его друзьях и соседях, а также о его костромских имениях. По катенинской орбите вращались и Петербургские единомышленники Катенина: его «литературный адвокат» и издатель Н.И. Захтин, его сослуживец по Преображенскому полку князь Николай Сергеевич Голицын, а также его соратник по тайному обществу Дмитрий Петрович Зыков.

Читатель познакомится также с колоритскими и чухломскими соседями поэта: Логожевскими, Пяткиными, Левашовыми.

Особое место в Катенинине занимает фантастическая повесть «Литературные призраки», написанная совместно с автором этих строк и по его настоятельной просьбе. Дело в том, что подмечая в очерках краеведа сильные порывы в сторону художественности, я предложил Елене Васильевне провести опыт в детективном или фантастическом жанрах. Спровоцировать ее на это удалось не сразу и только своим участием. Как она впоследствии говорила, этот жанр дал ей возможность высказать ряд пока недоказуемых исторических версий, чего не позволила бы сделать форма научного очерка. О результатах читатель сам сделает заключение. Мне же удалось на опыте познать метод краеведа и, хотя я работаю в другой области литературы,

но не могу не ощущать такой же преемственности поколений, которую в свое время испытала на себе Елена Васильевна, попав волею судьбы в уникальную среду двух маститых костромских краеведов. Любопытно, что наши контакты с ней начались с Катенинских торжеств, проходивших в Костроме и Чухломе в конце декабря 1992 года, инициатором и активным организатором которых была Елена Васильевна. Ею тогда были подготовлены три Катенинских издания: шестнадцатиполосная юбилейная газета «Изгой», сборник тезисов Катенинских чтений и уже упомянутая книга «Костромская вотчина Катениных».

Примечательно, что именно в один месяц и год 200-летнего юбилея П. А. Катенина вышел в свет первый номер журнала «Губернский дом»³, чьим постоянным автором с самого его появления стала Е. В. Сапрыгина.

А в созданном по инициативе и содействии краеведа Литературном музее, предшественшем костромичам полсотни местных дореволюционных и современных писателей, П. А. Катенину посвящен отдельный блок материалов.

Круг профессионально-творческих связей Сапрыгиной не замыкается на костромских знакомых. Патриарх костромского краеведения А. А. Григоров, находившийся в регулярной переписке более чем с двумястами корреспондентами, «подарил» своей ученице ряд адресов, среди которых находился и адрес Александра Михайловича Горшмана⁴.

Крупнейший специалист по атрибутике портретов государственных и военных чиновников, чьими услугами долгие годы пользуются многие столичные и провинциальные музеи, А. М. Горшман разработал собственную методологию научной атрибуции портретов. Она базируется, во-первых, на доскональном знании особенностей военных и гражданских мундиров, бытовавших в России в XVIII-XIX столетиях, и правительственных наград, благодаря которым через послужные списки (формуляры), хранящиеся в московских архивах, он определял изображенных на портретах людей.

Александр Михайлович сыграл в творческой судьбе Елены Васильевны весьма важную роль: он вовлек краеведа в удивительно сложное и увлекательное дело атрибуции. Далеко не каждый может освоить это ремесло или, лучше сказать, искусство, но соответствующая подготовка у Е. В. Сапрыгиной имелась, ведь за плечами у нее было художественно-графическое отделение Ленинградского Герценовского института и шестилетний стаж работы в Костромском музее изобразительных искусств. Сотрудничество А. М. Горшмана с Е. В. Сапрыгиной оказалось на редкость удачным: музейщица готовила фотографии с портретов, с подробным цветовым описанием, собирала сведения о поступлении произведений в музей или информацию о их бывших владельцах, а Александр Михайлович определял изображенного. Иногда возникало несколько претендентов, по два-три на место, когда совпадали мундиры и награды, и тогда приходилось проверять в архивах сведения о каждом и предпочтение отдавалось тому, кто вписывался в географию предмета и в другие данные. За несколько лет сотрудничества Горшманом было атрибутировано свыше полутора десятков портретов. Помогая ученому, Елена Васильевна параллельно проводила и самостоятельные атрибуции по собственной методике. Она создала каталог исчезнувших произведений, некогда существовавших в губернии, и искала аналогичные изображения на аналогичных – других портретах, гравюрах, рисунках, фотографиях. Затем с помощью их разыскивала эти же модели среди неопознанных портретов в музейных хранилищах. Так она нашла целую группу изображений выдающихся костромичей из портретной галереи дворянского собрания: Н. Н. Селифонтова,

Ф.В. Чижова, С.Ф. Купреянова А.Н. Григорова, В.Ф. Лугинина. Ныне они, уже отреставрированные, возвращены в родные интерьеры Дома дворянского собрания, украшая стены этого исторического здания. Результаты как совместных, так и самостоятельных атрибуций описаны в очерках Елены Васильевны и помещены в раздел «Обретенные имена». Среди них: «Шедевр усадьбы Патино», «Антиповская коллекция», «Пушное дело Пановых» и ряд других. Особое место в книге занимает статья Е.В. Бабенко «В поисках утраченных имен», составленная по материалам А.М. Горшмана и Е.В. Сапрыгиной. Она предваряет раздел «Обретенные имена» и рассказывает о совместных атрибуционных поисках двух ученых.

И, наконец, последняя, заключительная часть книги, озаглавленная как «Книжные и рукописные памятники Костромы», посвящена частным книжным собраниям, хранящимся ныне в составе государственных библиотек, а также отдельным раритетам, входящим в состав ценного книжного фонда Костромского музея-заповедника и документального фонда областного архива.

В совокупности большая часть очерков составляет как бы путеводитель по фонду ценной книги музея-заповедника. Не один год потребовался его хранителю Е.В. Сапрыгиной, чтобы изучить это многотомное собрание, разобраться в судьбах как отдельных изданий, так и групп материалов и целых коллекций.

Библиотеки поэта-филолога Н.Ф. Грамматина и ученого-археографа Н.Н. Селифронта – главные объекты исследования, но не единственные: из костромских раритетов наибольший интерес вызывает знаменитая Ипатьевская летопись, к сожалению до сих пор малоизученная, особенно по вопросу ее бытования в Ипатьевском монастыре. Автор книги существенно восполняет этот пробел.

На основании своих исследований Е.В. Сапрыгина развернула постоянную экспозицию по Ипатьевской летописи в Литературном музее, основанном, кстати сказать, по ее инициативе и активном содействии.

Книга «Стражи времени» еще раз доказывает, что о Е.В. Сапрыгиной с полным правом можно сказать, что она краевед «милостью Божьей». В нашей губернии, а теперь области, достаточно успешно работали и работают десятки, если не сотни талантливых краеведов. Однако среди них были и продолжают быть лишь единицы, кто возвел занятия краеведением в степень Судьбы.

Елена Васильевна Сапрыгина в любом случае попадает в число немногих избранников особой судьбы в краеведении. Сам образ существования для нее необходим – ежедневные многочасовые бдения за письменными столами – дома, в музее или архиве, склонившись над пожелтевшими страницами архивных дел прошедших столетий.

П. КОРНИЛОВ

Примечания:

1. Григоров А.А. (1904-1989) – костромской историк-краевед и генеалог, автор многочисленных публикаций в местной прессе и ряда книг, главная из которых «Из истории костромского дворянства» издава в Костроме, в 1993 году после смерти автора.

2. Бочков В.Н. (1937-1991) – историк, краевед, литературовед. Автор более десятка книг, в числе которых «Старая Кострома», «Костромские слуганки Пушкина», «Сказки, которая Татьяна?» и др.

3. «Губернский дом» – историко-краеведческий, культурно-просветительский, научно-популярный журнал. Издается в Костроме с 1992 года. Учредитель – администрация Костромской области. Редактор – Н.В. Муренин.

4. Горшман Александр Михайлович. Родился в 1937 году в Москве. Инженер-конструктор Моспроекта. Специалист по формоведению и фалеристике. Опубликовал ряд научных трудов в специальных научно-исторических журналах. Консультирует музеи, кинотеатры и исторические издания.

Художественные ОПЫТЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИЗРАКИ

У АКАНУНЕ открытия Литературного музея Алексей Сергеевич Готовцев робко постучал в массивную свежепокрашенную дверь директорского кабинета. Услышав знакомое «войдите», нерешительно подошел к столу. Администрация музея в лице Екатерины Михайловны Лебедевой отбирала кадры будущего учреждения долго и тщательно. Готовцев при строительстве музея был незаменимым человеком: он не только выстрадал саму идею его создания, но вместе с коллегами рьяно участвовал в ее воплощении. О костромских литераторах он мог говорить часами, самозабвенно, возвращаясь к реальности лишь после настойчивого напоминания уставших, но все же довольных его рассказом слушателей.

– Опять пришел жаловаться на художников, – мелькнуло в голове директриссы. За последние месяцы ей не раз приходилось во избежание неприятностей разводить в стороны разъяренных художников и взъерошенного, разгоряченного, продолжавшего что-то страстно доказывать Готовцева.

– Что у вас случилось, Алексей Сергеевич?

Тот, переминаясь с ноги на ногу, не мог начать разговор.

– Странно... Это что-то новое. Уж не заявление ли об уходе принес? Этого еще не хватало. Опасаясь самого худшего, начальница ласково произнесла:

– Располагайтесь как дома. Устали, наверное, весь день на ногах провели, готова завтрашнее открытие.

– Об этом я и хотел поговорить...

Готовцев помолчал, машинально поскреб ногтем свежее пятно краски на рукаве и решительно произнес:

– Вы знаете, Екатерина Михайловна, что завтра мне надо вести первую экскурсию по новой экспозиции, и я это сделаю. Бесспорно. Но скажу откровенно, что чувствую себя не совсем уверенно. К выступлению готовился добросовестно: знаю

крайние даты жизни десятков литераторов как таблицу умножения, имею отчетливое представление об их родственных связях и жизненных перипетиях, разбираюсь в особенностях творчества. И в то же время я совершенно не понимаю, что это были за люди, каковы их душевные, человеческие качества, несомненно повлиявшие на их произведения. Чтобы восполнить этот возмутительный пробел, обращаюсь к Вам, скажем так, с нерядовой просьбой.

– Какой? – насторожилась начальница.

– Разрешите мне провести эту ночь в музейных залах.

– Алексей Сергеевич, дорогой! – она растерянно смотрела на него из-под стекол очков своими добрыми, близорукими глазами.

– В любой другой будний день я отнеслась бы снисходительно к Вашей совершенно экстравагантной просьбе, но накануне столь ответственного торжества... Нет, нет и еще раз нет! Вы представьте себе завтрашнюю картину: после бессонной ночи, небритый, с воспаленными красными глазами, в несвежей сорочке, с бессвязной, что вполне понятно, речью... – она запнулась, сама уstraшенная нарисованной картиной, и после паузы несколько другим тоном, продолжала:

– Кроме того, Алексей Сергеевич, могу ли я ручаться за то, что Вы выйдете наутро отсюда, как бы это сказать, – она замаялась, – сохранив душевное равновесие? Ночью, один, среди портретов и старых фотографий, да еще с Вашим очень развитым воображением... Нет, ни в коем случае. Запрещаю.

Однако, Готовцев не смирился: глубоко вздохнув, отчего его сутулая фигура несколько распрямилась, он ринулся в новую атаку:

– Екатерина Михайловна, уважаемый наш директор, – не без лести начал он. – Я Вас прекрасно понимаю: административная линия, обязанность блюсти честь муздира – святыне понятия. Но ведь и я пекусь о том же: успех праздника во многом зависит от внутреннего настроя, от внутренней гармонии, которую я, надеюсь, обрести путем предельного сосредоточения, медитации. Ночная музейная тишина мне гораздо полезнее, чем глубокий, продолжительный сон. Вы должны мне поверить. Вспомните, чуть меня никогда не подводило. А что до рубашки и бритья, об этом не беспокойтесь: чуть свет, как придут уборщицы, я уйду домой, приведу себя в порядок и чистый, свежий и, если хотите, даже какрахмаленный, предстану пред Ваши очи.

Екатерина Михайловна Лебедева – опытный музейщик, твердый администратор и неглупый человек – задумалась. Сохраняя строгое, присущее ее имиджу выражение лица, она в конце-концов решила:

– Хорошо. Алексей Сергеевич, уговорили. Я разрешаю Вам остаться на эту ночь в музее. Очень надеюсь на счастливый исход вашего опыта. Идите. Я отдам соответствующее распоряжение.

Боясь, как бы она не передумала, Готовцев, забыв поблагодарить, быстро развернулся и устремился к двери, не подозревая, что его ждет в ближайшем будущем.

* * *

К часу ночи, многократно повторив экскурсионный текст, усталый музейщик расслабился в кресле и наконец-то смежил веки. Как в немом кинематографе кру-

тилась в его мозгу черно-белая лента зрительного ряда экспозиции, и вдруг остановилась на семейном портрете бывших хозяев особняка на фоне интерьерера, с домашней собачкой, мирно сидящей на декоративном столике.

— Что это за порода? — лениво размышлял Готовцев.

Память услужливо подбросила: «Ваш, шпиц — прелестный шпиц».

— Вот уж нет, — возразил он себе, — шпицы совершенно белые и страшно злые, а у этой моськи и окрас смешанный, и мордашка лукавая. Интересно, как ее звали? Зи-зи? Жу-жу?

Готовцев вдруг предельно четко, до рези в глазах, и ярко, как при электросварке, представил себе миниатюрное животное и в ту же секунду почувствовал как что-то мокрое и холодное коснулось кисти его руки. Вздрогнув, он открыл глаза. Поставив передние лапки на подлокотник его кресла и приподнявшись на задних, на него с любопытством смотрело прелестное существо, разительно похожее на воображаемую Зи-зи.

— Как ты сюда попала? — изумился Алексей Сергеевич и, боясь поверить в реальность происходящего, с опаской коснулся мягкой шелковистой шерстки.

— Адель, ко мне! — приятный мелодичный женский голос позвал собачку, и оцепеневший от страха Готовцев увидел приближавшуюся к нему даму в криколинах на фоне смутного и также движущегося к нему мужского силуэта.

— Так вот ты где, шалунья! Надеюсь, она не обеспокоила Вас, сударь?

— И.., и... — пискнул белый, как мел, старший научный сотрудник, тщетно пытаясь приподняться на негнущихся ногах.

— Павел Петрович, друг мой, — обратилась дама к спутнику, — по-моему, этот господин нездоров или чем-то очень напуган...

— Я... вет... уже в порядке, — пролепетал приходящий в себя музейщик. Готовцев представился. Супруги переглянулись.

— Неужели мы родственники? — поразилась женщина, — ведь я в девичестве была Готовцева, Анна Ивановна, а это мой супруг — надворный советник Павел Петрович Корнилов.

Мужчина поклонился и подлюбопытствовал:

— Это из какой же линии Готовцевых Вы приходите?

Алексей Сергеевич покраснел:

— Да, как бы это сказать, точно не знаю... Сколько раз пытался выяснить, да так и не довел дело до конца.

А.И. Готовцева с мужем
П.П. Корниловым

Корнилов с укоризною качал головой:

– Из-за такого легкомыслия вы лишаетесь существенных привилегий, дарованных императрицей Екатериной нашему сословию, не говоря уж о том, что степень нашего родства так и останется неустановленной.

– Я, тем не менее, склонна считать этого милого молодого человека своим племянником, – решительно заявила Анна Ивановна с состраданием глядя на Готовцева.

Корнилов извлек из кармана табакерку, открыл ее и протянул собеседнику:

– Позвольте угостить табачком новообретенного родственника, – и в ответ на отказ спросил удивленно:

– Как, Вы не нюхаете табак?

– В наше время это не принято, – развел руками Готовцев.

– В наше время? – удивился Павел Петрович. – Да разве мы не современники? Аннушка! Какая у нас нынче дата по календарю?

– Май 1996 года, – машинально ответил Готовцев, опередив Анну Ивановну.

– Вы шутите! – поразились супруги, растерянно переглянувшись.

Понимая всю абсурдность ситуации, молодой человек тем не менее попытался ее объяснить. В конце-концов потрясенные супруги стали улавливать суть происходящего.

– И вот завтра, здесь, в Вашем особняке, – закончил свой несколько сбивчивый рассказ Алексей Сергеевич, – мы открываем музей, где среди прочего, будет представлен один из первых литературных салонов Костромы, основанный некогда Вами. Хотите я проведу Вас по экспозиции?

Готовцев повернул рубильник и яркий свет залил анфиладу помещений музея.

– Я знаю по архивным документам, – заметил он, – как изменился Ваш дом за полтора столетия, но разве бумаги смогут заменить рассказ очевидцев? Не могли бы Вы поделиться о нем своими воспоминаниями.

– Извольте, – откликнулись супруги.

– Вам, вероятно, известно, сударь, – начал свой рассказ Павел Петрович, – что дом сей пришел в наш род от моего деда по материнской линии – Федора Аристова и был его свадебным подарком дочери Марии и ее супругу – известному военачальнику, увековеченному в портретной галерее Зимнего дворца, генерал-майору Петру Яковлевичу Корнилову. Весною 1821 года он, то есть мой батюшка, надумал перестроить жилище на новый лад, тем паче, что число «птенцов» его увеличилось тогда до восьми человек. План нового дома представил архитектор Попов. Мастеров наняли по контрактам из мещан и дворовых людей помещиков Нащокина, Борцова, Мусья-Пушкина. Батюшка решил на старой, но прочной основе построить новый добротный дом и это ему удалось: стены нарастили кирпичом, возвели новый фронтон с колоннами, возвели два крыльца.

После долгих каменных и штукатурных работ на обоих этажах и антресолях, где тогда была музыкальная, пошла лепная работа, ибо внутренность, как и наружность дома, была богато декорирована лепными капителями и карнизами по об-

разцам, выбранным батюшкой. Затем и покраска последовала масляною краскою под лак. Мебельные гарнитуры, привезенные из столицы, заполняли пространство, картины и портреты царских особ украшали стены покоев. В кабинете батюшки висели застекленные планы баталий и гравированные ландшафты.

Все работы по созданию особняка контролировались матушкой Марией Федоровной Корниловой в отсутствие супруга, пребывавшего на службе в Петербурге. Они и подорвали ее и без того слабое здоровье. Она скончалась в 1825 году, оставив сиротами восьмерых детей, многие из которых были размещены в разные учебные заведения. Папенька, вызванный из Петербурга, привез в Кострому помимо необходимых вещей для дома, также каменное надгробие своей супруге. А спустя три года под турецкой крепостью Журжа пал и папенька, оставив нас уже круглыми сиротами. Имущество родителей мы полюбовно поделили и по старшинству дом отошел ко мне. На другой год по смерти родителя я женился на девице Агнине Готовцевой и зажили мы с ней душа в душу.

– Так ведь, Ангел мой? – обратился Корнилов к жене, целуя ее руку. Та, задрожавшись, промолвила:

– Помню, как ты к моему переезду так славно украсил покои: нанятый у Ворцова живописец Степан Поплавский расписал дом как игрушечку. Когда парадной лестницей подымешься в залу, – дух захватывало.

– Мы там затеяли театр и ставили «Хороша и дурна» и «Свою семью» Шаховского. – Подхватил Павел Петрович. – Сосед наш Карцев роскошные декорации предоставил.

– Пожалуй, это в 1834 году было, – уточнила Анна Ивановна, – тогда еще твой брат Аркадий на побывку из полка прибыл.

– Верно, и он тоже играл, как и мы, и помимо нас: Яков Васильевич Перфильев и промилая и превоспитанная мадемуазель Колюпанова – дочь Петра Николаевича. Она всегда напоминала мне нашу племянницу Юлию Жадовскую – такая же провинциалка, несмотря на свою литературную известность.

– В соседнем зале есть ее портрет, копия с работы академика Лаврова, – не мог удержаться музейный сотрудник.

– Но ведь это значит, что Вы и ее могли бы воскресить и устроить нам встречу! – Анна Ивановна даже захлопала в ладошки от предвкушения столь радостной перспективы.

– Не знаю, выйдет ли? – засомневался новоиспеченный реаниматор.

– Не извольте беспокоиться, – заверил его Корнилов и, обводя вокруг руками, добавил, – вам в пору оживить всех сих изображенных.

– И мы сможем устроить званый вечер, где я буду хозяйкой, – восхитилась Анна Ивановна, – воссоздадим наш салон!

– Всех воскрешать не стоит, – запротестовал Готовцев, – куда мы денем такую уйму народа? Ограничимся хотя бы литераторами-костромичами XIX столетия – Граматинным, Свиньинным, Писемским, Островским, Вяземским, Катениным...

– Катенин и Вяземский? – усмехнулся Павел Петрович. – Нонсенс. Исключено!

- У них вековая вражда, - поддержала мужа Корнилова.
- Не стоит лишать уважаемых, хотя и покойных, литераторов единственной возможности вновь посетить этот мир из-за каких-то досадных размолвок, - убеждал их музейщик, - другой шанс может и не представиться.
- Тогда разведем их по разным углам и не дадим сойтись во избежание скандала, - нашлась хозяйка особняка.
- Резонно, - кивнул Корнилов, - а как же насчет сочинительниц?
- А я? А Юлия?.. И вообще, чем меньше дам, тем больше мужского внимания.

Готовцев размышлял:

- Кроме перечисленных гостей не забыть бы и Сергея Васильевича Максимова, ведь это даже не рядовой литератор, а академик, выдающийся писатель-этнограф.
- Хозяйка салона задумчиво обронила:
- Такое изысканное общество хорошо бы попотчевать какой-либо заезжей музыкальной знаменитостью.
- Может опять Дюбюка выписать? - оживился Павел Петрович. - Как он порадовал нас своим искусством во времена оны... Вы располагаете его портретом, сударь?
- У меня в кабинете в рабочем столе, есть его небольшая фотография.
- Ну, тогда за дело! - воскликнули все разом...

* * *

Алексей Сергеевич полулежал на недавно отреставрированной оттоманке драматурга Островского (видела бы это Екатерина Михайловна!) и с трудом верил тому, что смог за какой-нибудь час материализовать несколько десятков литературных душ, которые в отличие от него, утомленного, нимало не смущаясь, оживленно беседовали, сбившись в несколько тесных кружков. Счастливая хозяйка салона без устали порхала от одной группы к другой, делая незаметные знаки супругу, помогавшему занимать гостей. Сквозь полудрему Готовцев лениво внимал доносившемуся до него диалогу:

- Не будь я очевидцем, никогда не поверил бы в эти превращения! А ведь именно я в свое время шпынял князя Одоевского за пристрастие его ко всем этим оккультным штукам: за сказку «Живой мертвец» чуть не побил его. Теперь вот сам в шкуре его героя, причем не один, а с честной компанией. Жаль, что сие ему неведомо...

Вглядевшись, Готовцев узнал в говорившем князя Петра Андреевича Вяземского. Тот же, между прочим, продолжал свой разговор с Анной Ивановной:

- Кого, говорите, я за то благодарить должен? Вашего племянника? Что ж, без сомнения человек с Божиим даром: мало того, что оживил нас, еще и в провинцию забросил. Но зачем в Кострому? Я, чай, столичный сочинитель, хоть и наезжал изредка сюда для контроля за именем, тогда и бывал у вас в доме.

- Не так часто, как бы нам хотелось, Петр Андреевич, чаще мы встречались у Вас или у Юрия Никитича Бартенева, которому знакомством обязаны. Впрочем мне грех на Вас жаловаться, ведь Вы меня баловали вниманием: Ваши письма, стихи,

книги я всю жизнь берегла и перечитывала. И кому, как не Вам я обязана заочным знакомством с Пушкиным и даже удостоилась его поэтического внимания. В своих литературных опытах я также пользовалась Вашими наставлениями. Вы мой первый проводник в дебрях словесности и потому могла ли я отказаться от загробной встречи с Вами, даже несмотря на присутствие здесь нежелательных лиц?

– Кого Вы имеете в виду? – насторожился Вяземский.

– Ну, к примеру, автора трагедии «Андромаха».

– Неужели и этот анахорет здесь? – изменился в лице князь.

Анна Ивановна попыталась оправдаться:

– Павел Александрович Катенин полжизни провел в Костромских краях и не просто жил, а прилежно занимался литературным трудом, и по мнению господина Готовцева музей без него немислим...

Петр Андреевич, протирая очки батистовым платком, выдал свое резюме в адрес неприятеля:

– Я не предполагал, что память о нем переживает его самого, ведь очевидно, что Катенин относится к тому разряду сочинителей, кои являются авторами небольшого числа мелких стихотворений и переводчиками нескольких старых пьес, однако смеют быть дерзкими судьями других. Все их достоинство в крепкой памяти, испещренной выдержками из остроумных журналов. Таких знатоков в свете называют опрокинутою библиотекою.

Рассуждения князя прервал раздавшийся рядом взволнованный мужской голос:

– Милостивый государь мой, Петр Андреевич! Вы не поверите, какое удовольствие доставляет мне Ваше лицемерие!

Князь пугливо оглянулся, но не видя никого, все же произнес в пространство:

– Но кто же Вы, сударь, и где Вы?

Голос из пустоты печально произнес:

– Неужели, Ваше сиятельство. Вы не узнали своего покорного слугу Николая Грамматина?

– Боже правый! – возопил князь Вяземский. – И вы здесь! Да где же Вы прячетесь, любезный друг? Я вижу лишь смутный облик, да тускло высвеченный орденский крестик...

Дрожащий от волнения голос поэта произнес:

– Какое счастье, Петр Андреевич, что я замечен Вами, а ведь уж не чаял, ибо прознал, что во плоти могут появиться на свет лишь те, кто оставил при жизни свое изображение, а моя персона сгорела в Нерехтской усадьбе Светочева Гора, и уж другой, я не заказывал.

Вяземский, кивнув в сторону оттоманки, на которой все еще пребывал ослабленный Готовцев, заметил:

– Благодарите сего кудесника, способного не только по портрету, но и по фантазии духов оживлять, правда при условии наличия их заслуг перед Отечеством. И мы заслужили свое воскресение как творчеством своим, так и ратными подвигами.

– Воистину так. Ужасы войны с извергом человечества – Наполеоном потрясли душу человеческую до основания, хотя мне по слабости здоровья не пришлось с ним сражаться. В тот памятный год определился я с легкой руки Прокоповича-Антонского директором Костромской гимназии и училищ и приехал в Кострому. Тогда пришло Ваше письмо из Вологды. Среди рутинной чиновничьей службы, омраченной вздорными ссорами преподавателей и придирками столичного начальства, это было поистине праздничное событие. Сколько все же я претерпел и от командиров и от подчиненных!

– Значит Вы стояли на терне и видели терн над головой? – посочувствовал князь, – но эти горькие минуты, верно, чередовались с минутами приятными?

– Крайне редко. Вот, разве, тогда, когда Вы выхлопотали мне через господина Тургенева орден святого Владимира 4-й степени. По отставке от должности скромный пенсион, полагающийся за эту награду, был очень кстати. К сожалению, я не знал того, что житья моего, заполненного свободным творчеством, оставалось лишь восемь лет, а затем следовала кончина, как раз в сорокалетие... Однако простите, что впадая в печаль неволью, огорчаю сердце друга своего.

– Что сокрушаться по утраченной жизни, милейший, – покачал головой князь, – ее, увы, уж не вернешь. Будем радоваться своему дивному, хотя и недолгому воскрешению и отдадим всякую минуту общению с друзьями. Идите же к ним...

– С удовольствием примкнул бы, тем паче, что вижу среди них Павла Петровича Свинына, также как я университетского выкормыша, однако боюсь спугнуть его своей бестелесностью. Не соблаговолите ли, Ваше сиятельство, проводить и представить меня ему во избежание неудовольствий и испугот.

– Почту за честь, – поклонился Вяземский, – хотя и признаюсь Вам по секрету: между нами чёрная кошка пробежала и зверь этот – моя эпиграмма на Свинына из-за его подобострастной статейки «Поездка в Грузино», в коей он льстит и кадит хозяину имения – временщику Аракчеву. Вряд ли имя автора эпиграммы ему неведомо и, кто знает, вдруг он сегодня захочет свести со мною счеты. А, впрочем, я не боюсь.

Находившемуся в сомнамбулическом трансе Готоцеву невыразимо приятно было слышать голоса оживших литературных реликвий. Он очередной раз тщетно пытался приподняться, однако, слабость не проходила. Он смежил веки. Рядом послышалось шуршание шелковой материи, аромат тонких духов, и он ощутил присутствие женщины-аристократки. И, как оказалось, даже не одной. Вскоре он уловил шепот хозяйки салона:

– Вот кому мы, Юленька, обязаны нашей чудесной встречей! Полюбуйся на него. Как странно видеть гостя из будущего!

– А я думаю, тетенька, что гости-то здесь, скорее мы – гости из прошлого, а вот он как раз хозяин, хотя и пребывает в нашем доме. И ведь не скажешь, что через столетия, люди меняются. Вот и этот господин не выделяется: физиономия располагающая, фигурой хоть и несколько тощ, но очень складен и вообще внешне мил. А как в общении?

– Легок, умен и деловит, недаром носит мою фамилию. А, впрочем, сама убедисься, как очнется. Не помочь ли ему? И позвала тихонечко:

– Алексей Сергеевич...

Беки Готовцева слегка задрожали. Струдом разлепив глаза и, сконцентрировав взгляд на молодой женщине, он силится что-то припомнить, а, когда, осознал отсутствие у нее левой руки, у него словно включили кнопку в мозговом компьютере, и он машинально забормotal:

– Жадовская Юлия Валерьяновна. Родилась в селе Субботино Ярославской губернии. Умерла в 1883 году в усадьбе Толстикovo Буйского уезда Костромской губернии. Рано осиротев, воспитывалась теткой А.И. Готовцевой. Впервые выступила в печати в 1841 году. Опубликовала несколько стихотворных сборников, романов и повестей...

Женщины переглянулись:

– Я и не предполагала, что мои стихи так намного переживут меня, а исследователи будут их знать и изучать также как и мою биографию.

– Не только знать, но и переиздавать и перекладывать на музыку, – подхватил уже полностью очнувшийся Готовцев.

– Прекрасно, что ее романы не стареют, – поддержала разговор Анна Ивановна. – Их и прежде охотно исполняли в салонах, на званых вечерах. Надо сказать, что Юлия и сама недурно поет в знакомом ей обществе, и если бы здесь нашлись клавишкорды...

– В зале стоит пианино, – подсказал Алексей Сергеевич.

– Но нет аккомпаниатора!

– Может Дюбюка попросить, а, кажется, его воскрешал, – подавил зевок музейщик, – идемте, я покажу инструмент.

Они устремились к гостям, столпившимся вокруг азартно говорящего и жестикулирующего Катенина. Пройдя еще немного по анфиладе комнат, и пропустив дам вперед, Алексей Сергеевич невольно притормозил возле уютно устроившегося в кресле с дымящимся чубуком в руках Павла Петровича Свинына, оживленно беседующего с... самим собой. Готовцев, не веря глазам своим, и делая вид, что поправляет витрину, занял выжидательную позицию.

– Итак, Николай Федорович, мы с Вами не чужие, оба университетские, пусть и разных выпусков, и вот Вам моя рука на всегдашнее братство! – И пожилой литератор протянул руку в пространство.

– Являясь земляками, вряд ли можно стать чужими, – ответил откуда-то взявшийся голос.

– Я уроженец села Матвеевское Кинешемского уезда Костромской губернии, а Вы сельца Ефремова Галичского уезда той же губернии, и здесь, в родных местах, имеем сейчас ирреальную встречу.

– Тыфу ты! – выругался про себя Готовцев, оторвавшись от витрины, – он же с бестелесным Грамматиным беседует, а я уж решил, что заговаривается и испугался: не напортил ли чего при воскрешении...

И успокоенный, удалился на поиски оставленных дам.

– Вы совершенно правы, – продолжал между тем Свинын, – мы земляки, и, если уж исчислять дальше сходные пункты, то стоит отметить, что оба отмечены золотом на доске лучших выпускников Благородного пансиона при Московском

университете. И не говорите с ложной скромностью, что Вам это безразлично. Вот я, будучи уже взрослым, специально приезжал в пансион, чтоб увидеть ребяческое торжество мое и еще раз осознать, что оно было приобретено лично мною, а не по правам моих высокопоставленных родных...

— Любовь к литературным трудам также наша общая черта, — присовокупил его собеседник.

— И заметьте, почтеннейший Николай Федорович, что зародилось это увлечение также в стенах альма-матер.

Павел Петрович глубоко затаился и, выдохнув клуб дыма, продолжал:

— Этим увлечением я и мои товарищи обязаны были учителю русской словесности Михаилу Никитичу Беккаревичу. Он обладал способностью угадывать и вести природные дарования к предназначенной цели. Мы, молодые любители словесности — я, Мерзляков, Жуковский и братья Тургеневы, собирались на квартире директора Антоновского. Здесь мы впервые увидели И.И. Дмитриева и Н.М. Карамзина, литературных кумиров, и этот день стал для нас величайшим торжеством. Свои опыты мы публиковали в пансионском альманахе «Утренняя заря». Я, правда, не сочинял, а лишь переводил иностранные статьи, к примеру «Сократ перед смертью», что не мешало приписывать мне стихи брата Петра, коего initials одинаковы с моими. И Вы, Николай Федорович, поминется, также публиковались в «Утренней заре»?

— Был грех, — поддакнул поэт-невидимка. — Идя по Вашим стопам, мы заразились сочинительством от высокочтимого профессора риторики, тогда еще адъюнкта Алексея Федоровича Мерзлякова, создавшего ряд прекрасных песен, таких как «Среди долины ровныя» или «Чернобровый, черноокий». Он возглавил наше литературное собрание, куда помимо мэтров входили и многие студенты: Буринский, Смирнов, Чумаков, которые по разным причинам в впоследствии не смогли взрастить заложенное в них зерно. Лишь я трудился на литературной ниве вплоть до самой смерти, порой совмещая творчество со службой и смог издать собрание своих стихов и несколько научных трудов по древнерусской литературе. Мог бы сделать и больше, да служба съела весь досуг, ведь я шесть лет состоял директором гимназий и училищ в Костроме. Тогда, помню, с удовольствием читал материалы по истории края в Вашем журнале «Отечественные записки». И все удивлялся, как удалось Вам осуществить столь необходимое дело как основание первого историко-археологического журнала в России.

— Издание журнала было также данью памяти учителю Беккаревичу. В свое время он разработал план журнала, но воплотить его не успел. Позже я осуществил его мечту, сумев привлечь просвещенных людей к разысканию и обработке отечественных источников, что было с благодарностью принято и одобрено публикой. Сколько достопримечательностей увековечено в журнале, сколько русских самородков выявлено и спасено. Да что далеко ходить: сам хозяин дома подтвердит, чем обязан мне один его талантливый крепостной!

Святыня приподнялся с сидения и призывно помахал рукой хорошо видимому в афиладе комнат Корнилову. Тот не замедлил явиться.

– Поговорим, милый мой, о твоём живописце Полякове, тем паче, что мы находимся в доме, который он расписывал...

– Охотно, – отвечал Павел Петрович, опускаясь в свободное кресло рядом, и тут же с криком вскакивая, поскольку сиденье под ним как-то странно зашевелилось и обидчиво провозгласило:

– Вы же сели мне на колени, сударь!

– Ах, это опять Вы, Николай Федорович, – сконфузился Корнилов. Простите великодушно! Никак не привыкну к Вашему обличению, вернее к отсутствию оного.. Однако, о чем, бишь, мы говорили? Ах, да... Александр Поляков – крепостной батюшки, доставшийся ему после матушкиной кончины... Отец обучал его живописи в Москве и Костроме, а затем отправил его в Петербургскую Академию и к живописцу Доу – создателю военной галереи Зимнего дворца. Учитель нещадно его использовал, пока Павел Петрович Свинын не помог исхитить Полякова из когтей Дова.

– Увы, это не спасло художника, ибо дни бедняги были уже сочтены, и вскоре он скончался от злой чахотки...

Вдруг воздух гостиной буквально взорвался от фортепианных аккордов.

– Не пугайтесь, господа! – голос Анны Ивановны с трудом прорвался сквозь музыкальный каскад. – Это сюрприз: у нас в гостях неподражаемый и несравненный маэстро Дюбюк!!!

Последнее слово ее почти что затонуло в волнах стремительного чарующего вальса, на звуки которого стали стекаться со всех сторон удивленные литераторы. В зале, за инструментом чудодествовал несколько одутловатый господин в черном фраке, готовом вот-вот лопнуть под напором его могучих форм. В противоположность грузной фигуре, гибкие и тонкие пальцы удивительно легко порхали по клавишам, извлекая из них дивной красоты мелодию, совершенно заволашевавшую слушателей. По окончании пьесы исполнитель под шум восторженных аплодисментов подошел к Анне Ивановне и, взяв ее под руку, ввел в центр круга.

– Дамы и господа! – обратился он к публике, – нет нужды напоминать Вам о литературных дарованиях нашей хозяйки, – все одобрительно зашумели. – Ее стихи не просто хороши, они волшебны мелодичны, а потому я не удержался и написал ряд романсов, кои и прошу ее исполнить.

Все заплотировали. К зардевшейся поэтессе с трудом протиснулся тучный Писемский и умоляюще пробасил:

– Аянушка, голубушка, начни с моего любимого романса «Я видела тебя»...

Улыбнувшись, женщина слегка кивнула и подошла к пианино. Шум мгновенно стих. Все взгляды обратились на певицу, которая, слегка опершись на крышку инструмента, смотрела как-то отрешенно, утопая в грезах или в воспоминаниях о навсегда ушедших мгновениях. В ткань фортепяной мелодии вплелись мягкие пленяющие звуки, в которых отразилась вся боль и вся радость непостижимого женского сердца:

*Я видела тебя!
Прикикнув с высоты
В одежде розовой и в блеске красоты,
О, сладкое очарованье!*

Продолжавшийся затем музыкальный вечер включал в себя также песни Дюбука, романсы Жадовской, Плещеева, Грамматина...

Слушатели горячо благодарили исполнителей за полученное удовольствие Катенин говорил комплименты Анне Ивановне, целуя ей руки:

- Не перестаю удивляться тому, как можно посредством человеческого органа или перебиранием фортепьянных клавиш, вызывать у других столь сильные чувства, передавать в звуках наши страсти, наши сердечные страдания...

- Если я сейчас от чего-то и страдаю, - раздался голос рядом, - то уж вовсе не от духовного, а от самого, что ни на есть земного - от чувства голода! На званых вечерах, в наше время устраивался ужин или, по крайней мере, подавались напитки и сладости.

- Вот у Дурновых, помню, угощение всегда было на славу: разносили оранжевые фрукты, груш и яблок бездна, конфет груды, прокладительным счету не было...

Выдав эту тираду, Алексей Потехин пристально посмотрел на смутившегося Алексея Сергеевича, который в ту минуту в сильном смятении боролся с собою. Он точно знал, что в директорском кабинете, в большом холодильнике, припасено к завтрашнему открытию несколько бутылок шампанского и легкая изысканная закуска в виде икры и ветчины. Отгоняя строгий образ Екатерины Михайловны и утешая себя где-то подслушанной прибауткой «Однова живем!» - он, обратившись к притихшей толпе, срывающимся голосом произнес:

- Господа, если вы поможете сдвинуть столы, то ужин не замедлит явиться, правда у нас проблема с обслугой... сами знаете...

Гости заметно оживились.

- Для курьезу можно и в обслугу поиграть!

Пожилый человек в темном фраке, в котором далеко не все узнавали Аблесимова, произнес негромко:

- Мне всегда неприятным казалось смотреть на огромное количество дворовых слуг, которые составляли принадлежность быта не только наших бар, но и самых небогатых помещиков. Это совершенно бесполезная роскошь и достаточно вполне, как это бывает в чужих краях, двух или трех человек для необходимых услуг. Это, кстати сказать, сэкономит половину доходов помещика.

- О Вашем сочувствии к простым людям мы можем судить по незабвенной опере Вашей «Мельник, колдун, обманщик и свят», - ответил драматургу другой драматург и к тому же поэт-князь Дмитрий Петрович Горчаков:

- Но позвольте Вам возразить: если уж хотите вооружиться против многочисленной обслуги, то уж не мечтайте ни о псовой, ни о конной охоте, не ждите от помещика широкого гостеприимства, а обратите его в купца или мануфактуриста и заставьте его только ковать деньги, а не тратить их, а то и вообще пустите по миру, тогда не будет ни собственности, ни нужды приглядывать за ней...

Одобрительный гул пронесся по залу. Разгоряченный Готовцев разносил гостям шампанское, на которое возлагал большие надежды - расслабившись от вина, гости скорее включатся в открытую беседу.

– Эх, за зеленый бы стол сейчас, банк метать, – протянул кто-то мечтательно.

– Или экосез или а-ля-грек отпрыгать, – вторил другой.

– Полно, господа, – с чувством произнесла хозяйка, – для того ли нас вернули в свет, чтоб мы предавались азартным утехам, променяв их на роскошь общенна? Если уж хотите играть, то сыграем в пе-ти-же. Эта игра, по крайней мере, познавательна и к большому общению располагает. Пусть Алексей Сергеевич задает нам вопросы, а мы будем искренно на них отвечать, и тем самым развеем ложные мифы и проясним для потомков истину. Однако, чур не лгать, а то вся затея лопнет.

– Да кто ж поймает нас на лжи? – усомнился Свиныи.

– Не будьте так самоуверенны, – с улыбкой возразила хозяйка, вспоминая о маленькой слабости Павла Петровича – умении приврать и прихвастнуть. – Кто знает, какие печатные свидетельства сохранились за последние столетия? Вашу неправду могут опровергнуть и рукописные документы.

Готовцев вмешался:

– Хотя я действительно занимаюсь изучением архивных материалов, преимущественно по теме декабризма, но не с целью обличать неправду в ваших рассказах, а лишь для отыскания новых фактов.

– Ну, батенька, если про про декабристов речь, то Вам к Павлу Александровичу прямым ходом, – пробасил Писемский.

– Вы читаете мои мысли, – отозвался Готовцев. А вопрос мой к нему навеян Вашим романом «Люди сороковых годов», где в образе, поэта-генерала Коптина, Вы вывели Павла Александровича Катенина, но не объяснили существа его ссоры с заговорщиками, из-за чего он не смог выступить с ними 14 декабря 1825 года на Сенатской площади.

– Вот одолжил, приятель, подлинно одолжил, – язвительно произнес Катенин, обращаясь к Алексею Феофилактовичу, – увековечил, выходит, мою память перед потомками!

– Было дело! – признал беллетрист, осушая очередной бокал шампанского. – К тому времени Вы, Ваше превосходительство, уже почить в Бозе изволили. С кого же было позволения спрашивать? Да и что я там мог написать, коли сам имел возможность видеть Вас только в юности: все более по чужим свидетельствам, да и тех собрал с чайную ложку... Вроде бы и на виду человек, а для всех закрыт, поистине темная лошадка!

Опасаясь бурной реакции импульсивного поэта, гости выжидающе молчали. Катенин, однако же, даже казался польщенным.

– Благодаря тому я, может быть, и жив остался и, несмотря на активнейшее участие в «Союзе спасения», а также в «Военном обществе», хотя и вызывался в следственную комиссию, но сумел выпутаться и не пострадать. Конспирация всегда была присуща мне.

– И все же, почему Вы с ними разошлись? – повторил вопрос Алексей Сергеевич, встав с дивана и подойдя к книжному шкафу, где находилось собрание сочинений А.Ф. Писемского. Выбрав нужное место в книге, зачитал его:

– А скажите, папаша, – продолжал Павел, припоминая разные подробности, которые он смутно слышал в своем детстве про Коптина, – декабристом он был?

– Нет, не был! Со всеми дружен был, а тут как-то перед самым их заговором, на счастье свое, перессорился с ними...

Готовцев закрыл книгу и вопросительно посмотрел на Катенина.

– Значит меня так трактуют, – задумчиво проговорил тот. – И все благодаря отцу автора – моему старому приятелю, душа-человеку Феофилакту Гавриловичу Писемскому. А ведь старик-то был, пожалуй, прав, хоть и не мог назвать причину ссоры. Ладно, так уж и быть, открою вам секрет, но предупреждаю: начать придется издалека... Некоторые из вас, господа, верно помнят, что за три месяца до восстания Петербург был взбудоражен нашумевшей дуэлью Чернова с Новосильцевым. Причина ее, как и чаще всего, заключалась в женщине. Невероятная красавица Екатерина Пахомовна Чернова вскружила голову молодому аристократу, который сначала искал ее руки, а затем по настоянию матери отказался от невесты. Старик отец и четверо ее братьев вызвали обидчика на дуэль, условия которой были бесчеловечны: «Если вы все будете перебиты, – говорил отец сыновьям, – то стреляться буду я». Эти слова обсуждались тогда в каждой петербургской гостиной. Вскоре после дуэли, в которой старший брат Екатерины Пахомовны убил неверного жениха и погиб сам, в гостях у моего друга Андрея Жаңдра сошлись я, мой приятель Бахтин и поэт Рылеев с кузеном своим Черновым – одним из братьев убитого. Последний посыпал свою семью похвалами, утверждая, что дуэль человека среднего класса общества с аристократом – явление замечательное, свидетельствующее, что и там есть люди, дорожащие честным и добрым именем.

– Я бы согласился с Вами, – возразил ему Бахтин, если бы это была действительно дуэль, а не гнусная бойня, в которой шансы противников далеко не уравновешены и пятеро шли на одного!

– Как служака-бюрократ вы льнете к аристократии, – вспыхнул Рылеев.

– Все нет, – отвечал мой друг невозмутимо, – если Вам угодно знать на опыте, как должна проходить дуэль один на один, то я к Вашим услугам.

Бахтин уехал со мной, будучи твердо уверенным, что его вызов будет принят и попросил меня быть его секундантом. Я согласился.

Катенин лукаво обвел глазами слушателей и продолжил:

– Весь Петербург знал, что Кондратий Рылеев был большим забиякою. Петербуржцы стали свидетелями скандального случая, когда сей господин бил всенародно тростью по лицу прохожего на Невском проспекте. Причина же сей экзекуции состояла в том, что прохожий когда-то оскорбил поэта и уклонился от дуэли. Представьте же наше изумление, когда два дня спустя к Бахтину явился Александр Бестужев – друг Рылеева и известный литератор, но не в качестве секунданта, а напротив, с любезным письмом, в котором Рылеев просил прощения за чрезмерную запальчивость. Через три месяца выяснилось: Рылеев берег свою жизнь для 14 декабря. Его страшную участь Вы знаете... Разумеется, после этих событий моя связь с тайным обществом, у руководства которого стояли потенциальные убийцы моего друга, оборвалась.

– Не сомневаюсь, что существовала и вторая, более личная причина, – послышался вдруг ироничный голос князя Вяземского, – а именно ваше страшное авторское самолюбие! Ходили слухи, якобы вы сами признались, будто охотнее простите тому человеку, который назовет вас мерзавцем, нежели тому, который окрестит вас плохим писателем; против чего вы готовы выступить с оружием в руках. Бестужев же, как известно, печатно отстегал вас еще в 1819 году в разгромной статье о вашем беспомощном переводе Расиновой трагедии «Эсфирь», что чуть не привело к дуэли между вами и лишь срочный вызов вас в Костромские края, кажется, в связи со смертью матери, сорвал ее.

Катенин криво усмехнулся:

– Ваше сиятельство собирает слухи? Ну так пополните коллекцию еще одной сплетней. В начале двадцатых годов по Петербургу ходила молва, будто бы сиятельнейший князь Вяземский (в просторечии Коврижкин) собирается вызвать полковника Катенина на дуэль за то, что тот поймал его на грубейшей и глупейшей ошибке в статье о драматурге Озерове. Князь перевел греческое слово, означающее мясные объедки как рельеф – скульптурное изображение. Повежественного переводчика забросали эпиграммами и, как говорил мне Саша Пушкин, этот «барельефами прославленный писатель» омочил слезами всю его жилетку.

Багровый от возмущения князь пытался было вылезть из кресла, чтобы перейти в кулачную стадию спора, пока не обмяк под легкой, но твердой ладонью хозяйки, положенной на его плечо.

– Стыдитесь, господа, время ли сводить сейчас старые счета? Угмонитесь, хотя бы из уважения к дамам. Давайте продолжим беседу, Павел Александрович, почему все же вы не вышли на площадь в день восстания?

– А с чего Вы взяли, что меня там не было? – вопросом на вопрос ответил поэт.

Готовцев вскопчил как ошпаренный.

– Да как же иначе? Ни один источник не говорит об обратном.

– Не все то очевидно, что на поверхности лежит, – философски заметил поэт-генерал. Вам ведь известно, что я записной театрал, то есть непревзойденный, декламатор и лицедей. Вот мои маленькие таланты и пригодились в этот постыдный черный день. По причине ссоры открыто примкнуть к восставшим я не мог, но тревога за судьбы друзей не позволила мне остаться в стороне и гнала меня из дому. Поэтому я, облачаясь в женский костюм (благо имею изящное строение и осиную талию), и положив немного грима, в сопровождении моего приятеля (умолчу его имя) направился к памятнику Петру Великому, якобы для моциона, и мы замешались в толню зевак.

– Благодаря этой хитрости я стал самовидцем исторических событий, не будучи сам раскрыт.

– Вы этот анекдот не иначе как у Бестужева Николая позаимствовали: именно он сой маскарад учинил, – поддразнил князь.

– Отнюдь нет, – возразил поэт, – напротив, Бестужев пытался повторить мой трюк позднее, спасаясь от преследования, уже после провала выступления. Но если

уж ты переоделся старухой, то научись и шепелявить, а то — молчи. Он же так забасил на публике, что тотчас был разоблачен.

Катенин выразительно покрутил в руке пустой бокал, явно намекая, что за свой рассказ достоин хотя бы такой награды. Готовцев охотно пошел за очередной бутылкой горячительного, но внезапный шум, крики, звон разбитой посуды и собачий визг (бедная Жу-жу!) вернули его с полпути назад, в гостиную.

Он застал там странную картину: миниатюрный Катенин, схватив за грудки коренастого Вяземского, повлек его сквозь толпу к двери, осыпая громкими и азартными ругательствами. Тот же, потеряв пенсне, близоруко щуря глаза, молча пытался отбиться от пришедшего в раж противника.

— Это я дама?! — вопил поэт, норовя поддеть князя коленкою в живот. — Я, боевой офицер, тяжело раненный под Лейпцигом, я, чудом уцелевший под Кульмом, я, которого наполеоновская артиллерия расстреливала картечью под Бородиным! Я — дама?! Жаль, что здесь нет оружия, иначе вам пришлось бы умереть вторично и, уверяю, не своей смертью...

Огромный, как тамбур мажор, Горчаков в паре с лексикографом Макаровым пытались оторвать борющихся друг от друга. Вяземский молча сопел, тогда как Катенин, рьяно сопротивляясь, продолжал выкрикивать:

— Жалкий ополченец, в первой же перестрелке подбитый неприятелем и чуть было не взятый в плен. Сидел бы сейчас, смиренно, а не могу, то прятал бы фигу в кармане... Но ведь здесь не на войне — легко в безопасности строить из себя забияку! Вот они русские аристократы, их сиятельства, цвет нации! Тыфу на вас!!!

Освободившийся было из цепких рук поэта, князь при последних словах противника задохнулся от возмущения и вновь ринулся в атаку.

Внезапно в дальнем конце анфилады раздалась глухая, воющие звуки. Сигнализация! — не сразу дошло до Готовцева. Неужели уже утро! Вскочив с кресла, он рывком раадвинул шторы — и яркий солнечный свет мощным потоком хлынул в окно. В нем начали плавиться, бледнеть и растворяться застывшие силуэты гостей и вскоре совсем исчезли в зыблющемся воздухе, на глазах у изумленного музейщика.

* * *

На следующий день — после торжественного открытия литературного музея Екатерина Михайловна Лебедева увидела на столе своего сотрудника Готовцева стихи и очень удивилась, поскольку твердо знала, что кроме научных отчетов и экзкурссионных текстов он ничего не писал. Заинтересовавшись, прочла:

*Потоки пошлых откровений,
Фальшивых слов меня гнетут,
Но лики прошлых поколений,
Их спиритические тени
Ко мне под кров ночной сойдут...*

*Пусть то болезнь, пусть наваждение
Иль бред измученной души,
Не знаю, чье вы порожденье,*

*Продлись, блаженное мгновенье!
Со мной расстаться не спеши...*

*Но тени скоро растворятся
При свете утренних лучей
И снова надо притворяться
И корчить из себя паяца,
Внимать и внутренне сжиматься
От нудных и пустых речей!*

ПИТОМЦЫ БЛАГОРОДНОГО ПАНСИОНА

Действие 1, акт 1

Санкт-Петербург. Лето 1827 года. Дом статс-секретаря Дмитрия Васильевича Дашкова. Гостиная. Хозяин беседует с приятелем московским прокурором Степаном Петровичем Жихаревым.

Дашков: Ну и как же, почтеннейший Степан Петрович, нашел ты здесь, в Петербурге, подарок своему отпрыску?

Жихарев: В столице да не найти! Нашел! Вернее облюбовал у Загряжского — отличный жеребец! Бурый в масле, большого роста, широкий, ноги плотные, шея лебединая с разрезом, уши востры, глаза навывкате и оскал такой, что в поздрю хоть муляк суй; хвост и грива жиденькие, но зато мягки, как шелк — верный признак породы... Конечно дорог, однако ж, делать нечего, купить необходимо. Дай только бог угодить любезному чаду!

Дашков: Будет доволен. Теперь мода на рыжих жеребцов с фонарями, то бишь с проточинами. Каковы бы они качеством ни были, цена им вдвое. *(Стук в дверь.)* Войди Никита! *(Появляется слуга.)*

Слуга: К Вам, Ваше Превосходительство, еще посетитель...

Дашков: Кто таков?

Слуга: Отставной поручик Алексей Федорович Грамматин.

Дашков *(всплескивая руками):* Не может быть!

Жихарев *(приподнимаясь):* Какая неожиданность!

Дашков (*лакею*): Проси незамедлительно!.. (*Лакей удаляется.*)

Входит Грамматин.

Дашков (*идя навстречу с распростертыми объятиями*): Алексей Федорович, родной ты мой! Какими судьбами!!! (*Обнимает и ведет в комнату.*) Тебя и не узнать, так возмужал!..

Грамматин: Да и Вы, Ваше Превосходительство, тоже изменились...

Дашков: Алексей Федорович, братец ты мой, полно, оставь церемонии: ведь мы с тобой всегда были на «ты». Так и останемся! Посмотри-ка кто у меня гостит! Узнаешь ли?

Грамматин (*вглядывается в гостя и после паузы говорит неуверенно*): Никак Степан Жихарев?..

Жихарев: Узнал, однако, несмотря на двадцать лет разлуки! Как я рад встрече! (*Обнимаются.*)

Дашков: Ну, что же, господа, рассаживайтесь... Нам есть о чем поговорить после стольких лет разлуки. Так что же привело тебя, любезный друг, из далекой Костромы в северную столицу? Любовь к вояжам, как Степана Петровича или неотложные дела?

Грамматин: Думаю второе: исполняю поручения покойного брата моего.

Дашков и Жихарев (*изумленно*): Как? Николай Федорович скончался? Боже мой!!!

Дашков: Господа! Предлагаю вам помянуть усопшего друга. (*Звонит в колокольчик и говорит появившемуся слуге.*) Никита! Быстро бутылку ерофенча и бутерброды с икрой и луком! (*Слуга исчезает.*)

Жихарев (*Грамматину*): И в чем же причина преждевременной кончины брата Вашего? Ведь ему, кажется, за сорок еще не перевалило...

Грамматин: На сорок первом году почил невступно. А смерть его была следствием болезни геморроем называющейся и в последнее время усилившейся. Впрочем, едва ли эта причина единственная. Нравственное уединение последних лет или, лучше сказать, затворническая жизнь его также способствовали печальному концу.

Дашков: Николай Федорович всегда был склонен к мизантропии.

Грамматин: А в последнее время ему предельно наскучили люди, наскучила и сама жизнь. Своим плачевным опытом он доказал, что человек в мире создан для общества, тогда и радости вдвое и горести пополам, а одиночество — удел живого гроба!

Жихарев и Дашков: Верно. Истинно так!

Грамматин: Лечившись в Костроме и видя мало облегчения себе, он не стал принимать лекарств и на советы друзей своих отвечал: «Оставьте, я лучше знаю, я уже не земной, а небесный», и занялся единственным христианским долгом: исповедался, приобщился святых тайн и соборовался маслом. Я, будучи извещен об опасности его положения, поспешил из деревни к нему. Это был последний день жизни брата. Через некоторое время он тихо скончался на руках моих.

Дашков и Жихарев (*вздыхают, крестятся, бормочут*): Царствие ему небесное!

Грамматин: Родные все его, знакомые почтили присутствием своим при выносе и отпевании его тела, равно и учителя здешней Костромской гимназии, как прежде бывшего их начальника. Скончался он 17 января в Костроме, но погребен по его просьбе у меня в Нерехтском селе Светочева Гора на сельском кладбище возле новой каменной церкви у алтаря, где, кстати сказать, многие из наших: предков похоронены. На памятник поместили эпитафию, сочиненную им самим:

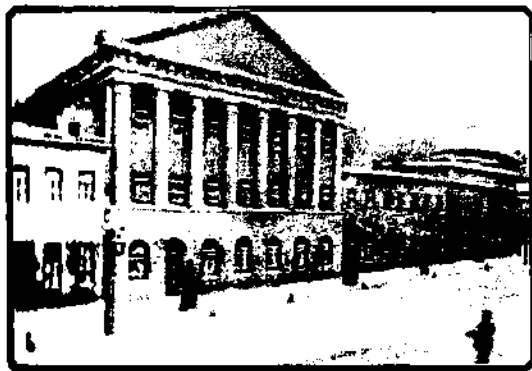
*Друзья и сродники не сетуйте о мне:
Мы здесь изгнанники, а там в родной стране...*

Входит Никита с подносом в руках. Ставит его на стол.

Дашков (с бокалом в руках): Что ж, когда-нибудь и мы оставим этот негодный свет и пойдем вслед за своим товарищем. Вечная память тебе, незабвенный Николай Федорович! Амины!

Все хором: Амины!

Действие 1, акт 2

Московский университетский благородный пансион

Дашков: Поразительно все же, что судьба свела нас сегодня здесь – трех питомцев Благородного пансиона Московского университета!

Жижарев: Не трех, а четырех, включая дух покойного Николая Федоровича, который не меньше, а может быть и больше нас достоин этого звания. Кстати сказать, я только вчера посетил нашу альма-матер и нашел ее почти не изменившейся. Доска с

именами отличных выпускников все также украшает зал: Родзянко, Жуковский, Свиныня, Грамматин, Гравве... Пансион – поистине рассадник талантов и в том, прежде всего, заслуга его педагогов.

Дашков: Я часто вспоминаю и даже во сне вижу наших профессоров: умного положительного Страхова, добродушного, красноречивого Сохатского, гениального Мерзлякова и даже самого кропотуна Антоновского – превосходного наставника, хотя и плохого профессора... Добрые благонамеренные, почтенные люди! Все время в непрерывных делах, а с нашей стороны признательности было немного. Вот хоть бы взять Никифора Евтроповича. Как только появлялся на кафедре, так тотчас наши шалуны и давай повторять его любимую фразу:

Все хором: Оное Гарнерово воздухоплавание не столь общеплезно, сколько оное финнов Петра Великого о лаптях учение есть. (Смеются.)

Дашков: По построению фразы, конечно, нелепая, зато по мысли верная.

Грамматин: А помните нашего профессора натуральной истории, показывающего на лекциях свои камешки, Антона Антоновича Антоновского? «Вот видите, дети, камешок-то, о котором я толковал вам на прошедшей-то лекции. Как же он называется?» — «Лабардан» — отвечал, бывало, повеса Миевский. «Ну, вот и видно, что охотник-то жрать: всё съестное-то на уме? Лабардан-то — рыба, а камешек называется лабрадор-то».

Дашков (улыбаясь): Так проходили почти все его лекции.

Жихарев: Однако, всеобщим любимцем был Алексей Федорович Мерзляков, хотя первое впечатление он производил, весьма неблагоприятное: небольшой ростом, полный, с одутловатым лицом, редковолосый и небрежный в туалете... Однако на кафедре он являлся во всей силе своего дарования; его красноречие увлекало слушателей и готовило в юношах людей, полезных для государства. К тому же он был очень скромен, без всякого высокомерия. Когда я дома праздновал день именин, то неоднократно приглашал и его. Памятны мне эти встречи за простой студенческой трапезой: умные рассуждения Алексея Федоровича, острые шутки друга Зиновия Буринского, прибаутки приятеля Федора Гравве и застольные песни актера Злова. Нашу привязанность к учителю не могли разрушить ни его прямолинейность, ни резкость высказываний. Помню, я сочинил тогда четырехактную трагедию под названием «Артабан» и представил на суд Мерзлякову, ожидая похвал. «Галиматъя, любезный, — сказал он мне без церемоний, — смысла мало, зато шуму и треску много. Не Артабан, а барабан какой-то». Я не рассердился на правду потому, что она оскорбляет только глупцов малодушных, а я, слава богу, ни тем, ни другим не был. (Обращаясь к Алексею Грамматину.) А вот к Вашему брату — Николаю Грамматину — Алексей Федорович относился куда более милостиво...

А.Ф. Мерзляков

Грамматин: Да, Мерзляков поощрял брата к литературным трудам. Он не только отметил его страсть к сим наукам, но и направил в нужное русло: научил стихотворству и правильной прозе, а также публиковал его опыты в пансионных альманахах «Утренняя заря» и «Отдых в пользу».

Жихарев: Кстати сказать, стихи студентов, да и педагогов, были тогда в ходу. Помнится, для выпускного акта 1805 года Антоновский заказал вирши Мерзлякову «На благость», Грамматину «Гимн Истине», Соковнину «На счастье». «Все-то предметы нравственные, — говорил он мне, — вот и ты бы написал чего-нибудь, скажем, на невияность-то, да ведь не сможешь: все актерки-то на уме». Увы! Старик был прав. Впрочем, не я один бесталавтен: Соковнинское счастье вовсе несчастливим

оказалось. А вот братец Ваш, Николай Федорович, не без помощи Жуковского сочинил стоящее. Я до сих пор помню его «Гимн истине».

*О ты, которая держась
Пред троном правду говоришь,
Неронов память проклинаешь,
Велишь потомству Титов, чтить,
О, Истина! К тебе стремлюсь
Сквозь тьму гремящих, мрачных туч
К тебе я духом вознесусь:
Пролей, пролей чистейший луч!*

О... - э... да как же там дальше?

Дашков: *Воссядь, небесная, на троне,
Воссядь для счастья людей;
Греми, благотвори в законе,
Блестай во образе царей;
Рассей туманы заблуждений*

Вместе: *Преобрази смятенный мир,
Открой позор предрассуждений
Разрушь невежества кумир!*

Грамматин (аплодируя): Bravo, господа! Вы знаете, Николай Федорович всегда стыдился несамостоятельности этого сочинения и потому в стихотворные сборники его не включал. А с Жуковским Василием Андреевичем, который вышел из пансиона еще до нашего поступления, брат познакомился на литературных собраниях Мерзлякова. Там бывало много гостей: братья Тургеневы, Воейков, Каченовский, изредко являлись и литературные корифеи: Дмитриев и Карамзин. После смерти Зиновия Буринского брат стал секретарем общества. На собраниях присутствующие зачитывали свои сочинения и обсуждали их. Алексей Федорович Мерзляков увлекался тогда сбором и сочинением сельских песен, которые издал под псевдонимом отдельным сборником, туда вошли и истинные шедевры: «Среди долины ровныи» и «Чернобровый, черноокий»...

Грамматин: Они сразу же были подхвачены не только простолюдинами, но прощупались на театральные подмостки и в дворянские салоны.

Дашков: Минуту, господа! Ведь и супруга моя музицирует, и, кажется, знает эти произведения... К тому же я вам ее не представил. Зайду в ее половину и приглашу сюда: может нам удастся послушать ее игру... (Уходит и возвращается с двумя дамами.)

Дашков (обращаясь к гостям): Супруга моя Елизавета Васильевна, урожденная Пашкова и ее компаньонка мадемуазель Плюшар. (Дамы делают реверанс, мужчины кланяются). Прошу любить и жаловать. (Обращается к жене.) Дорогая, я пообщал, что ты нам исполнишь романсы на слова Мерзлякова...

Дашкова: Но, друг мой, я основательно их позабыла. Конечно, попробую, но не будьте слишком строги. (Обращается к Плюшар.) Вы мне сможете аккомпанировать, Аннет?

Плюшар: Да, мадам. *(Аннет садится за рояль, Дашкова становится рядом и поет песню «Среди долины ровныя». Жихарев помогает перелистывать ноты, а в заключение целует дамам руки и под аплодисменты слушателей провожает их из комнаты.)*

Действие 1, акт 3

Жихарев: Да, искусство – поистине радость бытия! Помните наши пансионерские вечера: как дивно играли на клавикордах братья Лизогубы. Однако еще сильнее было театральное поветрие, к большому неудовольствию Антона Антоновича, который говаривал: «Не плохи у нас студенты-то, все-то на лету ловят, а кабы помнее-то по театрам шлялись, так бы и в математике-то не отставали!» Прямо в меня метил. Но что моя театральная хворость по сравнению с дикой страстью германоросса Федора Гравве! Он был лучшим воспитанником университета и вдруг заявляет, что хочет играть на немецком театре. Сколько ему не возражали, указывали на неприличие такого поступка, он стоял на своем, правда во избежание скандала, согласился взять сценическое имя Немо, то есть никто. Тогда мы решили его проучить – освистать на сцене, дабы отучить от лицедейства. Да и то добро имел бы талант или приличную внешность, а то вроде рыцаря печального образа с присовокуплением огромной сутудины. Как бы то ни было, Гравве приступил к работе. На репетициях он был дурен и смешон и заботился только о том, чтоб целовать мадам Штейнберг, как то предписывала пьеса «Снигирь на ярмарке». Башмачника Снигирия и играл Немо. В день представления театр был набит. Появление. Снигирия – Немо было встречено смехом и рукоплесканиями. Крики «браво» почти не давали ему говорить. Мы поняли тщету нашей затеи. Кое-как Немо доплелся до сцены поцелуев и с каким-то бешенством бросился он на мадам Штейнберг и начал не то чтоб целовать ее, а просто грызть и повис у нее на шее. Что происходило за сим, того я не умею выразить. По окончании пьесы мы пошли взглянуть на дебютанта и нашли мадам Штейнберг в слезах, а Немо, приложив руку к челюсти, охает: она только, что отвесила ему презрительную пощечину. Мы поздравляем его и спрашиваем, когда ему еще играть? «Нет, отвечает он, довольно! Кажется, что за два часа я постарел двадцатью годами... Слава Богу! Без свистков излечился!

Грамматин: К сожалению, брат Николай также не избежал театрального поветрия. Правда, он не метил в актеры, потому как был тихим, скромным и медлительным, к тому же обладал жутким костромским акцентом, зато много переводил, в том числе какую-то пьесу Мольера, которую хотел отдать на театр. Однако, брат не учел, что тогда в моде были двухэтажные названия пьес и этажи названий соединялись союзом «или». Например: «Преступник от игры или Братом проданная сестра». Это обстоятельство и обыграл в своей сатире его закадычный друг и поэт Михайло Милонов:

*Твоя трагедия без «или»
И на театре ей не быть;
Она сгниет в архивной пыли;
Да почему ж ей и не снить,*

*Когда и с прибавленьем «или»
Давным-давно две Лизы сгинули.
Я разумею: Лизу, или
Признательности торжество;
И ту, какой и естество
Не создавало; Лизу или
Распрепечальный результат
И гордости, и обольщения,
Ну, так бери свои творенья
Да и скорей их в печку, брат!*

Дашков: Ай да Милонов! Изумительный, редкий талант! И как надлежит истинному таланту, он спился и умер в расцвете лет, успев издать напоследок «Сатиры, послания и другие стихотворения Михаила Милонова»... До чего все-таки талантлива наша университетская братия! Вот нас уже пятеро бывших пансионеров, друзья... А не выпить ли нам за пятого, господя? Выпьемте ж за пятого воспитанника Благородного пансиона! (*Встают.*) Пусть земля тебе будет пухом, незабвенный товарищ Михайло Васильевич!

М.А. Милонов – друг и однокашник
Н.Ф. Грамматина

Действие 2, акт 1

Дашков: А не кажется ли вам, господя, что мы, обращаясь к покойным друзьям, совсем забыли о живых? Алексей Федорович, поведайте нам о себе, ведь мы вас совсем из виду потеряли после окончания учебы.

Грамматин: Да что обо мне говорить... Жизнь самая заурядная: женат, имею двух сыновей, которые, к слову сказать, пошли по нашим стопам и тоже в Благородном пансионе воспитываются. Позднее, выйдя в отставку поручиком-артиллеристом, занялся хозяйством в своем поместье Светочевой горе, что в Перехтском уезде Костромской губернии. Я получил его в 1810 году при полюбовном разделе с братом, которому досталось его родное Матвеевское в Кинешемском уезде. Он тогда пребывал в Петербурге, где служил в департаменте министерства финансов. Однако, могут ли ужиться финансы и поэзия? Через восемь месяцев он подал в отставку и прибыл на родину. Краткое пребывание его в северной столице не было бесполезным он завязал ряд важных литературных знакомств: с писателем-филологом А.А. Шишковым, издателем журналов и альманахов А.Е. Измайловым, который советовал брату издать сборник стихотворений. Этим Николай Федорович и занялся на свободе. Когда труд был почти готов, судьба вновь протянула ему руку: пришло лестное приглашение от Ивана Ивановича Дмитриева – поэта и нового министра юстиции – поступить к нему на службу. Узнав, что кроме него приглашены Милонов и вы, Дмитрий Васильевич, брат с радостью рванулся в Петербург.

Дашков: Для нас это было счастливейшее время! Я тогда заложил фундамент своей будущей карьеры, а Грамматину удалось осуществить заветное желание: издать стихотворный сборник «Досуги», который он не преминул посвятить своему начальнику и покровителю Ивану Ивановичу Дмитриеву. Я получил от него дарственный экземпляр, который хравю до сих пор. (*Достаёт с полки книжку и листает её.*) У автора своеобразный стиль – чудная смесь славянофильства и западничества школ Карамзина и Шишкова...

Жихарев: Ну, последнее явно преобладает, его муза исконно русская, вернее славянская, с открытым, простонародным лицом.

Дашков: Позвольте возразить. Грамматинская муза – еще и с налетом европейской утонченности, что-то тирольское или силезское, с пастушеской свирелью, а не с русской балалайкой...

Грамматин: Господа, вы напрасно спорите: брат сам создал портрет своей музы в одноименном стихотворении (*декламирует*):

*Сойди, Царица песней,
С священной высоты
Свирель мою настрой!
Она в пыли лежит.
Не подвиги героев
Я петь на ней хочу;
Их лавры зеленеют,
Но кровь на них видна.
Ты брани ненавидишь,
И любишь тишину;
От шума убегаешь
Под сень густых деревьев,
И в жаркий полдень жажду
Приходишь утолять
Холодную водою*

*Из чистого ручья.
Я славы не желаю,
Не нужно, злата мне;
Хвалы, рукоплесканья
Пустой, ничтожный дым.
От смерти не избавят
Ни злато, ни молва;
Что пользы, хоть и будут
По смерти говорить?
Холодный прах бесчувствен
Ко суетным хвалам.
Одна минута счастья
Дороже жизни мне,
Чем ряд веков в потомстве,
Чем славы звук пустой...*

Жихарев (*узывно повторяет*): Сойди, Царица песней... (*На экране появляется изображение молодой девушки.*)

Дашков: О, Господи!.. Я кажется вижу ее...

(*Входит муза и исполняет один из романсов Грамматина.*)

Дашков (*вновь обращаясь к приятелям*): Издание поэтического сборника «Досуги Грамматина» сделало имя автора весьма известным в столице: его узнавали на улицах, зазывали на домашние вечера... Но развлечения его не интересовали, служба не увлекала, более того, он утверждал, что она делает людей пустыми и бессмысленными. К тому же Николай Федорович отчаянно скучал по родным, по родине.

Грамматин: Это верно. Он забрасывал меня жалобными письмами, а в презентованной книжке его стихов я нашел следующие строки (*листаёт сборник*):

*Не кручинься ты, сердце вешнее.
Пособить могу я тоске твоей.
Уж не долго жить на чужой стране
Без товарища твоей младости;
Распростимся мы с градом Питером;
Полетим туда мы на родину,
Где слилась река Еянь с Нодогой,
И владает где в Волгу-матушку.
Обойдем скорей брата милого!*

Грамматин (продолжает): Вполне понятно, что когда после смерти господина Шурмана открылась вакансия директора костромской гимназии, брат с радостью согласился занять эту должность и двинулся из Петербурга в Кострому. Война застала его в дороге. Он видел пылающую Москву, где в пожаре потерял свое университетское свидетельство, и чудом отыскавшийся профессор Гейм выправил ему новое, потому, что брат был у него любимцем, ибо по примеру своего учителя, готовясь стать кандидатом университета, издал англо-русский словарь, подобный англо-французскому словарю Робинета.

Жихарев: Он так погрузился в работу над переводом слов, что не замечал курьезов, так слово «акушер» он перевел как «повивальный дед». «Да почему же акушер – повивальный дед?» – спрашивал его Гейм. «А потому, – отвечал ученик, – что если есть повивальная бабка, так почему же не быть и повивальному деду?» Нет сомнения, что Грамматин знал по-русски лучше Гейма, зато порой был чрезвычайно смешон со своими логическими выводами.

Грамматин: Итак, брат вернулся в Кострому. В то время это был захолустный город: грязь везде страшная, дороговизна в квартирах. Местные драли кожу с приезжих, не помышляя, что назавтра их могла постигнуть такая же участь. Позднее, через город раза два на неделе гнали сотнями пленных французов, оборванных, бледных, худых не похожих на людей. В город съезжались многие беженцы. До ученья ли было в те грозные времена?

Дашков: Брат ваш видно жалел, что оставил Петербург?

Грамматин: Трудно сказать... Поначалу он с энтузиазмом взялся за работу, тем более, что педагогом был прирожденным, но скуповатые, напуганные военными невзгодами родители считали воспитание своих чад блажью, чем-то необязательным. Его программа прогрессирующего образования забуксовала, тем более, что повышение вдвое цен за учебники главным управлением училищ привело к резкому падению числа учащихся. Однако, не все было беспросветно. Отечественная война закончилась победой России. Попечитель гимназии Кутузов прислал из Москвы Грамматину свою оду на покорение Франции, которая прозвучала на университетском празднестве в Москве и пожелал, чтоб и в костромской гимназии было собрание сообразно тому. Благодаря директору, публичный акт в гимназии состоялся 1 июля 1814 года. Я сам был в числе приглашенных на торжество, которое мне памятно главным образом выступлением хора, сочиненного братом.

(Гаснет свет, появляется в проекции портрет императора Александра I и группа гимназистов исполняет гимн):

*Торжествуй, славянов племя!
Слався, слався, россов царь!
Сокрушить бессильно время
Воздвигаемый алтарь
Похвалы, благодаренья
От сынов твоих тебе!*

*Вышней с помощью десницы,
Власть являющей в громах,
Сверг триумфов с колесницы,
Сверг тирана ты во прах,
Славой дел своих наполнил,
Славой громкой всей страны.*

*О царей и царств спаситель!
О утеха русских стран!
О герой благотворитель,*

*Ты всещедрым небом дан
Для блаженства полусвета,
Для блаженства тьмы племен!*

*Глас внешне благодаренья
Верных, радостных; сынов,
Глас усердия, восхищенья:
Он промчится в род родов;
Чада чад его услышат
И сынам передадут.*

*Слава, честь тебе, Россия,
Мать бесчисленных племен?
Да часы и дни златые
До скончания времен,
Да текут тебе вовеки
С высоты святых небес!*

Грамматин: Но праздники редки и преходящи, а будни долги и безрадостны. Брат тонул в рутине чиновничьей службы, омраченной вздорными ссорами преподавателей и мелкими придирками столичного начальства. Последней точкой его терпения стало событие, происшедшее весной 1819 года. Представьте себе, какой-то недоросль из окружения учителя Грацианского – непримиримого врага учителя Святогорского, которому сочувствовал директор, выбиb камнем окно в кабинете Николая Федоровича. Потрясенный поэт-директор тотчас же подал в отставку, и не дождавшись появления преемника, выехал в деревню. По дороге туда его нагнал Святогорский. На почтовой станции произошла следующая сцена:

Грамматин Н. Ф.: Ба! Александр Данилович! Никак случилось что-то, раз вы пустились вслед за мною из Костромы?

Святогорский: Простите, что беспокою, Николай Федорович, но произошли события немаловажные, вот я и осмелился...

Грамматин Н. Ф.: Ну так садитесь и поведайте, пока мне лошадей меняют.

Святогорский: После вашего отъезда явился в гимназию преемник ваш Юрий Никитович Бартенев. Как сказали ему, что вас и в городе нет то дело дошло до меня. Являюсь, рекомендую и прошу к себе. Предлагаю, не угодно ли ему с дороги водки? Не пьет. Чаю? – согласился. Вызвал он меня своими разговорами на изъяснения происшествий, заставлявших вас в Москву ехать, и я слегка дал ему понятие о моих сотрудниках. Потом согласился он видеть ваши комнаты, и тогда я вспомнил поручение ваше: проходя комнатами, показал ему и расшибленное стекло и кирпич обломок с надлежащими объяснениями.

Грамматин Н. Ф.: Ну, стало быть, эстафета передана. Не дай Бог ему моих огорчений! На том, очевидно, вы и расстались?

Святогорский: Да нет! Взял он меня с собою на постоялый двор Колодкина, где остановиться изволил. Туда пришед, увидел я молодую его супругу, на которой он восемь недель как женат. Она родная племянница господина Лабзина.

Грамматин Н. Ф.: Значит и Екатерина Степановна приехала...

Святогорский: Прибыла вместе с супругом. Барыня собою очень хорошая весьма словоохотливая и ласковая. Уняли меня обедать, затем кофей пить. В течение сего времени он вопросами своими закатал меня и большею частью о здешних учебных заведениях. Каков-то на деле будет, а на словах режет, говорит, что министр, прощаясь с ним, расцеловал его, что и господин попечитель с ним непосредственное сношение иметь будет. Сегодня опять со мною хотел видиться, а потому мне возвращаться надобно... (*Встает.*) Ну, желаю вам доброго здравия! Прошу также не лишать меня вашего благорасположения и ласки.

(*Жмут друг другу руки, обнимаются, Грамматин уходит. Затем и Святогорский.*)

Действие 2, акт 2

Грамматин: Брат жил в сельце Гуленеве в совершенном уединении. Книжки были его единственными товарищами и собеседниками. Жалея потерянного на службе времени, он каждую минуту пытался наверстать упущенное. И в скором времени завершил свой перевод древнерусского литературного памятника «Слово о полку Игореве», над которым в общей сложности трудился пятнадцать лет. В 1823 году он издал свой перевод, предварив его посвящением императрице Елизавете Алексеевне, за что она удостоила его бриллиантовым перстнем. Несмотря на прогрессирующую болезнь, брат, с новыми силами продолжал трудиться над собранием своих стихотворений.

Дашков (перебивая): Неужели же Николай Федорович в течение семи с лишком лет так ни с кем и не встречался и жил один?

Грамматин: Только самое краткое время посвящал он свиданиям с родными и ограниченным кругом знакомых. И то старался свести эти встречи к чему-либо полезному для своих трудов. Так, изредка навещая крестьян своей деревни, он записывал их песни, до которых был большой охотник. Представьте себе крестьянскую избу:

Н. Ф. Грамматин (входя в избу и крестясь на икону): Илья, ты дома?

Матвеев: Кто по мою душу?

Н. Ф. Грамматин: Видно я и впрямь редкий гость, раз не узнаешь хозяина!

Матвеев: Милости прошу, батюшка Николай Федорович. Прости старого. Проходи, садись в красный угол... Ну, как здоровище?

Н. Ф. Грамматин (морщась): Все в руках Божьих... А ты, вижу, здоров.

Матвеев: Здоров, хоть и не молодец, седьмой десяток уж валит...

Н. Ф. Грамматин: А как жена с дочкою?

Матвеев: А что им, дурам, делается? По хозяйству управляются... Али кликнуть со двора?

Н. Ф. Грамматин: Успеется. Хочу пока с тобою побеседовать.

Матвеев: Может кваску холодного?

Н. Ф. Грамматин: Пожалуй...

Матвеев (*приносит ковш кваса*): А скажи, барин, правду ли дворовые бают, будто ты книжки сочиняешь?

Грамматин: Сочиняю...

Матвеев: Ой-ли? Жаль грамоте не разумею, а то почитал бы.

Грамматин: Тебе и не к чему. Я ведь не истории пишу, а стихи, подобно народным песням, а на них и ты, и твои домочадцы, куда как горазды. Вот и теперь я пришел затем, чтобы ваши песни послушать. Уважишь меня?

Матвеев: Изволь, барин. Дело нехитрое. Я язык-то набил смолоду, когда дружничал по свадебкам. Там и песен набрался...

Грамматин: Ну, с тех пор много воды утекло. Все наверное позабыл?

Матвеев: Забыл? Да что ты, барин, тебе, век их не переслушать... Вот хотя бы (*поет*): «Ох ты, батюшка, царев кабак»... Тебе бы баб моих послушать. Тьму песен помнят и голосисты обе. Вои, вроде вернулись: ведрами бренчат... (*Входит молодая женщина и кланяется барину*).

Матвеев: Дочка моя, Аграфена. Груша, спой барину свои песенки. Он из них книжку сделает.

Аграфена: А котору надобно.

Матвеев: Давай любимую: «Было в деревне четыре двора»...

Груша запекает.

Н. Ф. Грамматин (*записывает*): Славно... А еще...

Аграфена: Простите, барин, маменька кличут, подсобить надо.

Грамматин (*вздыхая*): Ну, беги! Я как-нибудь еще загляну. (*Встает.*)

Матвеев: (*провожая*): Милости просим, доброго здорoviaца!

Снова гостиния Дашкова.

Дашков: Я помню, как Николай Федорович мечтал крестьянский песенник издать, подобно Мерзляковскому и Дмитриевскому. Видно не успел?

Грамматин: Издать не успел, но рукопись подготовил... Лечась у инспектора врачебной управы Петра Романовича Логинова, к которому имел полную доверенность, брат просил его взять на себя труды по изданию рукописи, оставив достаточную сумму денег. Я также включился в дело. Мой визит к вам как раз и...

Дашков: Я все понял, друг мой, клянусь памятью покойного товарища, что сделаю все для издания его трудов.

Голос ведущего: В 1829 году в типографии Императорской Российской Академии вышли два тома «Стихотворений Николая Грамматина», навсегда закрепивших его имя в анналах отечественной литературы.

Литературные «гнезда» и их обитатели

УСАДЬБА РАМЕНЬЕ В СУДЬБЕ А.Ф. ПИСЕМСКОГО

У КАЖДОГО человека к месту своего рождения особое ностальгическое отношение, особенно, если волею судеб он оставляет свою малую родину. Может данная привязанность объясняется тем, что со времени появления младенца на свет в данном месте начинается точка отсчета его будущей жизни?

Известный русский писатель Алексей Феофилактович Писемский в этом отношении не был исключением: с усадьбой Раменье, в которой он родился 11 марта 1821 года, у него сложились самые нежные и трогательные отношения. Как писатель-реалист, причем очень биографичный, Писемский не мог не оставить словесного портрета родового гнезда и это пришлось кстати, ведь до нас не дошло ни одного изображения данного уголка Чухломской земли, созданного за все время его существования.

Усадьба Раменье описана его хозяином в романе «Люди сороковых годов» и рассказах «Батка» и «Плотничья артель». Собранные вместе фрагменты описания усадьбы Раменье позволяют реконструировать образ малой родины большого мастера русской литературы, где он появился на свет, провел свое детство и, будучи уже в расцвете творческих сил, создал ряд превосходных произведений.

Предистория Раменья следующая: имение было отписано матери писателя Авдотье Алексеевне Шиповой ее отцом в качестве приданного, когда она выходила замуж за отставного полковника Феофилакта Гавриловича Писемского. До этого же имение принадлежало деду Авдотьи Алексеевны – Алексею Матвеевичу Шипову, унаследовавшему его от отца Матвея Федоровича Шипова. А еще ранее этой усадьбой владели их родственники Макаровы и Сытины.

Хозяйством в Раменье занимался муж владелицы имения Феофилакт Гаврилович Писемский, отец писателя, который обустроил имение и высоко поднял его доходность. Впрочем, его самолюбие порой задевало положение управляющего при жене и тогда он, по натуре вспыльчивый, срывался и кричал на супругу:

— А ты, госпожа помещица здешняя! Ты все можешь знать и всем располагать, а я нищий... голыш, приведенный сюда так... Христа ради! Врете! Я господин всем вам: и тебе, и твоей челяди! («Батька»).

Однако у Авдотьи Алексеевны хватало ума не сердиться на эти выходки и умения гасить вспышки гнева израненного отставного полковника.

Раменье находилось в 21 версте от уездного города Чухломы, при речке Ламзе, увековеченной в рассказе Писемского «Плотничья артель»: «С каким живым чувством удовольствия поехал я, едва пробираясь, верхом по проваливающейся на каждом шагу дороге посмотреть на свою родовую речку, которую летом курица перейдет, но которая теперь, несясь широким разливом, уносила льдины, руша и ломая все попадающееся ей навстречу: и сухое дерево, поваленное в ее русло осенним ветром, и накат с моста, и даже вершу, очень бы, кажется, старательно прикрепленную старым поваром, ради заманки в нее неопытных щурят».

Само Раменье было обрисовано автором повести «Тюфяк»: «Небольшая усадьба... не отличалась ни живописным местоположением, ни широким довольством капитальных помещичьих усадеб. Она была в страшной глуши, окружалась со всех сторон лесом и болотами. Небольшой барский дом, или, скорее флигель, несколько людских строений, амбар, погреб, сарай, да покосившаяся набок толчея — вот и все тут».

Одноэтажный деревянный, но с балконом и галереей, дом насчитывал девять комнат: залу, гостинную, спальню, детскую, кабинет, лакейскую, темную и ряд других. В рассказе «Батька» Писемский приводит описание одной из них, вписывая в интерьер господского дома и семейный портрет хозяев имения:

«Я как теперь вижу перед собой нашу голубую деревенскую гостиную. На среднем столе горят две свечи. На одном конце его сидит матушка, всегда немного чопорная, в накрахмаленном чепце и воротничках и с чулком в руке. Отвортятся от нее, сидит на другом конце покойный отец. Он, видимо, в дурном расположении духа и беспрестанно закидывает в сторону, на печку, свои серые навывкате глаза. Я... мне всего лет двенадцать... забрался в углу на мягкое кресло и сижу, погруженный в неведомые самому для меня мысли. Прямо против меня отворенная дверь в залу. Оттуда только и слышится, что ровное пощелкивание маятника стенных часов, и навеивает на вас чем-то грустным и печальным».

Что стояло за этими тишиной и печалью, очевидными даже для ребенка? Какая тайна тяготела над семейством Писемских? Ответ дает сам писатель. Вечная подавленность матери и психическая неуравновешенность отца, оказывается, были вызваны тяжелой виной Феофилакта Гавриловича, по приказу которого был тяжело наказан дерзкий солдат, экзекуция которого закончилась смертью. Смерть девяти детей, умерших в раннем детстве, полковник считал справедливой Божьей карой за свое непредумышленное преступление: ведь он не рассчитал меру ударов и не учел слабого здоровья наказуемого.

Все последующие годы отставной полковник по четыре часа в день вымаливал прощенье у господ и тот, видимо, тронутый искренним раскаянием грешника, оставил ему последнего сына Алексея. Не мудрено, что мальчик находился на положении «семейного божка». Видимо, на него была ниспослана миссия искупить грех отца, чтоб трудом и талантом компенсировать рано угасшие жизни девятерых мальков сестер и братьев.

Впрочем, детство свое Алеша Писемский провел довольно безмятежно, не обремененный ни работой, ни учебой. До 1830 года семья проживала в Ветлуге, где Феофилакт Гаврилович исполнял должность городничего, затем опять вернулась в Раменье, где будущий писатель рос на воле среди родных и дворовых. Его раменское детство ярко описано в романе «Люди сороковых годов». Вот он с дворовым мальчишкой Титом и с собакой Куцкой безуспешно травит резвого зайца-русака, сам он ездит на лошади по окрестностям и стреляет по воробьям из дружья с двоюродным братцем Сашенькой, то охотится на рябчиков, то лежит в траве, отдыхая и смотря в бездонное синее небо... Наиболее яркий эпизод его детства – убийство медведи стерем и триумфальное доставление туши зверя на телеге, управляемой самим барчуком.

Так в нехитрых деревенских забавах проходило детство будущего писателя, предоставленного самому себе, пока не случилось нечто, круто изменившее всю его жизнь и разлучившее его на много лет с родными местами. Это событие отражено в повести «Тюфяк», где в образе Павла Бешметьева Писемский изобразил себя:

«Однажды к Бешметьевым (Павлу минуло тогда двенадцать лет) приехал какой-то дальний родственник из Петербурга. Видно этот господин был не кое-кто, потому что хозяйева безмерно ему обрадовались, приняли с каким-то подобострастием и беспрестанно называли его Ваше превосходительство.

– Что это, Василий, твой сын, что ли? – спросил генерал за столом, взглянув на Павла.

– Сын. Ваше превосходительство, – отвечал Василий Петрович.

– Чему ты, милый мой, учишься? – сказал генерал, обращаясь к ребенку.

– Мы еще его многому-то, по слабости здоровья не начинали учить; теперь иногда семинарист ходит, – отвечала мать.

Генерал покачал головой.

– Да что же такое тут здоровье-то? За что же вы ребенка-то губите, оставляя его в невежестве?

– У Павла навернулись на глаза слезы.

– Смотрите, уж он сам плачет, – продолжал генерал, – сознавая, может быть, то зло, которое причиняет ему ваша слепая и невежественная любовь! Плачь, братец, и просись учиться; в противном случае ты погиб безвозвратно.

Родителям ничего не оставалось как нанять педагогов. Алексей проявил большие способности, за год подготовившись к поступлению в гимназию».

Кем же был гость Писемских, посетивший Раменье и так благотворно повлиявший на судьбу будущего писателя? Не исключено, что им являлся сосед по имени – генерал и сочинитель Павел Александрович Катенин, бывший петербург-

ский житель и дальний родственник. Впоследствии он привил юноше интерес к литературе и declamation.

Осенью 1834 года из Раменья выкатилась коляска, в которой сидели Алеша Писемский с отцом и дворовым человеком Иваном. Они отправились в Кострому для определения мальчика в гимназию. Все прошло благополучно: Алексей был принят сразу во второй класс, а в нанятую отцом квартиру подселился товарищ-гимназист Стайновский. Присутствие отца в городе стало необязательным. Эпизод разлуки отца и сына запечатлен Писемским в автобиографическом романе «Люди сороковых годов»:

«Но вот пришел день отъезда; все встали, как водится, очень рано, напились чаю. Полковник был мрачен, как перед боем; стали укладывать вещи в экипаж, закладывать лошадей, — и заложили! Павел продолжал смотреть на это равнодушно, полковник поднялся, помолился и подошел поцеловать сына. Тот вдруг бросился к нему на шею, зарыдал на всю комнату и произнес со стоном: «Папаша, друг мой, не покидай меня на веки!» Полковник задрожал, зарыдал тоже: «Нет, не покину, не покину!» — бормотал он, потом едва вырвавшись из объятий сына, сел в экипаж; у него голова даже не держалась хорошенько на плечах, а как-то болталась. «Папаша, папаша милый!» — стонал Павел. Полковник махнул рукой и велел везти скорее».

Шесть лет обучения в гимназии сменились четырьмя годами учебы на математическом отделении Московского университета. И почти все летние каникулы Алексей Писемский проводил на родине, в Раменье. Будучи студентом третьего курса Московского университета, Писемский получил известие о смерти отца который скончался в Раменье, скоропостижно, за обеденным столом 23 июля 1843 года. Он ушел в другой мир вопреки своему обещанию: не оставлять сына навеки...

Авдотья Алексеевна не перенесла смерти мужа: паралич приковал ее к постели на целых полтора десятка лет. Уход за нею взяли на себя две незамужние сестры, которые перевезли ее в свою галичскую усадьбу Печуры. Оставшемуся без помощи родителей Алексею пришлось служить сначала в Костроме чиновником палаты государственных имуществ, затем в Москве, в той же палате.

В 1847 году он вышел в отставку, чтоб заниматься литературным трудом и поселился в Раменье.

Опустелый дом плохо влиял на его и без того хрупкую организацию. Ситцем обитая мебель, развешанные по стенам портреты полководцев и генералов, напоминали отца, пробуждали чувство вины перед ним, даже в мелких проступках. Вспоминалось, как он настаивал, чтоб диван из голубой гостиной был перенесен в его комнату, а отец сторонник традиций, принял это чуть ли не за оскорбление и резко отчитал сына. Теперь молодой наследник мог здесь делать, что хочет, а желание уже пропало.

Он делил время между усадьбой и Галичем, где подолгу был возле больной матери. Там, в Галиче, навестив университетского однокашника Воронова, он встретил вдову писателя и дипломата Павла Петровича Свинына и его восемнадцатилетнюю дочь Катю. Молодые люди понравились друг другу и в 1848 году поженились. Семья нуждалась в финансовом обеспечении и Алексей Феофилактович был вы-

нужден снова служить. Он определился чиновником особых поручений к военному губернатору Ивану Васильевичу Каменскому, и в часы недолгого досуга занимался литературными опытами. Тяга к творчеству перевесила, а успех первой крупной его вещи – повести «Тюфяк», опубликованной с помощью А.Н.Островского в журнале «Москвитянин», заставил молодого автора снова выйти в отставку и вместе с семьей поехать в Раменье для творческого уединения, а также для надзора за усадьбой, давно уже жившей без хозяина.

Предыдущая осенняя поездка 1847 года оставила в нем гнетущее впечатление, которое он перенес на страницы своих произведений:

«Мы въехали в усадьбу. Несколько человек дворовых, и все больше стариков истретили меня. «Ну вот, батюшка, дождались мы и вас!». Я прошел в дом и, увидя отворенный балков, не утерпел и вышел на него посмотреть на сад – он точно весь почернел и совершенно заглож по всем некогда прозрачным и зеленым аллеям. На куртинах и на лугах росла такая дич-трава, что и взглянуть было неприятно.

Сойдя с балкона, я прошелся по гостинной, где сердился отец, заглянул в спальню, где скучала и молилась мать, и наконец, в свою темненькую комнату.

Чтобы оторваться от этих, хоть и дорогих, но все-таки тяжелых воспоминаний, и целел себе постелю приготовить в зале, как самой пустой комнате и более похожей ни сарай, чем на жилое место, но заснул только утром, чувствуя, что руки и ноги у меня холодеют, а на лбу выступает холодная испарина. «О, если бы забыть прошедшее и не понимать будущего! – мерещилось мне в тревожном сне» («Батька»).

В декабре 1853 года Алексей Феофилактович с женой и двумя малолетними сыновьями снова прибыл в Раменье. В этот заезд все было иначе. Тепло семьи, белые снега зимы преобразили печальные воспоминания прошедших событий. Прежде всего он сел за переписку и с тех пор вел ее регулярно во все время пребывания в имении. 12 марта 1854 года он писал родственнику и другу А.Н.Майкову:

«...Службу я отставил, потому, что меня перевели в Херсон и теперь живу с моей семьей в деревне, в страшной глуши, но не скучаю и отрезвляюсь в мудром уединении. Пишу очень много...»

За год, проведенный в Раменье, Писемский создал рассказы: «Плотничья артель», «Фанфарон» и «Старая барыня», пьесу «Ветеран и новобранец», начал роман «Тысяча душ».

Оторвавшись от бумаг, писатель отдыхал на природе или занимался детьми. Впрочем и тогда он умудрялся обдумывать сюжеты будущих произведений, включив в них и окружающий его быт:

«Вечер ясный, теплый. Я сижу на задней галерее дома, обращенной во двор. И виле шумят двое маленьких сыновей: старшему, Павлу, четвертый, а младшему, Николаю второй год. Они всеми силами стараются перекричать друг друга, выкрикивая: «Пли, пли, пли!». Это они играют в солдаты и воюют с турками; вдруг один двревел. «Поля! Ты опять брата дразнишь?» – кричу я, наперед зная, что старший буни, обидел младшего, и хочу идти; но слышу, пришла мать: она лучше восстановит мир. Поля пренаивно объяснил, что он братца пикой заколол; ему объясняют, что братца стыдно колоть пикой, потому что братец маленький, и в наказание уво-

дят в гостиную, говоря, что его не пустят гулять больше на улицу и что он должен сидеть и смотреть книжку с картинками; а Колю между тем, успокоив леденцом выносят ко мне на галерею. Он так огорчен, что все еще продолжает всхлипывать большие голубые глазенки полны слез. «Что, Коля, тебя обидели?» – говорю я, беру его за подбородок.

Он несколько времени смотрит на меня, потом прижимает головку к плечу няньки и, как бы вспомнив тяжело нанесенную ему обиду, горько-горько опять за плачет.

«Пóлно, батюшка, пóлно! Вон, посмотри, какая идет кошка, а-а-а, кошка! Кис, кис, кис!» – говорит ему в утешенье нянька, показывая на пробирющуюся к забору кошку. Ребенок заваялся.

«Кис, кис, кис!» – шепчет он тихонечко.

«Да, батюшка, кис, кис, кис», – повторяет за ним нянька и оба, очень довольные друг другом, отправляются в залу баюкаться..., а я все еще продолжаю сидеть не хочется в комнате, отрадно на воздухе, хоть и становится свежо» («Плотничья артель»).

Литературные занятия Писемский сочетал с хозяйственными: он произвел капитальный ремонт дома, возродил заглохший сад и огород, которые при его рачительном отце давали в год до пяти тысяч огурцов, до ста арбузов, до ста дынь, ягод разных для нескольких пудов варенья. Разумеется, хозяйственные успехи писателя были более скромными, но они пополняли домашние припасы семьи.

Время, однако, показало, что литературные дела зовут Писемского в Петербург. Некрасов публикует его произведения в «Современнике» в театре готовится постановка его пьесы, да и долгое пребывание в провинции уже стало утомлять общительного литератора.

1 октября 1854 года он делится своими соображениями с А. Н. Майковым :

«О, милейший мой поэт, если бы ты знал, какая для меня радость твои послания и с каким нетерпением ожидаю я личного свидания, которое предстоит как только откроется первый зимний путь в Питер. Бог с ним с этим уединением, в котором я даже сочинять не могу. Гоголь между многими умными правдами сказал одну неправду, что будто бы писатель должен искать вдохновение в уединении. Я по крайней мере, черпал всегда из жизни, а в уединении, и то временно, непродолжительном, удобно пользоваться этим вдохновением!»

Оставив на время обустройства в Петербурге свою семью в Раменье, Алексей Феофилактович в декабре 1854 года двинулся покорять Северную столицу. Спустя десятилетие, проживая уже в Москве, писатель продал имение, а на полученные средства купил землю в Москве, на которой построил несколько домов для сдачи внаем. Ныне на месте усадьбы Раменье памятное место – земля, покрытая мелколесьем, но как говорится в одноименном романе: «травой ничто не скрыто...»

«РЫЦАРЬ БЕЗ ПЯТНА И УПРЕКА» (Е.И. Якушкин)

«**Р**ЫЦАРЬ без пятна и упрека» – так называла поэтесса Ю.В.Жадовская ученого-этнографа, юриста и общественного деятеля Евгения Ивановича Якушкина. С этой оценкой согласились бы многие люди, знавшие его.

Родившийся после ареста отца-декабриста, Евгений вместе с двухлетним братом Вячеславом был увезен матерью в село Борисоглебское Ярославской губернии, принадлежавшее его бабушке Н.Н. Шереметьевой. Несколько лет хлопотала Анастасия Васильевна Якушкина о разрешении следовать за мужем в сибирскую ссылку, но волею обстоятельств этой поездке не суждено было состояться, и тогда семья переселилась в Троице-Сергиеву Лавру, где мальчики смогли получить образование и приличное образование в стенах духовной академии. Продолжили они учебу в Московском университете, из которого Евгений Иванович вышел профессиональным юристом. Университет дал молодому человеку не только престижную профессию, но и друзей-единомышленников в лице членов политического кружка Катюшев-Пикулина. Эти связи не только повлияли на его мировоззрение, но и предопределили будущую революционно-конспиративную деятельность совместно с А.И. Герценом.

Связанный с декабристами родственными и духовными узами, Е.И.Якушкин искал с ними личных контактов. В 1853 году ему удалось получить командировку в Сибирь, где состоялась первая встреча с отцом и другими ссыльными. Через два года он повторил поездку. Молодой человек сроднился с декабристами, поразившими его силой духа, братской сплоченностью, верностью идеалам юности. Е.И.Якушкин стал активно содействовать созданию и опубликованию мемуаров декабристов, глубоко понимая исключительную ценность их для отечественной истории. Благодаря ему появились воспоминания И.И. Пущина, Н.В. Басаргина, Е.О. Оболенского и других, заданные частично за границей А.И. Герценом, а частично в России с помощью Афиногеева, Ефремова и Касаткина.

Растущее недовольство властей и материальные затруднения в семье, состоявшей к тому времени из жены – Елены Густавовны Кнорринг и четырех детей, вынудили Якушкина оставить Москву и переехать в Ярославль, заняв доходное место управляющего казенной палатой. Как член губернского присутствия он принял активное участие в проведении крестьянской реформы в Ярославской губернии. Цели крепостных он освободил еще в 1855 году без выкупа и с землей.

Е.И. Якушкин

Евгений Иванович до самой смерти оставался последовательным защитником угнетенных классов и как опытный юрист был очень полезен им, рискуя навлечь на себя неудовольствие помещиков.

Один такой случай Е.И. Якушкин описал другу-библиофилу Н.Н. Селифонтову в письме от 25 декабря 1898 года: «Два года тому назад я высказал ему (Калачеву - Е.С.) несколько горьких истин по поводу местного управления, клонившегося сильно к среднеазиатским порядкам: это его совершенно против меня восстановило, так что он перестал у меня бывать. Вообще говорить правду во многих отношениях не выгодно, она иногда возмущает больше лжи, но мы переживаем такое время, что не

высказывать всей правды или молчать относительно жгучих общественных вопросов - было бы не только смертельным грехом, но и тяжким преступлением».

Общественная и нравственная позиция автора письма выражена здесь предельно ясно. С костромичом Селифонтовым Якушкина связывала не только благородная страсть к книгам - библиофильство, но и родственность профессий: юристы по образованию, они состояли в одних и тех же или аналогичных научных обществах: истории и древностей российских, археографической комиссии, местных губернских архивных комиссиях.

В 1880 году их многолетняя дружба была скреплена родственными узами. Вдовец с 1872 года Е.И. Якушкин уже в почтенном возрасте вступил во второй брак с племянницей Н.Н. Селифонтова - Марией Александровной Бизеевой, к большому неудовольствию своих детей. Однако этот союз оказался благополучным.

Мария Александровна происходила из древнего дворянского рода Бизеевых. Ее отец, полковник Александр Петрович Бизеев (1785-1854) участвовал в Отечественной войне 1812 года. По отставке от воинской службы был избран Нерехтским уездным предводителем дворянства. Одна из сестер Бизеевых - Анастасия Петровна, в замужестве Готовцева стала матерью поэтессы Анны Ивановны Готовцевой. От брака Александра Петровича Бизеева на Надежде Михайловне Карпека, родились две дочери Анна и Мария, одна из которых и стала второй супругой Евгения Ивановича Якушкина, получив в наследство часть сельца Марьинское, расположенного на речке Корбе в восьми верстах от города Нерехты.

Другими частями имения владели родственники Бизеевых, Тухачевские, Коптевы. Из ближайших соседей можно назвать Селифонтовых, Бошняков, Карцевых...

Супруги Якушкины летом часто отдыхали в Марьинском, приезжая туда из Ярославля. Обычно они предупреждали родных о своем приезде заблаговременно: так, 3 августа 1888 года Якушкин сообщал в письмо Селифонтову: «Около половины августа я буду в Костроме; и оттуда уже мы с женой проедем в деревню». А в письме от 6 октября 1880 года вспоминал: «В Семеновском Вы читали нам рукописную характеристику европейских держав библейскими текстами»...

Якушкины обменивались визитами с ближайшими по имени соседями, в частности с Бошняками и Усольцевыми. Интересны в этом плане воспоминания историковедки Натальи Николаевны Усольцевой – живой свидетельницы тех далеких событий.

«Евгений Иванович Якушкин хорошо запомнился моему детскому сердцу, писала она, – Я до сих пор помню наше последнее с мамой посещение, хотя прошло восемьдесят четыре года и мне было тогда только четыре года от роду. Мы часто отдыхали у дедушки в Есипове. Марьинское, видимо, было весьма недалеко от Есипова, на половине дороги от Нерехты. Рядом находился небольшой лесок с ряжиками и маслятами, но высоких деревьев я не помню ни в лесу, ни вокруг дома. Был хозяйственный фруктово-ягодный сад около дома. Дом небольшой, деревянный. Комнаты низкие, темноватые, с маленькими окнами. Видела я только две комнаты: гостиную с традиционной мебелью в стиле ампир и кабинет с бюро-шкафом красного дерева с откидной крышкой-столом. Помню высокие, стойкой, чистые. Евгений Иванович был высокого роста и худой, немного сутулился. Мария Александровна рядом с ним казалась маленькой и полноватой... Мама с Марией Александровной принимались болтать, Евгений Иванович брал меня за руку и мы уходили гулять. Гуляли мы по низкому месту, похожему на высохшее болото. На нем было много кочек. Я помню свою фразу: «Дедушка Лягушкин, почему ты не прыгаешь? Ты ведь большая лягушка. Прыгай!». Ответ: «Я хоть и большая лягушка, но старая, у меня ноги болят».

Владельцем села Есипова, упоминаемым в воспоминаниях Усольцевой под названием «дедушки», был Александр Константинович Бошняк, сосед и приятель К.И. Якушкина и Н.Н. Селифонтова неоднократно упоминаемый в их переписке.

Летний отдых супругов Якушкиных не всегда напоминал сельскую идиллию; случались и неприятные происшествия. Крестьянскую лошадь из ближайшей деревни поймали на потраве посевов в имении Марьинское. Евгений Иванович просил и настаивал, что это дело нельзя передавать в суд. Мария Александровна не послушалась. Мужика приговорили к заключению в тюрьму. Евгений Иванович поручил местному священнику ежемесячно передавать семье осужденного крестьянина полевой в 10 рублей, так, чтобы получающая семья не знала от кого деньги.

По дороге в деревню и обратно, в Ярославль, Е.И. Якушкин непременно посещал Кострому, где неоднократно присутствовал на заседаниях местной губернской архивной комиссии, многолетним председателем которой был Н.Н. Селифонтов. Как член соседней Ярославской комиссии Е.И. Якушкин с большим интересом следил за работой костромичей, делился с ними опытом, дарил свои печатные труды и книги из личной библиотеки. Осенью друзья покидали деревню и разъезжались

в города: Селифонтов в Петербург, где служил в министерстве путей сообщения, а Якушкин в Ярославль, но они не забывали друг друга, регулярно переписываясь и исполняли порою важные поручения. Например, 16 февраля 1888 года Якушкин отчитывался перед Селифонтовым: «Письма Ермолова, Грибоедова и Сперанского переданы в исторический музей моим старшим сыном».

Особое место в их переписке занимали библиографические вопросы. Глубокий интерес к книгам вылился у обоих в серьезные исследовательские занятия. Н.Н. Селифонтов пошел по археографической стезе и создал около тридцати трудов, напечатанных большей частью в «Русской старине», а Е.И. Якушкин стал признанным библиографом, активным сотрудником журнала «Библиографические записки».

Главным делом его жизни, которому он посвятил несколько десятилетий, но так и не закончил, стало «Обычное право. Материалы для библиографии». Ярославль 1875-1909 года. В этом труде соединились два основных увлечения Якушкина – юриспруденция и библиография.

Дружба Е.И. Якушкина и Н.Н. Селифонтова длилась до 1900 года, то есть до смерти одного из них. Н.Н. Селифонтов умер, завещав свою богатую библиотеку и архив костромской архивной комиссии. Судьба этого наследства сложилась относительно удачно: нараспыленное книжное собрание библиофила входит ныне в состав ценного фонда Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, а семейный архив хранится в Костромской областном архиве. Совсем по другому сложилась судьба книжного собрания Е.И. Якушкина, на пять лет пережившего друга, и похороненного в усадьбе Марьинское. Библиотека его была раздроблена на части и размещена в хранилищах, разных городов: в сиротский дом, в женскую и мужскую гимназии, в статистическое управление города Ярославля; в библиотеку имени Ленина (отдельные издания), в народный университет имени Шанявского в городе Москве. Есть свидетельство о том, что часть книг была отправлена хозяином в Костромскую губернию, однако след ее затерялся. Почти весь семейный архив Якушкиных попал позднее в Центральный государственный архив Октябрьской революции.

Связи Е.И. Якушкина с костромским краем до сих пор не были предметом изучения для историков-краеведов. Эта первая попытка стала возможной лишь при активной помощи потомков славной фамилии – правнуков Евгения Ивановича: Владимира Вячеславовича Якушкина и Варвары Ивановны Осмоловской, а также вышеупомянутой Натальи Николаевны Усольцевой.

ИВАНОВСКОЕ – ДВОРЯНСКОЕ «ГНЕЗДО» БИРЮКОВЫХ

КОСТРОМСКАЯ ветвь древнего дворянского рода Бирюковых имеет смоленские корни, а потому представителей этой фамилии, давшей нашему краю, да и России в целом, нескольких выдающихся деятелей культуры, нельзя в полной мере называть аборигенами.

Основоположником отпочковавшейся ветви генеалогического древа стал смоленский дворянин, отставной генерал-майор Сергей Иванович Бирюков (1785–1854). Хранящийся в Государственном архиве Костромской области формулярный список боевого офицера запечатлел основные вехи его биографии.

В пятнадцатилетнем возрасте Сергей Бирюков вступил в Углицкий пехотный полк, в котором служил до начала 1812 года, а затем, уже в чине капитана, перевелся в Одесский пехотный полк. Если в Углицком полку он снискал уважение однополчан своим подвигом во время русско-прусско-французской войны в сражении под Прейсшиш-Эйлау, состоявшемся 27 января 1807 года, когда, «находясь при генерал-майоре Каменском, с особенною расторопностью развозил приказания в самые опаснейшие места и скорым исполнением оных способствовал успешному движению войск, за каковое отличие высочайше пожалован золотым крестом»¹, то будучи в Одесском полку и участвуя в Отечественной войне 1812 года, отличился в самом знаменитом бою русской истории, за что «в воздаянии ревностной службы и отличия, оказанного в сражении противу французских войск при селе Бородина 1812 августа 26, где мужественно атаковал неприятеля, сильно стремившегося на левый фланг, и опрокинул его, подавая собою пример храбрости подчиненным, причем был дважды ранен, за что всемилостивейше пожалован кавалером Святой Анны 2-й степени»².

Увечья Сергея Ивановича, полученные в бою под Бородиным, оказались настолько серьезными, что после длительного лечения привели его в 1814 году к увольнению из армии. Он был ранен двумя ружейными пулями: первую в правый бок навывлет и в правую лопатку, а вторую навывлет в правую руку ниже плеча и сею последнею перебиты сухие жилы, отчего он рукою в локте и кистью владеть не мог³.

Это не помешало, скорее помогло двадцатидевятилетнему полковнику-инвалиду стать завидным женихом для дворянских девиц на выданье. И, действительно, вскоре он женился на дочери костромского помещика, отставного премьер-майора Алексея Михайловича Рожкова девице Пелагее, переименованной для

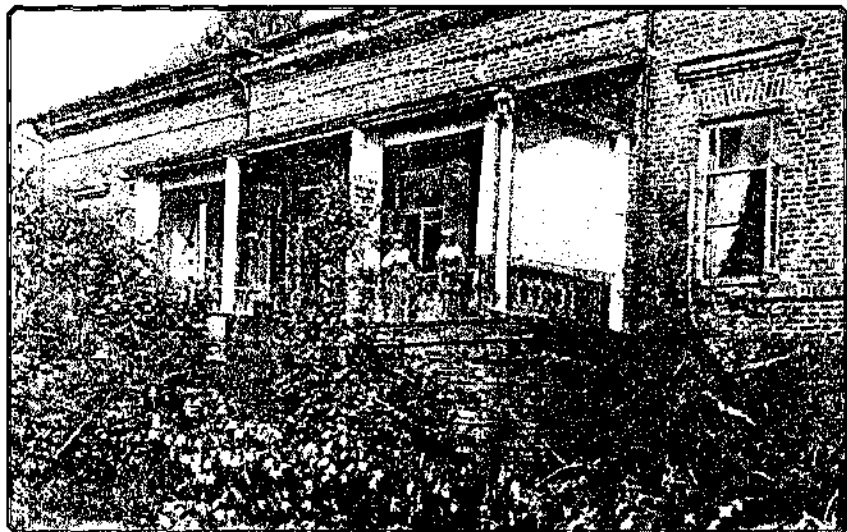
благозвучия и из патриотических соображений в честь императора Александра I в Александру.

Между тем, неизрасходованная молодая энергия и оскорбительный статус инвалида подвинули отставного полковника вновь определиться на службу: на вакантное место Вологодского полицмейстера. Молодожены переселились в Вологду, где прожили счастливо два года. Там, в 1815 году появился на свет их сын-первенец Алеша и затем стали регулярно рождаться дети, коих в общей сложности насчитывалось десять человек: шесть сыновей и четыре дочери. Их родиной становились различные города, поскольку глава семьи часто менял места своей службы: с 1823 года он управлял Новгородскою удельною конторою, с 1824 был на аналогичной должности в Вятке.

Наиболее стабильной и престижной оказалась его служба в качестве начальника-смотрителя Сенатской служительской роты в Санкт-Петербурге. Эта служба считалась военной и обещала повышение в чинах. И, действительно, по отставке Бирюков получил чин генерал-майора. Вступив же в должность в 1834 году, полковник нанял для Сенатской роты здание, подобрал штат и занялся его обучением.

Подрастали дети... Старший сын Алексей по окончании курса наук в Благородном Пансионе Московского университета, где он воспитывался одновременно с М.Ю.Лермонтовым, определился чиновником Министерства юстиции. Сыновья Иван и Павел по примеру отца пошли по военной стезе: оба окончили Павловский кадетский корпус и были определены в Гренадерский короля прусского полк, позже перейдя в гвардию. Старшая сестра их Наталья вышла замуж за Алексея Сергеевича Коновалова и жила в Костроме. Остальные дети оставались пока подростками. Семья требовала пропитания. Сергей Иванович Бирюков еще в 1813 году купил у родственницы своей Надежды Петровны Бирюковой в Буйском уезде Костромской губернии деревню Лиховарову. Позднее, в 1830 году, желая материально обеспечить семью, приобрел у полковника князя Александра Николаевича Вяземского сельцо Тарасовку в Нерехтском уезде и спустя два года был записан с семьей в VI часть родословной книги Костромской губернии. Видимо тогда он расстался со Смоленским имением, находившемся в Дорогобужском и Смоленском уездах. Так что официально Сергей Иванович Бирюков становится костромским помещиком в 1832 году, практически же он обзаводится своим костромским «гнездом» в 1835 году, когда покупает у того же князя Вяземского сельцо Ивановское в сорока верстах от Костромы (бывшей Семеновской волости Костромского уезда, ныне Красносельского района) и строит в нем жилой господский дом, предназначенный для летнего проживания пребывавшей в Петербурге семьи, которому предстояло почти на столетие стать пристанищем потомков строителя.

Недаром в 1915 году на страницах журнала красивой жизни «Столица и усадьба» в № 48 появились снимки экстерьера и интерьера господского дома в Ивановском со следующими комментариями: «Ивановское, Костромского уезда, имение Костромского губернского предводителя дворянства Сергея Ивановича Бирюкова. Приобретено дедом его в 1835 г. от кн. Вяземских, когда и был выстроен

Дом Бирюковых в селе Ивановском

существующий и поныне усадебный дом». Этот текст был помещен под фотоснимком одноэтажного, но вместительного и оригинального по форме дома. Ниже под снимком гостиной залы дома, с изображением ее стен, увешенных рядами картин и портретов сообщалось: «Галерея коронованных особ и исторических лиц. Барклай де Толли, Кутузов и проч. Мебель красного дерева, работы старинной фирмы Гамжа, с 40-х годов. Стоит зимой в не топленных комнатах и нигде даже фанера не треснула. Рядом с этой комнатой – старинная библиотека, в которой имеются первое издание истории государства российского Карамзина, за целые годы Современник, Московский телеграф и проч. Мебель тоже старинная, красного дерева».

Спустя десять лет после постройки дома, который по летам кипел от заполнявших его детей, приезжавших на vacation, случилась беда...

Костромской губернский предводитель дворянства Федор Иванович Васков получил от С.И. Бирюкова письмо, датированное 18 мая 1845 года, в котором содержалось печальное известие:

«Милостивый государь Федор Иванович! Пользуясь Вашим расположением в бытность мою в Костроме и не имея к кому бы мне прибегнуть в теперешней моей горести, решился обратиться к Вашему Превосходительству с моею всепокорнейшею просьбою, принять на себя труд предупредить зятя моего Алексея Сергеевича Коновалова о постигшем меня несчастье, совершившемся сего месяца 16-го числа, пополудни в 8 часов утра волею Божиею скончалась жена моя Александра Алексеевна, с тем, чтоб любезный зять мой Алексей Сергеевич приготовил жену свою и мою дочь Наташу о таковом для ней несчастье, чем много меня почтеннейший одолжить изволите.

Я бы, не беспокоя Вас, написал прямо к другу моему Алексею Сергеевичу, но боюсь, чтобы письмо мое не попало в руки к другу моему Наташе, что совершенно могло бы поразить ее, как мать многих детей.

Принося Вам и милостивой государыне Прасковье Андреевне мое почтение покорнейший слуга Сергей Бирюков¹.

Сергей Иванович пережил свою супругу на десять лет. Выйдя в отставку, он жил в Ивановском и занимался сельским хозяйством, помогая материально и духовно своим детям и внукам. Умер он в 1854 году и похоронен в своем имении в приделе построенной им церкви рядом с покойной супругой.

Шестеро его сыновей образовали шесть отдельных ветвей рода. Из них наиболее любопытна линия Ивана Сергеевича Бирюкова, которая дала России ряд выдающихся деятелей литературы и театра. Сам Иван Сергеевич (1822-1888) сделал довольно удачную карьеру военного, дослужившись до чина генерал-лейтенанта. Он был женат на Варваре Васильевне, урожденной Христиани. Из пяти человек детей четверо были сыновьями и лишь одна дочерью. Военная служба бросала Ивана Сергеевича с места на место и при каждом переезде семья сопровождала его: Нижний Новгород (с 1864), Санкт-Петербург (с 1866), Кронштадт (с 1859). Но главным пристанищем как во время отпусков, так и по отставке оставалось Ивановское, перешедшее ему по наследству от родителей.

Там, в Ивановском родился и его второй сын, названный в память об отце Сергеем. Биография Сергея Ивановича Бирюкова (2-го) складывается из его ответов на анкету, оформленную им в 63-летнем возрасте.

Родился Сергей Иванович Бирюков 22 апреля 1858 года, окончил Пажеский кадетский корпус в Санкт-Петербурге, после чего с июня 1874 года служил в лейб-гвардии в 1-й батарее 1-й артиллерийской бригады. Участвовал в турецкой кампании 1877 года, командуя взводом, затем стал казначеем.

4 февраля 1890 года он уволился с военной службы, перейдя в гражданскую: стал земским начальником в Костромском уезде до августа 1896 года, когда перевелся в Томск губернским исправником. С 1903 по 1914 служил в Новгороде в губернском правлении, занимая пост вице-губернатора (с 1910-1914). В Кострому вернулся 26 апреля 1914 года, где был губернским предводителем дворянства, причем последним предводителем вплоть до революции. С 1921 года управлял подотделом губернской охоты.

Личная жизнь последнего предводителя костромского дворянства сложилась довольно удачно. Как говорится в свидетельстве о браке за 25 апреля 1890 года женой С.И. Бирюкова, тогда еще земского начальника 2-го участка костромского уезда и гвардии поручика стала дочь тайного советника Александра Ивановича Антипова девица Наталья Александровна Антипова.

Еще будучи подростком она осиротела: ее отец умер в Швеции в 1887 году, лечась от желудочной язвы и был перевезен в Россию и похоронен на кладбище Александро-Невской Лавры. Наталью Александровну с сестрой воспитывал брат покойного отца – известный геолог, двоюродный брат П.И. Чайковского Алексей Иванович Антипов.

В момент заполнения анкеты Сергей Иванович Бирюков был уже вдовцом и жил в Санкт-Петербурге. Вместе с ним находились две дочери (по профессии медицинские сестры) Наталья Сергеевна Бирюкова и, Варвара Сергеевна Пинко с ее мужем – зятем Сергея Ивановича – Пинко Арнольдом Осиповичем⁵.

Во время пребывания в Костроме в период с 1890 по 1896 (и позже) Сергей Иванович состоял членом губернской ученой архивной комиссии и создал ряд интересных исторических трудов, в частности: «Очерк о белопашах села Коробова» и «Что вспомнилось из музыкально-театральной хроники начала 90-х годов прошлого столетия»⁶.

Избегая в 30-е годы репрессий, С.И.Бирюков переехал на Дальний Восток (Томск, Новосибирск). Умер же в 1938 году в пос. Кратово Московской области⁷.

Несмотря на социальное происхождение, по своим воззрениям Сергей Иванович являлся либеральным человеком. Еще до революции он оказывал содействие преследовавшимся царскими властями революционерам, что было отмечено в воспоминаниях В.Г. Короленко.

В этом отношении на Сергея Ивановича очень повлиял его младший брат Павел Иванович Бирюков (1860-1931), литератор, общественный деятель и биограф Л.Н.Толстого.

Кстати сказать, в оппозиции к правительству находился и третий их брат Александр Иванович Бирюков (ум. в 1904), высланный из Костромы в Моршанск за революционную деятельность.

Что касается биографии «толстовца» Павла Ивановича Бирюкова, то он, родился в сельце Ивановском 13 ноября 1860 года и после основательного домашнего образования, вслед за старшим братом, был определен в Пажеский корпус, откуда перешел в морское училище, которое закончил в 1880 году мичманом, после чего на фрегате «Герцог Эдинбургский» совершил заграничное плавание по Средиземному морю. В 1882 году Павел Иванович продолжил свое образование в гидрографическом отделении Николаевской морской академии и по окончании её несколько месяцев занимался в главной физической обсерватории Санкт-Петербурга.

Знакомство его с В.Г.Чертковым в 1884 году в корне изменила жизненные планы. Друг привнес в жизнь Павла Бирюкова то, чего не дало обширное научное образование – религиозно-философское содержание. Он оставил северную столицу и переехал в Москву, где Чертков познакомил молодого офицера с Львом Николаевичем Толстым.

С.И. Бирюков с женой Н.А. Антиповой

С.И. Бирюков

С тех пор, испытав сильнейшее воздействие гениального писателя, Павел Иванович Бирюков стал ярким сторонником его учения. Молодой не-офит вступил в общество христианской помощи и в кружок по изучению христианской религии. Еще до знакомства с Толстым он пробовал свои силы в области литературы, давно привлекавшей его. Дебютом Бирюкова на новом для него поприще стал очерк о заграничном плавании «Съезд команды на берег», опубликованный в мартовском журнале «Кронштадский вестник» за 1882 год, затем пошли и другие публикации во многих периодических изданиях.

Л.Н.Толстой и его последователи нашли применение увлечению Бирюкова и привлекли его к проекту, касающемуся издания народной лите-

ратуры. Вместе с В.Г.Чертковым Бирюков стал одним из создателей издательства «Посредник», а в 1886-1888 гг. возглавлял его.

Оно печатало книжки для народа по доступной цене и самой разнообразной тематике: это и художественная литература и нравоучительная, книги по сельскому хозяйству, домоводству, книжки для детей и многое другое. Издательство находилось в Петербурге, где большей частью и обитал Бирюков, однако он часто навещал Толстого в Москве и Ясной поляне.

Лев Николаевич очень любил Павла Ивановича и ласково называл его «Пошей» от французского имени Поль, а по поводу его приездов делился в письме к Черткову, что ему «очень радостно» и в другом письме, что «все радостнее и радостнее» ибо Бирюков, по его словам, «очень хорош, ясен, открыт, правдив и чист». Он даже поддерживал увлечение Павла Ивановича его дочерью Марией, однако брак молодых людей не состоялся из-за противодействия жены писателя.

Довольно часто в 1880-х годах Бирюков приезжал на Родину, где в соответствии с учением Толстого пахал землю и изучал крестьянскую среду. Спасаясь от преследования властей, Бирюков в 1889 году в очередной раз приехал в Ивановское и осел здесь надолго (с перерывами около 3-х лет.) За ним был осуществлен негласный надзор, отразившийся в архивных документах. Первый из них «Уведомление епископа Костромского и Галичского Августина Костромскому губернатору В.В. Калачову от 4 января 1891 года», которое приводим полностью:

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь. Благодочинный IV Костромского округа, священник Ардалион Игнатовский 7-го декабря минувше-

ро 1890 года донес мне, что проживающий в селе Ивановском дворянин Павел Иванов Бирюков старается, между прочим, познакомить с своим учением крестьянина Гридинской волости, деревни Никитина Василия Иванова Хренкова — церковного старосту села Козуры, человека начитанного и знакомого с сущностью раскола. Учение же Бирюкова, как можно заключить из рассказов Хренкова, есть известное новое учение графа Льва Толстого, так как Бирюков открыто отрицает существование бога, как личного существа, отвергает христианскую религию и поклонением, искуплением, иерархией и всеми таинствами и обрядами и не признает властей, от бога установленных. Богатый человек, получивший высшее образование, он приобретает себе известность в народе даровым лечением и ведением крестьянского образа жизни. Надо заметить, — присовокупляет благочинный, — что Бирюков бывает командирован в народные училища на экзамены в качестве режиссера, как члена земства, что и было, например, в нынешнем году. В настоящее время он уехал на юг изучать штундизм.

Сообщая о сем, долгом поставяю покорнейше просить Ваше Превосходительство принять зависящие от Вас начальственные меры к пресечению вредного действия, какое, несомненно, может оказывать на православный русский народ учение и образ жизни дворянина Павла Бирюкова и о последующем не оставить меня без уведомления. С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивого Государа, покорнейшим слугою Августин, епископ Костромской и Галичский».

Сохранилась копия черновика ответного письма В.В. Калачова епископу Августину от 7 февраля 1891 года:

«Превосвященному. 4 января сего года за №48 Ваше Преосвященство сообщили мне о донесении благочинного IV округа относительно проживающего в селе Ивановском дворянина Павла Бирюкова. Имею честь сообщить Вашему преосвященству, что означенный Бирюков мне лично известен как последователь учений графа Льва Толстого и установлено наблюдение, чтобы учение это он не пропагандировал среди народа.

Ввиду того, что в донесении Благочинного упоминается крестьянин Василий Хренков, которого Бирюков старается ознакомить с учением гр. Льва Толстого, я 11 января лично допрашивал Хренкова и предложил исправнику доставить мне самые подробные сведения о влиянии, которое имеет Бирюков в народе.

Хренков заявил мне, что он «не слышал, чтобы Бирюков когда-нибудь сбивал на свои верования, что с ним он беседовал раза два о некоторых церковных обрядах и священном писании, но что он, Хренков, мало понял его толкования, очень туманно; что народ любит Бирюкова, потому что он старается помочь каждому чем только может». Исправник рапортом от 29 января доносил мне подробности о жизни Бирюкова, удостоверяет, что ничто не изобличает в нем политической неблагонадежности; во всем видна строгая простота и подражание крестьянскому обиходу. Крестьяне окружающих деревень любят его за его любовь к ним и желание во всем помочь, но относятся к нему с сожалением, называя его блаженным.

В заключение считаю долгом сообщить В.Прев-ву, что я, признавая вполне неудобным, что Бирюков состоя строгим последователем учения графа Льва Толстого, командирруется на экзамены в народные училища, принял меры, чтобы на будущее время этого не было. С совершенным почтением*.

Упомянутый в черновике письма губернатора рапорт исправника от 29 января 1891 года также дошел до нас в копии и поскольку в нем содержится дополнительная информация о П.И.Бирюкове и селе Ивановском, то мы также процитируем его:

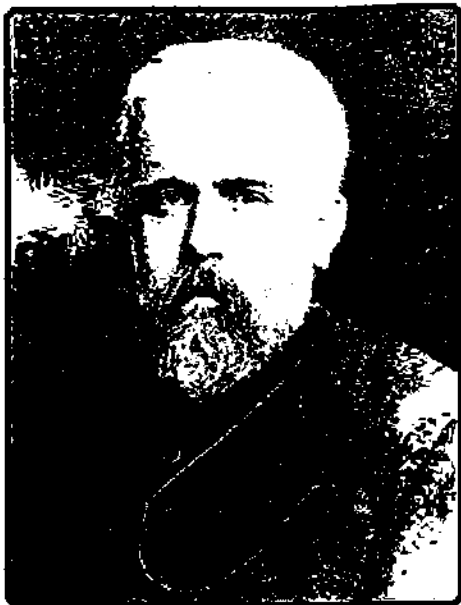
«На предписание Вашего Превосходительства от 8 сего января за №89, имею честь представить Вам подробные сведения о личности г. Бирюкова, проживающего в селе Ивановском, где вблизи усадьбы матери своей построил поселок, состоящий из двух крестьянских домов с надворною постройкою; в одной из этих изб живет сам г.Бирюков, а в другой останавливаются его гости. Занятия его, насколько я мог заметить, весьма разнообразные: он занимается столярным, токарным и сапожными ремёслами, раздавая свои изделия бедным людям; летом занимается хлебопашеством, работает сам и помогает в этой работе бедным сиротам и безлошадным крестьянам. Обстановка в его простой и убогой избе ничем не изобличает в нем политической неблагонадежности, во всем видна строгая простота и крестьянский обиход. Проникнутый в учение гр. Толстого, начиная с наружных форм его, г. Бирюков является строгим последователем этого раскола. Странно смотреть на такого образованного человека босым и в лаптях, в пестрядиной рубашке, или в крестьянском сером домотканном кафтане. В первое время крестьяне удивлялись такой странности и простоте и даже недружелюбно и недоверчиво относились к нему, но в настоящее время на эти причуды, как они выражаются, они никакого внимания не обращают; видя постоянно г. Бирюкова в крестьянской одежде, посещающего в деревнях больных, помогающего им лекарствами и советами, они к нему привыкли, с сожалением относятся об нем, называя его блаженным, но очень очень добрым баринном.

Вращаясь очень часто в народе, именно в этой местности, как местный учитель, я не замечал, чтобы учение гр. Толстого, проникая в народ, прививалось к нему и совращало бы его, за исключением одного случая, который вряд ли можно применить сюда. Случай этот был в семействе управляющего имением г-жи Бирюковой. Прошлого года неоднократно приезжал к г.Бирюкову знакомый его, тоже последователь учения графа Толстого, некто Иван Дмитриевич Рудин, отставной штурманский офицер, родом из Ярославской губернии; проживая у него, он познакомился очень близко с дочерью управляющего — молодою девушкой. Хорошо грамотная и экзальтированная девушка, увлеченная рассказами и чтением Рудина, оставила дом свой и уехала в Нерехту, где и теперь живет, как говорят у Константина Петровича Васькова. Твердое ли убеждение в учении графа Толстого, сердечное ли увлечение молодой девушки, или простое желание жить на свободе были причиною ее удаления, — мне неизвестно, скорее могу предполагать последнее, зная строгость ее родителей и нравственную их жизнь. С удалением этой девушки Рудин уже более не являлся в усадьбу.

В настоящее время посещает г. Бирюкова неизвестное лицо, проживающее в г. Костроме, в доме Колодезникова, у Александра Алексеевича Бирюкова. Посещения его бывают весьма кратковременными, не более как на несколько часов. Кто он и откуда можно узнать в Костроме. В прошлое лето проживали в с. Карабанове четыре курсистки из С.-Петербурга. Все подробности пребывания их известны Вашему Превосходительству из рапортов и личных докладов моих.

Обращаясь к деятельности г. Бирюкова как попечителя народной школы, как члена училищного совета и как экзаменатора в нескольких школах, не принимая на себя права критической оценки его деятельности в деле народного образования, как лица облеченного доверием общества и училищного совета, а также и на сколько деятельность эта совместна с религиозными убеждениями г. Бирюкова, могу только сказать, что я не имел случая слышать и замечать вредного направления его в смысле свращения кого-либо из учащихся или учащихся. Не могу также придать значение пропаганды частым беседам его со священником, с которым он любит беседовать, откровенно высказывая ему свои религиозные убеждения. Стараясь усердно о распространении грамотности в народе, он щедро наделяет и раздает книжки духовно-нравственного содержания как взрослым, так и детям. Книжки эти по большей части издания «Посредника», но не случилось мне еще видеть в обращении у народа цензурированных книг, за чем имеется со стороны полиции наблюдение.

В заключение всего вышесказанного позволяю себе выразить мнение мое, что г. Бирюков настолько знаком с краем, в котором он живет, с характеристикой, правами, обычаями и религиозными убеждениями окружающего его населения, где преградою всякого новшества являются еще староверы, закоренелые в своих верованиях, совершенно противоположных учению гр. Толстого, что трудно предполагать, чтобы при всех этих и других неблагоприятных условиях к распространению в народе учения гр. Толстого, г. Бирюков мог бы пропагандировать свое учение и свращать народ, чего я не могу допустить. Причину всех слухов о г. Бирюкове то, что делая добро, он не знает ему ни границ, ни меры, что дает повод говорить даже больше, чем это есть на самом деле. Уездн. испр. Перроте»².

П. И. Бирюков

*П.И. Бирюков
с женою Павлою
Николаевной,
урожденной
Шараповой*

Бирюков оказывал значительную помощь не только костромским крестьянам: в 1892-93 годах он участвовал в организации помощи голодающим крестьянам Рязанской и Самарской губерний. За всем этим он не оставлял и интеллектуального труда. Осенью 1891 года впервые ездил в Женеву по издательским делам.

Преследование Бирюкова ужесточается: 25 июня 1894 года на квартире его, в Костроме произведен обыск. Павел Иванович отказался подписать протокол и дать подписку о невыезде. Так происходит его прямое столкновение с правительством. С 1895 по 1900 год. Бирюков помогает преследуемой правительством секте духоборов, пишет воззвание в их защиту, позднее, изучив ее, пишет книгу «Духоборы». За это он был выслан в 1897 году под гласный надзор полиции в г. Бауск Курляндской губернии. Об этом он написал очерк: «История моей ссылки», опубликованный в сборнике «О минувшем». СПб.1909.

С 1898 года жил за границей. В 1904 года участвовал с В.Д. Бонч-Бруевичем в устройстве Центрального революционного музея в Цюрихе. В его доме хранились многие издания различных партий и направлений. Видимо они, перевезенные в Россию, и в частности в Ивановское, составили основу его библиотеки, хранящейся ныне в ценном книжном фонде Костромского историко-архитектурного музея-заповедника⁹.

Вернувшись в 1907 году в Россию, Бирюков снова поселился в Ивановском. Он служил в земстве, состоя попечителем земской школы сельца Ивановского, затем стал заведомом народного образования Костромского губернского земства. В это время им был основан детский приют в Костроме и написано несколько педагогических трудов, в том числе: «Мелкая промышленность и профессиональное образование», представлявший собою доклад на съезде по низшему профессиональному образованию в Казани в 1909 году, делегатом которого П.И.Бирюков был избран от Костромы.

Тогда же в 1906-1908 годах выходят первые два тома написанной им под контролем Л.Н.Толстого биографии писателя, начатые еще в 1901 году. Другие два

тома биографии Л.Н.Толстого увидят свет лишь в 20-е годы XX века. После смерти Л.Н.Толстого Бирюков создал еще несколько трудов о великом писателе, он участвовал в посмертных изданиях Толстого, был организатором Толстовской выставки в Москве, в Историческом музее, из этой выставки позднее вырос музей Толстого. Читал Бирюков и доклады о своем учителе, в том числе и в Костроме: 4 декабря 1911 года он выступал на «Толстовском вечере» (см. газету «Поволжский вестник» 1911 года, №1625).

В 1912-14 годах Бирюков редактировал Сытинское издание Полного собрания сочинений Л.Н.Толстого. С 1912 по 1920 год Павел Иванович жил в Швейцарии, где издавал журнал «Свободная мысль». Затем после короткого посещения России уехал в Канаду, где

С.С. Бирюков

заболел и был перевезен в Женеву Павлой Николаевной Шараповой – его женой. Он умер в Швейцарии 10 октября 1931 года. Потомки Павла Ивановича, сын Лев и дочь Ольга, остались жить в Швейцарии. А в сельце Ивановском до революции жили их двоюродные сестры и брат – дети Сергея Ивановича Бирюкова.

Единственный сын Сергея Ивановича – Сергей Сергеевич Бирюков, будущий народный артист РСФСР, родился 8 (20) января 1897 года в Костроме. Начало творческой карьеры Сергея Бирюкова неразрывно связано с основанием в Костроме театра студийных постановок. Актер и режиссер первой студии МХАТ Алексей Дмитриевич Попов приехал в провинцию в 1918 году с идеей организации студии по мхатовскому типу. Он привез с собою разработки уроков Станиславского, записи и рисунки спектаклей 1-й студии МХАТ.

Осенью 1918 года в поселке Бонячки под Костромой был дан 1-й спектакль новообразованной студии «Гибель “Надежды”» и затем студия перебралась в Кострому, где она пополнилась молодыми силами. Так из труппы городского театра, к примеру, пришел Владимир Платонович Кожич – будущий помощник и заместитель Попова, а также и просто любители, в числе которых оказался и Сергей Бирюков, давно болевший самодеятельным театром и мечтавший о профессиональной игре.

Костромская студия копировала репертуар и учебную программу 1-й студии Московского художественного театра, а в афишах указывалось «По мизансценам

МХАТ». 14 февраля 1920 года костромская газета «Красный мир» писала: «14 февраля годовщина губернской драматической студии. 4 постановки, которые сделаны ею в течение года, показали нам, что студией достигнуты крупные результаты. 82 спектакля прошло за год. 1-е репетиционное занятие прошло 9 декабря, а 15 февраля была открыта студия пьесой «Потоп».

За истекший год представлено 6 пьес: 1. «Потоп Бергера», 2. «Сверчок на печи Диккенса», 3. «Ученик дьявола Шоу», 4. «Предложение Чехова», 5. «Ведьма Чехова», 6. «Свадьба Чехова» (три последних пьесы объединены в один спектакль.)

По свидетельству В.П. Редлих – будущей жены Бирюкова, он играл Бира в «Потопе» (это в первом сезоне), затем, уже при режиссере Колабухове – Желидона в комедии Мельяка «Дикая утка», графа Альмавиву в «Женитьбе Фигаро» Бомарше, Желидона в комедии Мельяка и ряде других¹⁰.

Для творческих контактов и обмена опытом Костромская драматическая студия, переименованная в театр студийных постановок, в 1920 году уехала на гастроли в Томск, где работала студия со сходным репертуаром и ориентацией. Летом же она вернулась назад, о чем сообщала газета «Красный мир» за 2 августа 1921 года: «К открытию театрального сезона. 25 июля в Кострому приехал из Сибири театр студийных постановок, работавший прошлую зиму в Томске. Открытие сезона находится в зависимости от окончания ремонта электричества в здании гортеатра. Первыми постановками намечаются «Гибель «Надежды»», «Женитьба Фигаро», «Сказание о странной птице» в постановке реж. Колабухова».

Сменивший уехавшего в Москву Попова режиссер Колабухов возил студию на гастроли и в Ярославль, где Сергей Бирюков познакомился с актрисой Верой Редлих, ставшей вскоре его женой.

Жизнь и работа в Ярославле молодой четы перенеслась в Иваново, затем во Владивосток. Наиболее стабильным оказался почти тридцатилетний период, связанный с Новосибирским театром «Красный факел», куда семья определилась на работу осенью 1932 года.

Театр с претенциозным названием «Красный факел» был основан в 1920 году режиссером В.Татищевым, при приезде Бирюкова с супругой им руководил Ф.С.Литвинов. В.П.Редлих устроилась в театр не как актриса, а как режиссер. В нем она поставила ряд пьес как дореволюционных «Зыковы» и «Последние» Горького, так и советских: «Фельдмаршал Кутузов» Соловьева, «Глубокая разведка» Крона, «Обыкновенный человек» Леонова, «Кремлевские куранты» и «Барабанщицу» Солюнского. Из классики: «Гамлета» Шекспира, «Чайку» Чехова, «Бесприданницу» Островского, «Село Степанчиково» по Достоевскому и другие. Во многих ее спектаклях принимал участие С.С. Бирюков. Его артистичная игра и яркий образ памятен для коллег и друзей. Вот что вспоминала в 1963 году Елена Вениаминовна Шарова – руководитель театрального музея Новосибирского отделения ВТО:

«В нашей памяти сохранился образ высокого, элегантного человека, остроумца, умницы С.С. Бирюкова. Он был внучатым племянником (по материнской линии) Петра Ильича Чайковского. Мать Сергея Сергеевича брала уроки музыки у

Елизавета
Сергеевна
Кучерова,
урожденная
Бирюкова с до-
черью Натальей
Львовной

своего великого родственника. Родной дядя Павел Иванович Бирюков был другом и биографом Льва Николаевича Толстого. Можно понять, что лучшие черты интеллигенции впитал в себя Сергей Сергеевич, но и всегда был современным советским человеком, членом КПСС, защитником Родины. Во время Великой Отечественной войны Сергей Сергеевич был призван и служил в частях Дальневосточной армии.

В театре «Красный факел» он был не только артистом, но и педагогом. Мастер тонкого психологического рисунка, он создал чеховского Дорна, Забелина в «Кремлевских курантах», Алексея Александровича Каренина, Плюшкина в «Мертвых душах», иезуита Фому Опискина по Достоевскому – пример удивительного искусства перевоплощения»¹¹.

В 1960 году С.С. Бирюков с семьей переехал в Белоруссию. Супруги работали в Минском русском театре. Вера Павловна поставила здесь спектакли: «12-й час» Арбузова, «Изгнание блудницы» Шамякина (1961), «Антоний и Клеопатра» Шекспира (1964). С 1960 года руководила курсом в Белорусском театральном институте, а в 1966 стала заведующей кафедрой актерского мастерства.

Ее супруг за творческие успехи еще в театре «Красный факел» получил звание народного артиста РСФСР.

В 1961 году Сергей Сергеевич Бирюков посетил родные места, приехав на гастроли с Минским русским театром в Кострому.

Государственный русский драматический театр БССР им. Горького на период костромских гастролей с 7 по 29 июля 1961 года привез для показа костромичам следующие спектакли: «Оптимистическую трагедию», «Барабанщицу», «Океан», «Двенадцатый час», «Венецианские близнецы» и несколько других. Несмотря на большую загруженность в театре, Сергей Сергеевич нашел время для осмотра города и посещения местного музея, где в фондах совместно с сотрудниками выявил ряд портретов фамильной галереи Бирюковых и помог их частично атрибутировать»¹².

На оборотах многих произведений сохранились его надписи. Это было последнее прощальное посещение Сергеем Сергеевичем Бирюковым «малой родины». Он умер в Минске спустя год, 5 июня 1962 года.

Его дочь Елизавета Сергеевна Бирюкова, в замужестве Кучерова, и внучка Наталья Львовна Кучерова продолжили актерскую династию, в чем несомненно большая заслуга как Сергея Сергеевича, так и Веры Павловны.

Представив одну линию обширной костромской ветви рода Бирюковых, идущую от Ивана Сергеевича Бирюкова – сына основоположника ее, мы, к сожалению, не можем сейчас рассказать и о других линиях, идущих от остальных сыновей основателя – Николая и Алексея Сергеевичей, в разработке которых нам много помогли их далекие потомки и наши современники: костромичи Ольга Валерьевна Левченко, урожденная Бирюкова, и москвичи Алексей Митрофанович Бирюков с сыном Алексеем Алексеевичем, а также Дярябина Елена Митрофановна. Думается, что о их предках Бирюковых еще представится случай поведать.

Примечания:

1. ГАКО. Ф.121. Оп.1. Д.3858. Л.5

2. Там же Л.5

3. ГАКО. Ф.593. Д.3

4. ГАКО. Ф.599 Оп.1. Д.129. Лл.18,19

5. ГАКО. Ф.Р.-145. Оп.1. Д.168. Л.1-3

6. Первый труд печатный, второй рукописный.

Последний хранится в ГАКО, Ф.Р.-838. Оп.1. Д.201. Лл.1 – 10.

7. Дата смерти С.И. Бирюкова сообщена автору статьи его внучкой Е.С. Кучеровой.

8. Копии всех трех приводимых в статье документов получены от В.Н. Бочкова в конце 1970-х годов (сноска на архивные источники не была сделана).

9. Убедительную научную гипотезу о перевозе книг из Центрального революционного музея в Женеве в село Ивановское и нахождении их в настоящее время в ценном книжном фонде музея-заповедника и других хранилищах города выдвинула С.В.Павлова. (См. «Павел Иванович Бирюков. Вехи жизни». Кострома.1993).

10. Из письма В.П.Редлих – Е.В.Сапрыгиной от 13.06.86

11. Из письма Е.В.Шаровой – Е.В.Сапрыгиной от 19.05.83

12. Из письма В.П.Редлих – Е.В.Сапрыгиной от 13.06.86

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ (Ю.В. Жадовская)

ПРИБРЕТЕНИЕ поэтессою Ю.В. Жадовской имения в Костромской губернии было вызвано крайней необходимостью: вступая в последний период своей жизни (ей шел уже пятый десяток), отойдя от творчества и целиком посвятив себя уходу за старым и больным мужем, она, сама тяжело больная, желала сменить дорогую и суетную городскую жизнь на дешевую и здоровую деревенскую. В начале 1870-х годов эти настроения стали почти неотступными:

*Я гляжу на дорогу уныло,
Незавиден и тесен мой путь.
Я теряю и бодрость и силу,
Мне пора бы давно отдохнуть...*

Мечту свою она долго не могла осуществить: сначала из-за болезни отца, не соглашавшегося уехать из Ярославля, а после его смерти из-за честолюбивых надежд мужа – доктора Карла Богдановича Севена, пытавшегося обзавестись широкой медицинской практикой в Костроме, куда супруги переехали из Ярославля в 1863 году. Спустя семь лет К.Б. Севен все же поддался настояниям жены, рвавшейся в провинцию, и чета совершила еще один переезд в уездный городок Буй, мало чем отличавшийся от деревни.

А еще спустя три года, продав свой дом в Ярославле, Ю.В. Жадовская смогла купить имение в семи верстах от Буя, недалеко от усадьбы Панфилово, где она жила в детстве у своей бабушки Анастасии Петровны Готовцевой.

Прежние хозяева приобретенной усадьбы Толстикова (Толстяково) – помещики Лермонтовы – приходились дальней родней великому поэту. Дмитрий Николаевич Лермонтов служил в гвардейском экипаже, был замешан в деле 14 декабря и даже подвергся пятимесячному заключению, но благополучно выпутался, продолжал служить и вышел в отставку генерал-майором флотской службы. Умер в 1854 году. Его вдова Александра Ивановна Лермонтова, урожденная Антропова, продала опустевшую без хозяина усадьбу Ю.В. Жадовской.

Имение состояло из сельца Толстикова и прилежащих к нему деревень: Коренево, Усково, Каменки. Господский дом в усадьбе мы можем представить по дошедшему до нас фотоснимку 1910 года. Это каменный одноэтажный дом с полуподвалом и антресолями. Фасад его оформлен в виде плоского портика с шестью полуколоннами, держащими треугольный фронтон, с полукруглым слуховым окном.

Господский дом в усадьбе Толстиково

По свидетельству поэтессы в доме были: «чудные два балкона: южный и северный, первый в сад, с последнего на три стороны кругом прелестные ландшафты и все луга и поля, как на блюдечке». Комнат в доме было немного, но поскольку и жильцов, помимо прислуги, насчитывалось только трое: супруги Сеვენ да Настасья Петровна Федорова – родственница поэтессы, то ряд помещений пустовал в ожидании гостей.

Юлия Валериановна, всегда стремившаяся к уединению, восторгалась своим именем: «Господи ты Боже мой! – восклицала она, – Если бы Вы знали, как здесь хорошо! Жаль, что поздно, в конце моей жизни, послан мне этот Эдем: не столько по красоте люблю его, а по тому сладкому чувству, которое он разливает в душе...»

О пребывании поэтессы в усадьбе сохранились воспоминания местных жителей, хранящиеся ныне в Буйском краеведческом музее. Так Е.М. Друлис писала: «Мы в то время (1883 год) жили в деревне Дудино Воскресенской волости, а Юлия Валериановна жила в усадьбе Толстиково вместе с женой ее покойного брата, генеральшей Настасьей Петровной и с прислугой Прокофьей Дмитриевной (по прозвищу «Зуда»), ее мужем кучером Елизаром Петровичем с сыном Савельем. Юлию Валериановну я помню такой: среднего роста, ходила в широком капоре. Одной руки не было вовсе, а на другой руке были три пальца. Рука была коротенькая... Я к ней приходила несколько раз. Меня посылали к ней мама, которая шила ей белье... Юлия Валериановна угощала нас, детей,

конфетами. Принесла их в маленькой горсточке. Прижав ее к телу, подает конфеты и приговаривает: «родное мое сердце...» Работала она по ночам и во время работы к себе никого не пускала. У нее был особый кабинет. Говорили тогда, что они пишут ногами».

Старик В.И. Тихомиров вспоминал, как ребяташками они пробирались в барский сад и видели, как на балконе дома между колоннами сидела хозяйка. Тогда ребята шептались между собой: «Безручка вышла». Они воровали яблоки, но их никогда не наказывали.

Жизнь на лоне природы текла размеренно и безмятежно. Хозяйка увлекалась цинговодством и с ранней весны до поздней осени трудилась в саду. Поэзию она совсем забросила и почти ничего не читала, так как доктора запретили ей и то и другое. Книжки тем не менее в усадьбе не переводились: библиотека поэтессы составила из книжных собраний Жадовских и Готовцевых, а также из медицинских учебников доктора Севена. В доме хранился также и личный архив Юлии Валериановны. Живописные портреты и пейзажи украшали стены комнат, некоторые из них написала сама хозяйка и ее сестра.

Хотя деревенская жизнь и умиротворяла супругов Севен, но бег времени был поумолим: в 1881 году скончался Карл Богданович, а 9 августа 1883 года за ним последовала и Юлия Валериановна. Они похоронены рядом, в приходе Воскресенской церкви, что в трех километрах от усадьбы Толстикова.

К.Б. Севен по свидетельству земляков «умер в одночасье в тот момент, когда узнал из газеты о смерти царя Александра II. Он ожидал своей смерти и неоднократно говорил: «Я умру тогда, как царя не станет» – и умер. Юлия Валериановна пережила мужа на два года.

Имение унаследовала двоюродная сестра поэтессы, где и жила до самой смерти. Затем оно попало в руки буйских купцов и подверглось медленному разрушению. Уполномоченный Костромской губернской архивной комиссии Борис Гласко, обследовавший усадьбу в 1910 году в своем отчете печально констатировал: «Веседки в саду разломаны. Каминные и печи в стиле русского ампира сломаны на кирпичи. Лестяицы сломаны. Изразцы и оригинальные их украшения разбиты. Дом также будет сломан на камни».

Именно он, Б.Гласко, сделал фотоснимок господского дома в Толстикове и не ограничился этим: узнав, что библиотеку и архив, оставшиеся от хозяев, за несколько лет до его приезда упаковали в пять сундуков и отвезли в Буй на оберточную бумагу, краевед не отчаялся и, обойдя окрестных жителей, собрал около двухсот книг, многие с автографами поэтессы – все, что осталось от ее книжного собрания. Но еще более ценной он считал другую находку, обнаруженную в корзине с битыми стеклами и старыми газетами. Под этим старьем, на самом дне корзины им были обнаружены: черновые рукописи многих стихотворений Жадовской, из которых ряд не был напечатан; дневник ее школьной подруги, рисующий детство Жадовской; портреты отца и матери Жадовской, два ее собственных портрета и два вида имения Субботино, где родилась поэтесса, один кисти ее сестры, на другом собственная подпись Жадовской.

Куда передал свои находки Б.Гласко, доподлинно нам неизвестно, хотя можно предположить, что они попали в музей костромской губернской архивной комиссии, откуда перекечевали в современные музеи и архив. И действительно, в художественном музее хранится портрет отца поэтессы — Валериана Никандровича Жадовского, а в государственном архиве Костромской области имеются детские стихи поэтессы. Не там ли следует искать и другие литературные трофеи, привезенные краеведом из усадьбы Толстиково?

Любая реликвия, связанная с пребыванием Ю.В. Жадовской на нашей земле, где покойтся ее прах, станет скромной данью ее памяти, которую она надеялась получить от потомков.

Ю.В. Жадовская

*Пройду своим путем, хоть горестно, но честно,
Любя свою страну, любя родной народ,
И, может быть, к моей могиле неизвестной
Бедняк или друг со вздохом подойдет;
На то, что скажет он, на то, о чем помыслит,
Я, верно, отзовусь бессмертной душой...»*

ХОЗЯЕВА И ГОСТИ СЕЛЬЦА ЛЕОНТЬЕВА (Молчановы и Волконские)

ПОСЛЕ районирования Костромской губернии в 1928 году семь ее уездов были реформированы в девятнадцать районов, в результате чего образовались новые границы и многие населенные пункты поменяли адреса. Именно тогда село Леонтьево Буйского уезда, что стояло недалеко от Первущина вблизи старинного тракта Воронье-Молвитино, вошло в состав Судиславского района, став центром одноименного сельсовета, как наиболее крупное и многочисленное селение. Ныне это безлюдное, заброшенное «памятное место» – свидетель давно прошедших событий, являющихся частицей не только местной, но и отечественной истории...

Владельцами Леонтьева издревле считались представители костромского разветвленного дворянского рода Шиповых, оставившие в поместье вековую память о себе в виде двух одноименных церквей: Троицкой деревянной, возведенной в 1755 году капитан-лейтенантом Иваном Петровичем Шиповым и каменной Троицкой церкви, построенной на средства его супруги Варвары Алексеевны, урожденной Горчаковой. Семья Шиповых кроме супругов насчитывала еще двух сыновей и четырех дочерей, одна из которых – Наталья Ивановна Шипова вышла замуж за галичского дворянина Василия Илларионовича Молчанова и принесла ему в приданое село Леонтьево с деревнями: Черноухово, Лышнево и Полежаево.

Василий Илларионович произошел из московской ветви старинного дворянского рода Молчановых. Его отец владел подмосковным селом Абрамцевым, которое в 1783 году продал отцу С.Т. Аксакова, и взамен того приобрел недвижимое в Костромской губернии. Позднее он стал галичским предводителем дворянства. Кроме Василия в семье было двое дочерей: Александра Илларионовна, ставшая женой Александра Юрьевича Пушкина, двоюродного дяди поэта, и Варвара Илларионовна, оставшаяся девицей.

Облик В.И. Молчанова мы можем представить по дошедшему до нас портрету неизвестного художника первой четверти XIX столетия. На темно-оливковом фоне полотна едва читается мужской силуэт, развернутый в три четверти вправо от зрителя. Все детали костюма: сюртук и шейной платок, также как волосы и баки изображенного – черного цвета. Светлым пятном смотрится лишь лицо Молчанова, да уголки белой рубашки, выбивающиеся из-под шарфа и облегающие подбородок.

Лицо грубой лепки, широкий нос, полные иронично скроенные губы, под черными взлет бровями большие выразительные глаза редкого оливкового цвета смотрят не прямо на зрителя, а чуть левее, как бы скользя по щеке. По виду ему можно дать лет 35-40.

По формулярному списку мы можем проследить основные вехи биографии Василия Илларионовича: родился он в 1779, а умер в 1861 году, то есть прожил восемьдесят два года. С детства зачислен в Екатеринославский кирасирский полк корнетом, но в двадцать три года меняет военную службу на штатскую, переведясь в почтовый департамент в чине коллежского регистратора. Спустя еще десять лет, наскучив чиновничьей рутинной, переходит в комиссариатский штат комиссионером, другими словами, становится купеческим поверенным. Такая должность считалась довольно прибыльной. Через четыре года, скопив изрядный капитал, Молчанов переехал в Костромскую губернию и женился на Наталье Ивановне Шиповой, избрав местом жительства приобретенное в приданое Леонтьево. У него рождаются дети: дочь Варвара (впоследствии замужем за Н.А. Сипягиным) и сын Дмитрий – главный наследник и надежда всего семейства.

Благодаря обширным связям и значительным финансовым средствам, Василий Илларионович определяет сына в Санкт-Петербургское училище правоведения, привилегированное учебное заведение, основанное в 1835 году принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским. Оно готовило юристов и обещало выпускникам блестящую политическую карьеру, за что получило название «кузницы сенаторов». Из выпуска, в котором учился Д.В. Молчанов также выросло несколько сенаторов: Шаховской, Багратион-Мухранский, Оголин, кроме того, однокашником Дмитрия Васильевича Молчанова был Иван Сергеевич Аксаков, писатель-славянофил. Так что в основательности училищного преподавания сомневаться не приходится. По окончании учебного заведения в 1842 году Дмитрий Молчанов получил чин XI класса и был определен чиновником особых поручений при Иркутском губернаторе. Он стал быстро подниматься по служебной лестнице: сначала был назначен управляющим экспедицией о ссыльных иркутского губернского правления, а с 1849 года начальником IV отделения Главного управления восточной Сибири. Его высокий профессионализм, трудоспособность и честность расположили к нему как подчиненных, так и начальство. Особенно теплые отношения сложились у Молчанова с генерал-губернатором Николаем Николаевичем Муравьевым, прибывшим в Иркутск в 1847 году. Ссыльные отмечали, что новый начальник края с первых же дней своего вступления в должность проявил себя заступником, покровителем, другом декабристов.

Он не только принимал их у себя, он сам ездил к ним. С домом Волконских у него установились отношения самой тесной дружбы... Дмитрий Васильевич Молчанов всегда сопровождал начальника при этих визитах и не только по долгу службы...

Семья Волконских появилась в Иркутске в 1844 году. Жители города были наслышаны о ней. Князь Сергей Григорьевич, которому в это время минуло пятьдесят шесть лет, был генерал-майором, участником всех наполеоновских войн,

имел многие боевые награды. Он долгое время пребывал за границей, набрался вольного духу и вступил в тайное общество «Союз Благоденствия». Был принят туда в 1820 году М.А. Фонвизиным. Позднее состоял и в Южном обществе. Будучи противником монархии, выступал за республиканское правление. В начале 1826 года был арестован. Верховный суд инкриминировал ему «участие согласием в умысле на царубийство» и приговорил к смертной казни, замененной двадцатилетней каторгой.

Туда, в Благодатский рудник на Нерчинский завод, приехала его молодая жена Мария Николаевна, дочь генерала Н.Н. Раевского. Они были женаты только год. Чтобы разделить трудную долю мужа, ей пришлось оставить родителям новорожденного сына Николая. Ее подвиг увековечил Н.А. Некрасов в поэме «Русские женщины».

Тяготы каторжной жизни Марии Николаевне скрасило рождение двух ее детей: сына Михаила в 1832 году и дочери Елены в 1835 году. Забота о них поглотила ее целиком и когда от Николая I поступило предложение отослать детей из Сибири в Россию и поместить в казенные учебные заведения, то это повергло Волконскую в ужас. Разумеется, она ответила отказом, но опасение насильного отторжения от нее детей довело ее до опасной болезни, ставшей впоследствии причиной ее смерти. Однако, эта же болезнь помогла семье перебраться на поселение в Иркутск из далекого Урика, где больная не могла найти знающих врачей.

Волконские были обязаны встречаться с управляющим экспедицией о ссыльных Дмитрием Молчановым, и его с первой же встречи поразила необыкновенно красивая и не по возрасту разумная девятилетняя дочь Сергея Григорьевича Елена, которую домашние называли на английский манер «Нелли». Она пошла в мать, которая в юности была стройной, высокой брюнеткой, с черными, как смородина, глазами, полусмуглым лицом и чуть вздернутым носом. Она имела упругую и гордую поступь, недаром близкие дали ей шутовское прозвище «Дева Ганга».

Но красота Нелли была на порядок выше: она впитала в себя лучистость отцовского взора: ее взгляд проникал в душу каждого, пленяя и очаровывая. Не из

*Е.С. Волконская (Нелли) –
вдова Д.И. Молчанова*

С.Г. Волконский

темы, против которой он некогда восстал и которая сторицей за то взыскала. Он категорически возражал против этого брака при молчаливой поддержке друзей-декабристов, принимавших участие в судьбах детей Волконского, будучи их учителями и крестными отцами.

И тем не менее стараниями Марии Николаевны брак состоялся. Свадьбу сыграли в Иркутске 17 сентября и сразу же молодые поехали в Петербург, который Нелли знала лишь по рассказам родителей. Письма родным от Елены Сергеевны дышали счастьем, от Молчанова – рыцарством. Даже Сергей Григорьевич стал сомневаться в своих тревожных предчувствиях.

По дороге в Петербург Молчановы остановились в Томске, навестив старого друга Волконского – Гавриила Степановича Батенькова – легендарного декабриста, отсидевшего двадцать лет в Свартгольмской крепости. С первых минут свидания Нелли покорила старика, который проникся к ней чувством нежной отеческой привязанности, сохранившейся до последнего часа. О нем он признавался в письме к И.Д. Якушкину: «Елена так мне мила, что кажется, Сергей Григорьевич опрыскал нас чем-то из своего собственного сердца». И в другой приезд Молчановых, сопоставляя его с приездом к нему сына декабриста Якушкина – Евгения, писал другу: «Вот уже я видел трех из нового поколения нашей касты и нашел вполне, что им дано не только самое ценное по положению их воспитание, смыкающее требования света с простотою человеческой свободы, но даже и душа – прекрасное отражение на семейства, из которых они произошли».

бежал этой участи и Дмитрий Васильевич Молчанов. За несколько лет на его глазах милый ребенок превратился в восхитительную девушку. Потерявший голову молодой человек попросил у родителей пятнадцатилетней Нелли ее руки. Его предложение вызвало противоречивые мнения у членов семьи. Девушке жених нравился: скромный, вежливый, с привлекательной внешностью; мать видела в будущем зяте человека, способного выволить дочь из Сибири и обеспечить ее положение в обществе. Что касается отца, то он, признавая положительное в Молчанове, видел в нем прежде всего чиновника административного аппарата той системы,

В Петербурге молодые встретили радушно. Многочисленная родня наперебой приглашала их к себе. Елена Сергеевна обратила на себя внимание всего света и не только обаянием своей личности, но и тем, что была за многие десятилетия первым посланником «оттуда», из далекого холодного края, приютившего сотни изгнанников, и столичные родственники жаждали рассказов о их жизни. Но Елена Сергеевна не только развлекалась в столице; пользуясь возникшими связями, она сумела выхлопотать разрешение на возвращение больной матери в Москву.

Вернувшись домой, Дмитрий Васильевич спешил разобрать скопившиеся в его отсутствие дела. Одно из них «Дело

Занадворова» генерал-губернатор поручил расследовать Молчанову в срочном порядке. Лесопромышленник и поставщик Ф.П. Занадворов, хотя и имел мизерный чин губернского секретаря, но благодаря женитьбе на племяннице сибирского золотопромышленника Е.А. Кузнецова имел огромные капиталы, а следовательно, и власть... Эти деньги Занадворов присвоил, будучи душеприказчиком Кузнецова. За злоупотребления, а также за поджег леса на своих Оклеминских приисках он был отдан под суд. Зная силу денег, Занадворов не боялся ни губернатора, ни его помощника-следователя и, не таясь, грозил, что утопит их в своем золоте... Когда Молчанов стал слишком близко подкапываться под преступника, тот вдруг официально заявил, что будто бы Молчанов получил от него, Занадворова, взятку в двадцать тысяч рублей за обязательство замять дело. О реакции Дмитрия Васильевича на грязную инсинуацию рассказывает князь Сергей Григорьевич Волконский: «Узнав об этом, Молчанов вне себя побежал к Муравьеву. Говорят, что не видали еще Муравьева в таком состоянии гнева... В то время был назначен блистательный официальный прием в генерал-губернаторском доме. Весь чиновный люд, военные власти, духовенство, купечество. В рядах последнего был и Занадворов. Отворилась дверь и из нее не вышел, а вылетел Муравьев, прямо на Занадворова. В присутствии всех он так отчитал его, что тот с опущенной головой должен был выйти, как побитая собака».

Такого посрамления промышленник снести, конечно, не мог. Дело о взяточничестве было запущено в производство. Н.Н.Муравьев, понимая, что местный суд

М.Н. Волконская, урожденная Раевская

подкуплен Занадворовым, настоял, чтоб дело разбиралось в одном из западносибирских судов. Однако, и это не помогло: первый этап выиграл Занадворов. Вторая инстанция должна была проходить в Москве. Туда в срочном порядке отправился хлопотать Занадворов. Волконские и Молчановы томились в Иркутске, ожидая результатов. Но жизнь не стояла на месте. В 1863 году у молодой четы родился сын, названный в честь деда Сергеем. Крестным отцом его вызвался быть Н.Н. Муравьев.

Однако, все сгущавшаяся туча нависшего обвинения омрачила радость родителей. Появились новые сфальсифицированные улики по делу: записка, напоминающая почерк Молчанова, в которой сообщается Муравьеву о том, что он, Молчанов, получил деньги с Занадворова и обещал прекратить дело. Записку подбросили в Петербурге председателю Сибирского комитета князю Чернышеву. Молчанова вызывают для объяснения в Петербург вместе с Муравьевым. Там они объясняют суть дела и убеждают Чернышева, что цель этой акции компрометация их в глазах петербургского начальства. Князь Чернышев доложил об этом царю и тот приказал объявить Молчанову «высочайшее повеление», чтобы тот всю жизнь не говорил никому об этой записке. Фальшивая улика была ликвидирована.

Все происходящее не прошло бесследно для Дмитрия Васильевича: волнения, вызванные допросами, раздражение втянутого в дело Н.Н. Муравьева, сомнения в его правоте знакомых, вызвало в нем тяжелую депрессию и в конечном счете привело к страшной болезни – прогрессивному параличу. В 1854 году у Молчанова отнялись ноги и он был вынужден уйти со службы. Оставив сына на попечение матери, Елена Сергеевна повезла больного мужа в Москву, в город, где продолжала свои хлопоты в суде Занадворов.

Из-за эпидемии холеры город был почти пуст. Нелли скиталась по канцеляриям с несчастным мужем, которого она в колясочке катала по пыльным, знойным улицам. К довершению всего, Молчанов, несмотря на болезнь, был приговорен к предварительному заключению. У молодой женщины хватило сил и мужества с помощью одного из врачей выволочь больного из заключения. Однако, ее силы и физические и душевные были на исходе. Однажды, воротясь домой после утомительных хлопот и отворив дверь, она разрыдалась, увидев приехавшую из Сибири мать и сына Сережу... Лаская мальчишка, она слушала рассказы Марии Николаевны о том, как они коротали время с внуком: любимое развлечение Сережи было, взяв бабушку за палец, ходить вокруг комнаты, рассматривая портреты. Дольше всех они останавливались перед тетей Катей потому, что она с собакой.

С приездом родных окрепла надежда на лучшее. Но судьба не переставала испытывать молодую женщину. В 1855 году дело Молчанова, рассматриваемое в московском ордонансгаузе, завершилось следующим приговором: признать Д.В. Молчанова виновным и, лишив всех прав и состояния, выслать в Сибирь. Это был конец... От Молчановых отвернулись все, и лишь друзья-декабристы скорбели об их участи.

Батеньков писал Пущину: «Странная, тяжелая судьба этой милой женщины! Верно мы, имея несколько отрадных часов в жизни, передали ей восполнение наших страданий, чтоб весь крест предстал в вечность бездонно. Нам до могил

подалеку, а ей еще путь и путь... Впрочем, последние письма от нее успокоительнее, но на кого она полагается, кто будет рассматривать и пересуживать?»

На эти вопросы у Нелли имелись ответы: пересудить теперь могли только в одном месте – она имела в виду последнюю цитадель справедливости – Правительственный Сенат. И чудо случилось – несмотря на попытки давления на Сенат со стороны золотопромышленника, а может быть и благодаря им, 25 мая 1856 года Д. В. Молчанов был оправдан, а Занадворов предан суду. Приговор Сената, как высшей судебной инстанции был окончательным и не мог быть обжалован.

Увы! Молчанову это уже не могло принести утешения: в нем угасли последние проблески разума. В то время Свербеев сообщал Трубецкому: «У Волконских-Молчановых разыгрывается жестокая сцена – Молчанов окончательно сошел с ума, ругается, неистовствует, а нынче ночью дошел до того, что сорвал с себя одежду и голый валялся на полу; думают, что придется надеть на него смирительную рубашку и, пожалуй, отдать Саблеру (врачу-психиатру). На это не решается Елена Сергеевна. Что за страшная катастрофа в этой семье. Какая плачевная доля у молодой женщины...»

«Бедная, бедная Нелинька, – вторит ему Штенгейль, – да укрепит ее господь в поднятии креста, налагаемого на ее слабые рамена.»

Через несколько месяцев господь прибрал страдальца к себе. На похоронах Молчанова, в ту минуту, когда выносили гроб из дома, подкатила коляска, в ней сидел Занадворов, с явным намерением оскорбить родных покойного и позлорадствовать на его могиле. Александр Николаевич Раевский, дядя Нелли, кинулся к нему с угрозами и помешал выйти из коляски и тот вынужден был уехать прежде, чем Елена Сергеевна его увидела.

Через несколько месяцев Сергей Петрович Трубецкой подвел итог этой страшной истории: «Итак, Молчанов умер и Нелли свободна и все испытания ее миновались. Дай бог, чтоб мать, наученная опытом, не бралась снова устраивать судьбу дочери по своим видам...» В 1856 году Александром II-м, только что вступившим на престол, была объявлена амнистия ссыльным декабристам. Воспользовавшись свободой, Мария Николаевна Волконская с дочерью выехала за границу для поправления здоровья и восстановления сил.

Сергей Григорьевич остался с внуком в подмосковном имении, поскольку решил съездить в Костромскую губернию для утрясения наследственных дел внука. Он получил разрешение на выезд и прибыл в Леонтьево через Судиславль в конце августа 1857 года. Там их встретила Наталья Ивановна – мать покойного Дмитрия Васильевича. Она впервые увидела внука и сразу полюбила это милое и ласковое дитя. Доля недвижимого имения, предназначавшаяся покойному, безоговорочно перешла к его сыну. Состоялось знакомство гостей с родными: Сипягиными, Пушкиными. В честь умершего был заказан молебен. Во все время пребывания С. Г. Волконского – бывшего «государственного преступника» в Костромской губернии, за ним осуществлялся негласный надзор, а по возвращении князя в Москву 5 сентября, гражданский губернатор князь Щербатов сразу поставил в известность III-е отделение.

Спустя некоторое время Сергей Григорьевич с внуком едут во Францию догонять родных. В Париже семья соединилась. Там произошло торжественное для всех событие: свадьба молодой вдовы Елены Сергеевны Молчановой с достойным молодым человеком – Николаем Аркадьевичем Кочубеем. Видимо, устроившая и на сей раз брак дочери Мария Николаевна не сделала из предыдущей истории никакого вывода. К счастью, на этот раз она не ошиблась.

Мария Николаевна Волконская умерла в 1863 году, Сергей Григорьевич пережил ее на два года. Оба они похоронены в имении зятя Кочубея в с. Воронки Черниговской губернии.

Что касается Елены Сергеевны, то, пережив второго мужа, она вступила в третий брак с Александром Алексеевичем Рахмановым и дожила до глубокой старости, проведя последние пятнадцать лет в параличе, но обладая изумительной памятью, смогла продиктовать свои воспоминания племяннику Сергею Михайловичу Волконскому. Умерла она в 1916 году, на 81-м году жизни, до последнего часа оставаясь кумиром всех окружавших ее.

Судьбу ее сына Сергея Дмитриевича Молчанова, к сожалению, пока проследить не удалось...

КОНФИДЕНТ ВОЛЫНСКОГО (П.И. Мусин-Пушкин)

РОД Мусиных-Пушкиных отпочковался от древней фамилии Пушкиных, что было безызвестно нашему великому поэту, который писал: «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи, выехавшего в Россию во времена княжества святого Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Миглевы, Каменские, Бутурдины, Кологривовы...»

И в самом деле, потомок Радши в десятом колене – Михайло Тимофеевич Пушкин, по прозвищу Муса, стал родоначальником Мусиных-Пушкиных. Многие представители этой славной фамилии оставили заметный след в отечественной истории, культуре и науке. Но это произошло не сразу. Род Мусиных-Пушкиных сумел возвыситься лишь в конце XVI века в лице Ивана Алексеевича, породнившегося с патриархом московским Иоакимом Савеловым, путем женитьбы на его племяннице. Как мог сын комнатного стольника царя составить столь блестящую партию? Может быть верны глухие слухи о том, что он был внебрачным сыном царя Алексея Михайловича и сводным братом Петра Первого? По крайней мере блестящая карьера Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина не идет в разрез этой версии.

Когда юноша вырос, то находился при Петре Великом сперва боярином и начальником монастырского приказа, потом президентом камер-конторы и стат-конторы; при учреждении в 1711 году Сената стал первым сенатором и был возведен Петром Великим 16 февраля 1710 года в титул графа и стал основателем графской отрасли Мусиных-Пушкиных, угасшей в 1836 году.

Свой титул граф Иван Алексеевич передал детям: от брака с Савеловой он имел двух дочерей – Клеопатру да Елизавету и четырех сыновей – Александра, убитого в Полтавском бою, Аполлоса, умершего подростком и более счастливых Платона и Эпафродита, имевших потомство и образовавших две основные линии первой графской отрасли Мусиных-Пушкиных.

Граф Иван Алексеевич владел большими имениями в различных губерниях России, в том числе и в Костромской. По ревизским сказкам 1719 года село Бушнево Чухломского уезда с шестьюстами сорока пятью душами мужского пола и двадцатью деревнями принадлежали сенатору, тайному советнику графу Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину и числились за ним еще в 1737 году. До него селом владел думный дьяк Томило Луговской с потомками.

Село Бушнево стояло на торговом тракте из Новгорода в Сибирь и славилось большими базарами и архитектурой церквей. Оно приносило значительный доход

А.П. Волюнский

хозяину и он, в свою очередь, заботился о вотчине, что нашло отражение в ряде источников. Так, в первом выпуске «Материалов для истории Костромской епархии...» (г. Кострома 1895) приводится следующий документ:

«1730 года мая 26 граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин в Синодальный приказ писал: «в вотчине у меня имеется в Галицком уезде село Бушнево, а в той моей вотчине в давних годах построена церковь деревянная во имя святителя и чудотворца Николая, и она – церковь – обветшала, в которой за обветшанием литургии служить невозможно, а ныне я по обещанию своему на месте

той церкви, наготовя лесу, велел построить вновь церковь во имя ж святителя и чудотворца Николая и прошу для строения той церкви дать мне благословенную грамоту, также и для освещения той церкви... антиминс выдать».

9 июля 1730 года Святейший Синод дал предписание благословить строение церкви и дал указ о выдаче антиминса. Спустя десять лет означенная вотчина графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина была отписана в дворцовое ведомство по обвинению его и его сына причастными в государственном преступлении по делу Волюнского, после чего она стала называться Бушневской дворцовой вотчиной.

Сын Ивана Алексеевича – граф Платон Иванович Мусин-Пушкин служил при императрице сенатором и президентом коммерц-коллегии, являлся «конфидентом» (доверенным лицом) Артемия Петровича Волюнского, был причастен к заговору, из-за чего финал его жизни стал трагичным.

Ранним июньским утром 1740 года толпы народа стекались к Сытному рынку, близ Петропавловской крепости, к месту публичных казней. Шепотом называли имена важных злодеев: кабинет-министра Артемия Петровича Волюнского, гофинтенданта Петра Михайловича Еропкина, оберштер-кригс-комиссара Федора Ивановича Соймонова, советника берг-коллегии Андрея Федоровича Хрущева, президента коммерц-коллегии графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина и несколько других русских людей, фамильных, дерзнувших открыто выступить против фаворита императрицы герцога Бирона.

В восьмом часу утра выведены были из Петропавловской крепости Волюнский и прочие осужденные, кроме графа Мусина-Пушкина. Он, страдавший подагрой, не был возводим на эшафот: ему был «урезан» язык в крепостном каземате. Начали казнь с Волюнского. Правая рука кабинет-министра, вывихнутая дыбкой на пытке, висела без движения, рот был закрыт толстой холщовой перевязью, через которую струилась кровь: в крепости у Волюнского был вырван язык. Сперва отрубили правую, вывихнутую руку, затем голову. Вслед за ним были обезглавлены Хрущев и Еропкин. Остальных наказали кнутом и отправили в ссылку (графа Мусина-Пушкина в Соловецкий монастырь). Тела казненных отвезены на Выборгскую сторону и захоронены без церковной церемонии в ограде церкви Самсония

Стрелинопримца, построенной Петром Великим в память Полтавской победы, и престольный праздник которого отмечался именно в день казни заговорщиков.

Оппозиционное правительству движение зародилось в недрах дружеского кружка Волинского. К концу 1730-х годов этот кружок очень разросся, в него входило более тридцати лиц различного общественного положения: кроме упомянутых членов, туда входили историк Татищев, Нарышкин (брат первой жены Волинского), известный князь Антиох Кантемир, генерал-лейтенант Урусов и другие. Конфиденты Волинского часто собирались в его доме на Мойке. В дружеских разговорах, тянувшихся иногда до полуночи и позже, высказывались мысли о будущем, обсуждались и осуждались правительственные мероприятия, критиковались привилегии немцы (Бирон, Остерман) и русские, исполнявшие роль шутов при дворе Анны Иоановны. На вечерах Артемия Петровича также читались и обсуждались политические и исторические сочинения, а также проекты, составленные самим Волинским при участии Еропкина, Соймонова и Хрущева.

Пользуясь удобным случаем, Волинский однажды подал императрице челобитную, в которой говорил о необходимости удалить Бирона. Узнав об этом, мстительный фаворит решил погубить патриота. Волинский был арестован 12 апреля 1740 года, затем аресты пошли один за другим, причем простирались и на родственников, знакомых и даже прислугу причастных к делу лиц. Образовалась следственная комиссия из семи человек. Пятого и шестого июня были пытаны Еропкин, Соймонов и граф Мусин-Пушкин. На вопрос, почему они не донесли на Волинского, не, за исключением графа Мусина-Пушкина, сказали «из боязни его». Один граф кратко объяснил, что «не донес потому, что не хотел быть доводчиком». 19 июня тайное собрание вынесло следующий приговор:

1. Волинского, как начинателя всего злого дела, живого посадить на кол, выжав предварительно язык.

2. Хрущева, Мусина-Пушкина, Соймонова и Еропкина – четвертовать и затем отсечь им головы.

3. Имена всех осужденных лиц конфисковать.

4. Двух дочерей и сына Волинского, как лиц, которые могли бы занять императорский русский престол, сослать в вечную ссылку.

Однако, 23 июня последовал высочайший указ, смягчивший казнь осужденных, и она состоялась в том порядке, о котором говорилось выше.

Согласно приговору генерального собрания все движимое и недвижимое имущество осужденных конфисковано в пользу казны. Любопытно, что на это имущество сразу же нашлись охотники. 16 июля 1740 года в императорский кабинет поступило челобитие от генерал-прокурора князя Трубецкого «чтоб для его недостатков и самой крайней нужды пожаловать ему в вечное и потомственное владение двор из конфискованных ныне Платона Мусина-Пушкина, что на Мойке, или который указано будет».

Конфискованные коллекции книг, монет и медалей Волинского, Платона Мусина-Пушкина и Андрея Хрущева описывались и разбирались для передачи в Академию Наук.

Дело Волынского произвело огромное впечатление как на его современников так и на представителей следующих поколений. Патриоту и борцу против иноземных тиранов Волынскому посвятил свою «Думу» лидер декабристского движения К.Ф. Рылев, повторивший впоследствии трагическую судьбу своего героя.

*Стран северных отважный сын,
Презрев и казнь и Бироном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном.*

*Открыл царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела
Коварный ум и нрав жестокий.*

*Свершил, исполнил долг святой,
Открыл вину народных бедствий
И ждал с бестрепетной душой
Деянью правому последствий...*

*Проник — и, осенясь крестом,
Сказал он: «За тебя, свобода!»
И к месту казни с торжеством
Шел бодро верный друг народа.*

*Притек... увидел палача —
И голову склонил без страха.
Сверкнуло лезвие меча —
И кровью осветилась плаха!*

*И хоть падет — но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.*

*Славна кончина за народ!
Певцы герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье!*

И действительно, легенды о Волынском и его «конфидентах» передавались как изустно, так и посредством литературы. В 1835 году в Москве вышел отдельным изданием роман Ивана Лажечникова «Ледяной дом» и имел небывалый успех. Автор так описывал общественный резонанс в связи с выходом произведения в письме В.Г.Белинскому: «...скажу Вам как человеку, который меня любит, — я в этом уверен, — что в Петербурге мой «Ледяной дом» имел успех, какого еще не имел

Руси ни один роман: у Самсоновского кладбища, где похоронен Волюнский, был постоянный съезд карет; памятник над могилой Волюнского весь исписан стихами — к счастью, как пишут, не пошлыми, — и молодые люди, разбив мраморную плиту (из этого памятника), уносят кусочки как святыню»...

Такое почитание было вызвано не только романтическим ореолом борца-мушкетера, но и историческими параллелями. При дворе Александра I, как и при дворе Анны Иоанновны, толпились немцы и другие ивоземцы, сильно влиявшие на государственную политику. Дворянская молодежь, особенно гвардейская, во время веселых кутежей часто шла на открытые стычки с немцами. Известно, что в таких потасовках участвовал и А.С. Пушкин вместе со своим преображенским приятелем Павлом Катениным. Последний был хорошо знаком и дружен по гвардии с Владимиром Алексеевичем Мусиным-Пушкиным, сыном известного ученого археографа, открывшего и опубликовавшего «Слово о полку Игореве». В число коронных знаковых П.А. Катенина входил также и Василий Валентинович Мусин-Пушкин (1775-1836) — высокопоставленный вельможа и заядлый театрал. В июле 1832 года тяжело больной П.А. Катенин приехал на дачу Мусина-Пушкина, что на Петергофской дороге, и хозяин не отпускал гостя до тех пор, пока тот не выздоровел. Там, на даче больного приятеля навестил А.С. Пушкин, о чем позднее писал в своих воспоминаниях о великом поэте уже пожилой Катенин.

«Три дела были необходимо нужны, — вспоминал он о том времени, — выдвинуться, напечатать свои стихи и снова вступить в службу; в первом помог граф Василий Валентинович Мусин-Пушкин-Брюс, во втором — Николай Иванович Вахтин, в третьем — Владимир Федорович Адлерберг».

Разумеется, П.А. Катенину, как и другим хорошим знакомым графа была известна история его рода. Отец Василия Валентиновича Валентин Платонович в пятилетнем возрасте остался без отца, сосланного в Соловки по делу Волюнского. Воспитывала его мать Марфа Петровна, урожденная княжна Черкасская. На тридцатом году он был записан в лейб-гвардии конный полк и дослужился до чина ротмистра, во в день коронавания Екатерины II (в 1762 г.) отличился, был пожалован чином камер-юнкера и его карьера пошла по придворной линии. Через семь лет он стал камергером, служил во 2-й армии под началом тестя своего Долгорукого, завоевавшего Крым. Граф Валентин Платонович отличался необыкновенной честностью, прямоотой и твердостью характера. Екатерина его не любила, но официально должна была его награждать: к концу ее царствования Мусин-Пушкин был вице-президентом в военной коллегии и кавалером всех русских орденов. При Екатерине II граф дослужился до чина генерал-аншефа, а при императоре Павле I пожалован в фельдмаршалы. Среди его обширных земельных владений числилась и недвижимая в Нерехтском уезде Костромской губернии, полученная, скорее всего, благодаря женитбе на дочери князя В.М. Долгорукого — Прасковье Васильевне. Кроме того, Екатерина Великая за отличие возвратила ему часть имений отца, а также дала вновь шестьсот душ крестьян. В числе имений, принадлежавших ранее Платону Ивановичу Мусину-Пушкину, входила также вотчина села Исупова с деревнями, находившаяся в Андомском стане, близ Чистого болота, в семи верстах

Граф В.В. Мусин-Пушкин-Брюс

от Домнина, где по преданию погиб Иван Сусанин. Однако по межевым книгам, обнаруженным в ГАКО, это имение числилось не за Валентином Платоновичем, а в 1774 году, 1775 и 1776 годах принадлежало лейб-гвардии поручику, графу Ивану Платоновичу Мусину-Пушкину, брату фельдмаршала.

Граф В.П. Мусин-Пушкин имел единственного сына Василия Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса. Приращение к его фамилии произошло в результате женитьбы на единственной дочери последнего графа Брюса. По указу Павла I 18 ноября 1796 года граф Мусин-Пушкин присоединил к имени своему знаменитое имя Брюса. Екатерина Яковлевна Мусина-Пушкина, урожденная Брюс, скончалась в 1829 году. Ее овдовевший супруг искал утешение в своей давней привязанности к театру. Будучи

человеком свободным, он позволил себе одну слабость: близко сойтись с оперной примадонной Нимфадорой Семеновой – родной сестре известной драматической актрисы. Сравнительно скоро они поселились в его большом петербургском доме, славившемся своим хлебосольством. Однако из-за неравного социального положения их брак не мог быть осуществлен. Граф Мусин-Пушкин-Брюс скрывал еще одну потайную жизненную грань: он входил в состав масонской ложи, причем не рядовым членом, а в звании Великого Мастера.

Умер граф 5 апреля 1836 года и погребен под Сергиевой церковью Симонова монастыря, рядом с родителями, в память которых оставил капитал для строительства придела во имя святых мучеников Валентина и Прасковьи, а также в честь святого блаженного Василия. С кончиною Василия Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса пересеклась старшая ветвь графской отрасли этого рода.

УЧЕНЫЙ И ПОЛИТИК (А.А. Мусин-Пушкин)

ОСНОВАННАЯ Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным первая графская отрасль состояла из двух, впоследствии пересекающихся ветвей: одна, уже рассмотренная, от его старшего сына Платона, а другая от младшего — Епафродита.

В Государственном архиве Костромской области удалось обнаружить ряд материалов, относящихся к внуку последнего — известному химику и минералогу графу Аполлосу Аполлосовичу Мусину-Пушкину (1760-1805). Биографию его нельзя назвать заурядной: отец его Аполлос Епафродитович (умер в 1771 г.) принадлежал к редким представителям русской аристократии, посвятившим жизнь науке. Он возглавлял Берг-коллегию, будучи ее президентом. Это почтенное учреждение управляло горно-рудной и металлургической промышленностью России, руководило строительством казенных рудников, металлургических заводов, организовывало геологические разведки. Президенту приходилось выезжать в долгие и дальние поездки то на Урал, то в Сибирь. Иногда он брал с собою семью. Не удивительно, что единственный сын его Аполлос родился не в Петербурге, а в Тобольске 18 февраля 1761 года и с раннего детства окунулся в мир естественной и дикой природы, что предопределило его будущую профессию. Однако, вначале он пошел по военной стезе. Не исключено, что в этом участвовала мать Елизавета Федотовна Каменская (1731-1800) — родная сестра знаменитого фельдмаршала Михаила Федотовича Каменского (1738-1809), взявшая воспитание сына на себя, поскольку мальчик рано лишился отца.

С юных лет Аполлос был записан в лейб-гвардии конный полк. На службе по порядку получал чины, с 1785 года состоя при Высочайшем дворе камер-юнкером.

Дослужившись до чина ротмистра, он в 1796 году получил от Императрицы КATHERINE II камергерский ключ. В гвардии А.А. Мусин-Пушкин дослужился до чина капитана, потом перейдя на статскую службу, стал первым членом Берг-коллегии. Впоследствии получил чин тайного советника и орден Анны первой степени. Открывшаяся придворная карьера не помешала ему в серьезных и углубленных занятиях естествознанием и постепенно он вырос в европейски известного ученого. Его труды очень специфичны, как и вопросы им изучаемые. Например, «О причинах свечения водородного пламени в стеклянной трубке» или «Предположения о общих понятиях селитры и об учреждении искусственной нитровки». Санкт-Петербург, 1799 г. Всего ученым издано свыше двадцати трудов. Ряд его работ остался толь-

ко в рукописях: так в 1813 году он препроводил в Академию Наук свое рассуждение о способе сделать платину удобной для ковки.

Граф Мусин-Пушкин совершил ряд блестящих открытий в химии и минералогии: впервые получил хлороплатинаты магния, бария и натрия (1797), выделил амальгаму платины, открыл хромовые квасцы (1800 г.), получил вольфрамат натрия. За эти заслуги он был избран членом Петербургской, Берлинской, Стокгольмской, Туринской Академий, а также Лондонского Королевского общества.

При всей своей занятости граф умел, однако, и отдыхать: выезжал в свет, на балы, участвовал в домашнем театре в качестве талантливой актера, в общем, считался душой общества. Его семья была немногочисленна: он сам, да

жена княжна Анна Николаевна, урожденная Голицына. Детей они так и не завели. Родственный и дружеский круг графа составляли представители фамильного клана: Мусины-Пушкины, Голицыны, Каменские, Черкасские, Долгоруковы... Князь Долгоруков в своих мемуарах под названием «Капище» писал о А.А. Мусине-Пушкине, с которым он в молодости был хорошо знаком: «... вместе разыгрывали разные роли, жила в одном месте, одним кумирам поклонялись»...

Граф А.А. Мусин-Пушкин владел обширными имениями в различных губерниях страны, в том числе и в Костромской Варнавинского уезда. Его костромское имение — село Лапшанга, Никольское тож, с деревнями располагалось при реке Ветлуге в шести верстах от уездного города. В ГАКО хранятся два дела, касающиеся этого имения. Одно из них называется: «Дело по предписанию министра юстиции о доходе с вотчины графа Мусина-Пушкина, принадлежащем госпоже Каменской». Началось с письма тетки Мусина-Пушкина — Пелагеи Федотовны Каменской костромскому губернатору Николаю Ивановичу Кочетову, где она жаловалась, что с варнавинских деревень ее племянника собирается «по плутовству бурмистров» доходу менее, чем должно. В то время граф Мусин-Пушкин со своим управляющим англичанином Бердтом находился в Грузии в экспедиции и его имения контролировала незамужняя тетка его Пелагея Федотовна, родная сестра знаменитого полководца Михаила Федотовича Каменского. Она мало понимала в подобного рода делах. Как видно из документов по вине господина Чекеряна, опекуна нижегород-

А.А. Мусин-Пушкин

В этих деревнях графа, произошло недоразумение: он принял оброк первого взноса в совокупности с недоимками предыдущего года за весь оброк 1805 года и поднял урологу. Дело разрешилось, и мы могли бы поставить на нем точку, если бы не обнаружили в нем пару интереснейших документов предыдущего времени, а именно два собственноручных приказа Аполлоса Аполлосовича своим варнавинским крестьянам и бурмистру. Первый приказ написан 14 декабря 1799 года:

«Уведомлен я, что крестьяне оной вотчины всякие промыслы против прежних лет гораздо преимущественнее возроджали, то девятирублевый оклад отменяю, а определяю взыскивать с крестьян моих с будущего 1800 году вместо по девяти, по девяти рублей с ревизской души и с дворовых людей, то есть с 731 души. При сборе ж оного оброку иметь старание, чтоб не было никаких недоимок и крестьянам в том послабления не чинить, а если таковые окажутся, то не избегнуть оштрафования. Собрать же оброк не на две половины, а весь одновременно и окончить в генваре месяце. Декабря 14 дня 1799 года. Подлинной подписал граф Аполлос Мусин-Пушкин».

О каких же промыслах упоминает в своем приказе помещик. Дело в том, что Варнавинский уезд Костромской губернии славился своими лесами и основными занятиями крестьян были рубка и сплав древесины. Из промыслов же наиболее распространены были бондарный, столярный, токарно-посудный, производство лаптей, берестяных изделий, саней и т.д.

Похоже, что крестьяне возрощали на повышение оброка, что вызвало следующую грозный приказ графа: «Поелику крестьяне дерзнули против точного и симоручного моего повеления оказаться неповинными и находят обременительную прибавку одного рубля к оброку и единовременный сбор оного пользуясь величайшими выгодами лесными, каковой промысел по нынешней дороговизне удвоить почти должен их барыши, то в наказание их буйства вместо одного я прибавил по два рубля с ревизской души, которые нынешний год собрать в две половины в будущем же году единовременно в течение февраля. Хутор для того не могу отдать для поселения деревни, что намереваясь в случае и в будущее время недоимок завести стеклянный завод и поташной намерен заводить... Если, паче чаяния, хотя малейшая противность от крестьян на сие повеление последует, то повелеваю бурмистру уведомить меня о именах неповиновющихся, которые отдавы будут на поселения. Присланные же от миру за вздорным прошением наказаны, что последует и с бурмистром, если впредь позволит против моих собственных повелений приходить от миру с просьбами. Подлинное подписал граф Аполлос Мусин-Пушкин».

Второе дело, касающееся имения графа и хранящееся в ГАКО, называется: «Производство палаты по делу господ Мусина-Пушкина и Волынского о спорных пожнях» (ГАКО.Ф.116. Оп.6. Д.458. 1804 г.).

Оно представляет собою апелляцию Аполлоса Аполлосовича на решение Варнавинского суда, решившего в 1803 году дело не в его пользу. А суть дела заключалась в следующем: крестьяне графа увезли с пожни на песку Кривовском по реке Ветлуге восемь стогов накошенного людьми Дмитрием Михайловичем Волынского сена, под предлогом, что пожня не принадлежала Волынскому, а их хозяину графу

Мусину-Пушкину. Решение суда полагало утвердить за крестьянами Вольнского пожню и взыскать за увезенное сено с крестьян Мусина-Пушкина. Опротестовав решение, граф пытался доказать, что купчая, на которую ссылался Вольнский от 23 августа 1770 года, по которой его сестре Анне Михайловне продано заводчиком Иваном Борисовичем Твердышевым недвижимое имение в Галичской провинции в Унженском уезде в Лапшангском стану в селе Никольском с деревьями, но в ней не была упомянута Кривовская пожня, в то время. Как она со времени межевания 1779 года, да и после ее, состояла во владении крестьян его, графа Мусина-Пушкина, на что план и межевая книга имеются, а законом повелено план и межевую книгу почитать за настоящую на землю крепость». К сожалению, из-за неполного состава дела результат апелляции нам неизвестен.

Как уже упоминалось, в то время граф находился в геологической экспедиции на Кавказе для минералогических исследований. Он собрал в Араратских горах уникальную коллекцию камней и ископаемых и переслал их в Петербургскую Академию Наук. За долгое время, проведенное в Грузии, он вошел в доверительные отношения с царем Георгием и внушил ему мысль о воссоединении двух государств. Результатом их частных переговоров стало донесение А.А. Мусина-Пушкина к императору Павлу I: «Мнение графа Мусина-Пушкина о пользе, проистекающей от присоединения Грузии к России». А годом позже он послал в Государственный совет свой проект о соединении, которое в конечном счете уже при Александре I и осуществилось.

Граф договорился с царем Георгием и об уступке грузинских рудников России для их обработки. Сразу после присоединения граф Мусин-Пушкин едет туда еще раз, чтобы поставить там в лучшее устройство горную часть для чего он получил значительные капиталы. Кроме того, ему была поручена чеканка монет.

Он успел изготовить медных денег на сто тысяч рублей, но золотых и серебряных монет гораздо меньше. Полезная для России деятельность графа прервалась болезнью и последующей смертью (18 апреля 1805 года). Он прожил на свете всего 45 лет. Его друг князь Долгорукий говорил, что «граф Мусин-Пушкин человек придворный, но рожден был для наук, и, упражняясь в натуральных изысканиях в Грузии, нашел конец свой там, где ожидал ученой славы. Лучше бы продолжал играть комедии, и, может быть, он еще и теперь наслаждался бы физическими благами; зато он не боится уже так, как я, каменной болезни и не предан докторами в аренду лихим аптекарям. Худо умереть рано, а иногда и того хуже жить запоздавши».

Со смертью графа Аполлоса Аполлосовича пресеклась вторая и последняя линия первой графской отрасли рода Мусиных-Пушкиных.

АРИСТОКРАТ В «МЕДВЕЖЬЕМ УГЛУ» (Н.И. Мусин-Пушкин)

В 1866 году макарьевские дворяне избрали своим предводителем графа Николая Ивановича Мусина-Пушкина (1828-1881). Новый уездный начальник обладал всеми качествами, необходимыми для столь высокой должности, и даже с избытком: титул, звучная, осененная деяниями предков фамилия, огромное состояние, связи в столицах... За всю историю провинциального городка, пожалуй, не было столь блестящего и привлекательного кандидата, способного объединить и возглавить немногочисленных дворян этого, как называли сами жители, «медвежьего угла».

Если бы граф не имел недвижимости в Макарьевском уезде, то, несмотря на все свои великолепные качества, он не смог бы баллотироваться в уездные предводители; но в том-то и дело, что он был одним из самых состоятельных помещиков не только уезда, но, пожалуй, и всей губернии. За ним числилась Сокольская вотчина, состоящая из ста тринадцати селений, в коих до реформы он имел 4218 душ крестьян и земли 48711 десятин. Разумеется, что после освобождения крепостных в 1861 году он остался только земельным владельцем, располагая к тому же лишь землей, оставшеюся после надела временнообязанных крестьян, но и этот «остаток» был довольно внушительным.

Сокольская вотчина досталась графу Николаю Ивановичу от его отца, гофмейстера и графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина (1783-1836), а тому в свою очередь от родителей: графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина (1744-1817), известного историка и археографа, открывшего и издавшего «Слово о полку Игореве», «Русскую правду» и другие памятники письменности, а также его жены графини Екатерины Алексеевны, урожденной Волоконской (1754-1829). За Николаем Ивановичем имение было оформлено 29 ноября 1857 года по раздельному акту, совершенному во 2-м Департаменте Санкт-Петербургской гражданской палаты, с братьями и сестрами его. Необходимость определиться с имением и привела в макарьевскую глушь столичного аристократа, вырвав его из Петербурга, где он служил в собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Здесь он был восторженно встречен и обласкан местными дворянами, предложившими ему ввиду предстоящих выборов баллотировку, а также свою поддержку – и вот он предводитель... По семейному положению граф Мусин-Пушкин

был женат на Марии Федоровне Орловой-Денисовой, представительнице родовитой фамилии, подарившей ему сына, названного в честь отца Николаем и дочь Марию.

Граф Николай Иванович свою должность предводителя отправлял педантично, но не ревностно, деля время между службой и занятиями по имениям, пребывая то в городе, то в усадьбе в сельце Никольском, контролируя своего управляющего Андропова, служившего еще у его покойной матушки и всегда находившего проблемы, требующие вмешательства хозяина. К примеру, он считал, что имение графа непомерно отягощено натуральной повинностью в продовольствии и препровождении следующих через Макарьевский уезд рекрутских партий по двум трактам: почтовому — через города Макарьев и Кадый к Костроме и этапному из Варнавина, через город Юрьевец; оба эти тракта прилегали к имению графа Мусина-Пушкина, и повинности, таким образом, удваивались, ставя владельца имения в неравные условия с другими.

Решение подобных задач с помощью дельного управляющего обогащало предводителя необходимым опытом как в отношении собственного имения, так и в отношении других владений помещиков, подчиненных ему. Перечисление деревень и угодий графа, входивших в Сокольскую вотчину заняло бы десяток страниц. Вот некоторые из них: деревни Кудрино, Хмельничная, Кропотово, Балуево, Прудово, Бараньково, Филино, Семеново, Швецево и многие другие.

Впрочем, доход с его довольно обширного имения, видимо, не удовлетворял запросов графа, очень широко жившего в столице, а также и за границей и наделавшего много долгов. Он тщетно пытался с ними расплатиться: брал ссуды в опекуном совете, занимал деньги у знакомых. Задержка возвращения долга послужила причиной многих исков и судебных дел. Частные иски на графа Мусина-Пушкина шли от флигель-адъютанта полковника Александра Эссена по заемному письму на 4422 рубля, от французского подданного Луи Петена (за работу и инструменты) на 1546 рублей, от ганноверского подданного Христиана Фишера по векселю 2932 рубля и т.д.

Надежда на доходы имения вскоре испарилась, и вообще складывалось такое впечатление, что оно приносит одни огорчения. Об этом свидетельствуют архивные документы, в том числе дело по жалобе доверенного графа отставного прапорщика Аполева на неплатеж оброка временнообязанными доверителя его крестьянами в 1863 году. Все это привело в конечном счете к описанию имения графа для последующей продажи.

Служба Н.И. Мусина-Пушкина после истечения назначенного трехлетнего срока также прекратилась, не принеся ему ни огорчения, ни радости. Он был скорее декоративной, нежели активной фигурой на посту предводителя, сильной стороной которого являлись представительность, парадность, презентабельность. Бывший паж и камер-юнкер, разумеется, имел отличные манеры, знал придворный этикет. Выйдя в отставку, он вернулся в столицу, периодически наезжая в костромские края и по старой памяти соглашаясь быть избранным во всякие заочные почетные члены...

Его единственный сын граф Николай Николаевич Мусия-Пушкин, хорунжий Донского казачьего полка, погиб в двадцатичетырехлетнем возрасте в Киеве и был похоронен в Санкт-Петербурге в Александро-Невской Лавре. Отец, к счастью, не дожидаясь этого дня: он умер за два года до того и похоронен там же. Всех пережила идова графа Мария Федоровна Мусия-Пушкина: еще в 1896 году ее имя упоминалось в справочнике «Весь Петербург» где был приведен и ее адрес: Аптекарский переулок, дом № 4. С ее смертью пресеклась настоящая линия графов Мусияных-Пушкиных.

До сих пор в России не предпринимались попытки к составлению и опубликованию биографии графа Николая Ивановича Мусия-Пушкина. Сделать это позволили материалы государственного архива Костромской области, касающиеся этого имени, в настоящее время еще не до конца изученные.

ДВЕ ЭПОХИ УСАДЬБЫ ШАЁВО (П.А. Катенин)

ТАК уж случилось, что облик усадьбы Шаево – ведущей творческой резиденции самобытного поэта, критика и драматурга П.А. Катенина – скрыла от нас завеса времени: не осталось фотографий, живописных или графических изображений, покрыта тайной история имения. В какой-то мере поправить положение, то есть воссоздать историю, реконструировать внешний облик Шаева, помогла Катенинская экспедиция, предпринятая сотрудниками Костромского историко-архитектурного музея-заповедника в 1992 году, в связи с двухсотлетним юбилеем поэта.

В настоящее время Шаево представляет собою пустошь, напоминая те времена, когда его еще не было в помине. Первое документальное свидетельство о нем восходит к концу XVIII века в «Ведомости о числе людей и поселений в г. Кологриве и его окрестностях» за 1782 год, в котором упоминается починок Шаево с 22 душами крестьян, принадлежащий действительному тайному советнику Адаму Васильевичу Олсуфьеву. В 1794 году Шаево с деревнями Королево, Мартынка, а также почином Собакиным приобрел полковник Александр Федорович Катенин (отец поэта) по купчей от сына Адама Васильевича – Алексея Адамовича Олсуфьева. Видимо, тогда же неблагозвучный починок Собакин был переименован по имени нового владельца в починок Александров.

Данный документ позволяет подвергнуть сомнению тот факт, что поэт родился в Шаеве в 1792 году, то есть за два года до покупки имения его родителем. Где же тогда находится его место рождения? Ответ мы обнаруживаем в современном поэту и хорошо знакомом ему издании «Опыте краткой истории русской литературы», составленном Н.И. Гречем в 1822 году. Биографические справки писателей доставлялись автору книги ими самими, и потому они являются самими достоверными. Кстати в статье о Павле Александровиче Катенине говорится: «Родился в С.Петербурге 11 декабря 1792 года». Надо заметить, что поэт писал на книгу Греча рецензию и, внося различные замечания и уточнения в текст, не считал нужным исправлять свои биографические данные. А вот нам, пора внести исправления в укоренившуюся ошибку о месте рождения П.А. Катенина.

Усадьба Шаево, даже не будучи местом рождения поэта, сыграла в его судьбе значительную роль. Александр Федорович, отец Павла Александровича, умер на Кавказе в 1808 году и его недвижимое имущество, в том числе и Шаево, перешло вдове – Доротее (Дарье) Андреевне, урожденной Пурпур, гречанке по националь-

Члены
Катенинской
экспедиции 1992
года на месте
былой усадьбы
Шаево:
Н.Я. Звонов,
Л.Л. Соболева,
С.Р. Нуждин,
П.Н. Углагова,
Е.В. Сапрыгина

ности. Когда же и она скончалась в 1818 году, то кологривское имение Шаево с деревнями отошло ее младшему сыну Павлу, в то время гвардейскому штабс-капитану, служащему в Петербурге, в лейб-гвардии Преображенском полку.

Во владение имением поэт вступил лишь в 1821 году. Как видно по переписке его с Н.И.Бахтиным, Павел Александрович специально приехал из Петербурга для этой процедуры и пробыл в костромских краях около полугода. А в конце следующего 1822 года, после скандала в Большом Петербургском театре, П.А. Катенин был выслан из столицы и уже надолго поселился в своем имении.

Шаево располагалось в 43-х верстах от уездного города Кологрива на большой столбовой дороге, пролегающей из Галича в г.Вятку и лежало на протяжении славяной реки Унжи и ее притока речки Юрас. Господский дом в усадьбе, видимо, был построен Александром Федоровичем и даже не до конца благоустроен, ибо его сын, обосновавшись там, сообщал своему другу Н.И.Бахтину: «...летом хочу заняться отделкою своего дома, в который не раз придется возвратиться».

Шаевский дом, как и окружающие его служебные постройки, не сохранился до нашего времени, но простоял довольно долго – до начала Великой Отечественной войны и еще памятен некоторым старожилам, довольно подробно описавшим его в своих анкетах. Барский дом был очень большой, одноэтажный, длинный, деревянный, на высоком кирпичном фундаменте. В длину 20 сажень (42,6 метра), в ширину 9 сажень (19,2 метра). Крыша двускатная. В дом вела дверь с торца здания. Вход – невысокое и две-три ступени крыльцо под навесом с козырьком. В стенах прорезаны довольно большие окна: около восьми по длинной стороне – по числу комнат. Снаружи бревна обшиты тесом, внутри, сквозь всю длину дома, посередине его, проходил коридор, по обе стороны которого располагались комнаты. Печи обложены изразцами.

При доме находилось большое число разных хозяйственных построек: жилье для прислуги, скотный двор, конюшня, овчарник, рига, сыроварня, два амбара,

сенной сарай, ледник, колодец, имелся большой сад с вишней, смородиной, малиной, яблоневыми деревьями. В усадьбе находилась мельница о четырех поставах с толчеей и пильней, которая просуществовала до шестидесятых годов двадцатого века. На речке Юрас, чуть ниже ручья Сергеевки и повыше барской мельницы, стоял винзавод. При П.А. Катенине он давал сорок тысяч ведер вина в год.

По ревизским сказкам 1850 года видно, что в Шаеве насчитывалось 24 мужского пола дворовых людей и двадцать пять женского, из них 14 мужчин и 13 женщин, остальные дети. Среди них семья Федора Григорьева, Адриана Максимова, Александра Калистратова, Дмитрия Фалеева, Ивана Панфилова, Алексея Фатеева и других. Дворовые освоили ряд профессий, в числе которых были: конторщик, повар, кучер, мельник, сторож, птичница, садовник, кузнец, комнатный живописец. Но главный доход хозяину приносили крестьяне его деревень, коих насчитывалось обоего пола 340 душ, из них по деревне Королеву 44 мужских и 46 женских душ, по Мартьянке 24/37, починку Александрову 12/12, деревне Красавице 27/28, Сергееве 7/8, Палкине 3/5, Всего 158 мужских и 181 женских души. Годовой оброк крестьянина составлял 40 рублей в год, чем бы он не занимался. А кроме сельскохозяйственного труда местные крестьяне занимались и промышленностью: строительством гусян, вывозкой и сплавом дров по Унже, выкупом смолы и дегтя, изготовлением бочек. В хозяйстве П. А. Катенина было более двухсот голов скота – только усадебного, не включая скот крестьянский. Земли – 3427 десятин, в том числе лесу строевого 3098 десятин.

В усадьбе Шаево поэт жил не только в упомянутые 1821 и 1823-25 года, но я позже с 1827 по 1832, и наконец, вернувшись в конце 30-х годов с Кавказа и построив в начале 40-х годов дом в купленной у Лермонтовых Чухломской усадьбе Колотилово, обосновался там, наезжая в Шаево лишь периодически.

П.А. Катенин внимательно приглядывался к окружающим его людям, к природе и отголоски колоритивской тематики просматриваются почти во всех его балладах: «Леший», «Убийца», а также и в более крупных произведениях «Инвалид Горев», «Гений и поэт», «Дура» и ряде других. Литературное творчество поэт сочетал с сельским хозяйством, строительством, винокурением. Очень занимали его садоводческие опыты: он даже завел в имении своем оранжерею, а результатами своих экспериментов письменно делился о другом Николаем Ивановичем Бахтиным: «В усадьбе моей завел я цветы и плоды, а этого в здешних местах не бывало. Все соседи мои рты разинули от удивления ибо у меня уже поспели на грядках огурцы, а этакого дива сроду не бывало». И в другом письме: «Сад свой нашел в незавидном положении; садовник хуже своего предшественника, слепого француза, его надо прогнать. Вы видите, что я прямо зарылся в своих сельских упражнениях». С садоводством связаны и некоторые просьбы поэта к другу:

«Термометр, либо два, один для дома, а другой для оранжереи пришлите при случае... в посылку не худо бы вложить семян несколько арбузных, дынных, тыквенных, цветочных, словом все, что может (авось) ширости здесь и что не худо бы развести от юга на север».

«Не забудьте, милый, хоть из Одессы привезти в собою семян хороших огородных, то есть капусты разной, тыкв и душистых трав; хочется на нашем севере, где ровно ничего не знали, и где я уже кое-что развел; развестъ еще получше.

Недумайте, однако, чтобы я в деревне сделался Диоклетиканом или Кандидом садовником; нет, я не имею ни особой склонности к мелким сельской работам, ни достаточного досуга, чтобы подробно в них вникнуть, я уверен, что нет жизни более исполненной трудов, как жизнь русского деревенского помещика среднего состояния и Вы поверите мне когда своими глазами на нее посмотрите».

Тяжелый труд перемежался с праздниками, с радостными встречами друзей. В Шаеве поэта навещали А.В. Каратыгин – отец известного трагика, катенинского ученика В.А. Каратыгина, сослуживцы по преображенскому полку братья Скуратовы и князя Голицыны, соседи-помещики Погожев, Пяткин, Жохов, Макаров и другие. Зазывал к себе Павел Александрович Бахтина и Грибоедова, однако их приезд так и не состоялся. Поэт делал ответные визиты кологривским соседям Толстым и Алухтинным. Порой он был не прочь поохотится и местные старожилы, в том числе краевед из села Ильинского Н. Я. Звонов, помнят любимое место охоты поэта на медведей и зайцев.

Большое удовольствие Катенин находил и в заочном общении с друзьями. «Хлопот хозяйственных такая беда, – жаловался он в письме к Бахтину, – что я не знаю, как меня достает и, право, боюсь с ума сойти, если это продлится, лучший мой день в неделе – четверг, мне приносят письма с почты, и я хоть на несколько часов в беседе любезных людей забываю мое одиночество, дела и заботы».

Шаево стало не только первой и главной усадьбой поэта, но и местом его гибели. Весной 1853 года он разбился на лошадях недалеко от своего дома и умер на руках у крестного сына Вячеслава Федоровича Пяткина. Захоронен был, однако, в другой своей усадьбе Борево Чухломского уезда.

После смерти П.А. Катенина Шаево с деревнями по акту от 16 января 1857 года отошло в совместное владение его племянников Михаила и Николая Ивановичей Катениных. После 1863 года остался лишь один владелец – Михаил Иванович Катенин, выкупивший долю наследства брата. Незадолго до смерти, а умер он в 1891 году, М.И. Катенин потерял все свое состояние, потерпев убытки на незаготовительных и сплавных операциях.

И вот на рубеже XIX и XX столетий хозяевами имения Шаево становятся помещики Радишевские. Про главу семьи и последнего владельца имения Виктора Викторовича Радишевского известно лишь, что в 1904-1907 годах он занимая должность земского начальника в Кологриве. О Радишевских почти нет документальных свидетельств, по крайней мере они пока не обнаружены, зато много ярких воспоминаний старожиллов. И самое содержательное – Нины Николаевны Мудровой – дочери священника соседнего с Шаевым села Высоково-Паломы. Она рассказывала:

«Дом в Шаеве купил поляк Виктор Викторович Радишевский вместе с сестрой Анной Викторовной, которая работала на мельнице – молола крестьянам муку. Она замуж не выходила, а брат женат был, имел сына и дочь. Судьба самого Радишевского и его семьи была трагической. Его сын Тема приходился товарищем

моему брату Коле. И когда началось тяжелое время, то детей помещиков и священников не принимали учиться. Мать Темы Марья Павловна еще до революции уехала в Польшу лечить дочь Наташу, которая страдала припадками, Тема в тяжелом состоянии наложил на себя руки – застрелился. Помню, как хоронили его девушки в белых платьях в селе Паломы. Марья Павловна через некоторое время вернулась обратно с дочкой в Россию, но сына уже не застала в живых. Когда начались гонения, тогда Радишевского с женой куда-то отправили, оставили Наташу одну в какой-то бедной избушке, где она и погибла. А их увезли куда-то далеко, сунули в какое-то холодное место, где они, говорят, и замерзли».

В 1919 году Кологривский исполком, выполняя директивы советского правительства, принял решение об организации в Шаево коммуны. Весной 1919 года из ближайших деревень в усадьбу потянулись первые крестьянские повозки. Коммуна образовалась 25 мая 1919 года. В ней насчитывалось 12 семей (55 едоков) из деревень: Черной, Власово, Паломы, Алешкова... Приехавшие избрали председателя – Константина Меркурьевича Зверева и заместителя председателя Звездкина Ефима Васильевича. Был избран совет. Казалось ничто не может помешать нормальной работе нового коллектива. Но нет, уже в следующем году коммуна начала распадаться. Подробности ее краха заключены в особом следственном деле, хранящемся в Костромском областном архиве. Вот несколько фрагментов из показаний коммунаров: «... часть членов, вошедших в коммуны состояли под судом за распитие самогона... Пьянство было обычным явлением в коммуне, причем самогонка доставлялась из соседних деревень. Председателем в то время был Зверев, в настоящее время умерший от тифа, который и сам принимал участие в пьянстве и заявлял, что пьет и будет пить, несмотря на то, что часть коммунаров, была возмущена этим... Вино покупалось на стороне за хлеб. Сколько было пропито вина я не знаю, потому, что нас ни к какому контролю не допускали, а когда спрашивали, Зверев, Поспелов и другие мужики отвечали руганью и угрожали выгнать из коммуны. Каждое собрание бабы сидели и дрожали, не смея ничего сказать, а мужики дрались между собою. У нескольких человек были револьверы. Картофель, хлеб и соль, оставшиеся у помещика, выменялись на табак. Пьянство происходило в широких размерах. Члены коммуны часто валялись по деревням в пьяном виде». С тех пор в тех краях бытует частушка:

«Вся шаевская коммуна разбежалась домой

Цевку схватить неохота, упирается ногой».

Цевка – прозвище Александра Полянского, – коммунара-инвалида на деревянной ноге, человека правильного, активиста коммуны, не пожелавшего оставить Шаево и после всеобщего развала. Он с семьей остался в бывшем имении до конца. Шаевский дом обветшал и разрушился в предвоенные годы, служебные постройки вокруг него пастухи во время войны сожгли на дрова. Теперь эти земли, представляющие собой пшеничные поля и перелески вдоль поймы речки Юрас не имеют ни одной постройки, кроме бетонной стеллы с надписью «В.ус.Шаево – родина П.А. Катенина» и останки еловой аллеи, отмечающей некогда выезд с тракторной дороги. Это земля колхоза «Россия». В двухнековой биографии усадьбы Шаево отразились перипетии и русской, и российской действительности.

ЧУХЛОМСКАЯ ВОТЧИНА КАТЕНИНЫХ

СЕЛО Клусеево наиболее древняя вотчина Катениных. Оно находилось во владении этой фамилии с 1446 года вплоть до января 1918 года, то есть до национализации имения, в общей сложности почти половину тысячелетия. Случай уникальный в истории России, ведь обычно дворянские поместья переходили из рода в род будучи проданными, проигранными, отданными в наследство, обменными или выкупными с рук каким-либо другим путем. Исключительная преданность Катениных своей вотчине обнаруживает в них родовое чувство патриотизма в отношении к своей «малой родине», а, следовательно, и к большой. Клусеево явилось средоточием традиций катенинского рода, оно стало подлинно культурным дворянским гнездом многовековой историей.

Клусеево, как своей судьбой, так и судьбой владельцев, не могло не оказать влияния на формирование поэта П.А.Катенина, ведь среда, в которой человек рождается, проводит детские и юношеские годы, оказывает заметное влияние на его становление.

П.А.Катенину пришлось контактировать с тремя поколениями хозяев Клусеева: с дядей Андреем Федоровичем, заменившим ему рано умершего отца, с Александром Андреевичем, которого он считал своим кузеном, самым близким человеком из родни, и с Александром Александровичем, своим племянником и крестником.

Свидетельств пребывания поэта на костромской земле, где он провел почти половину жизни, осталось немного: погиб его архив, утрачена библиотека, не сохранились оригинальные портреты, исчезли с лица земли усадьбы Шаево, Занино, Борсеево. На грани гибели заброшенные и опустелые дома в Колотилове и Клусеево. Но хочется верить, что вопреки всеокрушающему времени и людскому равнодушию еще не поздно спасти колыбель катенинского рода – сельцо Клусеево.

Истоки клусеевской вотчины по архивным и печатным источникам: древний служилый род Катениных внесен в шестую часть книги костромского дворянства. «Мы были при Шемяке», – с гордостью говорила Ида Ивановна Катенина, последняя владелица родовой вотчины. И действительно, первый из дошедших до нас документов о костромских владениях Катениных, датированный 1446 годом, подписан великим князем Дмитрием Юрьевичем, прозванным Шемякой. Имеется в

виду жалованная грамота, выданная им в лето 6954 (т.е. в 1446 г.) в городе Угличе Кузьме Гавриловичу Катенину. Вот ее содержание:

«Се яз, Дмитрий Юрьевич, пожаловал есма Кузьму Гавриловичу Катенина, что у него в троечине на Чухломе, его село Святицкое, да в Заболотье у него другое село Хлусеевское, да деревня Якушевская, что у него в тех селах и деревне имеет жить старожильцов, и те люди старожильцы и дань мою дают. А кого Кузьма в те селы и деревню призовет себе людей честных и княжие, а не из моей отчины людей, и тем людям пришлым не надобе иметь ни которой дани на десять лет, ни песчением, ни подводой, ни тяга, на кормити, ни осминкичье, ни мыт, ни костеки, ни коня моего ни кормити, ни лугов моих не косити, и к старостам с тяглыми людьми не тянуть до того уроку ни во что. А волостями мои Чухломские и Заболотские, и их тиуны, Кузьмы и его людей старожильцов и те с пришлыми не судят, и кормов своих не емлют ни которых, а праемщик мой и доводчик, поборов своих с них не берут. И судит и ведает своих людей старожильцев Кузьма сам, или кому прикажет, опрячь душегубства и разбоа с поличным. А смешается суд малостницы с Кузьминими людьми, а волостель мои Чухломские и Заболотские и их тиуны судят. А Кузьма с ними судит, или кому прикажет. А при суде делятся на полы. А отсидят пришлые люди срок урок десять лет, и они потянут в мою дань своею братией с боярскими половники, а судом к волости, а кому будет чего искати на Кузьме к его людям, сужу яз. Князь Дмитрий Юрьевич, или боярин мой введеный. А кто их чем изобидит, быть от меня в казни. Отдана грамота на Угличе, в лето 6954.

Князь великий Дмитрий Юрьевич».¹

В те времена шла междоусобная война, между московским великим князем Василием Васильевичем и его двоюродным братом Дмитрием Юрьевичем, удельным галичским князем, за великокняжеский престол. Внук Дмитрия Донского – Шемяка был человеком необузданной энергии, неразборчивым в средствах для достижения цели. Ему удалось пленить великого князя Василия Васильевича и ослепить его, после чего тот получил прозвище «Темный». Шемяка взял Москву, однако постоянная резиденция его была в городе Угличе, где он и выдал грамоту Кузьме Катенину в подтверждение прав того на владение селом Клусеево с деревнями.

Деревня Якушевская, упоминаемая в грамоте, просуществовав до нашего времени, вплоть до 1970-х годов, под названием Якушеев Починок, после чего, оставленная жителями, превратилась в пустошь. Село Святицкое, или Святицкое, существует и теперь под названием деревни Святица в честь речки Святица, на берегу которой расположена. Село же Хлусеевское стало селом Клусеевым, в нем Кузьма Гаврилович Катенин выстроил свой «помещиков двор» и другие необходимые постройки.

Потомки Кузьмы Гавриловича Катенина, наследовавшие Клусеево, занимали разные административные и военные должности в Московском государстве. Сын Кузьмы – Иван Кузьмич в 1485-1490 годах был судьей в Соли-Галичской (город Солигалич), сын Ивана – Третьяк Катенин в 1512 году был воеводой в Чухломе, а в 1531 году участвовал в походе на Казань в отряде Константина Курлятева. Этот же Третьяк Катенин был начальствующим лицом в Галиче, а его сын Елизар был

«головой над дворянами», участвовал во главе отряда костромичей в походе на Новгород. В следующем поколении Иван Иванович Катенин был в царствовании Бориса Годунова в Москве «объездчиком для береженья от огня».²

Еще один из потомков, Андрей Кириллович Катенин, участвовал в обороне Москвы от поляков и был жалован грамотой за московское «осадное сидение королевичева прихода». Это было, когда польский королевич Владислав подошел в Москве и осадил ее. Приводим полный текст грамоты:

«Божиею милостию мы, великий Государь Царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Руси самодержец, пожаловали есма Андрея Кирилловича Катенина за его к нам и ко всему Московскому государству прямую службу как в прошлом 126-м году, пришел по наше государство под царствующий град Москву Литовского короля Жигмонтов со многими польскими и литовскими сын Владислав и в прошлом же во 127-м году стоял он под Москвой со многими полскими и литовскими и с немецкими людьми и с черкасы, и Московского государства всякими умыслы и прелесте прельщал и жестокими приступы доступал и хотел осквернить и святую нашу истинную непорочную православную христианскую веру пограть, а учинить свое проклятую еретическую латыньскую веру, а он Андрей, памятуя Бога и Пречистую Богородицу и Православную христианскую веру и наше крестное целование с нами великим Государем Царем и великим князем Михаилом Федоровичем всеа Руси на Москве в осаде сидел и за православную христианскую веру и за святые Божеския церкви и за нас великого государя против королевича Владислава и полских и литовских и немецких людей и черкес стоял крепко и мужественно на всех и на приступе бился не щедя головы своей, и никакие королевичевы прелести не прельстился и многие свою службу и правду к нам и ко всему Московскому государству показал будучи в осаде во всем оскудение и нужду терпел; и королевич Владислав и гетман Ходкевич и все паны рада и полския и литовския и немецкия люди и черкасы слыша наших людей за православную христианскую веру и за нас великого Государя крепко стоятельство и твердость, а бояр наших и воевод, которые были на Москве и с осады посланы были по городам, видя над собой промысел и крепкостоятельство учинили с бояры нашими и со всею землею Московского государства перемирие и с государства нашего и с земли королевич и гетман со всеми полскими и литовскими и немецкими людьми и с черкасы вышел в Литву и Польшу и города какие поймал, нам великому Государю отдал. Что сделалось Божиею милостию и Пречистые Богородице помощью заступлением великих московских чудотворцев и отца нашего великого государя Святейшего патриарха Филарета Никитича Московского всеа Руси и матери нашей великие старицы Марфы Ивановны молитвами; и нашим царским счастьем и бояр наших и воевод к всяких чинов людей, к нам прямою службою и раденьем твердостью, и за те службы мы великие Государь-Царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец пожаловал есма его Андрея с поместьем его окладу с пяти сот с пятидесяти четвертей из своя поместья в Галицком уезде в Чухломском околородке селом Клусевым на речке Сеннухе, да в Ликурской волости деревнею Селеховым на речке на Ваймите, а по книгам писма и меры Леон-

тия Оксакова да Михаила Шишелова о товарищи 86-м году в том селе, и деревне написано пашни паханые и перелогу средние земли доброю землею с поддачею 118 четвертей и перешло у него в той вотчине сверх нашего указа лигака в деревне Селехове 8 четвертей и тем лишком владеть отцу его Андрееву: Кирилу Катенину с меньшими его детьми и в поместье до больших наших писцов и мерщиков, а как будут в Галиче наши писцы и большие мерщики и они ту Андрееву вотчину от поместные земли, что у него осталось завотчинное дачею отменют от него проче. А на ту вотчину велел есма дать ему нашу Царскую жалованную вотчинную грамоту за нашу Государственную красною печатью по нашему царскому жалованию той вотчине он Андрей и его детям и внучатам и правнучатам та вотчина продать и заложить и в приданое дать и в монастырь по душе до выкупу дать, а хто будет роду его тое вотчину из монастыря похочет выкупить, а ему вотчина выкупать ценное по нашему государственном у указу против дачь сколько в ней даче четвертные пашни написано, а дать за четверть по полтине, а буде продаст в чужой род, а хто будет роду его захочет тое вскину выкупить к ему та вотчина выкупать по прежнему нашему уложению, как их родовые и выкупленные вотчины выкупает; а будет у него роду не останется, а покупать не похотят и та вотчина из монастыря взять на нас, а деньги в монастырь дать за нее из нашей государственной казны по той же цене по полтине за четверть, а в монастырь та вотчина по прежнему нашему уложению не крепка; а только у него детей и роду не останется, а останется одна жена то жене его тое вотчинное владеть по свой живот, а после своего живота та вотчина для мужа и своего поминка отдать в монастырь та вотчина выкупить за нас, а отдать за нее наше царские казны по полтине ж за четверть, а будет после его жена учнет сидеть во вдовах или пострижется ея та вотчина, вольна продать и заложить, а будет его жена останется бездетна и вдовством сидеть и подстричься не похочет, и пойдет замуж, и та вотчина взять на нас в поместные земли, а мужа ее по душе за ту вотчину дать из наше казны деньги против того, как из монастыря указали накупать, а ее пожалует из тое вотчины и поместье по своему царскому рассмотрению что доведется.

Писано нашего государства в царствующем граде Москве лета 7132-го февраля в 29 день.

На подлинной написано тако: «Царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси самодержец. А подписал царев и великого князя Михайло Федоровича всея Руси дьяк Иван Кирилов сын Грязев. Справил подьячий Тимоха Андреенов». ³

Есть еще один документ, обобщающий и дополняющий предыдущий: самое важное в нем краткое описание состава клусеевского имения.

«За Андреем Кирилловым сыном Катенина вотчина за московское осадное сидение королевичева приходу село Клусеево на речке Сеннухе, а в селе церковь во имя великого чудотворца Николы да в приделе Илья Пророк, да в селе же двор вотчинников, 7 (семь) дворов людских, пашни паханые вотчинниковы середине земли 30 четьи да перелогом 57 четьи. Обоего пашни паханые и перелогом 57 четьи, а доброю землею о наддачею 70 четьи в поле, а в дву потому ж, сена 150 копен, лесу непашенного в длину на две версты, а поперек на версту. Сошного письма в пусте

пол чети сохи и не дошло в сошное письмо пять четьи пашни, а писана за ним та вотчина по государеве жалованной вотчинной грамоте 7132 года за подписью Дьяка Ивана Грязева да за Андреем же вотчина за то же сидение в Ликиурской волости 40 четьи. Обоего за ним вотчины за московское сидение в стану да в волости 110 четьи да за, ним же вопче с отцом, да с меньшими братьями вотчина в Чухломском же и Усольском околородье да в Ликиурской волости».⁴

О клусеевской церкви за период XVII-XVIII столетий есть данные и в других источниках, из которых становится ясным, что она деревянная и построена иждевением прихожан. Кроме того: «7164 (1656 г.) церковь Николая Чудотворца в приделе пророка Ильи в Чухломском и в Усольском околородке в сельце Клусееве дани 8 алтын и 4 денги заезда гривна.

1746 г. Преображенная Спасова да в приделе Николая Чудотворца в Чухломской и Усольской околородной волости в селе Клусееве 66 копеек.

1723 г. поп Григорий Федоров, дьячек Лазарь Попов, пономарь Петр Герасимов приходских 15 дворов».⁵

Катенины имели отношение не только к строительству и деятельности клусеевской церкви Николая Чудотворца, но и к близлежащему Авраамиеву городецкому монастырю, в который они вносили ценные вклады, а наиболее фанатичные представители рода постригались в монахи. В синодике Авраамиева монастыря перечислены их имена:

«Род Катениных: Елизара, Лазаря, Иоанна, Фоки, Меркурия, Сафония, Никифора, схимника Пафнутия, Федора, Соломонида, Илии, схимницы Иоулии, схимницы Матрены, Феодоры, Феодосии, Пелагеи, схимницы Маремьяны, Симиона, Пахомия, Лазаря, Дарии, Иоанна, схимницы Таисии».⁶

На монастырском кладбище есть и катенинские захоронения.

Но после смерти Андрея Кирилловича село Клусеево отошло его племяннику Илье Елизаровичу Катенину, который в 1691 году был сподвижником молодого царя Петра Алексеевича и участвовал в подавлении стрелецкого бунта. Родной же брат его Никита Елизарович в 1697-1708 годах был воеводой в Парфеньеве, а в 1718 году комиссаром в Галиче. Он также владел частью села Клусеево, которую ему заложил брат Михаил Елизарович. В переписке дворянских дворов за 1717 год оба брата упоминаются: «За Михаилом Елизарьевым сыном Катениным за четвертной доле в селе Клусееве двор его помещиков..., а в нем:

...Всего дворовых людей мужеска полу до 5 лет – 2 ч., с 5 до 10 лет 2 ч., с 10 до 15 лет 2 ч., с 15 до 20 лет 1 ч., с 25 до 50 лет 6 ч., с 60 до 80 лет 1 ч.; итого мужеска 14 ч., женска полу с 5 до 10 лет 1 ч., с 15 до 20 лет 2 ч., с 20 до 25 лет 1 ч., с 25 до 50 лет 5 ч., с 60 до 80 лет 1 ч., итого женского полу 11 ч., всего обоих полов 25 ч.; в бегах мужеска полу 4 ч...⁷

За Никитой Елизарьевым сыном Катениным в селе Клусееве двор скотцой а в нем скотины. Всего в том скоцком дворе людей мужеска полу в 5 лет 1 ч., в 25 лет 1 ч., в 52 лет 1 ч.; итого 3 женска полу в 25 лет, 1 ч. Всего обоих полов мужеска и женска полу 4 ч. Григорий Леонтьев 52 лет, у него сын Иван 25 лет, у него жена Афросинья 25 лет, у него сын Иван 5 лет».⁸

В начале XVIII века Клусеево перешло в руки нового хозяина, сына Ильи Елизаровича – Ивана Ильича, женатого первым браком на М.А. Нелидовой, а вторым на А.С.Немецкой. Описание его двора в 1717 году также сохранилось: «За Иваном Ильичим сыном Катениным в селе Клусеево двор помещиков, а в нем дворовые люди Василий Сергеев 27 лет, крив, у него жена Татьяна Алексеевна 25 лет, сын Данило 2 лет, Алексей Федоров с женой бежали в 713 году, да в том же дворе вдова Капитолина Константиновна и дочь 47 лет, а вдова Анна Павловна жила на Вологде, а девка Анна Константинова 22 лет...»⁹

«По той же сказке, за ним же Иваном Катениным, в том же селе двор скотский стоит в пусе. Того двора Кондратий Яковлев с женою Пелагеей Семеновою бездетны бежали в 715 году, а брат его Яков с женою своею умре в 714 году».¹⁰

Иван Ильич Катенин не был единственным хозяином Клусеева, другой частью села владеет сын Михаила Елизаровича – Иван Михайлович Катенин, женатый на Матрене Семеновне Верховской. Супруги избрали Клусеево и местом своего жительства.

На этом заканчивается ранний период истории села Клусеево, включающий в себя почти три столетия (от второй половины XV и до первой половины XVIII веков).

Примечания:

<p>1. ГАКО, ф. 620, оп. 1, ед. хр. 6, л. 1.
 2. ГАКО, ф. 620, оп. 1, д. 6, л. 4;
 ф. 121, оп. 1, д. 4404, л. 24.
 3. ГАКО, ф. 620, оп. 1, д. 7, л. 1-6.
 4. ГАКО, ф. 620, ф.р. 1043, оп. 1, д. 101, л. 70
 5. Материалы для истории Костр. епархии.
 Галичская десятина. Кострома, 1895, вып. 1.</p> | <p>6. Чухломской краеведческий музей, кп. 133,
 инв. № 154.
 7. Там же, кп. 906, инв. № 1503, л. 107.
 8. Чухломской краеведческий музей, кп. 906,
 инв. № 1503, л. 108.
 9. Там же, л. 106.
 10. Там же.</p> |
|--|---|

Литературные персоналии

ПИОНЕР КОСТРОМСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ (И.К. Васьков)

РАБОТА автора этих строк над экспозицией Костромского литературного музея помогла выявить почти нетронутые исследователями островки местного литературного краеведения, требующие немедленного освоения. Если костромскими и ярославскими краеведами В.Н. Бочковым и А.А. Севастьяновой уже опубликованы труды, посвященные местным историографам Сумароковым или князю А.Д. Козловскому, то Иван Кузьмич Васьков – автор первой печатной книги о нашем городе, изданной в 1792 году в Москве под названием «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы» был явно обделен биографами: сведения о нем скупы и фрагментарны, тогда как писатель-первопроходец, несомненно, заслуживает пристального внимания, как и весь его род, выдвинувший из своих рядов даже не одного, а нескольких писателей-краеведов¹.

Такое положение вещей в первую очередь объясняется дефицитом документального материала: из довольно объемного личного фонда Васьковых (Ф. 599), хранившегося в Костромском областном архиве и насчитывавшего свыше 300 единиц хранения, ныне осталось только пять малоинформативных дел. Приходится ограничиться несколькими рассредоточенными по другим фондам делами, печатными материалами и, конечно, уникальной и безотказной картотекой А.А. Григорова, собравшего некоторые начальные сведения о представителях данного рода.

«Общий Российский гербовник»² сообщает, что дворянский род Васьковых восходит к XVI веку и потому внесен в 6-ю часть родословной книги Костромской губернии. Многие его представители проявили себя как на штатской службе, так и на военном поприще. Пращур краеведа – Иван Михайлович Васьков – упоминается в дьяках еще в 1550 году. Четверо Васьковых получили смертельные ранения

при осаде Смоленска в 1634 году. Прадед писателя Иван Григорьевич Васьков служил по Ярославлю и Верее и в 1672 году от царя Алексея Михайловича был пожалован в Верейском уезде (под Москвой) вотчиной, перешедшей к его сыну Федору Ивановичу Васькову, который, служа в Гренадерской роте Преображенского полка, содействовал восшествию на престол императрицы Елизаветы Петровны, за что был отмечен переводом в лейб-компанию и пожалован деревнею в Пошехонском уезде Ярославской губернии. При нем Васьковы получили свой фамильный герб, дарованный императрицей и описанный под №70, шестой части «Общего Российского гербовника».

Герб Васьковых представляет собою щит, разделенный перпендикулярно на две половины. В первой половине герб лейб-компанейцев: в черном поле три пятиугольных серебряных звезды, а между ними золотое стропило, с тремя на нем горящими гранатами. Правая половина герба разделена на три поля двумя диагональными линиями. Верхнее поле зеленое, среднее – золотое, нижнее красное и в них серебряная шпага. На гербе дворянский шлем, на нем лейб-компанейская шапка с четырьмя страусовыми перьями (двумя красными и двумя белыми) и с каждого бока орлиное перо с тремя серебряными звездами. Фон справа черный, слева красный, подложенный золотом.

Внук получившего герб Федора Ивановича Васькова – Иван Кузьмич Васьков, одаривший костромичей первым авторским печатным краеведческим изданием, родился 29 января 1746 года в семье надворного советника Кузьмы Федоровича Васькова и его жены Анны Ивановны. Место рождения его неизвестно, но весьма вероятно, что его родиной стала усадьба Васьковых в сельце Лукино Верейского уезда Московской губернии, унаследованная Иваном Кузьмичем от своих родителей.

В русле семейной традиции мальчик после основательной домашней подготовки вступил в армию. Его военная карьера тесно связана с графом и генерал-фельдмаршалом Иваном Петровичем Салтыковым, при котором он состоял адъютантом. И.П. Салтыков (1730-1805) участвовал в семилетней войне и в первой русско-турецкой войне, в 1790 году командовал войсками, действовавшими в Финляндии против шведов и блистательно закончил кампанию. В 1795 году вышел в отставку, но почти сразу же был назначен киевским губернатором и главнокомандующим украинской армией, а с 1797 года по 1804 год значился военным губернатором Москвы.

Биография Ивана Кузьмича Васькова во многом накладывается на биографию его шефа. В 1784 году Салтыков был назначен генерал-губернатором Владимирским и Костромским и пребывал им вплоть до 1787 года, когда его сменил на этом посту Иван Александрович Заборовский. В составе свиты Салтыкова числился и Иван Кузьмич Васьков, имевший тогда чин подполковника. Генерал-губернатор жил не в Костроме, а во Владимире, приезжая в город лишь в особых случаях, например на дворянские выборы, и останавливался в специальном доме на Никольской улице. Однако, через своих подчиненных он следил за событиями в Костроме и интересовался историей подчиненное ему края. Сбор исторических сведений о городе, ему вверенном, он вполне мог поручить своему адъютанту. Не из них ли впослед-

тви выросло «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. Сочиненное полковником Иваном Васьковым?»

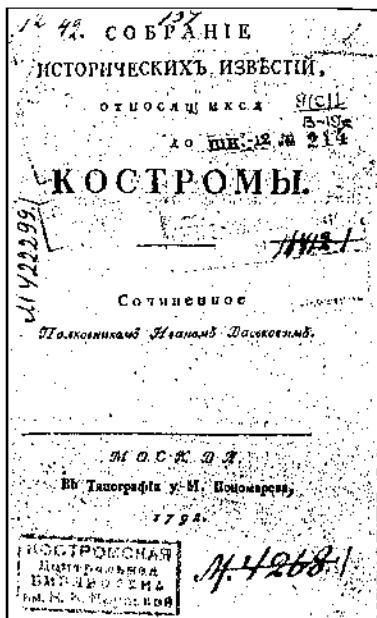
Объем книги невелик: всего 64 малоформатных страницы», тем не менее значение ее велико. Упомянув ее в своем труде «Костромские Козловские». В.Н. Бочков писал: «...Книга Васькова... была пробным камнем костромского краеведения – материал в ней обобщен еще на примитивном уровне»³. С этим трудно спорить, тем более памятуя о том, что труд автора вырос из служебной записки и Васьков вряд ли задавался целью создать пространную научную монографию с глубокими умозаключениями. Он лишь, ориентируясь на среднего читателя, собрал и хронологически систематизировал исторические факты из документальных и изустных источников, сделав их достоянием как своих современников, так и последующих поколений. И в этом несомненная заслуга краеведа.

Описанные и впервые опубликованные И.К. Васьковым эпизоды исторического прошлого Костромы, такие как: основание города князем Юрием Долгоруким, явление иконы Федоровской Богоматери, битва при Святом озере, призвание Михаила Федоровича на царствование, подвиг Ивана Сусанина, времена смуты, посещение Костромы императрицей Екатериной II-й и многие другие в той же последовательности и по той же хронологической схеме кочевали впоследствии из издания в издание и до сих пор присутствуют во многих публикациях подобного профиля. Это ли не доказательство значимости труда И.К. Васькова!

Домыслы о том, что книга И.К. Васькова, якобы, помешала изданию рукописных работ Н.С. Сумарокова, посвященных истории Костромы, В.Н. Бочковым в свое время объявлены несостоятельными.⁴

Судьба И.К. Васькова тесно связана и с семейством Ламб. В 1786 году в Костроме появился новый наместник – генерал-поручик Иван Варфоломеевич Ламб, переведенный из Сибири, где, будучи генерал-губернатором в Иркутске, надолго оставил по себе добрую память. Поговаривали, что Ламб состоял в масонской ложе. Его семья состояла из него самого, супруги-генеральши Марии Ивановны Ламб, урожденной Лачиновой и детей: Петра Ивановича – сержанта лейб-гвардии Преображенского полка, и двух дочерей – Анны и Марии – девушек на выданье.

В противовес мягкому характеру Ламба, что, кстати сказать, соответствовало его фамилии: ведь «ламб» в переводе с английского значит «барашек», его жена

Первая книга о Костроме, сочиненная И.К. Васьковым

*Иван Варфоломеевич Ламб –
тесть И.К. Васькова*

была настоящей фурией, ела поедом мужа и детей, била посуду, бранилась, ломала мебель, плевала в какую бы ни было часть превосходительного тела, не исключая и физиономии. Все это не помешало Ивану Кузьмичу Васькову влюбиться в ее дочь – девицу Анну Ивановну Ламб и взять «фурию» к себе в тещи.

Иван Кузьмич тогда уже ушел с военной службы и перешел в костромскую казенную палату экономии директором и был в подчинении у своего свекра, с которым не только служил, но и дружил. Небольшая разница в годах – десять лет – способствовала сближению. А вот между супругами Васьковыми возрастная разница была более существенна: в год свадьбы Анне Ивановне исполнилось 20, а ее супругу – 39 лет. Однако, несмотря на то, что жена была почти вдвое мо-

ложе мужа, брак оказался удачным – достаточно заметить, что за двадцать пять лет совместной жизни они произвели на свет десятерых детей: семерых сыновей и трех дочерей.

В Костроме семья жила в собственном доме на Кинешемской, ныне Русинной (Советской) улице, а летом или в сельце Леонове Костромского уезда, принадлежавшем Ивану Кузьмичу, или в Петрилове, Костромского же уезда, купленно-го И.В. Ламбом в 1789 году у статской советницы княгини Настасьи Ивановны Путятиной. Этой усадьбе довелось стать позднее последним приютом писателя. А в 1805 году в селе иждивением генеральши Марии Ивановны Ламб была построена каменная с такой же колокольней церковь Божией Матерью.

Около десяти лет Иван Варфоломеевич находился на посту костромского наместника. После воцарения Павла I-го Ламб был вызван в Петербург, произведен в генерал-аншефы и назначен вице-президентом Государственной военной коллегии. Его две замужние дочери: Мария, бывшая замужем за Александром Петровичем Голохвастовым и Анна – жена Ивана Кузьмича Васькова, ставшего с 1800 года вице-губернатором, остались в Костроме. В их доме бывал Алексей Петрович Ермолов, сосланный в Костромскую губернию Павлом I-м. Об этом он сообщал в своих «Записках»:

«Тогда военной коллегией управлял генерал Ламб, бывавший в царствование Екатерины генерал-майором и костромским губернатором. По выезде его из Костромы остались там две дочери, в семействе которых принимаем я был благо-

склонно. Приезжая для свидания с отцом они тронули его описанием участи молодого изгнанника, и достойный старик желал случая оказать мне благотворение»⁵.

Любимый сын И.В. Ламба – сержант лейб-гвардии Преображенского полка Петр Иванович Ламб умер в 1796 году, но старик-отец, не желая вырождения фамилии, просил Павла 1-го о передаче своей фамилии старшему сыну Ивана Кузьмича Васькова – Ивану Ивановичу и получил позволение. С тех пор старший сын краеведа стал именоваться Иваном Ивановичем Васьковым-Ламбом.

Вскоре после этого, 29 декабря 1801 года Иван Варфоломеевич скончался в Петербурге и был погребен на кладбище Александро-Невской лавры.

Все хлопоты по захоронению взял на себя приехавший из Костромы И.К. Васьков, ставший с тех пор защитником осиротевших женщин. К сожалению, его тесть не мог быть уже свидетелем служебных успехов зятя, которым прежде всячески содействовал. 19 мая 1802 года император Александр I-й наградил И.К. Васькова орденом, о чем сообщал его именной рескрипт:

«Господин действительный статский советник Костромской вице-губернатор Васьков. Желая отличить усердие ваше к службе, содействием к возвышению казенных доходов, вами доказанное, пожаловал я вас кавалером ордена Святой Анны второго класса, коего знаки для возложения на вас при сем к вам и доставляются. Пребывая в прочем к вам благосклонный Александр»⁶. В следующем 1803 году на груди И.К. Васькова засияла и другая награда – орден Владимира IV степени.

Более четверти века надо было прожить Васькову в Костроме, прежде чем решиться формально стать костромским дворянином. Может на этот шаг его подтолкнула будущая судьба подрастающих наследников или получение женою недвижимости – села Петрилово с деревнями, доставшихся ей после покойных родителей? Как бы то ни было, но по «представленным в костромское дворянское депутатское собрание от действительного статского советника Ивана Кузьмича Васькова доказательствам и по определению дворянского собрания 13 июля 1806 года внесен он с предками и ипотечством в 6-ю часть родословной книги по Костромской губернии...»⁷

В следующем году Ивану Кузьмичу Васькову пришлось некоторое время побыть Костромским губернатором, поскольку, как гласил рапорт губернского прокурора Павла Ефремова генеральному прокурору: «...господин тайный советник костромской гражданский губернатор и разных орденов кавалер Николай Иванович Кочетов, сего апреля с 23 был болен в тяжелой болезни по власти божией 28 числа в 11-м часу пополуночи помер, по сему случаю во отправление губернаторской должности вступил здешний господин вице-губернатор и кавалер Иван Козмич Васьков... апреля 30 дня 1807 года»⁸ Губернаторскую эстафету принял Николай Федорович Ясынков, а Васьков снова вернулся в свою вице-губернаторскую ипотечку, в которой пребывал до самой смерти, пришедшей на 18 февраля 1813 года, когда ему шел 68-й год. Тело его было привезено в Петрилово для предания земле. На могиле его, в ограде церкви Вожей Матери, на каменной плите была высечена стихотворная эпитафия, как бы являющая диалог писателя с родными:

О други, достоин не я сожаленья,

Я в пристани тихой, вы жертвы волненья.

*Страстей вихрь опасный мой челн не умчит,
Вам бурное море напастей грозит...*

*Не лезть, но истина сии писала строки,
Но дружба нежная, лююща слез потоки,
Потомства не страшась суда, оне рекут:
Кто добр был и умен, тот поживает тут...⁹*

Вместо эпилога приоткроем завесу над дальнейшей судьбой осиротевшего семейства. Анна Ивановна Васькова – вдова Ивана Кузьмича, со временем утешилась и вышла замуж вторично за нерехтского помещика Павла Михайловича Кобылина, человека культурного и обеспеченного, служившего некоторое время Нерехтским уездным предводителем дворянства. Он стал хорошим отчимом детям Васькова и преданным мужем Анне Ивановне.

Из семи сыновей Ивана Кузьмича лишь двое дали многочисленное и жизнестойкое потомство. Наиболее интересна ветвь Федора Ивановича Васькова (1790-1855), занимавшего в разное время должности Галичского уездного предводителя, председателя палаты Уголовного суда Костромской губернии, а также начальника Костромского ополчения 1855 года. Похоронен в Ипатьевском монастыре с супругою Прасковьей Андреевной, урожденной Готовцевой. Имел восемь детей: шесть сыновей и двух дочерей.

Его первенец, Андрей Федорович Васьков (1820-1870), инженер-поручик, нерехтский помещик, пошел по краеведческим стопам деда и написал книгу «Нерехтский уезд в 1857 году», а также ряд статей, опубликованных в местной прессе.

Другой сын Федора Ивановича Васькова – Константин Федорович известен как меценат. Он завещал огромный капитал, за исключением небольшой суммы для родственников, костромскому дворянству. Это была значительная сумма, составляющая только ценными бумагами 100 500 рублей плюс стоимость имения, двух домов в Костроме, а так же трех каменных лавок. Благодарные костромские дворяне поместили портрет Константина Федоровича, кисти художника Леонтовского, а также портрет его сестры Юлии Федоровны, в замужестве Захаровой (также меценатки) в портретной галерее дворянского собрания.

Иван Кузьмич мог бы гордиться своими детьми, внуками и правнуками. Поистине, ему удалась не только творческая, но и личная жизнь.

Примечания:

1. Павел Петрович Резелин выявил 4-х представителей рода Васьковых, имеющих отношение к костромскому краеведению: И.К. Васьков, А.Ф.Васьков, В.Васьков и И. Васьков. Пользуясь случаем, благодарю П.П. Резелина за ценную библиографическую помощь.
2. Общий российский гербовник. Ч. VI. № 70
3. В.Н. Бочков. Костромские Козловские. // Губернский дом. №4. 1993

4. Там же.
5. Записки А.П. Ермолова 1798-1826. М. 1991. С.28
6. ГАКО. Ф.133. Оп.1.Д. 2083.Л.1
7. ГАКО. Ф.121. Оп.2. Д.199.Л.6
8. ГАКО.Ф.179. Оп.1. Д.783.Л.1
9. Русский провинциальный некрополь. М.1914. Т.1.С.140

НАЧАЛЬНИК КОСТРОМСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ (Ф.И. Васьков)

В 1858 году Прасковья Андреевна Васькова, 65-летняя вдова действительного статского советника Федора Ивановича Васькова (1790-1855), разделив имение, доставшееся ей от покойного мужа, оставила за собою Галичскую часть, состоящую в усадьбах Мухино и Дор с деревнями и пустошами, что составило, кроме домов с пристройками и службами, 4606 десятин земли, 181 крестьянскую душу и 27 дворовых.

Прасковья Андреевна Васькова (1793-1864) происходила из старинного дворянского рода Готовцевых, выдвинувшего из своих рядов видную поэтессу – Анну Ивановну Готовцеву, в замужестве Корнилову. Отец П.А.Васьковой – Андрей Григорьевич Готовцев (род. в 1757), гвардии прапорщик, а позднее нижнего земского суда исправник, владел в Галичском уезде усадьбой Мухино с деревнями Колычево, Малышево, Молоково и Нелидово, а матерью ее была Елизавета Петровна Тарбева, в первом браке Френева.

Прасковья (Параскева) Готовцева родилась в 1793 году в усадьбе Мухино, которую получила в приданое в конце 1810-х годов, выходя замуж за капитана лейб-гвардии Измайловского полка Федора Ивановича Васькова, который был старшей своей суженой на три года.

За спиной сравнительно еще молодого офицера стояло довольно бурное прошлое. По окончании Пажеского корпуса он в 1809 году был выпущен поручиком в лейб-гвардии Измайловский полк, в составе которого в 1812 году храбро сражался с французами при Смоленске и Бородино, где был ранен в левую руку и бок навзлет, после чего увезен на лечение в Москву, а затем в Тверь. За храбрость, проявленную в сражении, офицер получил в награду орден святого Владимира 4-й степени с бантом. Вылечившись, он уже в составе ополчения участвовал в заграничных походах и осадил крепость Модлин. В 1814 году, вернувшись в Россию, в родной Измайловский полк, он служит в нем до 1816 года, затем выходит в отставку и женится на 23-летней Прасковье Готовцевой, благосклонно принявшей его предложение.

Род Васьковых довольно древний, восходит к XVI веку: представители его проявили себя как на штатской службе, так и на военном поприще. Отец Федора Ивановича – Иван Кузьмич Васьков, не только имел завидную должность, то есть

был действительным статским советником и костромским вице-губернатором, но и являлся пионером-краеведом, написавшим в 1792 году книгу «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы». Ну а матерью Федора Ивановича Васькова была дочь правителя костромского наместничества, генерала от инфантерии Ивана Варфоломеевича Ламба – Анна Ивановна Ламб. Разумеется, родители новобрачной Прасковьи Готовцевой могли только радоваться и гордиться таким рождением.

По отставке от службы, которая продлилась десять лет, Федор Иванович решил вообще больше не служить, а заняться только семьей и сельским хозяйством, став передовым помещиком, обустроив усадьбу Мухино Галичского уезда, полученную в приданое за женою, чередуя эту работу со светскими развлечениями в губернском городе. И действительно, несколько лет супруги Васьковы жили по летам в усадьбе, а зимами – в Костроме, где у Федора Ивановича был дом на Русинной улице, полученный по наследству от умершего родителя. В нем хранилась неплохая библиотека, собранная несколькими поколениями Васьковых.

Федор Иванович поддерживал добрососедские отношения со многими помещиками, но были у него и закадычные друзья, в первую очередь Иван Николаевич Катенин, однополчанин Васькова, двоюродный брат поэта и драматурга Павла Александровича Катенина. До нас дошло несколько писем И.Н. Катенина к другу. Приведем одно из них от 5 апреля 1820 года из Чухломской усадьбы Занино.

«Христос воскрес! Любезнейший друг Федор Иванович. От души тебя обнимаю и поздравляю с праздником. Желаю тебе тысячу тысяч лет праздновать во всякой радости, щастии и совершенном здоровьи вместе с твоим милым и почтенным семейством. Также прошу за меня поцеловать ручку у Прасковьи Андреевны и поздравить ее от меня с праздником, а я Вас обоих поздравляю и думаю, уже у вас кто-нибудь гость на праздник пожаловал. Пожалуйста, уведоми меня кто и как, а также и об здоровье почтенной Прасковьи Андреевны. Наденька вас также поздравляет и желает вам всего лучшего. Она, возвратясь, мне сказывала, что ты велел мне прислать тебе семена дынь, что ныне и выполняю. Желаю, чтоб родились и ты бы их кушал с удовольствием, и тогда бы вспоминал тебе преданного друга, который с величайшим нетерпением тебя ожидал в Костроме, ждал, ждал и не мог дожидаться щастия, чтоб тебя лично обнять. Пожалуйста, хоть летом как-нибудь доставь мне щастие – и напиши, буду ли я услышан в моем вопле. Прощай, милый друг. Желаю тебе совершенного здоровья и всякого благополучия. Есмь всегда душевно тебе преданный друг и слуга. Иван Котенин»¹.

Упоминание грядущего на Пасху гостя в письме Катенина есть не что иное, как намек на беременность Прасковьи Андреевны, разрешившуюся вскоре рождением сына-первенца Андрея, будущего краеведа, автора книги «Нерехотский уезд в 1857 году» и других краеведческих трудов. А в семье Васьковых почти каждый год рождались дети: Константин, Петр, Иван, Юлия, Анна, Павел и Василий. Родители заботливо, а порой и строго воспитывали их. И надо сказать, что они вырастили умных и честных людей, а несколько из них стали действительно выдающимися, недаром брат и сестра Васьковы, Константин и Юлия, в замужестве

Захарова, за меценатство были увековечены в портретной галерее дворянского собрания.

Занимаясь сельским хозяйством, воспитанием детей, любимой охотой, Федор Иванович и Прасковья Андреевна почти не замечали времени, а соскучившись в провинции, делали набег на столицу, где останавливались у брата Федора Ивановича – Николая Ивановича, служившего в департаменте министерства юстиции. Васьков ходил по знакомым местам: к Пажескому корпусу, Измайловским казармам, навещал старых знакомых или знакомых брата.

1827 год – рубеж, которым заканчивается десятилетняя отставка Ф.И.Васькова и начинается его штатская служба. По выбору дворян, он становится уездным предводителем, ревизует присутственные места в Ветлуге и Варнавине, за что получает Высочайшее благоволение и в 1829 году назначается Председателем Костромской Палаты Уголовного суда, а в 1832 году получает чин коллежского советника. Вскоре костромской период его службы заканчивается, и он переезжает в Петербург. В мае 1835 года Васьков определен первым членом межевой канцелярии, в 1836 году назначен товарищем главного директора межевого корпуса (в чине статского советника), а спустя еще три года становится главным директором межевого корпуса.

В этом же 1839 году, благодаря его другу, известному писателю Сергею Тимофеевичу Аксакову, с которым его связывала долгая и преданная дружба, произошло курьезное происшествие. Приехавший по делам в столицу, С.Т. Аксаков рассказал другу о веселом путешествии из Москвы в Петербург вместе с писателем И.В. Гоголем, приехавшим за сестрами, окончившими институт благородных девиц. Он пригласил Васькова, собиравшегося в отпуск домой, ехать до Москвы вместе с ними. Далее рассказ поведет сам С.Т.Аксаков:

•Наконец выехали мы из Петербурга. Я взял два особых дилижанса: один четвероместный, называющийся фамильным, в который села Вера (дочь Аксакова – Е.С.), две сестры Гоголя и я; другой двухместный, в котором сидел Гоголь и Федор Иванович Васьков... возвратный наш путь совсем не был так весел, как путь из Москвы в Петербург, во-первых, потому, что Васьков, хотя был самое милое и доброе существо, был мало знаком с Гоголем, и, во-вторых, потому, что последнего сильно озабочивали и смущали сестры. Уродливость физического и нравственного институтского воспитания высказывалась тут выпукло и ярко. Ничего не зная и не понимая, они всего боялись, от всего кричали и плакали, особенно по ночам...

Один Васьков смешил меня всю дорогу своими жалобами. Мы пленили его описанием веселого нашего путешествия..., он ожидал того же, но вышло совсем напротив. Когда Гоголь садился вместе с Васьковым, то тотчас притворялся спящим и в четверо суток не сказал ни единого слова, а Васьков, любивший спать днем, любил поговорить вечером и ночью. Он заговаривал с своим соседом, но мнимоспящий Гоголь не отвечал ни слова. Всякое утро Васьков прекомически благодарил меня за приятного соседа, которого он досыта наслушался и находотался... Наконец, на пятые сутки притащились мы в Москву.²

На следующий год пришлось вторая отставка Ф.И. Васькова по его собственному прошению по причине усиливающегося нездоровья. Скорее всего, он просто

в своих служебных учреждениях соскучился по родным просторам, охоте и рыболовству, по простой деревенской жизни в своих и жениных галичских и кологривских имениях, по Костроме и детям, отдыхающим летом в усадьбах. Но прошло несколько лет, и Федор Иванович опять захандрил, да так, что супруга, не на шутку испугавшись, написала письмо его другу С.Т. Аксакову с просьбой дать совет. Тот немедленно откликнулся письмом от 25 января 1842 года:

«Милостивая государыня Прасковья Андреевна... вы знаете мою дружбу к Федору Ивановичу и можете себе представить, как мне прискорбно было узнать об его болезненном состоянии. Я не вижу лучшего средства, как приехать к вам сюда, хотя на короткое время, а потом можно придумать дальнейшие способы; служба будет необходимым последствием. Но я полагаю, что трудно заставить его немедленно приехать в Москву, тем более, что, судя по его прежнему ко мне письму, финансы ваши должны быть не в цветущем положении. Я вижу одно к этому средство: надобно, чтобы Анна Ивановна приказала ему немедленно ехать в Москву и вместе дала ему возможность исполнить ее приказание, то есть дала денег. Я знаю, что он никого, кроме ее, не послушает и ни от кого не возьмет денег взаймы таким насильственным образом. Извините меня, почтеннейшая Прасковья Андреевна, что я так бесцеремонно объясняюсь: я так люблю вашего мужа и все ваше семейство, что считаю себя вправе говорить с полной откровенностью. У него хандра в полном и обширном смысле этого слова. Деятельность служебная ему необходима, у него нет болезней других. Онемение, одрябление – все это обман нерв. Поверьте, что свидание с тридцатилетним приятелем произведет благотворное действие. Что касается до будущего устройства его судьбы, то Кавелин горячо об этом похлопочет... На будущей почте я напишу к Федору Ивановичу, а это письмо посылаю вам секретно. Целую ручку Вашу и честь имею быть сердечно преданный вам С.Аксаков... Если б остановка в приезде в Москву происходила только от недостатка в деньгах, то уведомьте меня, сделайте милость, я доставлю их секретно к вам, через Василья Ивановича»³.

Благодаря другу, Ф.И. Васьков не только излечился от сплина, но и в 1844 г. вновь возобновил службу, будучи причислен к Министерству Внутренних дел, и вскоре был назначен Гродненским гражданским губернатором. Помимо основной служебной деятельности, Васькову была обязана Гродненская губерния появлением в неофициальной части «Губернских ведомостей» исторических и археологических статей, посвященных Гродненскому краю. В 1848 году Федор Иванович был переведен в Новгород на аналогичную должность и, спустя год, за усердную и ревностную службу получил орден Станислава 1-й степени.

Однако возраст дал себя знать, и осенью 1850 года Васьков по прошению уже вчистую увольняется со службы и отправляется на постоянный отдых домой, в Костромскую губернию, живет в кругу своего семейства и не помышляет ни о какой общественной деятельности.

Спустя пять лет мирной жизни, крымская война призвала его, уже 65-летнего старика, на поле брани. Костромское дворянство предложило Федору Ивановичу Васькову стать во главе Костромского ополчения, и у него не хватило духу откло-

нить оказанную ему честь. Васьков не только возглавил ополчение, но и привел в него четверых сыновей, зятя и трех племянников.

12 июля 1855 года на Сусанинской площади в Костроме происходило освящение знамен Костромской и Буйской дружин ополчения. После литургии в Успенском соборе преосвященный Филофей возглавил крестный ход. У памятника Сусанину барабанщиками и горнистами был исполнен перед шеренгами ополченцев торжественный марш и началось водосвящение икон и знамен, последние были переданы начальнику ополчения Федору Ивановичу Васькову, а иконы – начальникам дружин. Каждому ополченцу был вручен финифтяной образок. После присяги преосвященный Филофей окропил дружинников святой водой. В начале августа 1855 года все десять дружин ополчения выступили в поход.

А 15 декабря того же 1855 года Федор Иванович Васьков скончался в Варшаве, в тело его привез в Кострому для погребения один из его сыновей – офицер ополчения.

Спустя почти месяц после кончины Васькова, 18 января 1856 года, на кладбище Ипатьевского монастыря совершилось погребение тела Ф.И.Васькова. Богослужение совершил епископ Костромской и Галичский преосвященный Филофей.

Через десять лет рядом с могилой Федора Ивановича появилась могила Присковьи Андреевны Васьковой, которая после смерти супруга нянчила внуков и следила за недвижимостью, в том числе и галичской, кормящей их очень уж разросшуюся семью...

Примечания:

1. ГАКО. Ф.599. Оп.1. Д.128. Л.132-133.	3. Письма обнаружены, прокомментированы и процитированы в статье Е.Ф. Дюбюка «Пять писем С.Т.Аксакова». ГАКО. Ф.838. Оп.1. Д.204.
2. С.Т. Аксаков. «История моего знакомства с Петербургом». М.1960. С.25.	

МИРОВОЙ ПОСРЕДНИК ПЕРВОГО ПРИЗЫВА (А.Ф. Васьков)

КРЕСТЬЯНСКАЯ реформа была принята на сломе века при переходе от феодальной системы к капиталистической. Отмена крепостного права, отвечавшая чаяниям многомиллионного крестьянства, бескровно решила назревавший конфликт в империи и ликвидировала главный тормоз, мешавший ее развитию. Недаром эта реформа имеет еще одно название – «Великая».

Осуществление ее заняло три года. Сначала по указу Александра II-го (Освободителя) в конце 1850-х годов стали образовываться губернские комитеты для составления проектов положения об освобождении крестьян. Их возглавил главный комитет, который при помощи «редакционных комиссий» свел воедино губернские проекты и в январе 1861 года представил обобщенный проект в Государственный Совет. Его-то и утвердил император Александр II в качестве закона. Из документа следовало, что вся земля при освобождении сохранялась за помещиками, а крестьяне должны были ее выкупать, платя деньгами или отработывая, называясь до полного выкупа временно-обязанными крестьянами.

При подготовке реформы в помещичьей среде шли жаркие споры сторонников и противников грядущих перемен. Не исключением являлись и костромские дворяне. Уездный врач Петр Алексеевич Илинский был не только очевидцем, но и фиксатором этих дебатов и, благодаря ему, мы можем перенестись в Нерехту в далекий 1860-й год.

Илинский писал: «В то время готовилось и было близко освобождение крепостных крестьян, и мне в первый раз, 15 августа у господ Карцовых на празднике, удалось выслушать прекрасные образные речи... молодого Селифонтова. Николай Николаевич ратовал за то, чтобы крестьяне были освобождены с землей, иначе он не признавал освобождения... Затаялся было тогда спор о перевороте в помещичьих хозяйствах, и он также уяснял всю пользу свободного труда, оппонировав одному крупному помещику, видевшему в том только разорение и помещиков и крестьян.

«Вам там в Петербурге, в министерствах и канцеляриях, где же знать настоящую-то суть нашей деревенской жизни, – говорил тот. – Вы далеки от нее, и все положения, исходящие из канцелярий, не приложимы к нашему опыту.»

«Но позвольте спросить, – возражал молодой противник, – разве в канцеляриях сидят какие-либо иные, а не русские люди? Разве они чужды деревне и ее нужд? Из моих сослуживцев почти все помещики и иные даже ведут хозяйство. Я и сам не теряю времени на изучение быта нашего и крестьянского. Не далее, как вчера был свидетелем крестьянского самосуда и вынес такое убеждение, что не пройдет и двух десятков лет, как вы сами скажете иное. Впрочем, я нимало не прекословлю, чтобы в канцеляриях поболее знали дух народа. Но вот скоро введутся земские учреждения и гласный суд, и тогда явится уже самоуправление. Эти реформы еще более улучшат положение и приблизят к правовому порядку».¹

Если Н.Н. Селифонтов, приехавший на летние вакации в свое имение Семеновское Нерехтского уезда, должен был вернуться в Петербург, где служил чиновником в Центральном управлении Министерства юстиции и участвовал в проведении реформы «сверху», то некоторые гости из многочисленного общества, собравшегося на празднике у нерехтского уездного предводителя дворянства Н.П. Карцова, как-то: земляки Селифонтова – А.Ф. Васьков или А.К. Бошняк вскоре стали осуществлять реформу на местах, в качестве мировых посредников Нерехтского уезда Костромской губернии.

На мировых посредников правительством были возложены следующие функции: все распорядительные действия, решения жалоб и споров, возникавших между помещиками и крестьянами, составление специальной документации по выкупу земли (уставные грамоты), создание и руководство вновь созданными органами крестьянского самоуправления. Такая многосложная и тяжелая работа требовала образованных и воспитанных людей, поэтому к кандидатам в мировые посредники выдвигались повышенные требования: ими могли стать местные дворяне-помещики, владеющие не менее 150 десятинами земли, окончившие курс в учебных заведениях с чином не менее XII класса. Кроме того, назначаемым их губернаторам министром Внутренних дел Ланским 22 марта 1861 года были разосланы циркуляры, в которых подчеркивались нравственные критерии в выборе кандидатов.

«Нравственные качества, требуемые от должного мирового посредника, по-казывает само ее название. Главное ее назначение – быть примирителем и судьей интересов обоих сословий. Столь высокое призвание не может быть с успехом выполняемо ни лицами, которые своею прежнею общественною деятельностью или вообще своим образом мысли заявили себя пристрастными и исключительными сторонниками интересов одного лишь сословия, ни еще менее обычными искателями штатных мест, которые по службе преследуют только личные цели и собственные нередко корыстные выгоды»².

Министр рекомендовал начальникам губерний назначать мировыми посредниками людей, «которые известны несомненным сочувствием к преобразованию и хорошим обращением с крестьянами»³. В результате столь строгого отбора в ряды мировых посредников, по крайней мере первого призыва, (позднее наступила реакция, сделавшая послабления в пользу помещиков), встали идейные сторонники «Великой реформы», которые искренне старались провести ее добросовестно. В ка-

честве примера достаточно назвать мирового посредника, которого знал весь мир, – Льва Николаевича Толстого.

В Костромской губернии образцовым мировым посредником являлся Андрей Федорович Васьков. Он не только отлично и ревностно исправлял свою должность, но и опубликовал достаточное количество отчетов о своей работе в центральной и местной прессе, желая поделиться своим опытом с единомышленниками. По ним и мы можем обозреть и оценить его деятельность.

А.Ф. Васьков, наряду с П.В. Исаковым, А.К. Бошняком, В.П. Смольяниновым и другими возглавлял один из шести участков, на которые был разбит Нерехтский уезд. Участки получились большие и потому, несмотря на то, что к мировым посредникам «в комплект» включались и помощники, так называемые «кандидаты» (по одному на каждого посредника), работы было невпроворот.

Андрей Федорович Васьков, как никто другой, соответствовал выдвинутым условиям. Он происходил от старинного дворянского рода, восходящего к XV веку, многие представители которого занимали административные посты в Костромском наместничестве и губернии. Однако, прославились они не только высокими должностями, но и многочисленными талантами и добродетелями.

Дед Андрея Федоровича – Иван Кузьмич Васьков (1746-1813), бывший с 1800 по 1813 год костромским вице-губернатором, одарил жителей города первым печатным изданием о нем, под названием «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. Сочиненное полковником Иваном Васьковым. Москва; В типографии у М. Пономарева. 1792.»

Он был женат на дочери костромского наместника Ивана Варфоломеевича Ламба – Анне Ивановне Ламб. Из десяти их детей наиболее интересным можно считать Федора Ивановича Васькова (1790-1855) – отца Андрея Федоровича. Боевой офицер, герой войны 1812 года, раненый при Бородино, в мирное время он служил уездным предводителем в Галиче, был Гродненским и Новгородским губернатором. Среди его близких знакомых считались Сергей Григорьевич Волконский (декабрист), архитектор Фурсов, Иван Николаевич Катенин – кузен поэта, Сергей Тимофеевич Аксаков и многие другие.

Андрей Федорович часто вспоминал, как устраивались в доме отца в Костроме то карточные, то музыкальные вечера. Иногда он забирался к кому-нибудь из гостей на колени и они вместе листали книги из огромной домашней библиотеки.

В 1855 году, уже будучи в отставке, в 65-летнем возрасте Федор Иванович Васьков был приглашен костромским дворянством возглавить костромское ополчение. Он не только незамедлительно согласился, но и привел с собою в ополчение четырех сыновей, зятя и трех племянников. Вскоре один из сыновей (не Андрей ли Федорович?) привез тело отца, не выдержавшего тяжести похода и умершего в Варшаве, в родную Кострому, где тот и был погребен на кладбище Ипатьевского монастыря при огромном стечении народа.

Подобно отцу Андрей Федорович также начал с военной службы, но дослужившись до чина инженер-поручика, вышел в отставку, занявшись сельским хозяйством. Позднее служил по выборам, в частности являлся нерехтским уездным предводителем.

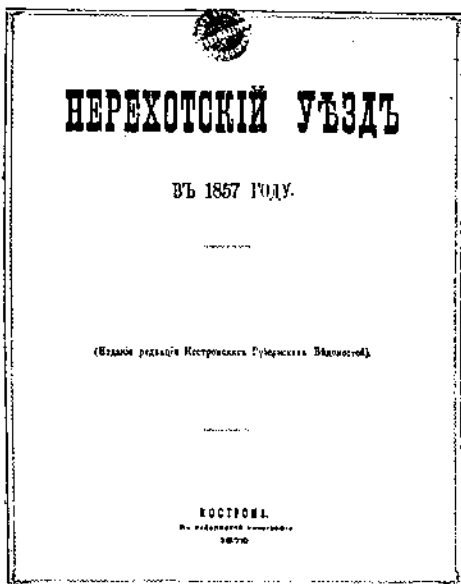
лем дворянства (1857-1860). Он, как и дед его, был не чужд краеведческим и статистическим изысканиям. Он создал труд «Нерехтский уезд в 1857 году», изданный после его смерти. Автор сам поведал об обстоятельствах создания этого труда:

«Три года назад, занимая место уездного предводителя дворянства, желая по возможности быть полезным своему краю, задумал я составить подробное статистическое описание Нерехтского уезда. Для сего предположил собрать нужные данные на месте, объехав все селения уезда и внося в заранее приготовленные бланковые графы цифры всего, что может выразить средства края: его промышленное развитие, производительность и силы, одним словом, представить живую картину страны, картину, показывающую на возможности, светлые и темные стороны быта, богатство обитателей и их нужды...

Имея у себя довольно подробную карту уезда, я приступил к составлению списка селений по местности... оказалось, что кроме двух городов Нерехты и Плеса в уезде тысяча шестьдесят четыре селения. Селения объеханы все без исключения. Описание продолжалось четыре с половиной месяца»⁴.

Итак, статистическая часть труда составлена самим А.Ф. Васьковым в результате опросов нерехтских крестьян. Эти контакты впоследствии облегчили ему работу мирового посредника. Однако, помимо статистических сведений в труде Васькова присутствуют также сведения исторические. Автор во вступлении к своему исследованию так объясняет это: «Наконец, считаю долгом сказать, что большая часть исторических сведений извлечена мною из записок почтенного археолога нашего Михаила Яковлевича Диева, священника села Троицкой Сыпановой слободы. Он с полною готовностью сообщил мне все сведения в продолжении многих лет им собранные, и я, может быть, слишком скупно почерпнул из богатых источников, находившихся под рукою»⁵.

Передав в 1860 году эстафету уездного предводительства Н.П. Карцеву, Васьков, как вполне подготовленный кандидат, становится мировым посредником 4-го участка Нерехтского уезда Костромской губернии. Ход его работы можно проследить по ряду авторских публикаций в славянофильской газете «День», издаваемой в Москве в 60-х годах И.С. Аксаковым.

Титульный лист книги А.Ф. Васькова

В первом очерке под названием «Из Нерехтского уезда» он рассказывал о работе над уставными грамотами⁶.

Уставная грамота – это акт, в котором определялось все хозяйственное устройство крестьян и их отношение к помещику, пока они находились в положении временно-обязанных крестьян. Там обозначался отводимый крестьянам надел и повинности, которые они должны были отбывать до перехода на выкуп. То есть это был документ, которым определялось хозяйственное будущее каждого крестьянского общества. Помещики в большинстве отказались их писать и вся масса грамот легла на посредников.

А.Ф. Васьков не был исключением. В статье от 4 ноября 1861 года он сообщал: «В мировом участке, заведываемом мною, 156 селений и 270 владельческих участков... Даже если объединить несколько селений в одной грамоте, то все-таки более 200 придется составлять посреднику. Можно ли будет сделать их в продолжение 6 или 7 весенних, летних и осенних месяцев? – По крайней мере должно. Одно могу сказать утвердительно, что придется бросить все свои дела, прожить все это время вне своего дома»⁷.

Дом А.Ф. Васькова находился в деревне Вахнево Нерехтского уезда с размещенной в ней усадьбой, которую обслуживали десять дворовых, а в полях работали 104 крестьянина. Хозяйство вела супруга – Аглаида Ивановна Васькова, растившая четырех детей: Федора, Ивана, Прасковью и Екатерину. В Вахневе семья жила летом, зимой – в Нерехте. В течение многих лет А.Ф. Васьков с присущими ему терпением и любознательностью занимался в своей деревне сельским хозяйством: вводил новые формы обработки земли: поперечное вспахивание, дренаж почвы и т.д. Свои наблюдения и опыты он обобщил в статье «Несколько соображений по поводу неудовлетворительных урожаев в полях моих»⁸.

Однако Васьков не замыкался целиком на деревне. Он охотно посещал Кострому, особенно во время дворянских выборов, жил у родных, гостил у друзей. В январе 1857 года был избран в уездные предводители и тогда же присутствовал на торжественном обеде, данном костромскими дворянами в доме дворянского собрания в честь защитников Севастополя братьев Перелешинных. Праздник произвел на Васькова столь сильное впечатление, что он незамедлительно написал обширный очерк о нем для «Костромских губернских ведомостей»⁹.

Но одно дело описывать торжество, другое – составлять скучные уставные грамоты. Тем не менее дело двигалось. Если в начале 1861 года мировым посредником А.Ф. Васьковым было составлено всего 16 грамот, то спустя несколько месяцев их уже насчитывалось около пятидесяти. Не менее хлопотным делом являлось создание новых органов крестьянского самоуправления. В одном из своих очерков Андрей Федорович поведал об этом:

«Расскажу вам об открытии волостей в моем мировом участке и как проводились выборы крестьянами. Июня 14 открыта мною первая волость – Спасская. Когда доставлены были из сельских обществ списки избранным старостам и выборным, всем им дан был приказ собраться 14 числа в селе Спас утром для выбора волостных должностных лиц. Часам к десяти собралось уже много народа. Я сде-

лял переключку, оказалось, что из 73 человек, имеющих голос, на волостном сходе было на лицо 61.

Я обратился к ним с импровизированной речью, смысл ее был следующий: «Вы созваны сюда для того, чтобы выбрать волостного старшину и других должностных лиц... Потолкуйте между собою, кого избрать старшиной. Помните, что это будет ваш ближайший начальник, ему Положением дается большая власть. Поэтому старайтесь выбрать человека справедливого, умного и трезвого. К нему надо выбрать кандидата, то есть запасного, и, желательно, тоже хорошего мужика. Вы, все люди хорошие, но тут надо людей лучших. Хорошо, если волостной старшина будет грамотный, хотя это и не обязательно, иной и неграмотный заткнет за пояс всякого грамотника. Подумайте, потолкуйте, и когда согласитесь, скажите мне».

Я ушел в избу, чтобы не стеснять крестьян своим присутствием. Сход был на улице, под открытым небом. Крестьяне толковали шумно часа три. Наконец, пришли ко мне несколько человек и объявили, что все упирают на Бориса Иваныча, а в помощники ему хотят Михайла Максимыча. Я вышел к сходу, расположившему свое заседание на бревнах. «Ну, братцы, вы выбираете Бориса Иванова?»

– Его! Его! – заговорили многие.

– Пусть послужит миру! Человек степенный, хороший!

– Все ли желают Бориса Иванова?

– Все, все!

Я предложил поднять руки – выбор единогласный.

Вновь избранный, мужик лет сорока, небольшого роста, худощавый и белокурый, стоял особняком, сильно смущенный неожиданной честью. Он до этого времени мало жил в деревне, занимаясь мастерством на ситценабивных фабриках...

Михайло Максимов, избранный в кандидаты к старшине, лет тридцати, молодец собой, сложенный Геркулесом, повалился перед сходом в ноги, со слезами говоря: «Увольте, мирские люди, мое дело еще молодое, неопытное, есть старше меня, умнее». Мирские люди не обращали никакого внимания на эти слова и поклонь. Дело известное – нельзя же без отказов.

Борис Иванов не отпрашивался. Я позвал его к себе в избу и, сделав краткое наставление, выслал к сходу предложить о назначении 12 человек в волостные судьи. Через полчаса новый старшина воротился ко мне с собственноручным списком имен. На предложение мое о назначении старшине жалования и сборов для найма писаря и помещения под волостное правление, а также для найма сторожа и рассыльного крестьяне согласились, говоря: «без чего уж нельзя, так нельзя». Пришлось на душу 44 1/2 копейки. Оформив бумаги, прошли в церковь, где волостной старшина принял присягу. Когда мы вышли из церкви, солнце клонилось к закату: был шестой час вечера⁹.

Крестьянские выборы, без внешнего давления проводились разумно и споро, если ими руководили тактичные и умные посредники вроде Андрея Федоровича Васькова. Не менее умело проводил он и третейские разборы, один из которых описал в очередном очерке¹⁰.

По истечении первого срока, отведенного для службы мировым посредникам, Андрей Федорович ушел на заслуженный отдых, тем более, что из-за чрезмерных нагрузок чувствовал себя разбитым. Вспоминая сделанное, он подводил итог: «Мудреное теперь время: все старое умирает, новое еще не родилось. С одной стороны мрачная картина прежнего порядка, с другой – в неясных чертах будущее, которое то сверкнет яркой полосой, и в золотой дали обрисуетя что-то пленительное, то задержится вновь непроницаемым туманом. Человек не живет двух жизней, наше поколение вряд ли увидит плоды настоящей реформы. На нашу долю выпал труд и боли рождения, принесем же их без ропота: и да не упрекнут нас потомки в малодушии, не помянут с презрительною и горькою усмешкою!»¹¹

Андрей Федорович Васьков умер в 1870 году в возрасте 50-ти лет. Причина безвременной смерти очевидна. В 1872 году посмертно издана отдельной книжкой рукопись А.Ф. Васькова – «Нерехотский уезд в 1857 году», выдвинувшая его в первый ряд костромских краеведов.

Примечания:

1. Ильяский П. Памяти Николая Николаевича Селифонтова. // Костромская старина. Вып. VI. Кострома. 1905. С.9-10. 2. Корнилов А.А. Деятельность мировых посредников. // Великая реформа. Т.V. Издание т-ва Сытина. М. 1911. С.238. 3. Там же. С. 238 4. Нерехотский уезд в 1857 году. Кострома. 1872. С. 1.	5. Там же. С. 2. 6. «День». № 4. 1861 (4 ноября). С.12. 7. Там же. С. 12. 8. Костромские губернские ведомости № 25. 1859. С.165. 9. Костромские губернские ведомости № 3. 1857. 19 января. 10. «День». № 12. 1862 (1 января). С. 14. 11. «День». № 4. 1861 (4 ноября). С. 13.

ЗА ЗАВЕСОЙ ВРЕМЕНИ (А.И. Одоевский)

ЛЕКСАНДР Одоевский... молодой, но активный участник выступления 14 декабря 1825 года, пылкая и нежная поэтическая душа, человек с трагической, но завидной судьбой. При большой исторической значимости и ши-

рокой популярности Одоевского, литература о нем страдает недостатком документального материала. Два дела Костромского областного архива, связанные с дворянскими фамилиями Одоевских, Ланских, Вадковских и Катениных, дают новое освещение ряду событий в жизни поэта-декабриста.

Прабабка А.И.Одоевского – Арина Андреевна, урожденная Бойикова, сгорела своего первого мужа, гвардейского капитана Николая Григорьевича Чирикова, вышла замуж вторично за генерал-поручика Федора Ивановича Вадковского. От второго брака она родила сыновей Илью, Ивана и Федора, да дочь Марию, которую в 1768 году стоворила в замужество за отставного артиллери майора князя Александра Ивановича Одоевского, а в приданое дала «недвижимое в Ярославском уезде, Закогоросльского стану сельцо Медведково с деревнями, да того ж Ярославского уезда Игрицкой волости благоприобретенное сельцо Котельницы, да в Костромском уезде в Плесском стану деревни Большие и Малые Ломы»¹.

От брака Марии Фёдоровны и Александра Ивановича Одоевских родились две дочери: Варвара Александровна, вышедшая впоследствии замуж за Дмитрия Сергеевича Ланского и Прасковья Александровна, ставшая супругой своего кулена князя Ивана Сергеевича Одоевского. Семья Ланских была бездетна, а в доме Одоевских 26 ноября 1802 года произошло знаменательное событие – родился сын Александр, будущий поэт-декабрист.

После смерти старого князя и его супруги, сестры, смешав имения отца и матери вместе, полюбовно разделили его на две равные части, и по жребию Прасковье Александровне Одоевской достались имения в Симбирской, Вологодской и Ярославской губерниях, а Варваре Александровне Ланской другая часть в Симбирской губернии, да Костромское имение. Раздельный акт был совершен 24 февраля 1807 года во втором Департаменте Московской палаты гражданского суда².

Детство Александра проходило в имении отца – сельце Николаевском, но после крупной семейной ссоры Прасковья Александровна, оставив мужа, вместе с сыном переехала в Тулу.

Тяжелым жизненным испытанием для юного Александра стала неожиданная кончина матери. Он едет в Петербург и вступает в лейб-гвардии Конный полк юнкером. Попечение о нем берет на себя семья Ланских.

«Доставшееся по разделу 1807 года княгине Прасковье Александровне... имение, после смерти ее поступило во владение сына, князя Александра Одоевского».³ То есть Александру досталось недвижимое в Симбирской, Вологодской и Ярославской губерниях, всего около тысячи крестьян. Хлопоты по своему имению он доверил дяде Д.С. Ланскому, ставшему его опекуном.

Дмитрий Сергеевич Ланской (1767-1834) был участником Отечественной войны 1812 года, имел чин генерала, жил в Москве, но с переходом на гражданскую службу в 1813 году переселился в Петербург. Опека над осиротевшим Александром была отрядным явлением для бездетных Ланских. В своей «тантеньке» – В.А. Ланской – Александр, по собственному признанию, «нашел вторую мать». Ширится круг друзей Одоевского: он близко сходится с В.К. Кюхельбекером, А.С. Грибоедовым, А.А. Бестужевым, К.Ф. Рылевым.

На рубеже 1824-1825 годов молодой офицер становится членом тайного общества. Служба, поручения общества, светские развлечения отвлекали молодого человека от хлопотных обязанностей помещика. Только после долгого увещевания Д.С.Ланского Александр посетил свои имения накануне восстания. Вернувшись в Петербург, Одоевский сразу же попал в водоворот декабрьских событий и активно включился в них: проводил агитацию в конно-гвардейских казармах, в числе первых вышел на площадь и взял под команду взвод московского полка.

После артиллерийских залпов, свиста картечи, общей сумятицы и паники, Одоевский спешит в полубреду прочь от города. Пробродив сутки вокруг него, он, неприспособленный к тяжести одиночества и невзгод, больной, обмороженный, появляется в доме дяди Дмитрия Сергеевича Ланского. Именно этот момент биографии Одоевского нуждается в существенных объяснениях. Главным литературным источником, на который обычно ссылаются биографы, следует считать «Рассказы дядюшки Комаровского», записанные его племянником М.А. Веневиновым в 1874 г.

Как рассказывал Е.Е. Комаровский, А.Одоевский «решился... искать защиты у Василия Сергеевича Ланского, женатого на княгине Одоевской, родной сестре его матери. Около 10 часов вечера, он пришел в дом Ланского (на площади около Конногвардейских казарм) и узнав, что дядя дома, велел лакею доложить о себе. Ланской вышел к нему. «Моя судьба и жизнь в ваших руках», – сказал ему

А.И. Одоевский

Одоевский. «Принимаю тебя под свою защиту, – ответил ему Ланской, – но ты так взривен и устал и обезображен морозом, что, прежде всего, считаю необходимым вычистить тебя. Хочешь в баню? Поедем туда вместе»⁴.

Воспользовавшись этой уловкой, Ланской, якобы хитростью, завлек племянника к губернатору П. В. Кутузову, которому и сдал его.

Если учесть, что рассказ дошел до нас из третьих уст и зафиксирован почти столетия после произошедших событий, то станет ясным происхождение ряда неточностей и противоречий в данном отрывке. Вот несколько примеров: К.Е. Комаровский называет Ланского Василием, а не Дмитрием Сергеевичем, то есть путает двух братьев Ланских. В его рассказе Одоевский был отвезен Кутузову, а по признанию самого Одоевского к Шульгину. Документально известно, что Александр ночевал у дяди, тогда как Комаровский утверждает, что Одоевский был отправлен незамедлительно. Этих неточностей достаточно, чтобы усомниться в достоверности рассказа.

Участие Ланского в сдаче его племянника властям не подлежит сомнению, но факт без соответствующей мотивировки не объясняет сущности явления. Некоторые биографы Одоевского заподозрили в Ланском вероломного корыстолюбца:

«Дмитрий Сергеевич Ланской вошел в дальний покой, где его преступный племянник доедал третью котлетку, и положил на его плечо родственно-ласковую руку. «Бог научил меня, как надо поступить, – сказал Дмитрий Сергеевич тихо. – Если ты уже сыт, поднимайся, милый Саша. Поднимайся, мы едем». Одоевский вскочил и бросил на стол салфетку: «Куда?» – «К обер-полицмейстеру». Александр Иванович вздрогнул и сделал шаг вперед. Дмитрий Сергеевич отступил на два и крикнул: «Эй, люди!»... Вероятно, никогда в жизни Одоевскому не было так душно, тошно и жарко от прихлынувшего к сердцу гнева, как сейчас. Он сорвал с шеи ширф, швырнул его под ноги и растоптал. Поднял кулаки, – опустил их, спрятав в карманы, потом проговорил медленно, словно вырезывая сказанное на металле: «Золотым веком был тот, когда люди не знали золота. К несчастью, это время давным-давно прошло, но вы, дядюшка, едва ли не самый подлый человек нового подлого века. Пойдемте!»⁵

В другом месте автор доводит до читателя, якобы, мысли Ланского: «Две тысячи душ... По крайней мере – десять тысяч золотых лобанчиков дохода в год, целая пропасть денег, не меньше 15 обедов и балов в зиму, да и за границу без труда выехать возможно будет на лето»⁶. Итак, ясно: Дмитрий Сергеевич Ланской, соблазнившись отягчать материнское имение Одоевского, сознательно и подло выдал племянника.

Постараемся логически восстановить эти события с привлечением известного документального материала.

«В колонне я остался доколе она была расстроена картечью, – записал Левашов показания Одоевского 16 декабря 1825 года. – Тогда пошел я к Галерной и через переулок на Неву, перешел через лед на Васильевский остров к Чебышеву... оттуда возвратился в город и заехал к Жандру, живущему на Мойке. Здесь мне дал сей последний фрак, всю одежду и 700 рублей денег... Я пошел в Катерингоф, где

купил тулуп и шапку, и пошел к Красному селу... Наконец вчера возвратился в Петербург, где прибыл к дяде своему Д. С. Ланскому»⁷.

О пребывании в доме Ланских Одоевский говорит и в письме к Николаю I. В строках этого письма отражена атмосфера предельного отчаяния и страха родных за Александра, которая царила при их встрече: «...все видел перед собою вторую мою мать Ланскую, которая едва не умерла на моих руках»⁸. Далее же, как представляется, после спада бурных эмоций, состоялся семейный совет, где были взвешаны все шансы «за» и «против» и выбрана, по общему мнению, единственно возможная дорога – добровольная явка с повинной: Одоевский потерял веру в целесообразность побега, но не обрел твердого решения капитулировать, т.к. и то и другое требовало предельного напряжения сил, которых у него уже не было. Ланской же считал: раз племянник явился к нему и был признан его пристугою, то появление его не могло остаться тайной. Спасти его, укрыть его не было никакой возможности. Но произвольное предание себя в руки правительства могло послужить к уменьшения его вины»⁹.

В конце концов Ланской, действительно, сопроводил племянника к Шульгину, но не как конвоир, а как близкий человек, готовый разделить с ним трудную минуту. Следственные документы говорят в пользу искренности Ланского: «Одоевский, Александр Иванович, кн.(язь), корн (ет) Конного пол.(ка) 16-го. XII. 25 года добровольно явился к Шульгину»¹⁰.

12 июля 1826 г. был оглашен приговор Верховного суда, по которому А.И. Одоевский был осужден по IV разряду, что означало 15 лет каторги с последующим вечным поселением в Сибири. 1 февраля 1827 г. Александр с товарищами отбыл в Нерчинский рудник.

Документов этого периода не сохранилось, и поэтому трудно проследить связь Одоевского с родными. Получал ли он материальную помощь? Если да, то от кого? Отец не мог ему помочь, ибо владел всего двумястами крепостных душ, к тому же князь женился вторично и семья его разрослась. Имение самого Александра было конфисковано и не могло приносить доход. Из ближайшей родни только Ланские были хорошо обеспечены через Симбирские и Костромские имения Варвары Александровны. Но предприняла она что-либо? Обратимся к архивным источникам:

«...Костромское имение госпожю Ланскою продано дочери генерал-майора графа Толстого девице Софье, на что и совершена купчая крепость во втором департаменте Санкт-Петербургской гражданской палаты 31 января 1828 года, а Ярославское имение заложено в Московском опекуном совете»¹¹.

Если принять во внимание, что главным событием этого времени и главной заботой Ланской была судьба ее приемного сына, то вывод напрашивается сам собой. Позднее Ланские стали хлопотать о переводе на себя всех имений племянника. 30 февраля 1830 года в Санкт-Петербургское губернское правление прибыла копия определения Ярославского гражданского суда по делу об имении А.И. Одоевского: «В палате сей докладывано по прошению тайной советницы Варвары Александровны дочери Ланской об отказе за всю имения после племянника ее, ли-

иенного чинов и дворянства и осужденного в каторжную работу князя Одоевского, состоящего в губерниях Ярославской, Вологодской и Симбирской...

Об оном имени споров не оказалось, и, кроме просительницы тайной советницы Ланской с доказательствами о праве наследства, никого не явилось, и для того об отказе за просительницею показанного недвижимого сообщить в Симбирскую и Вологодскую гражданские палаты. И предписать Ярославскому земскому суду с тем, дабы первые благоволили приказать кому следует учинить то в согласность закона»¹². Не это ли событие послужило биографам отправным пунктом для обвинения Ланских в предательстве с корыстной целью? Но ведь и в случае побега Александр точно также терял свои права на имения, а Ланская, как прямая наследница приобретала их. Скорее всего переход имения А.И. Одоевского в руки Ланских не что иное, как осуществление задуманной ранее программы обеспечения опального племянника необходимой материальной помощью. С 1831 г. – времени ввода во владение имением Ланской – Александр стал иметь свой финансовый резерв.

Сохранилось любопытное донесение провокатора Медокса об Одоевском: «По богатству был в Петровском остроге в числе тамошних магнатов. Несмотря на богатство, он всегда в нужде, ибо со всеми делится до последнего»¹³.

Также имеются свидетельства, что «Одоевский принимал живое участие в составлении устава артели, ведавшей организацией питания, быта декабристов и оказания им материальной помощи, в кассу которой он вносил значительные суммы»¹⁴.

Каким же путем Ланские передавали деньги Одоевскому? Дело в том, что отец Александра был в дружеских отношениях с Иркутским гражданским губернатором М.Б. Цейдлером, брат которого был женат на сестре плац-адъютанта Петровского завода И.И. Клея. Рискую своим положением, эти люди сделали много услуг как Одоевскому, так и его товарищам-декабристам.

В начале 1833 г. А.И. Одоевский попал под амнистию и был направлен на поселение в село Тельму на суконную фабрику, директором которого был друг Цейдлера И.Е. Протопопов. Но Николай I, испугавшись возможного общения рабочих фабрики с политическими ссыльными, приказал перевести переселенца на жительство в деревню Елань. Переселившись в Елань, Одоевский помогал своим соседям-декабристам Игельштрому, Фаленбергу и Мозгану крупными денежными суммами, получаемыми от родных. Осенью этого же года супруги Ланские уехали за границу, где больному Дмитрию Сергеевичу была сделана операция, оказавшаяся неудачной. 21 октября 1833 года он скончался. Одоевский узнал о его кончине из письма отца. «Вы сообщили мне весть, – отвечает он ему 4 января 1834 года, – которая заставила меня проливать горькие слезы. Я любил Дмитрия Сергеевича, но особенно моя добрая, моя бедная тетя вызывает во мне глубокую скорбь, в течение 30 лет муж составлял для нее весь мир, и что она будет делать без него?»¹⁵

Отсутствие детей у четы Ланских облегчало раздел имущества, оставшегося после Дмитрия Сергеевича, к тому же, предчувствуя возможность кончины, он составил завещание, интересное в плане психологической характеристики:

«Во имя пресвятой и нераздельной троицы отца, сына и святого духа. Аминь. Неизвестно, когда всемогущему творцу будет угодно прекратить дни мои и, будучи еще в здравом рассудке и свежей памяти, призывая господя бога себе помочь, рассудил на случай смерти моей сделать следующее распоряжение:

1. Бренное тело мое без наималейшей пышности предать земле при одном священнике по обряду Греко-Российской церкви.

2. Если в продолжение жизни не успею выстроить каменную церковь в Симбирской губернии Ардатовского уезда в селе Новорождественском, Туроково тож, то по смерти моей, на построение оной определяю из оставшихся по мне капиталов, 20000 рублей с указанными процентами.

3. Дворовых людей отпускаю вечно на волю, для чего и выдать каждому из них заготовленных и подписанных мною домовых отпускных.

4. Благоприобретенное недвижимое имение мое в строении с землею в Санкт-Петербурге на Аптекарском острове 1363 и 1364 стоящие, в знак признательности, любви и памяти счастливейшего супружества предоставляю в собственность жены моей Варваре Александровне.

5. Благоприобретенные мною капиталы... предоставляю жене моей Варваре Александровне в собственность и покорнейше прошу, чтоб она из предоставленного в пользу ея капиталов заплатила священнейшие долги на мне лежащие и ей известные... К сему домовому духовному завещанию, собственною рукою написанному, тайный советник и кавалер Дмитрий Сергеев сын Ланской руку приложил. Санкт-Петербург 28 мая 1833 года»¹⁶.

Казалось бы, после стольких трагических событий Александр с его нуждами должен был на долгое время отступить на второй план, но этого не случилось. На средства родных Одоевский приобрел дом, оснастил его всем необходимым и поставил свое хозяйство на широкую ногу. Отцу Александр писал регулярно: «мой старый каменщик, должно быть в Харькове, в деревушке своей сестры? Там он живет помещиком, — особенно с помощью пенсии, которую я ему назначил из моих средств и, которую Дмитрий Сергеевич всегда исправно выплачивал»¹⁷.

Старый князь неоднократно пытался выхлопотать через Бенкендорфа официальное разрешение на встречу с сыном в Сибири, но неизменно получал отказы. Параллельно с этими хлопотами он пытался окончательно решить проблему материальных средств Александра. Он просил Ланскую продать имение, а вырученную сумму передать племяннику, но Варвара Александровна не проявила нужной оперативности, ибо после смерти мужа ей было трудно ориентироваться в делах, которые вел Дмитрий Сергеевич.

Ходатайство И.Ф. Паскевича, дальнего родственника Одоевских, имевшего заметное влияние на государя, помогло, в какой-то мере, изменить судьбу декабриста. В 1837 году на очередное прошение А.И. Одоевского Николай I наложил резолюцию: «Рядовым в Кавказский корпус». Во время проезда декабриста через Казань состоялась долгожданная встреча сына с отцом. Через полгода он сошел в могилу с портретом сына на груди, а вслед за ним, сломленный кончиной отца и добитый злой кавказской лихорадкой, оставил этот мир и Александр.

Еще шесть лет после этих трагических событий жила осиротевшая Варвара Александровна, пока 11 сентября 1845 года тихо не ушла в своем симбирском имении Одоевщино.

После нее осталось недвижимое имение в Вологодской, Ярославской и Симбирской губерниях – около двух тысяч душ крепостных. Ярославское имение перешло декабристу Александру Федоровичу Вадковскому и его племяннику Федору Ивановичу, а прочее недвижимое Сергею Степановичу Ланскому и известному писателю Владимиру Федоровичу Одоевскому – опекуну Сергея и Николая Одоевских – братьев поэта-декабриста по отцу.¹⁸

Александр Федорович Вадковский отказался от своей доли Ярославского имения в пользу племянника Федора Ивановича Вадковского, который в 1848 году по разделу со своей родной сестрой Варварой Ивановной Катениной, урожденной Вадковской, передал ей Ярославское имение.¹⁹

Таким образом, местонахождение документов о недвижимом имении Одоевских, Ланских и Вадковских в Костромском областном архиве, в личном фонде Александра Андреевича Катенина, – мужа Варвары Ивановны – становится понятным и обоснованным, а внимательное изучение их (в совокупности с уже известными источниками) дает возможность углубить наши знания о представителях родственного круга А.И. Одоевского, и если не окончательно решить, то поставить проблему реабилитации доброго имени Дмитрия Сергеевича Ланского, приоткрыв завесу времени, скрывавшую от нас истинные намерения его превратно понятых поступков.

С.С. Ланской – родственник Д.С. Ланского.

Примечания:

1. ГАКО, ф. 620, оп. 1, д. 16, л. 4.
2. ГАКО, ф. 620, оп. 1, д. 16, л. 3.
3. ГАКО, ф. 620, оп. 1, д. 24, л. 25.
4. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 226-27.
5. Голубов С.К. Из искры – пламя. Ставрополь. 1958, с. 191.
6. Там же, с. 224.
7. Восстание декабристов. Материалы, т. 2, М-Л, 1926, с. 244.
8. Там же, с. 250.
9. Брикман А.И. Одоевский. Полное собрание стихотворений. Л., 1958, с. 15.
10. Пушкин Б. Арест декабристов. В кн. Де-

кабристы и их время. Издательство Политкаторжан. 1932, с. 339.

11. ГАКО, а. 620, д. 24, оп. 1, л. 58.
12. ГАКО, ф. 620, оп. 1... д. 24, л. 25 об.
13. Штрайх С.Я. Провокация среди декабристов. М., 1925, с. 88.
14. Ягутин Б.П. А.И. Одоевский. М., 1980, с. 174.
15. А.И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. М-Л, 1934, с. 437.
16. ГАКО, ф. 620, оп. 1, д. 14, л. 69-70.
17. Там же, с. 449.
18. ГАКО, ф. 620, оп. 1, д. 14, л. 174.
19. ГАКО, ф. 620, оп. 1, д. 14, л. 69-70.

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ: ОСТРОВСКИЙ И ПИСЕМСКИЙ

УЗ ближайшего литературно-художественного окружения А.Н. Островского заметно выделяется колоритная фигура Алексея Феофилактовича Писемского. Тридцатипятилетняя дружба обогатила обоих писателей. О времени их знакомства мы узнаем из автобиографии Писемского: «Я перешел в 1845 году в Московскую палату государственных имуществ... в апреле 1846 года... написал роман «Виновата ли она?», который не был напечатан, но замечателен для меня тем, что познакомил меня с Александром Николаевичем Островским, писавшим в то время свою первую комедию «Свои люди – сочтемся».¹

Видимо, это произошло на одном из литературных частных вечеров, вернее всего, у Погодина, опекавшего обоих молодых сочинителей. Писемскому тогда исполнилось двадцать пять, а Островскому – канцеляристу коммерческого суда – двадцать три года. Сблизило их и то, что оба они воспитывались в Московском университете: Писемский на математическом, Островский – на юридическом факультетах, и к тому же поступили туда одновременно – в 1840 году.

Особая атмосфера этого почтенного учреждения: от неистовой страсти как студентов, так и большинства педагогов к театру, до литературных лекций и домашних консультаций С.П. Шевырева, сотрудничавшего в погодинском журнале «Москвитянин», – предопределила сходство литературных интересов Островского и Писемского.

В апреле 1850 года Алексей Феофилактович, служа уже в Костроме, прочел свежий номер «Москвитянина» и сразу же, под впечатлением его, написал письмо в Москву «Достопочтенному Автору Банкрута»:

«Если Вы хоть немного помните вашего старого знакомого Писемского, которому доставили столько удовольствия чтением еще в рукописи вашей комедии, то можете себе представить, с каким истинным наслаждением прочитал я ваше произведение, вполне законченное»...²

Далее он анализирует пьесу Островского «Банкрут» и в конце письма горько замечает: «...о собственных творениях я забыл, хоть они и лежат вполне законченные».³

Добросердечный Александр Николаевич не мог проигнорировать деликатный намек собрата по перу: он не только пристроил в «Москвитянин» повесть

Писемского «Тюфяк», но и опубликовал похвальную рецензию на нее, где были и следующие строки:

«Эта повесть так хороша, что жаль от нее оторваться. Прежде всего поражает в этом произведении необыкновенная свежесть и искренность таланта». ¹ И автор рецензии не кривил душой: в дебютанте, действительно, была видна искра Божия.

Благодеяния Островского в отношении приятеля этим не ограничились: став в следующем году одним из членов молодой редакции журнала «Москвитянин», он поместил в нем и другие произведения Писемского: «Брак по страсти» (1851), «Богатый жених» (1851), «Ипохондрик» (1852) и др. Поражает работоспособность автора, ведь он занимался литературным трудом урывками, в свободное время, большую часть которого отдавал службе. Его семья, проживавшая тогда в Костроме, на Ивановской улице в доме Третьякова, состояла из пяти человек: супругов и трех сыновей, и, как отец, начинающий писатель должен был всех содержать.

В 1854 году со сменой губернатора изменилось в худшую сторону и служебное положение А.Ф. Писемского: Херсон, куда его определили на службу, он благоразумно решил поменять на Петербург ценою отставки, справедливо полагая, что в столице больше творческих возможностей, да и жена скучала по большому свету. Надо сказать, что Екатерина Павловна Писемская (дочь писателя П.П. Свиньина) была истинным ангелом-хранителем мужа и незаменимой помощницей в его литературных занятиях: только она могла разобрать невообразимые каракули писателя. Натура артистическая, она вместе с Алексеем Феофилактовичем – страстным театралом – играла в Костроме в любительских спектаклях и пела серебристым голосом романсы и народные песни. По свидетельству Н.П. Колюпанова: «Писемская была замечательно красива, – губернатор несколько раз делал ей авансы, но всегда получал такой холодно-презрительный, а подчас и дерзкий ответ, к которым он не привык даже со стороны непреклонных. У Алексея Феофилактовича каждый раз лицо вытягивалось: «Киточка, Киточка, погубит он нас», – бормотал он в испуге. Но губернатор, убедившись в бесплодности своих стараний, оставил Писемскую в покое». ²

Отправившись на место своей новой службы в Петербург, Писемский, проезжая Москву, навестил А.Н. Островского. Свидетель встречи друзей И.Ф. Горбунов вспо-

А.Н. Островский

минал как Алексей Феофилактович излагал Островскому план задуманного им романа «Тысяча душ».

У Александра Николаевича в личной жизни произошли большие изменения: с 1851 года у него в доме на положении невенчанной супруги жила московская мещанка – вольноотпущенная крепостная графа Милорадовича – Агафья Ивановна. Отличная хозяйка, певунья и сказительница, она подарила драматургу четырех детей, из которых, к сожалению, никто долго не прожил. Писемскому Агафья Ивановна угодила своим гостеприимством, и в переписке с Островским он никогда не обходил ее приветом. Кстати сказать, судьба детей Писемского была не менее трагична, чем судьба детей его друга: двое умерли в младенчестве, третий кончил жизнь самоубийством, четвертый сошел с ума. Правда случилось это много позднее.

Агафья Ивановна, взяв на себя все заботы по дому и семье, создала Островскому идеальные условия для работы: после «Банкрута» появились на свет его пьесы: «Не так живи, как хочется», «Бедность не порок», «Не в свои сани не садись». Последняя была поставлена на сцене Малого театра. Тем не менее, выросшей к тому времени известности Писемского, Островскому пока не удалось достигнуть. Знаменитый адвокат и любитель театра А.Ф. Кони писал в мемуарах: «До появления «Грозы» сочувственные отзывы о произведениях Островского встречались редко среди пренебрежительных, а подчас даже ругательных рецензий».⁶

Итак, в 1854 году начался петербургский период в биографии Писемского. Появление тридцатитрехлетнего талантливого и оригинального провинциала повергло чопорных петербуржцев в неопишное изумление. Его все замечали, но далеко не все принимали. А.Н. Пыпин, встречая Писемского в редакции «Современника» или на квартире Некрасова, составил и зафиксировал свое впечатление от него:

«Это был уже авторитетный писатель, несомненно талантливый, по-своему умный, он не привлекал к себе; его провинциально-грубая манера, не весьма изящный костромской говор, который выдавался очень резко, как будто предвещали, что здесь он не в своем кругу. Поражал он и своей внешностью: огромная голова в черных вихрах, с широким лбом, с большими навывкате темными глазами и крупными чертами лица, со всклокоченной короткой бородой. Вся его наружность «не-

А.Ф. Писемский

ладно скроеная, но плотно сшитая», его манера скашивать в сторону желчный и беспокойный взор имела в себе что-то, отдаленно напоминающее молодого быка».¹

И по внешности и по характеру Писемский являлся полным антиподом Островского. Может потому они и сошлись, взаимодополняя друг друга? Драматурга начала пятидесятых годов мы можем увидеть глазами И.Ф. Горбунова: «В кабинет вошел белокурый, стройный, франтовато одетый (в коричневом, со светлыми пуговицами, фраке и, по тогдашней моде, в необыкновенно пестрых брюках) молодой человек лет двадцати пяти. Набил трубку табаку, выпустил два-три клуба дыму и сбоку, мельком взглянул на мое чистописанье. Это был А.Н.Островский».² Другие современники драматурга подчеркивали несколько необычный, восточный, с приподнятыми к вискам углами разрез серых внимательных глаз. Такими видели друзей их современники, встречая в театре, на литературных вечерах, едущих в пролетке или гуляющих по тротуару и всегда о чем-то оживленно беседующих...

«Что тебе сказать о моем житье-бытье в Петербурге, — обращается в письме старший друг к младшему, — и оно было бы не дурно, если бы здоровье не хлибило. Милейший Тургенев едет скоро в Москву и, вероятно, увидится с тобой и расскажет тебе, как я подвигаюсь в чтении у разных сильных мира сего моего нового романа «Тысяча душ» и очерка «Плотничья артель». В мае месяце, вероятно, буду я сам в Москве, если только получу командировку... Ивану Федоровичу (Горбунову) скажи... Приехал бы он в Петербург, может, мы как-нибудь пристроили бы его к театру. Твой Писемский. 30 марта 1855 года».³

Упоминание о командировке означало, что писатель вновь определился на службу: с 10 февраля 1855 года числился по департаменту уделов. Приехав в Петербург в начале апреля, И.Ф. Горбунов сразу заявился на Пресню, на квартиру писателя и застал его за письменным столом, корпящим над рукописью романа «Тысяча душ». Писемский готовился к выступлению на литературном вечере в доме издателя и журналиста А.А. Краевского. Зная Ивана Федоровича как превосходного рассказчика и исполнителя сцен из народной жизни, он взял его с собою на вечер, убедив Горбунова, что это необходимо для артистической карьеры. Их совместное выступление прошло великолепно и стало началом творческого дуэта, весть о котором, широко распространившись, достигла ушей Великого Князя Константина Николаевича, пригласившего артистов для выступления к себе на фрегат «Рюрик». Благополучно прошедшая встреча чтецов с высокопоставленным лицом имела последующий резонанс — приглашение А.Ф. Писемского к участию в Литературной экспедиции.

Дело в том, что Морское министерство решило поднять престиж своего печатного органа — журнала «Морской сборник» с помощью именитых литераторов. Условия командировки устраивали любого участника: 1200 рублей на год и бесплатные прогоны. От добровольцев требовалось изучение и описание водных коммуникаций страны и гарантировалась последующая публикация в «Морском сборнике». После раздела территории между участниками литературной экспедиции Писемскому достались низовья Волги: Саратовская и Астраханская губернии, а также часть побережья Каспийского моря. Островскому же — участок Волги от

ее истоков до Нижнего Новгорода. Не дождавшись теплых дней, Писемский уже в феврале 1856 года тронулся в путь. Добравшись «полуживым» до Астрахани, он пришел в себя, благодаря хлебосольному откупщику Фейгину, а затем, представившись губернатору Н.А. Васильеву и рыбопромышленнику Сапожникову, представившему для нужд писателя целый пароход, сделал несколько поездок в Баку и на остров Бирючья Коса, откуда вернулся в Астрахань и писал Островскому в Москву:

«Вот уж другую неделю я в Астрахани; пропутешествовал на почтовых около двух тысяч верст, переехал в другую природу, климат, узнал степь, видел калмыков, их кибитки, верблюдов, армян, татар, киргиз-кайсаков, словом почти в Азии, знаешь ли какое впечатление? Все это, милый мой, говно против нашей полосы, говно — люди и даже климат. Теперь мне понятно, почему Московское царство одолело прочее»¹⁰.

Но не все в этой поездке вызывало столь категоричное неприятие Писемского. Посетив Тюк-Караганский полуостров, писатель познакомился там с Т.Г. Шевченко. После недолгого общения они прониклись доверием друг к другу и ссыльный поэт послал через писателя в Москву и Петербург несколько посланий своим покровителям. Таким образом, Писемский внес свою лепту в дело освобождения опального малороссийского поэта и художника...

Последним маршрутом путешественника явилась поездка в степь, в предместье Астрахани — Царево, где он стал участником калмыцкого праздника байрама. Со слов самого писателя эти события в юмористическом ключе пересказал Л.Невский:

«Алексей Феофилактович во время путешествия подружился с калмыцким князем Тюменем. Тюмень этот носил гусарский мундир и напивался шампанским, в чем ему усердно помогал и литератор-этнограф. Сын степей, быстро усвоив все блага нашей цивилизации, не мог, однако, привыкнуть спать в комнате, у него шла носом кровь, если он не ночевал в кибитке. Последнее обстоятельство затрудняло Алексея Феофилактовича, и друзья скоро расстались»¹¹.

Не там ли Писемский подхватил лихорадку, заставившую его летом 1856 года свернуть свое предприятие и срочно вернуться в Москву. Его, ослабевшего, вывели под руки из коляски и чуть ли не на руках внесли в дом Островского. Хозяин сидел в кресле с забинтованной ногой. Из-за травмы ему также пришлось прервать путешествие. Так и поправлялись они вместе, поддерживая и ободряя друг друга, кроме того драматург еще и вел переписку с женой Писемского, которая только что родила дочку Дунечку и оправлялась после родов в деревне.

Один из визитеров, навестивший больных, свидетельствовал:

«У Островского встретил я Писемского — бледного, исхудалого, больного — тень прежнего Писемского. Он приехал сюда лечиться. Островский говорит, что у него развилась ипохондрия. Дело в том, что Писемский начитался медицинских книг и нашел в себе многие болезни. Но теперь он вообще чувствует себя лучше»¹².

И, действительно, порой, забывая страхи, Алексей Феофилактович проигры-

вал перед другом в лицах эпизоды своего вояжа:

«В благословенном крае Саратовской и Астраханской губерний я чуть было не умер с голоду: квасу, яиц нет в деревнях. Хорошо мне ответила по этому случаю баба. «Как же, шельма, у вас нет даже яиц? – сказал я ей». – «Что делать, сударь, – ответила она, – у нас на всем селе у одного священника и есть яйца»... Островский беззвучно трясся от смеха, а затем, вытирая слезы заявил, что рассказы друга лечат его эффективнее всяких лекарств.

О своей работе в литературной экспедиции Александр Николаевич много не распространялся: в апреле месяце добрался до Твери на перекладных, где, представившись местному начальству и купечеству, получил разрешение на объезд губернии. Осмотрел Городню, Торжок, Осташков, посетил Нило-Столбенскую пустынь, затем Ржев; по Вышневолоцкому кавалу поднялся к истокам Волги, перебирался от деревни к деревне, пока тарантасом не переехало ногу. Но ничего... Оставшуюся часть программы он перенесет на следующее лето и проследует от Ярославля до Нижнего Новгорода. Слово свое драматург сдержал и привез из путешествия богатейший материал, хотя опубликовал в «Морском сборнике» лишь одну статью «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода», состоящую, правда, из нескольких отдельных очерков. У Писемского же журнал опубликовал три статьи, да еще несколько было напечатано в журнале «Библиотека для чтения», редактором которого, после серьезной болезни А.В. Дружинина, стал он сам.

Шестидесятые годы – пора творческой и физической зрелости наших героев. Им около сорока, и они давно состоялись как известные писатели. Теперь настало время высшего взлета, всеобщего признания. Став редактором «Библиотеки для чтения», Писемский озабочен поиском высокохудожественных произведений. Он спрашивает у друга новую пьесу «Гроза», написанную одновременно с его драмой «Горькая судьбина». Оба произведения украсили страницы журнала: первая в начале 1860 года, вторая – в конце 1859-го.

С.А. Юрьев, литературный переводчик, костромич по происхождению, познакомившись с пьесой Островского, воскликнул: «Грозу» не Островский написал, «Грозу» Волга написала!». Действительно, не вдохни Александр Николаевич с высоких круч свежего речного ветра, не окинь взором бескрайние просторы матушки-Волги, не замри под тоскливую песню бредущих берегом бурлаков, разве мог бы он вложить в уста Катерины потрясающий монолог «Отчего люди не летают?»

На волжском же, точнее на Костромском материале, написана и драма Писемского «Горькая судьбина». По словам П.В. Анненкова «основа ее не была выдумана художником. Писемский встретился с подобным происшествием в 1848 году, будучи еще чиновником особых поручений при Костромском губернаторе. Он имел в руках подлинное дело того же содержания и в качестве следователя принимал участие в его разборе».¹³ Обе пьесы были выдвинуты на соискание Уваровской премии и 25 сентября 1860 года обе удостоились ее. П.В. Анненков выразил мнение большинства читателей и критиков, сказав: «Если когда-нибудь Уваровская премия за драматические сочинения отвечала своей цели и падала на произведение, глубоко

затрагивающее русскую жизнь, то именно в этот раз, когда отдана была Писемскому за знаменитую его комедию, не потерявшую цены и от сравнения с самыми удачными и тоже много раз увенчанными произведениями А.Н.Островского».¹⁴

Однако, кое-кто из недоброжелателей Островского был задет вызывающим, на его взгляд, соперничеством Писемского, что нашло отражение в мемуарной литературе: «Писемского Александр Николаевич ставил очень высоко как писателя-реалиста, несравненно выше, например, Достоевского, но не сходился с ним во многом. Писемский был слишком узкая, грубая натура, чересчур смотрел русаком («диким» – выражение Александра Николаевича) и был слишком преисполнен самомнения и себялюбия, чтобы А.Н. мог быть доволен его мирозерцанием. Они, видимо, не сходились во взглядах, но товарищески любили друг друга, будучи друзьями юности и общих литературных успехов; в этой дружбе все же сказывалось умственное превосходство и более широкое интеллектуальное развитие Александра Николаевича. По словам последнего, Писемский отличался невыносимым эгоизмом и самомнением: он ничьих произведений никогда не читал, ничьих пьес не смотрел на театре, кроме своих, считал себя первым драматическим автором; после «Горькой судьбины» никому руки не подавал».¹⁵

Даже принимая во внимание предубежденность мемуариста, чудится, что Островский несколько ревнует к успехам Алексея Феофилактовича на почти монополизованном им поприще драматургии...

В начале 1862 года в Петербурге разразился крупный литературный скандал: на всех углах шептались, что Писемского за оскорбительные фельетоны вызвали на дуэль издатели журнала «Искра» Курочкин и Степанов и, будто бы, вызванный не только отказался от дуэли, но и пригрозил противникам судебным разбирательством. История, в общих чертах достаточно правдивая, явилась результатом давно уже обострившихся разногласий А.Ф. Писемского с членами редакции журнала «Современник» и их единомышленниками. Отказавшись стреляться, писатель окончательно утратил свой авторитет в столице и вынужден был оставить журнал «Библиотека для чтения», который он в то время редактировал. Оставаться в Петербурге он не захотел и потому твердо решил вернуться в Москву.

«Расплывавшись» с Петербургом, Алексей Феофилактович едет за границу: то ли желая развлечься, то ли отыскать уехавшего в кризис Островского, то ли в поисках третьей стороны в лице Герцена, единственного авторитета, не потерявшего еще для него значения. Не исключена и еще одна причина, толкнувшая домоседа а дальний путь: освободиться, хоть на время, из-под ферулы строгой, хотя и любящей супруги.

Посылая другу какую-либо передачку или письмо с оказией, Островский нередко вел с посыльным следующие разговоры:

«Вы спрашиваете про Писемского? Ха, ха, ха – какой он, черт, аристократ, как мы с вами, ему лет за сорок – поменьше небольшого именища... душ пятьдесят. Он домосед большой руки... ходит всегда в халате, рубашка расстегнута до пупка, и крепко, крепко любит выпить, да у него жена, Катерина Павловна, очень миленькая светская дама, не позволяет ему заниматься этой «провинностью». Но когда собираются гости, тогда строгая Катерина Павловна приказывает подать водку и

вино, но сам хозяин боится при ней пить». «Катюша, дружок, выйди на минутку, — обыкновенно говорит он, когда заберет его охота выпить, — я хочу дурное слово сказать», и Катюша его выходит». ¹⁶

Как бы там ни было, но весной — он уже в Германии, и вояж его проходит уныло, под стать настроению «Я тащусь по Европе, — информировал писатель А.А. Краевского, — и пока, кроме хлопот по дороге, никаких еще особых удовольствий не получил». ¹⁷

Своеобразную компенсацию недостающих удовольствий Алексей Феофилактович получил в Париже, где нагнал путешествующего Островского. В дневнике драматурга читаем: «Сейчас услышали, что приехал Писемский... пошел к П(исемскому), он попался мне навстречу, погуляли, потом позавтракали близ Бартли. Обедали у Ледуайена. Катались по Булонскому лесу. Ужинали в трактире на углу Вивьен. Весь день пили много шампанского». ¹⁸

За весь день друзья едва успели наговориться. Обсуждались, конечно, и ближайшие планы. Островский по совету друга, готовящегося посетить Герцена, также решил сделать ему конспиративный визит.

По приезде в Англию, Писемский Герцена дома не застал. Он оставил для Александра Ивановича теплое письмо с просьбой принять его и приложил к нему трехтомник своих сочинений. Получив все это, Герцен жаловался сыну: «Мне Писемского вообще не хочется видеть — он писал дурные вещи, в самом гадком смысле и направлении». ¹⁹

Александр Иванович имел в виду, конечно, безрыловские фельетоны. Встреча между писателями, тем не менее, состоялась. И хотя из-за цензурных рогадок до нас не дошли подробности этого события, но сам А.И. Герцен уведомлял Н.А. Тучкову-Огареву: «С Писемским и Коршем были сильные и сильно неприятные объяснения». ²⁰

О визите же А.Н. Островского к Герцену нам кое-что известно из воспоминаний И.Ф. Горбунова, сопровождавшего драматурга, в пересказе его приятелей. «Островский все робел и боялся, что по возвращении в Россию его притянут за этот визит. При свидании с Герценом, он спросил, есть ли у них шпионы русские. Герцен с большой похвалой отозвался о «Грозе». Познакомившись с Горбуновым, он просил его рассказать. Горбунов исполнил желание Герцена и рассказал несколько сцен. Герцен хохотал и Островскому очень хвалил Горбунова». ²¹

Писемский, получив лондонскую головоломку, уехал в Москву, где стал заведующим отделом журнала «Русский вестник». Одновременно он готовил литературную «бомбу» для своих обидчиков, то есть писал роман-памфлет «Взбаламученное море». И бомба эта взорвалась: в «Русском вестнике» с марта по август 1863 года печатался этот роман, ошеломивший и возмутивший всех. Общего числа печатных поношений в газетах и журналах было не счесть. Не замедлил отозваться об этом явлении и А.И. Герцен, собиравшийся было проигнорировать роман. В критической статье «Еще раз Базаров» он пишет:

«Плюгавый Писемский не побоялся путевых расходов для взбаламученных уродцев своих», намекая на героев романа Бакланова и Сабанеева, которых автор,

А.Н. Островский

действительно, по своему примеру, отправил в романе к Герцену за границу. Откликом на визит Писемского был и сатирический очерк Герцена, опубликованный в «Колоколе» под названием «Ввоз нечистот в Лондон».

«Выпустив парь» в романе «Взбаламученное море», Писемский без сожаления оставляет «Русский вестник» и делается домохозяином, купив в Борисоглебском переулке дом на деньги от капитализации Костромского имения. При доме он строил флигели, которые сдавал внаем. Забавно, но каждое строение получало название по последнему произведению писателя: то это были «Люди сороковых годов», то «Масоны». С упоением работал писатель над серией рассказов «Русские лгуны», продолжая варьировать ту же обличительную тематику. Душу отводил он при

встрече с Островским, работавшим в то время над историческими пьесами «Козьма Захарыч Минин—Сухорук» и «Воевода».

1867 год стал для А.Н. Островского годом утрат и приобретений. В марте месяце скончалась от водяной болезни Агафья Ивановна, а осенью драматург вместе с братом Михаилом Николаевичем выкупили у мачехи Костромскую усадьбу Щельково. Она становится летней резиденцией драматурга, где он отдыхает и работает почти ежегодно, до самой смерти. Надо сказать, что и до покупки имения Островский постоянно навещал Щельково, где был похоронен его отец и, разумеется, считал себя костромичом, поскольку его предки дед и отец являлись выходцами из этих земель. «Кострома — наш родимый уголок» — это слова Александра Николаевича, произносимые им, когда речь заходила о землячестве с Писемским или Потехиным. В Щелькове драматург создал около трети своих произведений. Сюда впоследствии приезжал он со своей второй супругой Марией Васильевной Бахметьевой (Васильевой) и многочисленными детьми.

Писемскому же за несколько лет до кончины судьба нанесла смертельный удар: в феврале 1874 года его сын Николай — кандидат математических наук Московского университета по невыясненным обстоятельствам покончил с собой. Из четырех детей писателя в конце-концов остался один не совсем психически здоровый сын Павел. Эта трагедия надломил писателя. Не дало успокоения ни четырехмесячное пребывание за границей, ни празднование двадцатипятилетия его творческой деятельности, устроенное обществом российской словесности, хотя много теплых слов услышал о себе юбиляр, много добрых лиц увидел...

«Пройденный мною путь, говорил Алексей Феофилактович, – как и путь товарищей моих по делу, – был не легок... Единственной путеводной звездой во всех трудах моих, было желание сказать моей стране... может быть и несколько суровую, но все-таки правду про нее самое»²².

А Островский отмечал свое творческое двадцатипятилетие еще за три года до юбилея Писемского, ведь его писательский дебют состоялся в 1848 году, когда в «Московском городском листке» появились сцены из комедии «Несостоятельный должник». На юбилейном обеде, организованном собранием драматических писателей, драматург держал речь:

«Забуть прожитые неудачи, огорчения и тяжесть труда, – говорил Александр Николаевич, – а помнить только светлые минуты своей жизни, труженик может только тогда, когда хорошие и дельные люди скажут ему, что он трудился не даром, что он деятельностью своею заслужил себе уважение. Пусть это будет после пяти лет работы, пусть это будет один раз в жизни, но этой награды довольно: она наполняет душу чистой радостью и не отравленным счастьем».²³

Незабываемым событием в стране стало открытие в Москве в 1880 году памятника А.С. Пушкину работы А.М. Опекушина. В связи с этим событием Общество любителей российской словесности совместно с Московским университетом решило провести трехдневные торжества в честь великого поэта.

7 июня в Благородном собрании состоялся праздничный обед, где за главным столом восседали писатели России – сплошные знаменитости и, в большинстве своем, почтенные старцы. Председательствовал С.А. Юрьев – переводчик Кальдерона и Шекспира, за ним, сверкая золотым пенсне, разместился Тургенев, далее Островский, Горбунов, Григорович, Полонский, Плещеев, Аксаков, Фет. В конце стола, особняком, грустно и бессловесно восседал толстый, обрюзгший старик, опиравшийся на палку с гуттаперчевым наконечником. Публика с трудом узнавала в нем прежде живого и деятельного Писемского.

Ораторы сменяли друг друга. Вслед за Тургеневым подошла очередь Писемского. Он выступал по теме «Пушкин как исторический романист» и по выдержкам из «Капитанской дочки» пытался объяснить метод авторского изложения и верность исторического взгляда Пушкина. Однако, читал он по тетрадке и как-то вяло, книжка дрожала в его старческой руке, голос пресекался. С трудом верилось, что в недалеком прошлом Писемский был непревзойденным чтецом. Речь его осталась почти незамеченной.

А.Ф. Писемский

Больше повезло Островскому с «Застольным словом о Пушкине». Оратор горюил мало, наизусть и соответствовал моменту. Отметив в творчестве Александра Сергеевича могучую силу и дух русского народа, он перечислил те качества, которые поэт завещал потомкам: искренность, самобытность, оригинальность, а главное – «смелость русскому быть русским». Затем драматург поднял тост: «Выпьем весело за вечное искусство, за литературную семью Пушкина, за русских литераторов! Мы выпьем очень весело этот тост: нынче на нашей улице праздник?»²¹

Встреча с Пушкиным напомнила собратьям по перу о бренности настоящего, об ответственности перед будущим. Для многих она стала финишной чертой. Первым пал Писемский, через неделю Достоевский, позднее Тургенев и так далее...

23 января 1881 года, через два дня после кончины, Писемского хоронили на кладбище Новодевичьего монастыря. Один из свидетелей этого скорбного зрелища заметил в толпе драматурга, содрогающегося от старости и горя: «Волосы на почти совсем облысевшей голове Островского трогательно, как серая поздняя осенняя паутинка, трепались от холодного ветра над морщинистым, в красных пятнах лбом. И светлые глаза его блеснули слезами, когда он, поддерживаемый друзьями под локти, поднялся над свежевырытой могилой Алексея Феофилактовича».²²

Судьба подарила Островскому еще пять лет. Он успел написать свои чудесные пьесы из актерской жизни – «Таланты и поклонники» и «Без вины виноватые», успел, хоть и недостаточно, пообщаться со своими четырьмя прелестными детьми от второго брака, отметил он и 35-летний юбилей своего творчества, съездил на Кавказ для поправленья здоровья, года на два оттянув неизбежный конец...

2-го июня 1886 года драматург умер в Щелыкове от приступа грудной жабы. Его желание быть похороненным рядом с Писемским не осуществилось: родные погребли его рядом с отцом в погосте церкви Николо-Бережки в костромской земле, являвшейся стимулятором его творчества и фоном многих его произведений.

Примечания:

1. Писемский А.Ф. Собрание сочинений. Т.9. М. 1959. С. 604-605.

2. А.Ф. Писемский. Письма. М. – Л. 1936. С. 25.

3. Там же. С. 86-27.

4. А.Н. Островский. Полное собрание сочинений. Т.ХIII. М. 1952. С.157.

5. Русское обозрение. Т.32. М. 1895. 531.

6. А.Ф. Коні. Воспоминания о писателях. М. 1989. С.188.

7. А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М. 1966. С. 284.

8. И.Ф. Горбунов. Полное собрание сочинений. Т.2. СПб. 1904. С. 373.

9. А.Ф. Писемский. Письма. М. – Л. 1936. С. 80-81.

10. То же. С. 94.

11. А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М. 1966. С. 288.

12. А.Ф. Писемский. Письма. М. – Л. 1936. С. 617.

13. П.В. Аниенков. Литературные воспоминания. М. 1989. С. 487.

14. Там же С. 485.

15. Островский А.Н. в воспоминаниях современников. М. 1966. С. 203.

16. Там же С.130-131.

17. А.Ф. Писемский. Письма. М. – Л. 1936. С.150.

18. А.Н. Островский. Полное собрание сочинений. Т.ХII. М. 1952. С. 616.

19. П.В. Аниенков. Литературные воспоминания. М.1989. С. 633.

20. Там же. С. 634.

21. Там же. С. 637.

22. А.Ф. Писемский. Письма. М. – Л. 1936. С. 617.

23. А.Н. Островский. ПСС. Т.ХII. М. 1952. С. 85.

24. А.Н. Островский. П.С.С. Т.ХII. 1952. С.167.

25. Островский в воспоминаниях современников. М. 1966. С. 422.

ВОЙНА И МИР АРКАДИЯ ПЕТРОВА

ТО, что всем окружающим казалось блестящей победой, Аркадий Павлович Петров, тридцатичетырехлетний макарьевский помещик, избранный на очередной срок (с 1860 по 1862 год) уездным предводителем дворянства, воспринимал как окончательную и безоговорочную капитуляцию, как сдачу своих позиций, как измену самому себе.

Первые шаги в этом направлении он сделал еще четыре года назад, женившись на милой девушке Оле, своей однофамилице, – внучке придворного поэта екатерининской эпохи В.В. Петрова, прекрасно понимая, что обзаведение семьей потребует материального обеспечения, а, следовательно, полной отдачи сил, средств, времени. Прощайте, поэтические опыты, мечты о славе, романтические безумства молодости – впереди поиск доходного места и казенная изнурительная работа.

Так и получилось: жена, дети, служба... А ведь в той, уже прошедшей жизни Аркадий Петров был одиночкой-бунтарем, играющим со смертью, изгоем, попирающим нравственные и социальные нормы, и тем не менее, он не стыдился прошлого, ибо видел в нем дань своему юношескому кумиру, своему демону, своему бесценному кузену Мишелю Лермонтову, которому он так отчаянно и безуспешно подражал...

Сухим канцелярским языком послужной список Аркадия Петрова повествует нам о его судьбе:

«Прибыл на службу в Кавказскую область по вызову из Костромской губернии и определен в канцелярию областного управления 1844 года августа 24-го. Правительствующим Сенатом произведен в коллежские регистраторы со старшинством с 1845 февраля 24»¹.

Другими словами вчерашний студент после дуэли сослан для исправления на Кавказ. Совсем в духе Лермонтова. Через два года мы видим Петрова уже в Галиче, в окружении семьи, и, как сообщает его дневник, он времени зря не теряет: «31 января (1847) был дан благородный театр в пользу бедных жителей города Галича, главным и почти единственным распорядителем был я сам. Играли: сцены из 2 действия драмы Лермонтова «Маскарад». Арбенин – я, Нина – Маша, служанка Н.А. Прокудина, слуга – П.А. Шигорин. «Воздушные замки» Хмельницкого. Аглаева – О.А. Владимирова, Альнаскарв – А.Ф. Писемский, Саша – Нина, Виктор – я. Ипат – Шигорин. «Тяжба» Гоголя. Приметов – Н.М. Онурин, Бурдюков – Писемский, слуга – Шигорин. «Его Превосходительство» водевилля Коровкина. Генеральша – Владимирова, Аннета – Прокудина, Мишель – Шигорин,

Тюльпанов – Писемский, Кувыркин – я, Иван – Анурин. Театр сошел прекрасно, а «Маскарад» и «Тяжба» Гоголя – превосходно.²

Если вспомнить, что драма Лермонтова «Маскарад» была запрещена цензурой по причине «слишком резких страстей и отсутствия моралистической идеи торжества добродетели», и что Петровы первые осуществили ее постановку, то обыкновенная дворянская забава превращается в важное событие в истории русской культуры. Следует добавить, что музыку почти ко всем постановкам сочиняла и исполняла Екатерина Павловна Петрова, в то время уже жена Семена Осиповича Жигмондта, который стал прототипом Эйсмонда в «Людах 40-х годов». Появление Писемского в Галиче в 1847 году объясняется его отставкой от службы из московской палаты государственных имуществ, и переездом в галичскую усадьбу для занятий литературным трудом. Во время визита его к Петровым, и в первую очередь к своему университетскому товарищу, он и был привлечен к участию в театре.

Для Аркадия Петрова Галич являлся лишь перевалочным пунктом: 9 мая 1848 года он уже трудится в Московском главном архиве министерства иностранных дел канцелярским чиновником 1-го разряда, и пребывает там до 1852 года, затем опять возвращается в Костромскую губернию уже почетным смотрителем сначала Солигаличского, а затем и Костромского уездных училищ. Любопытная деталь: при вступлении в должность Петров дал обязательство ежегодно жертвовать в пользу училищ по 150 рублей серебром. В 1853 году началась русско-турецкая война. Россию охватил патриотический подъем. Семью Петровых он также не обошел стороной. Первым отличился Семен Осипович Жигмондт. Он, уже в чине генерал-майора, участвовал в военных действиях на Дунае и отличился в битве при Четати, где проявил чудеса храбрости по спасению Тобольского пехотного полка, причем был тяжело ранен. Аркадий жадно читал письма зятя и завидовал ему.

Кипучая натура и южный темперамент Аркадия рвались на волю из казенных учреждений и он неоднократно приступал к отцу с просьбой о переводе в армию, но тот, понимая сына, боялся напрасного самопожертвования с его стороны.

Сын же был упрям и настоял на своем. 30 мая 1854 года последовал приказ об увольнении от службы и 16 сентября того же года его определили на военную службу в Нижегородский драгунский полк, в который приказом Николая I был переведен из гусаров М.Ю. Лермонтов во время первой ссылки на Кавказ. 28 мая 1855 года Аркадий Петров был уже под турецкою крепостью Карс, которую осадил кавказский корпус генерал-адъютанта Н.Н. Муравьева. В составе летучего отряда Петров уничтожал запасы турецкого провианта в скрестных селах, вел перестрелку с неприятелем на реке Бердык. Тридцатитысячный турецкий гарнизон, поддерживаемый английским генералом Вильямсом упорно защищался и возводил укрепления и батареи. 3-го августа Петров участвовал во взятии в плен Али-Паши. 16 ноября 1855 года после полугодовой осады Карс пал. От гарнизона осталась лишь половина – остальные умерли с голоду. С падением Карса военные действия на закавказско-турецкой границе не возобновлялись.

Что принесла война Аркадию Петрову? По представлению генерал-адъютанта Муравьева за отличие, оказанное в сражении, Петров 13 сентября 1855 года был

произведен в прапорщики. Чин Лермонтова в том же полку. Поскольку сражений не предвиделось, Петров подал в отставку и приказом от 6 октября 1856 года был уволен от службы. После Кавказа, принесшего ему лишь медаль в память войны 1853-56 годов, прапорщик Петров понял, что зашел в тупик: вся жизненная программа, которую он наследовал от знаменитого родственника, им была исчерпана добросовестно; он перепроверил себя, вспомнив слова Печорина: «...я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями – напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимания на комаров, – и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял последнюю надежду».³

«Да, повторил Аркадий, – действительно, потерял надежду – надежду на продолжение. Программа исчерпана, а я не стал ни Лермонтовым, ни Печориним. Кто я? Великая личность Печорина, сведенная к ходуль на землю? Куда же дальше? Строить новую, свою жизнь? Сумею ли без маяка, вслепую, наощупь, потеряв столько времени напрасно?»

Он вернулся в Костромскую губернию. Женился. Завел детей. Отец подарил ему усадьбу Чернышево – имение в Макарьевском уезде с 95 душами мужского и 100 женского пола, пришедшее к Петровым в конце 40-х годов от тетки Павла Ивановича – Татьяны Федоровны Ларионовой. Специально для молодых старый дом был переделан в двухэтажное здание с четырьмя колоннами с обеих сторон, заключающее в себе 20 комнат. Рядом с домом разбили большой парк с березами и липами. В доме хранилась большая библиотека, вывезенная в Кострому в 1919 году. И сегодня в Костромской областной библиотеке можно встретить издания с автографами Петровых.

В 1860 году Аркадий Павлович становится макарьевским уездным предводителем дворянства. Он участвовал в проведении крестьянской реформы. Отбыв свой 3-летний срок, переехал в Кострому, где был председателем съезда мировых судей и гласным городской думы. Современники утверждают, что он любил выступать с речами оппозиционного характера. В 1871 году Аркадий Павлович похоронил своего отца, дожившего до 82-х лет, в Ипатьевском монастыре, рядом с могилой матери. Сам Аркадий Павлович Петров умер в 1895 году в Санкт-Петербурге, где жил последние десятилетия на Вознесенском переулке и служил в третьем департаменте Сената. То есть карьеру и, можно сказать, блестящую он все-таки сделал. Следовательно, по его мнению вторая его жизнь состоялась. Но так ли думали его близкие знакомые? Обратимся к Писемскому. В его автобиографическом романе «Люди 40-х годов» есть некто Плавин, бывший приятель Вихрова, сделавший видную карьеру. На одном из званых вечеров встречаются Вихров, Мари Эйсмонд и Плавин. «Вихров очень хорошо видел, что бывший приятель его находился в каком-то чаду самодовольства, но что же могло внушить ему это? Неужели чин действительного статского советника и станиславская звезда?»

«Чем этот господин так уж очень важничает?» – не удержался он и спросил Мари, когда они на несколько минут остались вдвоем.

«Ах, он теперь большой деятель по всем этим реформам, – отвечала она, – за самого передового человека считается, прямо министрам говорит: «Вы, ваше пре-

восходительство, я настолько вас уважаю, не позволите себе это сделать!» Вихров усмехнулся:

«Но он все-таки холоп в душе, я ему никак не поверю в том! – воскликнул он потому, что двадцать лет канцелярской службы не могут пройти для человека безнаказанно: они непременно приучат его мелко думать и не совсем благородно чувствовать».

«Еще бы, – подхватила Мари, – он просто как умный человек понял, что пришло время либеральничать; не он тут один, а целая фаланга их: точно флюгера повертываются и становятся под ветер – гадко даже смотреть!»¹

Примечания:

1. ГАКО. Ф.107. Оп.1. Д.173. Л.54.
2. О.Э. Богданов. Архивные материалы о П.И. Петрове. // М.Ю. Лермонтов. Ставрополь. 1960. С. 540.

3. М. Ю. Лермонтов. Сочинения. Т.2. М. 1990. С.438.

4. А.Ф. Писемский. Собрание сочинений. Т.2. М. 1939. С.428-429.

ИСКРОМЕТНЫЙ МАЭСТРО

(А.И.Дюбюк)

ЕСЛИ бы Александр Иванович Дюбюк, автор популярнейшей «Улицы», десятков других песен и романсов, родился на двадцать лет раньше, то это произошло бы не в Москве 1812 года, а скорее всего в Париже, возможно в Фонтбло, в крайнем случае в Версале. Да и где же появиться отпрыску знатной фамилии де Бримо, как не во Французской столице. Ведь именно там, в покоях Людовика XVI, нес службу отец будущего композитора, флигель-адъютант французского короля Луи Дюбюк де Бримо.

Молодой офицер наверняка подумывал об удачной женитьбе и, как истинный сын своего народа, надеялся совместить громкий титул маркиза с не менее громким звоном монет из богатого приданного будущей жены. Но история не очень-то склонна считаться с людскими намерениями. В гигантском водовороте Великой французской революции исчезли сначала Бастилия, потом король, а юного маркиза случай забросил в далекую Россию. Новая родина не спешила востребовать ни чина, ни титула, ни даже имени бывшего королевского придворного.

Окружающие упорно не желали произносить длинное французское Жан Луи Дюбюк де Бримо, пришлось спешным порядком превратиться в Ивана Дюбюка. И все же это было еще не самым страшным. Гораздо хуже дело обстояло с заработками. В прошлой французской жизни маркиз жил по необременительному расписанию: балы, устраиваемые Марией Антуанеттой, чередовались с занятиями в фехтовальном классе. Такое существование не давало скучать и, по большому счету, не было лишено некоторого смысла. Однако в России одними галантными навыками прокормиться сложно. Необходимо было как-то устроиться.

Еще в Берлине, куда бывший маркиз бежал после неудачной попытки спасти Людовика XVI, он познакомился с графиней Орловой-Давыдовой. Ей понравился расторопный француз. Через некоторое время Дюбюк приступает к обязанностям гувернера детей графини в ее огромном имении в Орловской губернии. Живя в глуши, Дюбюк экономит каждую копейку. Через пять лет он уезжает в Рязань, где открывает собственный пансион. А через некоторое время перебирается в Москву и женится на дочери Делесала, богатого содержателя мужского и женского пансионов. Удачная женитьба влияет на Дюбюка самым наилучшим образом. Его жизнь чем-то напоминает грибоедовского Фамусова:

*То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!*

с тем только отличием, что обрусевший француз несколько беспечно относится к немалому состоянию жены.

В 1830 году эпидемия холеры, задержавшая Пушкина в Болдине, добирается и до бывшего маркиза. Он умер одним из первых, оставив в наследство девятнадцатилетнему сыну Александру, подающему большие надежды в музыке, один рубль денег ассигнациями, четырехлетнего брата и двух крепостных, приписанных к дому – эфиопа и эфиопку, что, кстати, было противозаконным делом, так как еще в 1814 году император Александр I под страхом сурового наказания запретил держать крепостных при домах.

Размер отцовского наследства не слишком-то способствовал развитию музыкальных способностей сына. Пришлось будущему маэстро немало бедствовать. С маленьким братом Константином ходили в Разгуляй или Лефортово, в трактир, который назывался «Максим. Большая закуска». Там за пять копеек можно было получить миску борща с ветчиной и сосисками и миску каши с русским маслом. За ту же цену подбавляли жижи, если было мало.

За неимением средств к жизни будущий композитор поступает на должность смотрителя в холерную больницу. Там он, слова из песни не выкинешь, попросту пьянствует с докторами. Те частенько вместо медикаментов выписывали вино и водку. Больные, предоставленные сами себе, умирали, если им это было угодно, или выживали, что, впрочем, случалось не часто. В конце-концов Александру Ивановичу вся эта канитель надоела и он вообще перестал ходить в больницу.

Через некоторое время, благодаря протекции, талантливый музыкант был определен подкopiнстом в комиссию по осмотру разрешительных и запретительных книг. Члены комиссии занимались тем, что вытаскивая из архивов бумаги в рогожах, рассматривали их и делали на рогожах отметку краской – черной, если дела подлежат уничтожению, или красной, если оставлялись к хранению. Дюбюк часто клеймил рогожи не распаковывая (два ведра с краской стояли тут же). Под настроение он иногда вообще все сплошь чернил черной краской...

Нередко, прокутив ночь, Александр являлся в архив навеселе. Тогда кисть с черной краской широко разгуливала по рогожам с делами. Вскоре это занятие также ему надоело. Он посещает службу все реже и, наконец, вовсе оставляет ее ради музыки.

Теперь знакомые не узнают Дюбюка. Куда девались его беспечность, лень, неаккуратность?

Он сутками проводит за фортепиано, разучивая все новые пьесы известных композиторов, а попутно сочиняя и собственные. За короткое время подающий надежды молодой музыкант становится неподражаемым виртуозом-пианистом. Специалисты единодушно утверждают: в исполнении сочинений той эпохи ему решительно нет равных.

Вскоре обнаружилась новая грань его большого дарования. Музыкальные пьесы и романсы, написанные Дюбюком, а также его фортепианные переложения русских народных песен, получают огромную популярность по всей стране. К Дюбюку приходит известность, нередко помогавшая в самых необычных ситуациях.

Сыну Николаю надо поступать в университет, а нужных бумаг не оказалось. Поехал Александр Иванович к губернатору добывать бумаги. В приемной стал в очередь, просит выдать удостоверение.

Губернатор сухо и официально:

– Не могу выдать.

Снова просит. Губернатор спрашивает:

– Да кто вы? Ваша фамилия?

– Я Дюбюк.

– Дюбюк! Это вы написали «Горные вершины»?

– Я.

– Вы! Так бы раньше и говорили.

Правителю канцелярии:

– Приготовить сейчас же Дюбюку все требуемые бумаги.

Кричит жене:

– Анна Ивановна! Знаешь кто ко мне приехал? Дюбюк!

Приглашает в комнаты:

– Да я вас не выпущу, переезжайте ко мне. Концерт устроим.

В 1840-х годах прошли концерты Дюбюка в Костроме. К сожалению, не сохранилось сведений о выступлениях Александра Ивановича в нашем городе, но в архиве его внука, воспоминания которого легли в основу этого очерка, известного костромского статистика и краеведа начала двадцатого века Е.Ф. Дюбюка, имеется запись об аналогичной поездке композитора в Вологду, которая дает нам представление о том, как проходили гастрели «сочинителя пьес большой популярности» в провинции.

Поехал Александр Иванович с тенором Бантышевым концертировать в Вологду, зимой, в возке на пошевых поехали. Взяли с собой от скуки мешок кедровых орехов. Тенор спит на морозе, раскрыв рот, и храпит вовсю. Проснется, и ну грызть орехи. Наконец приехали.

Как в те времена водилось, сначала концерт у губернатора, затем у кого-то из дворян. После одного концерта подвыпили. Кто-то просит Александра Ивановича:

– Сыграйте.

Дюбюк, не заставив долго себя упрашивать, сел за рояль и пропел «Великую Ектению», в которой вышучивались тогдашние непорядки. В числе слушавших были и губернатор и жандармский полковник. Все аплодировали и были довольны, а наутро полковник послал донос. Лет пять спустя, на обеде, Дюбюк встретился с министром Канкриным. Сидя рядом и чокаясь, нечаянно облил Канкринна вином, стал стряхивать с его мундира капельки вина и извиняться. Канкрин на это:

– Ничего, ничего. Это пустяки. А вот то, что сделали в Вологде пять лет назад... это нельзя делать...

Слава, деньги, успех у женщин – все было в судьбе отпрыска французского маркиза. Как представитель артистической богемы, вдобавок москвич, Дюбюк вел весьма рассеянный образ жизни, роскошествуя, и в пух и прах проживая все, что

А.И. Дюбюк

зарабатывал и имел. Про него говорили, что он не прожил, а «прошутил» свою жизнь – так она ему легко давалась, или, вернее, так легко он ее воспринимал.

Александр Иванович отличался редкой жизнерадостностью и большим чувством юмора. Его меткие словечки, анекдоты, басни и шутки, приправленные «аттической солью», передавались в Москве из уст в уста. За неистребимую жизнерадостность, хотя и не без цинического оттенка, любил Дюбюка А.Н. Островский. Они познакомились, будучи еще молодыми людьми. Дюбюк сразу оценил масштаб личности тогда еще начинающего драматурга: их дружба продолжалась до смерти Островского в 1886 году и не ограничивалась только личными взаимоотношениями. Не единожды Дюбюк писал музыку для пьес своего друга. Музыка для пьесы

«Бедность не порок» к переложению оперы «Гроза», мелодии для знаменитой «Снегурочки» – все это было создано композитором в ответ на настойчивые просьбы драматурга, высоко ценившего участие Дюбюка в постановках своих произведений.

Из письма Островского другу: «Поклонись Дюбюку и скажи ему, что мы ждем его в Щельково» Но в костромской усадьбе Островского Дюбюк так и не побывал, зато в московском доме драматурга был частым и желанным гостем. Александр Ивановича вообще охотно принимали в знатных московских семействах. Не одно десятилетие он считался лучшим пианистом-педагогом в Москве. Будучи профессором Московской консерватории, он много времени отдавал частной практике. Приглашения следовали одно за другим. Случались и курьезы.

Однажды Дюбюка пригласили преподавать музыку в частном женском пансионе. Условия предложили очень выгодные: 600 рублей в месяц, немало льгот. Александр Иванович с радостью согласился и, довольный, уже почти покинул пансион, когда директриса, смутившись, остановила уходящего музыканта:

– Знаете только, Александр Иванович, у нас девицы молоденькие, чистые, нравственные, так (а Дюбюк был равнодушен к женскому полу)..

– Так что, – перебивает Александр Иванович, – вам нужен, значит, учитель нравственности.

– Не-е-т, – с сожалением протянул он, я не могу взять эти уроки. Не могу, уж лучше вместо меня кого-нибудь другого.

И уже с порога:

– Нет, нет, уж лучше другого.

Семейная жизнь композитора складывалась не слишком удачно. Был три раза женат. Имел шестнадцать детей. Но почти все они умерли в младенчестве. Вряд ли он особенно любил своих жен. Когда они умирали, он немедленно выезжал из дому, и похороны проходили без него, так как он очень боялся смерти и тщательно избегал всего, что ему ее напоминало.

Дожив до глубокой старости, почти до самого конца давал уроки, хотя часто прямо на них и засыпал. Вечера коротал за картами. Еще любил писать пасквили на своих знакомых и им же их рассылать. Последние десять лет из дома никуда не выходил. И никогда не снимал перчаток.

Когда переезжали на другую квартиру, то перевозили старого композитора особым манером. Нанимали самого смиренного в Москве извозчика, рядом с престарелым родителем садились его взрослые дети и держали его руки в своих до самого конца пути.

В первые январские дни 1898 года старый извозчик в последний раз отвозил своего знаменитого клиента. На кладбище...

СТАТИСТИК И ПОЭТ (Е.Ф. Дюбюк)

ВА самых зрелых и творчески активных десятилетия провел Евгений Федорович Дюбюк в Костроме. Здесь он сформировался в крупного ученого-краеведа, из рядового земского статистика вырос до руководителя всей статистической службы губернии. Костромская земля пленила Дюбюка своей природой, историей, людьми. Будучи членом правления местного научного общества, а одно время и его председателем, он не ограничивался руководящей работой, но и сам серьезно занимался исследованиями, опубликовав десятки научных трудов, многие из которых вошли в золотой фонд костромского краеведения.

С раннего детства судьба Евгения Дюбюка складывалась неординарно. Он родился в 1876 году в Вильно, в генеральской семье, вынужденном, по роду службы отца, кочевать по стране, Вильно, Минск, Киев, в этот цветущий город Федор Александрович Дюбюк был назначен директором Владимирского кадетского корпуса, разумеется, его одиннадцатилетний сын Евгений был определен для учебы туда же. Перед юным кадетом открывалась блестящая военная стезя, но имеющий тягу к поэзии, безумно влюбленный в природу юноша, успешно закончив курс, неожиданно для всех поступил в Петербургский лесной институт.

В столице определились научные интересы Дюбюка, здесь он нашел свое призвание – статистику, он научился видеть в природе не только источник лирического вдохновения, но и научную лабораторию, сухие колонки цифр для него порой были насыщенной самой действительности. Статистика давала пищу уму и одновременно отдохновение от бурных треволений тех предреволюционных лет.

Как и большинство студенческой молодежи конца XIX века Евгений Дюбюк отдал свой долг революционным порывам, около десятилетия длилась его активная подпольная деятельность, но разногласия с товарищами по ряду принципиальных

Е.Ф. Дюбюк

вопросов, желание идти себя на творческой стезе, дать простор своим жизненным силам, привело его к окончательному разрыву с партией и переезду в тихий провинциальный город Кострому.

Оставив жену с малолетними детьми в Саратове до тех пор, пока не благоустроится, Дюбюк явился к

Дом Дюбюка на Никитской

своему давнему знакомому Николаю Ивановичу Воробьеву, осуществившему его переезд и давшему место работы в возглавляемом им оценочном отделении губернского земской управы. Воробьев же помог найти подходящую квартиру для семьи.

Местоположение квартиры, вернее домика, который снимал Дюбюк, было очень удобным: он стоял в начале улицы Никитской (№7) в глубине двора (за нынешней «Лакомкой», не сохранился), стоило выйти на улицу, пройти сто пятьдесят метров и перейти дорогу, как перед ним вырастало каменное двухэтажное здание земства (сейчас лесомеханический колледж), это было удобно: ведь в доме и малые дети и любящая жена – прекрасная хозяйка, значит – экономия в обедах. Семья Евгения Федоровича приехала в середине августа 1907 года, проведенные же в ее отсутствие полгода ушли на благоустройство, вживание в работу и знакомство с городом. В Костроме Дюбюк сразу попал под обаяние местных достопримечательностей. Вместе с Н.И. Воробьевым и его родными гуляя по городу, любовались архитектурными, историческими памятниками. Большое впечатление произвел на Евгения Федоровича Ипатьевский монастырь. Сразу после его посещения Дюбюк пишет жене:

«Дорогая Клавочка! Вчера мы трио, (я, Николай и его жинка) совершили экскурсию за город – за реку Костромку, в Ипатьевский монастырь и монастырские луга. Хорошо! Монастырь старый, стены его с бойницами и амбразурами, по углам дозорные круглые башни, внутри ограды церковки старинной архитектуры и письма. Хороша аллея: по одну сторону кедры, по другую то исполинские вязы, то старые березы, со стен чудный вид: слева плещется Костромка, справа далеко-далеко ушли сочные луга, с кое-где мерцающими озерками, через низкую монастырскую дверку спустились на луга.

*Опустишь на луга я росистые,
Я унююсь ароматом цветов...
Расцвелись огнем золотистым
Заокраины синих лесов...*

*Гаснут зори и бережно-ясная
Ночь спускает на землю покров,
Звезды в небе зажглися прекрасные
Сколько в небе горящих цветов!
Коростель по соседству болотную
Караульную службу несет...
Прочь уходит с души мимолетное,
Вся неправда, что силы гнетет...*

Вернулись с лугов уже поздно, когда ночь нависала над городом. Теперь скоро-скоро увидимся».

И действительно, через месяц состоялась встреча Дюбюка с родными. Ближайшее семейное окружение Евгения Федоровича составляли: жена Клавдия Петровна, дочь Наталья и сын Федор, во Владимирской губернии жили мать, сестры и брат, в Москве обосновались более дальние родственники. Со всей родней, дальней и близкой Дюбюк поддерживал тесные отношения: регулярно переписывался, ездил в гости и там любил часами слушать рассказы дядюшки Флорентия Александровича о своих предках.

Предкам Евгения Дюбюка не раз доводилось под давлением обстоятельств очень многое терять: достояние, родину и даже имя. Но в конечном счете, они компенсировали свои потери сторицей.

Прадед Евгения Федоровича – маркиз, флигель-адъютант Людовика XVI, владелиц имения Бримо в двадцати верстах от Парижа, в годы великой французской революции, спасая свою голову от гильотины, эмигрировал, долго странствовал и попал в конечном счете в Россию, оставшись без средств к существованию. Жан Луи Дюбюк де Бримо брался за любую работу.

Поселившись в Москве маркиз Жан Луи Дюбюк де Бримо превратился в Ивана Дюбюка. Накопив достаточно средств, он открыл частный мужской пансион, в котором получил начальное образование один из его сыновом будущий известный композитор Александр Иванович Дюбюк. Он пользовался в России, особенно среди москвичей, славой «сочинителя пьес большой популярности», «Поцелуй же меня, моя душечка», «Прости, не помни дней падения», «Я был у ней», «Ты всегда хороша несравненно» – этими романсами в XIX веке наслаждалась вся Россия.

В круг разносторонних интересов внука композитора – Евгения Федоровича Дюбюка музыка не входила, хотя он испытывал к ней на протяжении всей жизни определенную тягу: «Мне кажется, музыка так много дает, ради нее можно было бы забросить все. Но мне этого не дано, так уж случилось, так пусть в моих детях любовь к музыке не угаснет. Хорошо было бы, если б Наташа, хоть по часу в день, но регулярно играла на рояле».

А в 1907 году о рояле еще не думали. Из письма матери: «Наташа толстеет, зубы у нее прорезались, я работаю по-прежнему в бюро, читаю, занимаюсь, вожусь с Петькой, знакомых мало, но этим не тягочусь».

Знакомства пришли, но не сразу, сначала «оброс» коллегами по работе – библиотечарь Н.И. Умнов, приятели-статистики Готовцев, Зверев, дружеские семьи Барыковых, Андреевых... но Евгений Федорович не поощрял шумных, беззабот-

ных встреч, радость в жизни он черпал не в кутежах и вечеринках, милей веселых, но пустых разговоров был для Дюбука лес медноствольных сосен:

*Край лесной, родимый край
Сосен звоном наиграй
Красноствольных, будто кровь,
Вековечную любовь!
Нашепчи берез шептаньем.
Мерных елей колыханьем
Бодрость – веру в лучший день,
Счастья веточкой задень.*

Результатом внимательного, одухотворенного общения с природой, людьми, книгами – стали стихи. Знаменательна запись в дневнике Евгения Федоровича, которую он сделал уже в пожилом возрасте: «Я хочу жить. И жажда жизни все та же: интересы материальные и духовные, прозаические будни и поэзия фактических минут, наука, ее величайшие дерзания все свивается в какой-то клубок».

Тональность поэзии Дюбука, с ее робкой мечтательностью, предвкушениями, предчувствиями, томлениями, сомнениями и надеждами особо выражает одно из его стихотворений «Предвесеннее»:

*Первые травинки... первые цветы...
С прошлого года палые листья...
На ольхах сережки, под ногой вода
От еще нестывшего льда.
Четки и прозрачны голые березы,
С кисеи ветвей роняют слезы,
Звезды светят робко и несмело,
На дворе ягнятки блеют неумело,
Все полно предчувствий, предвкушений,
Все таит размах, расцвет,
И как в храме через дым кадений
Льется всюду тихий, тихий свет.
Завтра будет все иное,
Загорится небо краской золотою,
Лес обрядится в бархат цвета зелена,
Завтра – настоящая весна!
А сегодня – предвесенье,
По весне-красе томленью,
О весне-красе явленью
Девичье горячее моленье.*

Как ни была важна для Дюбука поэзия, главным для него всегда оставалось благополучие семьи. Его работа требовала командировок, частых, порой долгих. Евгений Федорович вел дневник, куда заливал свои впечатления, эмоции, тоску по дому, родным. Дневниковая запись о возвращении из Ветлуги в 1909 году: «Началась бешеная пляска с присвистом, гоготаньем, подхватываньем коренни-

ка... Все ближе и ближе дорогие места... вот и Никитская. Застану ли всех здоровыми? Ведь целый месяц прошел, наконец я дома, наш двор. Акрютка срывается с цепи. Звонюсь. Ящик несет вещи. Открывают, Клавочка радостно подхватывается. Петрусь проснулся и визжит, вот так папка! сказал через десять дней приедет, а приехал сегодня»...

Жизнь Дюбюков в Костроме протекала по определенному руслу. С половины десятого до четырех Евгений Федорович работал в статистическом бюро. Вечером всей семьей ходили в город гулять, ни одной новой выставки, ни одного театрального спектакля не пропускали. Что касается творческих занятий Евгения Федоровича, которым он отводил поздние вечерние, а иногда и ночные часы, то они не ограничивались любезной его сердцу статистикой. Благодаря дружескому окружению, куда входили архивные и библиотечные работники, Дюбюк постепенно увлекся гуманитарными науками, что нашло отражение в дневнике ученого: «Читаю я в последнее время довольно много и почти все в одном направлении – по истории. Эта область с каждым днем захватывает меня все сильнее и сильнее, и все гуще желание умственного труда в этой области».

В 1912 году образовалось Костромское научное общество по изучению местного края, в работе которого не замедлил принять участие и Евгений Федорович. Он вошел в состав экономической и географической секций КНО и стал активно в них работать. Вскоре он был выбран в члены правления, а в 1919 и 1920 годах был председателем общества.

Безмятежные, спокойные годы, насыщенные научными изысканиями, поэзией, своеобразным культом семейного очага сменяются напряженностью предреволюционных военных лет:

*Родина бедная, скорбью повитая,
Кровью невинною всюду залитая,
Дикую злобой дотла раззоренная,
Мрачным пожаром войны озаренная,
Силы найдешь ли в себе обновления?
Сбросишь ли ржавые цепи терпения?
И на дорогу свободы прекрасную
Станешь ли, сильная, светлая, ясная?*

Тяготы войны, революционные потрясения почти совпали с огромной личной драмой Дюбюка. Из письма Евгения Федоровича матери, 1919 год:

«Милая, дорогая мамочка! Клавочка, наша любимая Клавочка умерла. Случилось то, чего нельзя было и предполагать. Смерть обычное явление, но такая смерть – исключительная».

Человек скорее созерцательного, чем делового склада, всегда далекий от житейских проблем, так успешно разрешавшихся энергичной Клавдией Петровной, Дюбюк вдруг оказался наедине с жизнью. Повседневные тяготы смутных лет гражданской войны, заботы о детях, о простом, элементарном физическом выживании семьи тяжким бременем легли на плечи Евгения Федоровича. Было от чего

ипасть в отчаяние. Наука, поэзия, мечтания и грезы – все осталось там, в уюте и тишине предреволюционных лет.

*Палые листья, деревья безлистые
Беломолочных туманов кольцо...
Где вы, надежды и помыслы чистые?
Милое с верой и скорбью лицо?
Лес отряхнул свой убор омертвелый
Смято и сгибло, что жило -цвело...*

Работа Е.Ф. Дюбюка в различных средних учебных заведениях Костромы в предреволюционные годы создала ему репутацию опытного педагога. Благодаря этому Евгений Федорович вместе со своим старым другом Н.И. Воробьевым 16 августа 1919 года вошел в состав коллектива профессоров и преподавателей гуманитарного факультета только что созданного Костромского университета, этот университет был уникальным явлением в истории нашего города.

В смутное время гражданской войны профессора московских и петроградских вузов решили продолжить свою работу в провинции, они регулярно приезжали в Кострому, причем для приездов столичным ученым выхлопотали особый «профессорский» вагон, а некоторые из них даже успели прочно осесть в городе на все время хозяйственной разрухи, ведь питаться в Костроме было гораздо дешевле, чем в столице. Университет размещался в здании бывшего дворянского собрания, в просторных свободных аудиториях легко размещались немногочисленные факультеты, зато преподавательский состав был уникален, достаточно сказать, что только на гуманитарном факультете, где вел занятия Е.Ф. Дюбюк, работали: известный пушкинист С.М. Бонди, философ Ф.Н. Покровский, будущий академик, историк Н.С. Дружинин.

Высокоинтеллектуальная атмосфера дружеского общения способствовала росту Дюбюка, как человека и как ученого. Имеется достаточно оснований для утверждения: своему научному взлету в 20-е годы, когда было издано большинство научных работ Дюбюка, он обязан именно творческой атмосфере Костромского университета.

Работа приносила Евгению Федоровичу большое моральное удовлетворение. Студенческая аудитория, охваченная жаждой знаний, стремившаяся к напряженной умственной работе, производила хорошее впечатление.

Годы работы в костромском университете совпали с годами напряженного научного творчества. Можно только удивляться количеству статей, книг, лекций, учебных занятий, которые успел написать и провести Евгений Федорович. Так в первые месяцы учебных занятий им был подготовлен к печати «Очерк экономической истории Костромского края». Опубликованы материалы к истории зверовой охоты в Костромском крае. В издательстве губстатбюро выходит его «Очерк лесного хозяйства в бывших казенных лесах Костромской губернии». Одновременно Евгений Федорович занимается обработкой материалов по истории вотчинного хозяйства Костромского края XVIII – первой половины XIX столетий, в свободное от

занятий время он читает курс лекций на экономическом отделении высшей народной школы.

Раскрывшийся в эти годы педагогический талант ученого, сознание своих сил и возможностей давали надежду на воплощение заветной мечты: открыть лесной факультет при университете. С начала 20-х годов Дюбюк хлопотает о создании факультета. Его идеи поддерживаны, но столичные профессора отказываются работать в Костроме: старый знакомый Дюбюка, В.П. Переход, взявшийся организовать работу будущего факультета, не пользуется авторитетом в научной среде: лесной факультет при Костромском университете так и не открылся. А в начале 1922 года закрывается и сам университет. Тем не менее Евгений Федорович не прерывает своей связи с педагогическим техникумом, который был образован на базе бывшего университета.

Он ведет там многочисленные занятия по истории, краеведению, политической экономии, статистике. Опыт работы, накопленный в стенах университета, оказывается очень полезным. Научно-преподавательская деятельность в вузе, неформальное общение в простой, дружеской обстановке ученых разных специальностей существенно расширили границы творческих возможностей Дюбюка. С 1919 по 1924 год Евгений Федорович возглавлял работу по реорганизации архивного дела в Костромской губернии. В мае 1926 года научная деятельность Евгения Федоровича получила широкое признание, русское географическое общество присудило Дюбюку золотую медаль «За совокупность научных трудов».

Происходят перемены и в служебной карьере, в 1925 году после отъезда друга юности Н.И. Воробьева, Дюбюк занимает его место и становится заведующим Губстатбюро. За неполные два года, что Евгений Федорович пробыл в этой должности, он сумел сделать очень много для города и губернии в целом: под его непосредственным руководством проводится перепись населения в губернии, он участвует в разработке проекта костромского участка крупной железнодорожной магистрали Москва-Казань, проводит экономическую экспертизу железных дорог Костромской губернии с возможностью строительства моста через Волгу. Расчеты, выполненные Дюбюком, в середине двадцатых, легли в основу проектной документации для строительства моста в 1932 году.

Благодаря большой научной, административной, организаторской деятельности, которую ведет Евгений Федорович, его авторитет быстро растет не только в Костроме, но и в столице, Дюбюк становится заметной фигурой в общественно-политической жизни страны. Так он принимает участие в обсуждении территориального раздела Костромской губернии, отстаивая ее губернский статус. Из письма к сыну: «Жаль, если уничтожат губернию, Кострома может быть и не Казань, и все же и в ней не мало хорошего, и ее стоило бы сохранить, как губернский центр».

Энергичные меры, предпринятые городской общественностью, в активизации которой Дюбюк сыграл немалую роль, помогли Костроме сохранить статус губернского города. В делах и заботах закончился 1926 год, последний год жизни Дюбюка в Костроме. Определились дети, разъехались по необъятной стране друзья, все чаще Евгений Федорович вспоминает о неоднократных предложениях работать

в Москве, которые ему делали в ЦСУ во время многочисленных приездов с отчетами по работе и с докладами на научно-практических конференциях. Сначала Дюбюк и подумать не мог о том, чтобы оставить город, о которым связаны лучшие годы, в котором так много пережито и передумано... но... жизнь берет свое.

Чувствовался запас жизненных сил, Дюбюк знал, что может хорошо делать свое дело не только в масштабах губернии, но даже всей страны.

19 февраля 1927 года скромный флигель в глубине двора по улице Никитской, занесенный огромными сугробами снега, ярко блестел всеми окнами: сослуживцы, соседи, коллеги отмечали отъезд Евгения Федоровича. За столом было много речей и тостов. Василий Иванович Смирнов произнес шуточный тост, в котором была изрядная доля грусти: И пусть все вместе пьют – одни из хрустального бокала, другие из деревянной чашки, и пусть бьется одно сердце и под фланелевой курткой и под шелковой «рубашкой» – намек на то выстраданное «светлое будущее», которое не может не наступить для Евгения Федоровича. «Ведь из всех моих современников – костромичей, – продолжит свою мысль В.И. Смирнов в письме к краеведу Л.Н.Казаринову, – это самая крупная фигура... Подчеркиваю, Евгений Федорович костромич, отдавший Костроме девятнадцать лет, лучших лет своей творческой работы, принадлежал и принадлежит Костромскому краю».

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКТОР П.И. АНДРОНИКОВ

В ПАРАДЕ имен костромских писателей-краеведов XVIII-XIX веков, начиная с Ивана Кузьмича Васькова – автора первой книги о Костроме и продолжая не менее известными «родинолюбями»: А.Д. Козловским, П.Ф. Островским, М. Я. Диевым, А.Ф. Васьковым, С.В. Максимовым и прочими, к сожалению, пока не нашлось места костромскому писателю-краеведу, редактору и издателю Павлу Ивановичу Андронику, хотя, благодаря именно ему, многие местные литераторы смогли развить и упрочить свои таланты на данном поприще.

Павел Андроников происходил из духовного сословия. До настоящего времени ни его родословие, ни дата рождения не были известны. Ответы на эти вопросы заключены в «Сводной ведомости ученикам духовного училища на 1843 год», где сообщается, что Павел Андроников восьми лет – сын дьячка Ивана Борисова, Богородицкой церкви села Бушнево Чухломского уезда. Отсюда простым арифметическим вычитанием определяем год рождения Андроникова – 1835-й.¹

По окончании в 1854 году Костромской духовной семинарии, Павел Иванович Андроников определился на статскую службу сначала коллежским регистратором в Костромскую гражданскую палату, а в 1857 году становится помощником ее столоначальника.² В самом начале службы совершилось ключевое для его творческой биографии событие: назначение редактором неофициальной части газеты «Костромские губернские ведомости». Неофициальная часть в то время издавалась раз в неделю по субботам и представляла собою тетрадь в восемь страниц второго формата, с уже сложившимися рубриками: поэзией, костромской летописью, историко-краеведческими исследованиями, списками прибывающих и убывающих из Костромы и торговыми ценами на жизненные припасы. Часть сведений предоставлял статистический комитет, членом-корреспондентом которого стал и сам редактор с 1857 года.

На себя П.И. Андроников взял часть рубрики «Костромская летопись» под названием «Городские известия», где он помещал свои репортажи и редкий номер появлялся без его материала: то он писал о приезде нового архиерея, то о погодных аномалиях, то о любительских концертах и спектаклях, то о церковных или светских праздниках, публиковал и некрологи на известных персон. Если б эти материалы собрать под одной обложкой, то получилась бы прелюбопытная книжка «Костромская летопись» за многие годы XIX столетия.

Для рубрики историко-краеведческих исследований П.И. Андронику по началу не надо было искать на стороне авторов, благо рядом находился его род

твенник, в то время уже известный писатель-краевед, священник Успенского собора Павел Федорович Островский, родной дядя драматурга А.Н. Островского, охотно согласившийся сотрудничать с молодым редактором.

Как известно, родная сестра Павла Ивановича Андроникова – Прасковья Ивановна была замужем за Павлом Федоровичем Островским. Таким образом будущий издатель приходился шурином своему тезке, а тот, в свою очередь, – зятем. Степень же родства Павла Ивановича драматургу можно выразить словом – свойственник.

Их отношения, запечатленные в переписке, детально рассмотрены в книге А.И. Ревякина «Островский в Щелыкове»³ и потому нет необходимости в них вдаваться.

Другое дело творческие взаимоотношения П.И. Андроникова с дядей драматурга Павлом Федоровичем Островским. С 1865 года в неофициальной части «Костромских губернских ведомостей» стали публиковаться многие, порой довольно пространные труды ученого, к примеру:

1. Протоиерей Яков Арсеньев (КГВ. 1855. №№ 13-14).
2. Речь при возвращении Галичской дружины (КГВ. 1856. №32).
3. Речь на кончину священника Евтихия Вознесенского (КГВ. 1857. №15).
4. Описание библиотеки Костромского Успенского собора (КГВ. 1858. №№ 19-20, 22-27).

Скорее всего, благодаря протекции П. Ф. Островского, в газету стали поступать материалы других костромских священников: Д. Реформатского, И. Мирмикова, М. Миролюбова и, конечно же, крупнейшего нерехтского краеведа-священника М.Я. Диева.

Во время работы Андроникова в неофициальной части Костромских ведомостей, в газете появились следующие труды Диева:

1. Посещение Костромской стороны начала Московским митрополитом Платоном, после того императором Павлом I (КГВ. 1856 №27).
2. Генерал-губернатор для Костромской стороны в отношениях нравственном, строительном и образовательном, в царствование императрицы Екатерины Великой. (КГВ. 1857. №№ 34, 36-40).
3. Исторический обзор обширности древней Костромской области (КГВ. 1858 №17).
4. Не судимая грамота от патриарха всея России Филарета Песошескому Игрицкому монастырю 1629 года 30 августа (КГВ. 1858. №35-38).
5. Укрепленные места древней Костромской области (КГВ. 1859. №10-12).

Помимо священнослужителей в число корреспондентов неофициальной части «Костромских губернских ведомостей» входили и местные дворяне: Николай Алексеевич Воронов, публикующий свои стихотворения в разделе поэзия, предводитель нерехтского дворянства Михаил Матвеевич Поливанов, давший в газету материал по истории церкви Иоанна Предтечи в селе Парском, а также владелец нерехтского села Вахнево, отставной инженер-поручик, внук И.К. Васькова Андрей Федорович Васьков, поместивший в газете ряд материалов:

1. Несколько соображений по поводу неудовлетворительных урожаев в полях моих (КГВ. 1859. Май 1).
2. Из путевых заметок по Галичскому уезду (КГВ. 1863 №30).
3. Известия из Костромы (КГВ. 1857 №3) (О дворянских выборах и чествовании братьев Перелешинных – героев Крымской войны).

Всего в газете Васьяков опубликовал около десятка статей. Его братья Иван и Василий также стали корреспондентами «Ведомостей», так что можно говорить о династии Васьяковых – костромских краеведов.

В 1856 году П.И. Андроников насчитывал уже 30 внештатных и штатных авторов, но тем не менее через газету призывал новых корреспондентов. 2 февраля 1857 года в Ведомостях был напечатан новый призыв:

«В редакции Костромских губернских ведомостей готовится описание Костромской губернии в этнографическом отношении... необходимо дружное содействие многих лиц, населяющих разные уезды нашей губернии... в особенности редакция нуждается в народных песнях, загадках, преданиях, суевериях, предрассудках... статьи более обработанные будут помещаться в Ведомостях. Ред. П.И. Андроников».⁴

Из присланных материалов были выделены и опубликованы в номерах 43-45 за 1857 год «Крестьянские посиделки в Костромской губернии». Автор скрылся за инициалами С.М., расшифровать которые оказалось довольно просто. Это Сергей Васильевич Максимов: крупнейший впоследствии писатель-этнограф и академик.

Впрочем, к концу 50-х годов, поток присылаемых в редакцию материалов стал иссякать по причине, обозначенной М.Я. Диевым в статье о П.И. Андроникове, помещенной в известном словаре Костромских писателей:

«В бытность его редактором Костромские губернские ведомости были наполнены многими любозытными статьями, но сочинители оных редко были награждаемы доставлением им сочиненных ими статей, отчего многие перестали с 1859 года представлять свои сочинения».⁵ Чем же объяснялась многолетняя «закимность» редактора и почему бойкот авторов пришелся именно на 1859 год?

Думается, что ответ заключен в рекламном листке следующего содержания: «Типография Павла Андроникова. Производство работ в этой типографии началось с 13 февраля 1859 года. Типография устроена сообразно с требованиями современного книгопечатания в России; машины Гамбургского устройства, производители работ выписаны из С.-Петербурга. Краски для печати от высших французских до средних и низших сортов. Бумага всех сортов. Для большего удобства при брошюровке книг типография имеет переплетную. Типография принимает заказы по книгопечатанию, а также по изданию на комиссию присылаемых рукописей. Запроса в ценах не допускается. П.И. Андроников».⁶

Не показалось ли корреспондентам, что их невыплаченные гонорары могли пойти в оплату части затрат на дорогостоящую типографию? Разуверенные редактором за счет авторов деньги были бы недостаточны, необходим был случай: наследство, большая ссуда или выгодная женитьба. В данном случае не исключено последнее. И, хотя мы не знаем дату брака Павла Ивановича

Рекламный
листок
типографии
Андроникова

с Екатериной Ивановной Нелидовой, представительницей древнего дворянского рода, подарившей мужу шестерых детей, но если предположить, что дочь Татьяна, родившаяся в 1864 году, не первый ребенок в семье, то брак родителей и получение Андрониковым приданного, с возможностью основать на него свое дело, вполне мог придтись на 1859 год. Впрочем, это всего лишь версия...

Начав типографский бизнес, Андроников оставил работу в газете, хотя позднее, в 1862-1863 годах временно вернулся в редакцию. Он вплотную подошел к осуществлению заветной мечты – книгопечатанию. Счастливым дебютом стала книга, выросшая из его информационных статей о посещении края в 1858 году августейшей семьей, под названием «Александр II в Костромской стороне». Написана она была в 1858 году, а издана дважды в 1859 и 1860 годах.

Трудно передать чувство издателя, жадно следящего, как под рокошующий гул машин рождается его детище, «лагнувшее свежей типографской краской... Рассказывая читателям о Костромских достопримечательностях: Ипатьевском монастыре, Успенском соборе, которые обзревала августейшая семья, Андроников не забывал упомянуть и о своих бывших корреспондентах, участвовавших в представлении местных древностей высоким гостям: П.Ф. Островского, совершавшего в Успенском соборе Божественную литургию и удостоенного за то бриллиантового перстня, а также А.Ф. Васькова, пожалованного государем чином титулярного советника. А после поднесения книги императору Александру II в 1860 году, бриллиантового перстня удостоился и сам автор. Это необычайно подняло престиж как самого П.И. Андроникова, так и его типографии. Посыпались заказы, но издатель старался среди коммерческих трудов не забывать и отдавать свои долги в отношении своих бывших авторов.

Он обратился к творчеству одного из самых активных своих корреспондентов Николаю Алексеевичу Воронову, насыщавшему своими стихами раздел поэзии и в 1861 году выпустил в свет книжечку его стихов: «Н. Воронов. Стихотворения».

В 1864 году из стен типографии Андроникова вышла книга П.Ф. Островского «Исторические записки о Костроме и ее святыне благобно-чтимой в императорском доме Романовых» (имеется з виду икона Богоматери Феодоровской). Этот труд не был книжным дебютом автора: еще в 1855 году П.Ф. Островский издал в Москве

«Историческое описание Костромского Успенского Кафедрального собора», но с появлением типографии его шурина в Костроме, необходимость печататься в других местах отпала.

Деятельная натура Андроникова требовала большего общения с людьми, чем то, которое давала работа в типографии, а это могла дать только служба. В 1864 году Павел Иванович был назначен секретарем попечительного комитета о бедных, в 1863 – мировым судьей Макарьевского уезда. Его ревностная деятельность была отмечена властями, наградившими его в 1869 году орденом святой Анны 3-й степени.⁷ Служебная деятельность Андроникова шла параллельно с издательской. Еще во время недолгого возвращения в редакцию «Костромских губернских ведомостей» он составил и издал «Указатель статей, помещенных в неофициальной части Костромских губернских ведомостей со времени их учреждения с 1838 по 1863 год». Это был не только отчет о его редакторской деятельности, но и увековечение трудов его авторов. К сожалению, книга в печатаном виде до нас не дошла, но сохранилась в рукописи в ценном фонде музея-заповедника.⁸ Для следующего поколения читателей «Указатель» был заново восстановлен Н. Виноградовым в 1916 году.

Продолжая традицию освещения важнейших событий прошлого и настоящего жизни Российских монархов в связи с костромским краем, П.И. Андроников в 1866 году издает две книги в своей редакции:

1. Покушение на жизнь государя императора и подвиг костромского крестьянина Осипа Ивановича Комиссарова.
2. Сказание об Иване Осиповиче Сусанине с прибавлением об Осипе Ивановиче Комиссарове.

Начало семидесятых годов ознаменовалось для Андроникова новым изданием его зятя П. Ф. Островского, книгой «Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального монастыря» (1870), а в следующем году, не без участия того же П.Ф. Островского, Андроников издает «Алфавитный список священников и дьяков Костромской епархии с показателем церквей, при которых каждый из них состоит на службе». Книга становится важным краеведческим источником.

Но не только местные события находили отражение в изданиях типографии. Эхом русско-турецкой войны 1877-78 годов стала книга «Славянские думы и голоса. Сборник стихов, слагаемых из русских поэтов и переводчиков», составленный и изданный П.И. Андрониковым. Содержанию книги предшествовало предисловие издателя, затем читателю предлагались стихи русских поэтов и их переводы с чешского, болгарского, сербского и других славянских языков.

Последнее десятилетие, точнее восьмилетие своей жизни, Павел Иванович проводил довольно интенсивно, несмотря на уже солидный возраст. Желая подвести мировоззренческий итог своей жизни, он в 1881 году издает книгу «Люди нового времени. Очерк их убеждений, нравов и стремлений», и хотя имя автора не вынесено на обложку, из содержания очевидно, что это труд самого издателя.

Главная цель автора – попытка понять новое поколение и проследить его взаимодействие с поколением предыдущим, то есть в центре философских раз-

мышлений П.И. Андроникова – проблема отцов и детей, которую он мог наблюдать и в собственном семействе, хотя бы на примере дочери Татьяны, учившейся на Бестужевских курсах в Петербурге и набравшейся там либеральных воззрений. Уже после смерти отца, наследовав его типографию, она превратила его справочный «Костромской листок объявлений» в «Костромской листок», ставший печатным органом РСДРП(б). Могло ли быть единомыслие между отцом и дочерью? Книга П.И. Андроникова – это социальный портрет двух поколений русских людей, где ярко прослеживается принцип единства и борьбы противоположностей.

Т.П. Андроникова

И как бы подтверждая приверженность своим идеалам П.И. Андроников в том же году издает книгу «Путешествие царственной семьи по Костромской губернии в 1881 году».

С 5 декабря 1882 года П.И. Андроников издает и редактирует справочный «Костромской листок объявлений», настолько популярный и зачитанный, что до нас не дошло ни одного из 136 номеров, увидевших свет при жизни издателя.

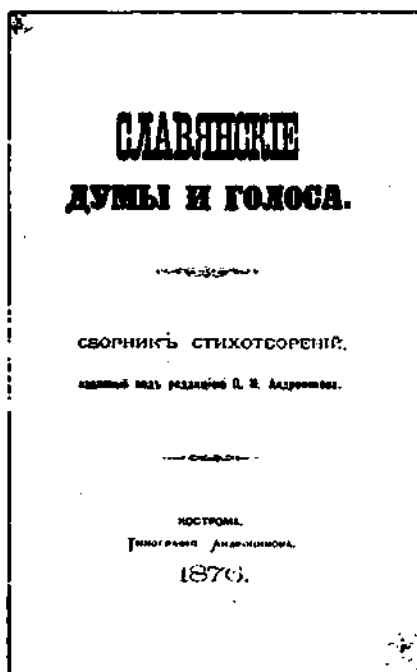
За два года до смерти, в 1886 году издатель проводил в последний путь своего великого родственника, драматурга А.Н. Островского, Павла Федоровича Островского он похоронил еще в 1876 году. Уходили близкие ему родственники. Да и в отношении себя он ощущал тревожные предчувствия судьбы...

Последняя книжка, вышедшая из типографии П.И. Андроникова, называлась «Баюшки-баю. Собрание русских колыбельных песен». Над этой небольшой, в 44 страницы книжкой собиратель трудился 15 лет. В ней представлены произведения А. Мея, М. Лермонтова, С. Дергунова, Э. Губера и множества безымянных авторов. Такого издания Россия, еще не знала. П.И. Андроников сделал подарок не только матерям и няням, но и тысячам российских малышей.

Под эти тихие колыбельные песни «уснул» и сам издатель, увы, уже навсегда...

Одно из дел областного архива уточняет дату и место его смерти, а также указывает на местонахождение типографии, доселе неправильно называемое в источниках.⁹ В нем сообщается, что «содержатель частной типографии Павел Иванович Андроников умер 16 ноября 1888 года в Костроме... в Вознесенском переулке в собственном доме»¹⁰ (ныне Кадыевский переулоч).

Далее в деле следует описание дома П.И. Андроникова и недвижимого имущества в нем: «Двухэтажный полукаменный дом, каретный сарай, погреб, хлев, баня и под ними земля. Цена 5 тысяч рублей». Дом издателя упоминается в том

*Титульный лист книги, изданной
в типографии П.И. Андроникова*

отца сначала в его маленькой типографии, она в конце 1890-х годов расширила дело и переехала с типографией на Марьинскую улицу (Шагова, 3), по крайней мере 1898 годом датируется «Подробная расценка строений типографии Т.П. Андрониковой по Марьинской улице, составленная 16 августа 1898 года техником Михайловским». ¹³ Вот краткое содержание документа:

•**Типография.** Местонахождение: г. Кострома, Марьинская ул. Дом Писарницкой. Оценка строения 10995 рублей. Звание: Потомственная почетная гражданка Татьяна Павловна Андроникова. Условия аренды в год 300 рублей. Работа производится постоянно, кроме праздничных дней, иногда ночью. Стоимость вырабатываемых изделий от 6 до 7 тысяч рублей».

Главный вывод из документа тот, что к типографии дочери, снимавшей помещение в доме Писарницкой на Марьинской улице, П.И. Андроников никакого отношения не имел, следовательно и драматург А.Н. Островский его там не навещал.

В заключение нельзя не отметить огромного значения П.И. Андроникова в становлении Костромского краеведения как в период его редакторства неофициальной частью «Костромских губернских ведомостей», так и в период владения им частной типографии, выпустившей за тридцатилетие существования целую библиотечку краеведческой литературы, на которой учились патриотизму несколько по-

же документе еще раз, но уже под другим адресом: «в г. Костроме... в Вознесенской улице» ¹¹. Несоответствие двух адресов одного дома может объясняться лишь его угловым местонахождением. Таким, в соответствии с описанием оказался лишь один дом № 14/33 на углу Кадьевского переулка и Комсомольской улицы.

Дальнейшее перечисление имущества в доме не позволяет усомниться в его предназначении: «движимость, составляющая предметы промысла: 3 станка типографических, 15 больших касс с разными шрифтами, 72 полукассы со специальными линейками, 4 верстака для набора». ¹²

Так мы устанавливаем истинный адрес типографии П.И. Андроникова, которую некоторые биографы А.Н. Островского ошибочно перенесли на Марьинскую улицу (ныне Шагова, дом 3), тогда, когда там находилась только типография дочери издателя – Татьяны Павловны Андрониковой, в замужестве Покровской. Продолжая дело

колений костромичей, не подозревавших какой ценой она далась П. И. Андронику писателю-краеведу, редактору и издателю, достойному родственнику нашего выдающегося земляка А. Н. Островского.

Примечания:

1. ГАКО. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1030. Л. 15.
Информация предоставлена П. П. Резепиным, которому автор статьи приносит глубочайшую благодарность. Кроме того, выражает признательность за бесценные и содержательные консультации по вопросам библиографии П. И. Андроникова.
2. ГАКО. Ф. 397. Оп. 1. Д. 52-А. Л. 19 (формулярный список).
3. См. А. И. Ревякин. А. Н. Островский в Щелкове. Издание 2-е. М. 1978.
4. КГВ. 1857. № 5.
5. Словарь писателей духовного и светского

чина Костромской губернии по рукописи М. Н. Диева «Ученые деятели Костромского вертограда». М. 1892. С. 8.

6. КИАМЗ. Отдел Фондов «Документы» КОК 39323.

7. КГВ 1869. № 23. С. 1.

8. КИАМЗ. ЦРК. КОК 29578/36.

9. 9. ГАКО. Ф. 200. Оп. 6. Д. 2274.

10. Там же. Л. 4 об.

11. Там же. Л. 6.

12. Там же. Л. 6.

13. ГАКО. Ф. 207. Оп. 1. Т. 2. Д. 6183. Л. 4

Н. Ф. ГРАММАТИН, КАК ДИРЕКТОР КОСТРОМСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

В 1812 году умер первый директор Костромской классической гимназии Герман Иванович Шурман. На открывшуюся вакансию был определен выпускник Московского университета, магистр Николай Федорович Грамматин. Разница между респектабельным пятидесятидвухлетним отставным капитаном первого ранга, позднее ставшим педагогом и начальником учебного заведения Г.И. Шурманом и двадцатишестилетним московским студентом, к тому же поэтом, Н.Ф. Грамматиным, была разительной.

Как удалось молодому еще и неопытному человеку получить столь престижную должность? Некоторый свет проливает на это обстоятельство письмо профессора Московского университета и издателя журнала «Вестник Европы» М.Г. Каченовского его ученику и автору журнала Николаю Грамматину от 4 апреля 1812 года, в котором, отвечая на запрос Грамматина по поводу желания его занять вакансию директора Костромской гимназии, Каченовский писал:

«Что мне сказать вам о директорстве? Очень понимаю, что в Костроме жить вам было бы весьма хорошо подле своих деревень; да как же бы за это взяться?... кажется, никакой надежды, если вы не в ладу с нашим попечителем. А, между прочим! Антон Антонович с ним довольно короток. Не заблагорассудитесь ли отнестись к нему. Иного способа не знаю».

Антон Антонович – это, несомненно, профессор Московского университета и преподаватель Благородного пансиона Прокопович-Антонский, хорошо знавший и ценивший Грамматина, имя которого, как лучшего ученика, было отмечено золотом на памятной доске. Скорее всего, именно благодаря хлопотам этого человека Николай Грамматин и получил желаемую должность.

Как бы там ни было, но 12 июня 1812 года Н.Ф. Грамматин по прошению уволился из Департамента министерства юстиции, где недолгое время служил после окончания университета, и 3 июля того же года был определен директором училищ Костромской гимназии. В этой должности он находился до 17 марта 1819 года, то есть без трех месяцев семь лет.

Что представляла собою Кострома в грозные дни Отечественной войны 1812 года мы узнаем из письма нового директора гимназии своему старшему товарищу еще со времени учебы в Благородном пансионе князю П.А. Вяземскому, эвакуировавшемуся с семьей из горящей Москвы в безопасную Вологду (октябрь 1812):

«Описывая Вологду, вы описываете Кострому: здесь такая же грязь, как и у нас и точно такая же дороговизна в квартирах... Через здешний город на неделе два раза сотнями гонят пленных: вы не поверите, как они оборваны, худы – одно основание человечества, что-то похожее на человека...»

До ученья ли было в те тревожные годы молодым костромичам? Скуповатые, интуитивные трудностями военного времени родители считали образование своих детей чем-то необязательным. Гимназия с трудом набрала семнадцать воспитанников, на которые пришлось с полдюжины педагогов.

Итак, новый директор предстал пред лицом своих коллег, из которых наиболее интересным оказался старший учитель математики Александр Данилович Синтогорский, уроженец села Светочева Гора Нерехтского уезда, которое принадлежало брату директора Алексею Федоровичу Грамматину. Святогорский перевелся в гимназию в 1805 году из Нерехтского народного училища, куда поступил после окончания Костромской семинарии. Кроме математики он увлекался фольклором и даже опубликовал свой труд «Провинциальные слова Костромской губернии» в XX томе «Трудов Общества Любителей Российской словесности». Это увлечение также роднило его с Грамматиным.

Но далеко не все педагоги вели себя добропорядочно. Директору пришлось несколько раз быть втянутым в разборательства, в которых были замешаны его коллеги по гимназии. Так в 1817 году полицией разбиралось дело «о причиненных учителем костромской гимназии Семеном Грацианским обидных действий пономарю костромской Цареконстантиновской церкви Захару Невзорову (ГАКО.Ф.129. Д.4 Л.126).

Преподаватели уездных училищ, также находившиеся в подчинении директора гимназии, тоже приносили Грамматину массу хлопот. Их раздоры из-за распределения учебных предметов доходили кружным путем до училищного университетского комитета, откуда в адрес директора поступали неприятные внушения, как, например, в начале августа 1817 года при распределении нагрузок между преподавателями галичского уездного училища Фон-Гине и Аквилевым (ГАКО.Ф.129. Оп.1.Д.4. Л.223).

Директор гимназии был обязан регулярно посещать и ревизовать уездные училища. До нас дошли, правда только в изложении краеведа Касторского, материалы о его ревизии Галичского народного училища в 1817 году (см. В.Касторский. «Н.Ф. Грамматин». «Заря коммунизма», Галич. 29 ноября 1961 г.). В составленном Н.Ф. Грамматиным акте по посещению училища отмечалось, что «знания учеников первого класса слабы и ученики без пользы обременяются изучением наизусть учебных книг, не понимая сами, что учат». Он рекомендовал ввести предметную систему преподавания. Посетив училище в следующем году, он печально констатировал, что успехи учеников, особенно из мещан, оказались неутешительными и предложил улучшить методы обучения.

Как поэт и ученый-филолог, Н.Ф. Грамматин более всего проявил себя в гуманитарных аспектах работы. К примеру, им была значительно пополнена университетская библиотека, достигшая к тому времени объема в 278 единиц.

Помимо нескольких собственных сочинений, подаренных в гимназическую библиотеку Н.Ф. Грамматин распространял среди учеников специальную литературу, присылаемую Московским университетом. Документы фонда Костромской гимназии в ГАКО (Ф. № 429) дают довольно полную картину этих взаимоотношений. Вот один из примеров:

«Из главного управления училищ. Г. Директору Костромской гимназии. Правление предписывает вам доставить в непродолжительном времени 63 рубли за четыре экземпляра отправленных вам книг: Опыт российской библиографии. Соч. Сопикова в 3 частях, в означенной сумме полагается по 15 р. экземпляр, 60 руб. за самые книги, да 3 руб. за пересылку их. Июля 5 дня 1816 года. Н.Озерецковский».

Хотя сам директор с удовольствием приобретал для себя университетские издания, что подтверждает состав его личной полуторатысячной библиотеки, ныне хранящейся в ценном книжном фонде Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, но в распространении их среди учащихся встречал затруднения, тем более, что с 1814 года, в связи с ухудшением денежного курса в послевоенное время Главное управление училищ подняло цены на учебные книги на 50%, что, конечно, легло немалым бременем на родителей гимназистов.

Официально война с Наполеоном окончилась лишь после заграничных походов русской армии летом 1814 года. Почетитель гимназии Голенщев-Кутузов прислал из Москвы свою оду на покорение Франции, прозвучавшую в стенах Московского университета и пожелал, чтобы и в Костроме состоялся торжественный акт, подобный тому, который и был осуществлен 1 июля 1814 года. На нем прозвучала сочиненная Грамматиным ода, посвященная Государю-победителю Александру I-му, прочитанная хором гимназистов:

*Торжествуй, славянов племя!
Славься, славься россов царь!
Сокрушить бессильно время
Воздвигаемый алтарь
Похвалы, благодаренья
От сынов твоих тебе.*

Но праздники редки, а будни тяжелы и безрадостны. Особенно удручали молодого директора хозяйственные обязанности. Старый двухэтажный каменный дом по Александровской улице (ныне ул. Свердлова), в котором размещалось уездное училище и деревянные службы вокруг него, требовали немедленного ремонта, смету которого для губернатора Костромы Карла Баумгартена составил губернский архитектор Метлин. К сожалению, дальнейшая судьба ремонта здания по сохранившимся документам не прослеживается (см. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4. Л. 217).

К 1818 году и без того слабое здоровье Н.Ф. Грамматина резко стало ухудшаться и привело его к решению оставить службу. Об этом были осведомлены его покровители князь П.А. Вяземский и А.И.Тургенев. Так, в письме к Александру Ивановичу от 9 января 1819 года Вяземский писал: «Сделай милость, постарайся о Грамматине. Я пишу о нем Карамзиным». А спустя несколько дней в письме от 13 января 1819 года добавлял: «Сделай милость, выхлопочи ему (Грамматину) – Е.С.)

Владимирский крест, а я везу от него письмо к тебе и просьбу об отставке к князю Оболенскому».

А.И.Тургенев откликнулся на призыв друга и 26 февраля 1819 года сообщил князю о результате своих хлопот: «Я – камергер, любезный друг, а Грамматик – камергер св. Владимира четвертой степени».

Официально Н.Ф. Грамматин был уволен от должности 17 марта 1819 года. Но существующим порядком он должен был, дождавшись своего преемника, передать ему дела из рук в руки. Однако этого не произошло по причинам, изложенным в письме А.Д. Святогорского от 1-го апреля 1819 года в адрес бывшего директора, которого он замещал в его отсутствие:

«Милостивый государь Николай Федорович! Вчерашнего числа, в полдень, минут через пять после отъезда из гимназии людей ваших, сверх всякого чаяния, явился в гимназию и г. приемник ваш Ю.Н. Б-въ. Сначала спрашивал о вас, а как сказали ему, что вас и в городе нет, то дошло дело до меня... рекомендую и прошу к себе... В продолжении сего времени вызвал он меня своими разговорами на изъяснение происшествий, заставлявших вас в Москву ездить; и я слегка дал ему понятие о моих сотрудниках. Потом в разговоре о квартире согласился он видеть ваши комнаты, и тогда я вспомнил поручение ваше; проходя вашими комнатами, показал ему и расшибленное стекло и кирпичу обломок с надлежащим изъяснением.

После сего взял меня с собою; остановился он на постоялом дворе в доме Колодкина. Туда пришед, увидел я и молодую его супругу, на которой по словам ее, он еще восемь недель как женат. Она... родная племянница и воспитанница г. Лабзина; барыня собою очень хорошая, весьма словоохотная и ласковая. Уняли меня обедать, потом кофей пить и чай. Итак я пробыл у них часу до седьмого. В течение сего времени он вопросами своими закатал меня и большею частью о здешних учебных заведениях; удивляется, что у нас учеников очень мало и предлагает мне еще два вопроса: чем поправить и с чего начать поправление разстройств, ежели есть, где оные? Я ему реку короткими словами: частым надзором и начать непременно с классов, ибо прочее все меньшей важности...

Каков-то будет на деле, а на словах режет; говорит, что г. министр, прощаясь с ним, разцеловал его. Уверил, что и г. попечитель с ним, по его рекомендации, непосредственное сношение иметь будет.

Прошлого 1818 года последней половины предписания и отношения, насланные к вам и ко мне, выпросил у меня для рассмотрения. Желая вам доброго здоровья, весело встретить и проводить пресветлой праздник... покорнейший слуга Александр Святогорский. 1 апреля 1819 года. (Библиографические записки. 1859. № 11. С. 323-325).

Письмо объясняет причину досрочного отъезда Грамматина из Костромы, видимо, в имение брата Светочеву гору. Это хулиганский поступок одного из учеников, если не учителей, выбившего окно в его комнате. Хрупкая нервная организация и дворянское уязвление чести не позволили бывшему директору далее оставаться в стенах гимназии.

Оставив службу, Грамматин поселился в своей деревне Гуленево Нерехтского уезда, отдавая почти все свое время ученым занятиям в области древнерусской литературы. Он стал четвертым переводчиком «Слова о полку Игореве», изданном им в 1823 году и посвященном императрице Елизавете Алексеевне, одарившей его за это бриллиантовым перстнем. Жить ему оставалось всего четыре года.

Ш.А. Катенин и его о́кружение

ЧЛЕН РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

ТВОРЧЕСКОЕ кредо П.А. Катенина было сформулировано в одном из писем его к Н.И. Бахтину: «Однажды и навсегда мой жребий брошен, по грехам моим – я литератор, стало быть живейшие мои желания и чувства обращены на один предмет, на приобретение некоторого уважения и похвалы... при жизни и по смерти».

Уважение или официальное публичное признание литератору того времени могла дать Петербургская Российская Академия, основанная в 1783 году при Екатерине II по проекту Е.Р. Дашковой. Это научное учреждение было призвано очищать и обогащать русский язык путем специальных сочинений: грамматик, словаря русского языка, риторики и стихосложения. С 1804 года Российская Академия размещалась в здании, украшенном скульптурами, стоящем в конце первой линии Васильевского острова, выстроенном по проекту архитектора А.А. Михайлова. По присутственным дням туда съезжалось на заседания несколько десятков академиков.

Российская Академия была притягательной, но и труднодоступной целью для многих литераторов, в том числе и для П.А. Катенина. Однако, в начале 1830-х годов для поэта сложилась благоприятная ситуация: вышел в свет его двухтомный поэтический сборник: «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина». СПб. 1832», не прошедший незамеченным, в частности благодаря положительной рецензии А.С. Пушкина, с которым автор после возвращения из Костромской губернии восстановил дружеские отношения. Не по совету ли Александра Сергеевича, баллотирующегося в члены Академии в 1832 году, П.А. Катенин решился такие штурмовать парнасские высоты? Как бы там ни было, но в протоколе Императорской Российской Академии в субботу декабря 3-го дня 1832 года записано следующее:

«Слушано данное сего числа Императорской Академии Господином Президентом оной предложение следующего содержания. Не благоугодно ли будет господам членам Академии в положенное по уставу число избрать в действительные члены Академии нижеследующих особ:

1. Титулярного советника Александра Сергеевича Пушкина.
2. Отставного гвардии полковника Павла Александровича Катенина.
3. В звания камергера и в должности директора Московских театров Михаила Николаевича Загоскина.
4. Протоиерея Алексея Ивановича Малова.
5. Действительного статского советника Дмитрия Ивановича Языкова.

Известные в словесности дарования и сочинения их увольняют меня от подробного оных исчисления. Подписано: Александр Шишков.

Санкт-Петербург.
Здание Российской Академии.

В следствие сего предложения приступлено было к баллотированию, по окончании которого оказалось, что г. Пушкину, г. Загоскину и г. Языкову вышло по 15 избирательных баллов, г. Катенину и протоиерею Алексею Малову по 13-ти избирательных и по 2 балла неизбирательных. Но, как в главе X-ой статьи 5-й устава Академии сказано: «никто не может иначе быть избран в действительные члены оной, как двумя третями полного числа против одной трети не избирающих, и как число действительных членов в настоящее заседание присутствовавших было только 14-ть, посему собранием, согласно с 10-й статьей главы VIII того же устава, поручено члену и секретарю Академии, известя о сем выборе господ действительных членов, в заседании сем не присутствовавших, просить, дабы благоволили прислать в Академию свои голоса в особо запечатанной записке».

Письменные голоса поступили, добавили недостающие и весь список кандидатов был утвержден. А.С. Пушкин и П.А. Катенин в 1833 году стали действительными членами Императорской Российской Академии. Новость, естественно, распространилась по Петербургу, перенеслась в Москву и покатила по провинции, вызвав многочисленные отклики, часть которых осела в мемуарных и эпистолярных источниках... Вот как отозвался на это событие П.А. Плетнев:

П. А. Катенин

«В конце 1832 года П. А. Катенин посетил Петербург, сделал сколько нужно было визитов А. С. Шишкову, да и засел в Российскую Академию. Он там начал сильную тревогу. Первый спор зашел о слове «бурка». Спускать он никому не любит, так что ему значит П. И. Соколов (секретарь Российской Академии). И так он начал ему высказывать горькие истины, что он, Петр Иванович, русский язык знает плохо, что слушать его нечего, и, наконец, после завтрака, на котором стоял графин с ерофеичем и бутылка с черным пивом, да кусков пять семги с луком, Катенин открыл за новость Соколову, что самому ему пятый десяток, что служил он в гвардии и давно полковник и прочее. Вы можете представить, как это забавляет Пушкина, который также член Российской Академии».

Понятно, что этот сюжет рассказал Плетневу сам Пушкин, специально шаржируя ситуацию, впрочем, обстановка обрисована живо и весьма правдоподобно, тем более,

что экстравагантное поведение поэта в Академии, по выражению П. А. Вяземского «загорланившего там», отмечено и другими свидетельствами. А. М. Языков писал В. Д. Комовскому (опять-таки со слов Пушкина), что «Катенин производит там большой шум, оживляя сим сонных толмачей, иереев и моряков. Во второй раз уже дошло до того, что ему прочли параграф устава, которым велено выводить из заседания членов, непристойно себя ведущих».

Весьма интересна объяснительная записка Катенина по поводу одного из инцидентов, адресованная секретарю Академии П. И. Соколову: «Милостивый государь Петр Иванович. Почтение к старшинству и желание оградить себя впредь от незаслуженных неприятностей, побудили меня написать к Вам о том, что к сожалению моему произошло в академии перед закрытием прошедшего собрания. Прошу Вас вспомнить подробно все обстоятельства, и, если можете, обсудить их беспристрастно. Началось с того, что я предложил слово: бюро – определить иначе, поставив: род письменного стола со шкафом и ящиками, вместо род комода и пр. справка в словаре французском была в мою пользу, и самый г. член протонерей Мысловский, после так безвинно на меня разгневавшийся, сказал тоже с переменою такою: род

А.С. Пушкин

стола с ящиками вверху и внизу. Все это довольно маловажно и не произвело бы ничего, кроме определения в словаре, более или менее точного, если б Вы не рассудили за благо оказать мне род нравочения за то, что я будто бы имею привычку кричать, и хотя я тут же очень тихо отвечал, что я напротив молчу довольно долго, слушая Вас, Вы продолжали, и тем вынудили меня объявить, что такого рода уроки могут точно довести до того, что и закричу. За сим вслед вмешался в речь г. Мысловский, не ради примирения, что бы приличнее было сану его, но с требованием что то обо мне записать в журнал, а как прочие члены явно ничего подобного не хотели, то он, поговоря с Вами в другой комнате, с досадою ушел, и заседание прежде времени кончили. Если Вы заглянете в устав наш, Вы удостоверитесь, что грозное требование г. Мысловского незаконно, и кроме президента никто не в праве брать на себя по своему произволу обязанность блюстителя порядка; пункты 7-й на стр. 25, 7-й и 8-й на 36-й и 3-й покажут Вам какое вообще по уставу миролюбие и какая осторожность и вежливость взаимная поставлены в обязанность всем нам равно. Я не нашел в уставе: кому должно в отсутствие президента заменять его; по понятиям, вкорененным во мне военною службою, я полагаю: старшему члену; но старший член был не г. Мысловский, даже не Вы, а граф Д.И. Хвостов, отнюдь не одобрявший, как и многие другие, враждебных на меня замыслов.

Академики собираются затем, чтобы дружелюбно, общими силами и свободным приемом, без всякой мзды и корысти, трудиться в пользу языка; все они, как сказано в параграфе, 3-м стр. 23-й, люди уважения достойные, прилично ли кому из них давать или принимать наставления в нравственности и общежитии? Похвально ли, в первый раз видя сочлена искать ссоры, и то в противность постановлений уходить, не получив успеха, с гневом из собрания? Если б забвение не лучше всего, кого бы скорее можно почесть строптивым, как сказано на стр. 25-й. Я уверен, что сего довольно к тому, чего искренно желаю, то есть чтобы сие неудовольствие было последним; ожидая сего, с истинным почтением пребыть честь имею вашим покорным слугой. Павел Катенин. Мая 1-е 1833.

Академики собираются затем, чтобы дружелюбно, общими силами и свободным приемом, без всякой мзды и корысти, трудиться в пользу языка; все они, как сказано в параграфе, 3-м стр. 23-й, люди уважения достойные, прилично ли кому из них давать или принимать наставления в нравственности и общежитии? Похвально ли, в первый раз видя сочлена искать ссоры, и то в противность постановлений уходить, не получив успеха, с гневом из собрания? Если б забвение не лучше всего, кого бы скорее можно почесть строптивым, как сказано на стр. 25-й. Я уверен, что сего довольно к тому, чего искренно желаю, то есть чтобы сие неудовольствие было последним; ожидая сего, с истинным почтением пребыть честь имею вашим покорным слугой. Павел Катенин. Мая 1-е 1833.

Этот документ важен нам не только как отражение атмосферы царившей на заседаниях Российской Академии, а также не только как отражение своеобразной личности одного из ее членов, но и как еще одно произведение известного литератора, до сих пор нигде не публиковавшееся. (См. ПФААН. Ф.8. Оп. 3. Д.8. Л.1.).

Однако, у Катенина есть и другие произведения, связанные с Российской Академией и, прежде всего, его «Воспоминания о Пушкине», где он, в частности, пишет:

«Генваря 1833 года мы оба приняты в члены тогда существовавшей Российской Академии, куда явились в 1-й-раз вместе; сначала довольно усердно посещал он ее собрания по субботам, но вскоре исключительные толки о словаре ему наскучили, и он показывался только в необыкновенные дни, когда приступали к выбору новых членов взамен убылых. Я был гораздо исправнее только до сентября; тогда уже, поступив на службу и обмундированный, переселился я в Царское Село, прикомандированный, как и все вновь определяющиеся к учебному образцовому полку».

Посещение собраний Академии для поэта становится почти невозможным, тем не менее Павел Александрович готов принять участие в полувековом юбилее Российской Академии, прочитав там обзор словесности в «осмнадцатом» столетии, а в письме к Бахтину от 29 сентября 1833 года предлагает узнать у Крылова, не прочесть ли для господ академиков часть своей стихотворной сказки «Княжна Милуша» и очень огорчен отказом. Мысли об Академии не оставляют поэта даже во время службы на Кавказе. В письме от 4 января 1835 года он вопрошает Пушкина: «Здравствует ли Российская Академия и нет ли там новых членов после сенатора Баранова?» Не прерывает Катенин дружеских связей со своими сочленами: будучи в 1840 году в Москве поэт просит М.Н. Загоскина, директора Московских театров, устроить для него спектакль со Щепкиным в главной роли. А уже после смерти Катенина некролог о нем пишет сочлен по Академии Д.И. Языков.

ПОЭТ-ОДНОПОЛЧАНИН (Н.С. Голицын)

В АНИМАЯСЬ исследованием жизни и творчества П.А. Катенина нельзя обойти вниманием личность его ближайшего друга князя Николая Сергеевича Голицына, которому поэт посвятил немало глубоко прочувствованных строк:

*...а тот, из чьих бы уст
Всех прежде я привет услышал друга,
Склонен на одр мучительный недуга,
Лежит без сил, нас разделяет даль,
И в первый раз мне от него печаль...*

Так писал Катенин в лирическом отступлении поэтической сказки «Княжна Милуша», не зная еще, что его задушевного друга нет в живых. Дружеская связь этих людей, не омраченная ни ссорами, ни недоразумениями, длилась более двух десятилетий и ее смогла оборвать только смерть.

Николай Сергеевич Голицын происходил из древнего княжеского рода, берущего свое начало от литовских князей Гедиминовичей с XIII века. Он родился 17 августа 1796 года в семье бригадира Сергея Алексеевича Голицына и его жены Натальи Григорьевны, урожденной Бахметьевой. У них было семеро дочерей и трое сыновей, Николай-младший. Отца юный княжич лишился в детстве, да и с матерью дети вскоре разлучились, будучи определены в разные учебные заведения. По семейной традиции князь Николай пошел в военную службу, еще не достигнув совершеннолетия. 17 января 1810 года его перевели из Гренадерского полка, куда он был определен первоначально, в лейб-гвардии Преображенский полк прапорщиком, а 8 марта 1810 года в этот же полк в чине портупей-прапорщика переведен со статской службы и восемнадцатилетний Павел Катенин.

Оба молодых офицера быстро сошлись и не только из-за того, что были ровесниками и любителями литературы, но и по причине дальнего родства и почти что соседства. Они через семейства Нелидовых и Сумароковых приходились друг другу свояками, а их имения находились в соседних губерниях Ярославской и Костромской. Дружеские кружки тогда часто составлялись по принципу землячества и родства.

В составе Преображенского полка друзья участвовали в кампании 1812 года: сражались под Красным, Смоленском, Бородино, гнали врага с территории России, были в заграничных походах 1813, 1814 и 1815 годов. Во втором походе к ним прикнуд кузен князя Николая — Павел Борисович Голицын, вступивший в полк в 1814 году из тульского ополчения.

Отголоски военных впечатлений проявились в литературных опытах однополчан: в катенинских балладах «Наташа» (1814), «Ольга» (1816) и в голицынском «Романсе» (1814), также балладного жанра.

Б.Л. Модзалевский совершенно справедливо заметил, что «Романс» по теме, стилю и размеру напоминает пушкинский романс «Жил на свете рыцарь бедный»:

*Собираясь войною,
Рыцарь на врагов удаля,
Пред иконою святою
Так к Марии воззывал:
«Спаса мать всеблагая!
Сделай, в жизнь чтобы мою
Я, красавиц обожая,
Был бесстрашней всех в бою».
На граните при отъезде
Клятву чести он иссек,
И с царем своим он вместе
В поле бранное потек,
И гласит в битве ужасной,
Где кровавый льется ток:
«Страсть сердечная — прекрасной,
Храбрым — лавровый венок».
Враг сражен его рукою;
Царь тогда ему сказал:
«Ощастливься, друг, ты мною,
Чрез тебя я славен стал.
С дочерью моей младю
Обручися ты кольцом,
Дочь славится красюю,
Ты же — лавровым венцом».
Пастырь, летами почтенный,
С юной, нежною четой
Пред иконою позлащенной
Обошел святой напой,—
И все зрители согласно
Тут зывали от сердец:
«Страсть сердечная — прекрасной,
Храбрым — лавровый венец».*

Сходство голицынского и пушкинского стихотворений вряд ли было случайным, но если говорить о подражательности, то она проявилась, скорее всего, со стороны пятнадцатилетнего Пушкина, который мог услышать «романс» в казармах Преображенского полка, где юноша наведал П.А. Катенина и знакомился с его однополчанами, любителями изящных искусств, впрочем эти визиты приходились уже на более позднее время 1817-1818 года.

А в годы отечественной войны 1812 года и во время заграничных походов поэзия скрашивала тяжелое положение воинов, развлекала их. Находясь долгие пре-

мя в Германии, молодые русские поэты пристрастились к немецкому романтизму и делали поэтические опыты в чисто немецком жанре – балладе. Будучи старшим по возрасту и имея более длительный литературный «стаж», Катенин дебютировал в 1810 году в журнале «Цветник». Он становится поэтическим наставником Голицына, который только через восемь лет, не без помощи приятеля, опубликовал в «Сыне отечества» свою переводную кантату «Торжество любви».

Помимо поэзии друзья увлекались еще и театром, и в этой сфере первенство и ведущая роль также принадлежали Катенину, еще с 1811 года, когда на Петербургской сцене была поставлена переведенная им трагедия «Ариадна» сделавшая его признанным театральным автором.

После шести лет службы в полку Голицын подал в отставку «по домашним обстоятельствам», видимо, в связи со смертью матери и получением наследства: уже в 1818 году он вместе с братьями Иваном и Алексеем совместно владел усадьбой Климентино в Ярославской губернии, принадлежавшей ранее их родительнице.

Друзья поддерживают связь посредством переписки (судьба эпистолярного наследия их неизвестна).

После высылки П. Катенина из Петербурга, во время его проживания в своей усадьбе Шаево Костромской губернии Кологривского уезда, Николай Сергеевич Голицын не раз навещал друга и принимал его у себя в Климентино. О том, как друзья проводили время при встрече мы узнаем из писем П.А. Катенина Николаю Ивановичу Бахтину: «...Я с своей стороны, – писал поэт, – тоже играл под Ростовым, у Голицыных, два раза «Влюбленного Шекспира», «Не люблю, не слушай»; для шутки «Мироу и Угара», а «Нечаянный заклад», совсем приготовленный, не пошел, затем, что великий князь Михаил Павлович вытребовал в Петербург, по прошествии одного месяца, артиллерийского Голицына, отпущенного к родным на четыре. Другого Раменского мы по скорости не сыскали, и комедия так осталась... недель шесть, правда, я провел довольно приятно».

Итак, в Климентине существовал домашний театр, функционирующий скорее всего не постоянно, а при обилии гостей, большей частью на гвардейской молодежи. Театр, игра в шахматы и салонные игры, выезды на пикники и, конечно, занятия поэзией, – вот традиционное времяпровождение дворянской молодежи того времени. Князь Николай Сергеевич переводил стихи Катенина на французский язык для последующей публикации их за границей путешествующим Н.И. Бахтиным, писал он и эпиграммы на литературных врагов Катенина, в частности, на Н.А. Полевого:

*Обритый сын брадатого отца,
В статьях своих, прескучных и предлинных
Толкует все без меры и конца,
О балах и гостинных:
Так и Вольтер об рае пел.
Хотя войти в него надежды не имел.*

Стихи и эпиграммы князя Николая вместе с другими стихотворениями полюбившихся ему авторов были собраны в особом альбоме в кожаном темно-зеленом переплете с золотым тиснением и заголовком: «Стихотворения К.Голицына,

А. Нушкина, А. Жандра, П. Катенина, И. Крылова, А. Чепягова* (ныне хранится в рукописном отделении пушкинского дома).

В 1825 году П. А. Катенин получает высочайшее прощение и возвращается в Петербург, где живет до лета 1827 года. После неудавшегося декабрьского восстания царем становится Николай I, который летом 1826 года со двором едет на коронационные торжества в Москву. Позади неприятности, связанные с декабрьским восстанием, следственная комиссия, сибирские ссыльные, виселицы... Декабрьские события не обошли стороной и род князей Голицыных.

В воспоминаниях М. Бестужева — непосредственного участника и очевидца трагических событий, есть такой фрагмент:

«День был сумрачный, ветер дул холодный. Солдаты, затянутые в парадную форму, с пяти часов утра стояли на площади уже более семи часов. Со всех сторон мы были окружены войсками, без главного начальства (потому, что диктатор Трубецкой не являлся), без артиллерии. (Пешая гвардейская артиллерия не соединилась с нами потому, что князь Алекс. Голицын и прочие члены общества, по малодушию, позволили полковнику Сумарокову себя арестовать*).

Кто же был этот Алекс. Голицын, по вине которого восставшие лишились артиллерийской поддержки? Конечно, Александр Михайлович Голицын (1798-1858), троюродный брат Николая Сергеевича, тот самый «артиллерийский Голицын», что в 1823 году гостил в Климентино и участвовал в спектаклях домашнего театра Голицыных вместе с П. А. Катениным.

Сергею Павловичу Сумарокову он приходился четверюродным племянником, потому полковник вполне мог арестовать заблудшего родственника «для шуда», желая оградить его от последующих серьезных неприятностей. И, действительно, арест А. М. Голицына не повредил его последующей, правда уже гражданской карьере: он дослужился до чина действительного статского советника и стал камергером. А вот его родной брат Валериян Михайлович Голицын, также замешанный в мятеже, был признан виновным: осужден по восьмому разряду и отправлен в ссылку в Сибирь, правда уже через три года его перевели рядовым на Кавказ. Освобожден же он был через четырнадцать лет после осуждения.

Сам же князь Николай Сергеевич Голицын не был причастен к делам тайного общества, тем более к участию в восстании. Он рано оставил столицу, приезжал туда редко и ненадолго, что исключало прочные связи с заговорщиками. Да и сама романтически-мечтательная и пассивно-созерцательная натура его не принимала никаких политических рискованных игр. Тем не менее он мог быть посвящен друзьями в тайну существования общества и даже быть их доверенным лицом, сочувствующим их планам. И это не натяжки, имея в виду близкое родственное и дружеское окружение князя, куда входили причастные декабрьским событиям не только Катенин и перечисленные Голицыны, но и декабрист Е. П. Оболенский, за родственником которого А. Н. Оболенским была замужем родная сестра князя Николая Сергеевича Голицына — Варвара Сергеевна. Разумеется, Оболенские бывали у них в доме.

Когда Николай I летом 1826 года выехал в Москву на коронационные торжества, туда же с ним выехал Петербургский театр с большой гастрольной программой.

Туда могла быть включена и написанная Катениным трагедия «Андромаха», принятая к постановке, но ее заменили трагедией «Дмитрий Пожарский» Я.Половцева, имевшего известные заслуги перед императором. Гастроли Петербургского театра прошли успешно, особенно в ту зиму 1826-1827 годов, когда на сцене блистали катенинские ученики – В.А. Каратыгин и А.М. Колосова. Выехавшие на торжества в Москву Н.И. Бахтин и Н.С. Голицын посетили почти все спектакли театра и письменно делились своими впечатлениями с оставшимся в Петербурге Катениным.

6 сентября Павел Александрович писал своей ученице А.М.Колосовой в очередном письме:

«Должно быть не все видели вас в моем Мариводаже, так как друг мой князь Николай Голицын, не упоминает о том в своем письме в четыре страницы, наполненном восторженными похвалами вам и вашей игре. Он говорит о «Закладе», «Валерин», «Романе на один час», «Мизантропе» и с нетерпением ждет вашего бенефиса».

Но празднества закончились и зрители разъехались восвояси. Князь Голицын вернулся в Климентино, а Катенин на пять лет засел в своих костромских усадьбах, это долговременное пребывание поэта на периферии сопровождалось оживленной перепиской с другом и их взаимными визитами. Князь живо откликался на все события в жизни и творчестве приятеля. С жадным вниманием он следил за непрекращавшейся ожесточенной журнальной полемикой Катенина с его литературными врагами. Чаше посещая столицу и имея более обширные связи, он информирует друга о столичных новостях и посылает ему свежие книги и журналы.

В очередном номере журнала «Атеней» за 1828 год была опубликована статья Н.И. Бахтина «О стихотворениях Катенина», являющаяся антикритикой на статью Полевого, резко отозвавшегося о поэтическом творчестве П.А. Катенина.

«Атеней» я выписываю, но еще не получил, — сообщает Катенин Бахтину в письме от 4 декабря 1823 года, — князь Н.С.Голицын пишет ко мне об ответе Вашему Полевому, что в Атене, и вот вам точная выписка из его письма...»

«Приношу тебе жалобу на Бахтина: вот что он писал о твоём стихотворении «Его справедливо упрекают в небрежности его версификаций». Кто упрекает? Марлинский, Розинг, Туманский, житель Тентелевой деревни? От других я этого не слыхал. Плетнев только в планах находит недостатки, В.Кюхельбекер поставил твои стихи наравне с Жуковским и Батюшковым. Досадно на Бахтина, впрочем ответ его Полевому преумный и предельный».

Прочитав Н.Бахтину фрагменты голицынского письма, Катенин от себя добавил ниже:

«Ясно, что я на этот счет своего мнения иметь не могу, и мне остается желать, чтоб Вы, прочитав мою «Элегию», расположены остались согласиться с Голицыным».

Авторское и человеческое самолюбие Бахтина было сильно задето, и он написал в запале не совсем приятное письмо к другу, которое не дошло до нас, но содержание его мы можем представить из ответа Катенина от 11 января 1829 года:

«Как Вы могли подумать, любезнейший Николай Иванович, чтобы Голицын хотел нас поссорить? Во-первых, тут не за что ссориться, а во-вторых он не такой че-

ловек. Более несколько виноват я, сообщив Вам замечание его, что Вы сочли за род укора; но я еще раз повторяю: мне ли Вас укорять, когда я Вас благодарить обязан? И опять: мне ли с Вами не быть вполне откровенным? Правда Ваша, что он Голицын (как пишет Оли) по сие время отдавал мне справедливость (как стихотворцу) только на словах, тогда как Вы вознесли голос во всеобщее услышание, но позвольте сказать, что не всякий человек равно на все способен: можно написать несколько хороших стихов и не быть в состоянии выдержать полемический журнальный спор, причем и это с моей стороны одна догадка, а главное дело в том, что он живет в деревне и ленив».

Оба процитированных письма были написаны Катениным еще до получения журнала «Атеней». Когда же он сам ознакомился со статьей Бахтина, то мнение свое переменял:

«Голицын доносил до Вас неправильно, — кается он в письме Бахтину 28 апреля 1829 года, — ибо сия выписка служит даже к показанию беспристрастия сотрудника Бальби и заключает в себе мнение онаго, а не нового русского защитника его статьи».

Ссора Голицына и Бахтина вскоре была забыта, и между ними установились вполне приятельские отношения: Голицын через Катенина ссудил Бахтина, попавшего в затруднительное финансовое положение, довольно значительной суммой денег, а Бахтин выписывал для князя «Литературную газету» на 1830 год, где публиковались катенинские «Размышления и разборы». Князь презентовал поэту только что вышедшего в свет «Евгения Онегина», а узнав о тяжелой болезни Катенина, немедленно выехал к нему в Шаево.

«Голицын приезжал ко мне и прожил три недели — делится поэт своей радостью с Бахтиным 27 сентября 1830 года, — я решительно воскрес от его отрадного мне посещения, силы мои обновились, и я опять, что называется на ноги стал».

Но болезнь вернулась и почти два года не оставляла больного, который и в таком состоянии не прекращал творческой работы. В начале 1832 года Н. С. Голицын, обеспокоенный затяжною болезнью друга, перевез его к себе в имение, где обеспечил ему прекрасный уход. В Климентино Павел Александрович начал работу над поэтической сказкой «Княжна Милуша», в основу которой положил известные легенды, бытовавшие в роду князей Голицыных о их далеком предке Всеславе Голице.

Пооправившись от болезни, Катенин уезжает в Петербург хлопотать о восстановлении на военную службу и об издании собрания сочинений. Его плану суждено было сбыться: при ходатайстве своего однополчанина и родственника В. Ф. Адлерберга Павел Александрович зачисляется в Эриванский карабинерный полк, а при помощи Н. И. Бахтина издает двухтомник «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», в который помещает два стихотворения Н. С. Голицына, представляющие собою подражания стихам Жана Батиста Руссо, с целью уберечь их от забвения. Стихотворения князя Голицына, действительно имеют определенные достоинства. Приведем отрывок из стихотворения «Вакх». Оно представляет собою оду богу вина и веселия, поэт описывает пьяную оргию и ее последствия:

*Всесильный бог вина, вселенная отрада,
Я посвятил тебе и жизнь и голос мой.
С увенчанным плющом главой,
С копьем увитым округ кистями винограда.
Божественный, я всюду за тобой;
Я для тебя живу, и вот моя награда
Ты мне и счастье и покой.*

.....
*Вражду отгоним мы от пира,
Ей места нет у нас
Силена, Фаона и Сатира
Пугает битвы глас.
Но, други, сраженья ли видеть хотите?
За мною: бегите, разите;
Вакханки, увейте плющем булавы,
Наполните кубки, венчайте главы.
Где недруги бога? В смущении, в страхе
Бессильны и к бегству протерлись на прахе;
Нам сила от Вакха дана
Се зрю: винопицы, бездушные жертвы,
Лежат полужертвы и плавают в море вина
Победою славной
Честь Вакху и нам:
Хвалися державный
Победою славной:
Пьем кубок заздравный
Лежачим бойцам.*

Благодаря собранию сочинений П. А. Катенин избирается в члены Российской Академии. Казалось, судьба благоволит поэту, но в марте 1833 года он вдруг получает страшное известие о неожиданной и преждевременной о кончине своего друга — князя Николая Сергеевича Голицына. Скрепя сердце, он находит в себе силы и к маю 1833 года заканчивает «Княжну Милушу», предварив ее следующим посвящением, обращенным князю к Павлу Борисовичу Голицыну:

«Сочинение веселое посвящаю тебе, любезнейший друг, но с горестным чувством, которое без сомнения делишь и ты, зная, что я предпринял и готовил с любовью труд сей в подарок незабвенному нашему князю Николаю Сергеевичу. Часть первой песни написана в его деревне. Я тогда мучился опасной болезнью; он, по виду здоровый, за мною ухаживал; и вдруг, нечаянно, невероятно, я, полумертвый, ожил, и не стало его. Велика в нем утрата моя; ты один можешь вполне ее постигнуть; тебе равно известны были и достоинства покойного, и привязанность его ко мне, неизменная даже на смертном одре. Ты, закрывший ему глаза, видел его незадолго перед тем утешенного воспоминанием дружбы в тех немногих стихах, где я сетовал о его немощи и о нашей разлуке; от тебя я о том узнал, почти вместе с известием его тихой, сну подобной кончине. Она передала тебе его права на приношение, ему назначенное. Прими же его как бы сам он принял, вспомни нашу прежнюю

приняли полковую, и заменим друг другу хоть часть того, что строгая судьба у обоих имела. Павел Катенин. 26 октября 1833 года».

Присмотревшись к пересечению судеб двух поэтов, нельзя не поразиться тому, каким сильным и благотворным было влияние старшего из них на младшего. Пример князя Голицына — одного из рядовых членов «Славянской дружины Катенина» типичен и для других их товарищей: Бахтина, Каратыгина, Зыкова, Кожельбекера и раннего Грибоедова. Не всем было дано перерасти своего учителя, но те, кто не выбился в солисты, а являл собою лишь часть фона, знали свои партии и играли не фальшивя, как музыканты слаженного оркестра, под руководством мудрого и опытного дирижера.

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ АДВОКАТ» П.А. КАТЕНИНА

ЦЕНТРАЛЬНОЙ фигурой дружеского литературного кружка П.А. Катенина, называемого им в шутку «славянской дружиной», являлся Николай Иванович Бахтин — «литературный адвокат поэта». Поэт не зря дал такое прозвище другу, ведь именно ему он обязан рядом положительных рецензий на свои творения, так разъяривших его литературных врагов, что некоторые критические статьи Н.И. Бахтина были прерваны изданием. Своему приятелю П.А. Катенину был обязан главным успехом в жизни — изданием двухтомного собрания сочинений, благодаря которому он не только был избран в Российскую Академию, но и вообще остался в анналах отечественной литературы. По сохранившейся многолетней переписке друзей исследователи творчества Катенина сверяют его биографию.

Кем же был Н.И. Бахтин — ангел-хранитель поэта и без сомнения незаурядный человек?

Прежде всего он приходился сыном крупному государственному чиновнику и мелкому литератору Ивану Ивановичу Бахтину, который, будучи в конце восьмидесятых годов восемнадцатого века тобольским прокурором, принимал участие в журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» — первенце русской провинциальной журналистики, где были напечатаны его произведения: «Сатира на жестокости некоторых дворян к их подданным», сказка «Господин и крестьянка» и ряд других... Направленность его стихов станет ясной из приведенного четверостишья:

*А вы, что за скотов, подобных вам приема
Ни бедных жалобе, ни воплю их не внемля,
Употребляя власть вам данную во зло,
На всяк час множите несчастливых число...*

Позже, перебравшись в Петербург, И.И. Бахтин издаст два сборника своих стихов и драму. Разумеется, литературные опыты отца не прошли незамеченными для Н.И.Бахтина и оставили несомненный след в его жизни, и для себя он избрал ту же стезю — крупного государственного чиновника, а литературным интересам оставил лишь свой досуг. Николай Иванович — третий сын Ивана Ивановича Бахтина; о его рождении 3 января 1796 года в Туле, где И.И.Бахтин служил советником казенной палаты, есть собственноручная его запись по-французски на форзаце Академического словаря, — книги, входившей в состав библиотеки Бахтиных, хранящейся ныне в Костромском музее-заповеднике, в Селифонтовской библиотеке.

Н.И. Бахтин

Первоначальное образование и воспитание мальчик получил дома вместе с братьями и сестрами под присмотром матери Д.И. Бахтиной, урожденной Петерсон и продолжил его в слободско-украинской гимназии города Харькова, куда его родитель был назначен гражданским губернатором. При содействии Ивана Ивановича Бахтина в январе 1805 года был открыт Харьковский университет, в котором впоследствии учились его сыновья. В университет Николай Бахтин поступил вольнослушателем, поскольку после окончания местной гимназии в 1812 году поступил на службу в слободско-украинское правление канцеляристом, желая внести посильную лепту в семейный бюджет, довольно скудный, поскольку его отец ни разу не воспользовался высоким служебным положением для личного обогащения. Николай Иванович пробыл три года в университете, занимаясь философией, историей, литературой, но курса не закончил, так как в 1815 году состоял-

ся переезд отца в Петербург и семья, разумеется, сопровождала его.

Петербург не был для Бахтиных чужим городом, ведь здесь с 1797 по 1803 год Иван Иванович служил в экспедиции для свидетельства государственных счетов, следовательно, его сын Николай провел раннее детство в столице. И вот снова, теперь уже девятнадцатилетним молодым человеком, он оказался в Петербурге, где Бахтин-старший занял пост управляющего Государственной экспедицией, а Бахтин-младший поступил в его подчинение.

По прошествии некоторого времени Николай Иванович отыскал в городе нескольких своих приятелей по Харьковскому университету — Ореста Михайловича Сомова — впоследствии известного писателя, и Петра Петровича Татинова. Не без содействия последнего, он, спустя год, перешел на службу в канцелярию стас-секретаря по принятию прошений на высочайшее имя при особе Петра Андреевича Кикина, яркую характеристику которого привел в «Воспоминаниях о Шишкове» С.Т. Аксаков.

«Петр Андреевич Кикин, — писал Аксаков, — был одним из самых горячих и резких славянофилов; он сделался таким вдруг, по выходе книги Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге». До того времени он считался блестящим остроумцем, французолюбцем и светским модным человеком. Книга Шишкова обра-мила и обратила его, и он написал на ней: «Мое Евангелие». Он беспощадно, гру-

бо, прямо в глаза казнил прежних своих знакомых, недавно знавших его совсем другим человеком. С глубоким уважением предался он Шишкову, который сам его очень любил и уважал».

Николай Бахтин был солидарен с Кикиным в своих литературных пристрастиях, хотя в отличии от своего начальника заимствовал свои воззрения не со стороны, а наследовал от отца. Свидетельством этому наличие в семейной библиотеке Бахтиных трактата «Рассуждение о старом и новом слоге». Убеденными славянофилами были и друзья Н.И. Бахтина — П.П. Татаринов, А.С. Казначеев (племянник А.С. Шишкова) и П.К. Хвоцинский. Через Павла Ксаверьевича Хвоцинского — офицера Преображенского полка, Бахтин свел знакомство с его однополчанином поэтом и переводчиком Павлом Александровичем Катениным. Они быстро сдружились и Катенин ввел Бахтина в литературно-военный кружок, условно называемый «Славянской дружиной Катенина». В него входили, кроме Катенина, А.С.Грибоедов, А.А. Жандр, Н.С. Голицын, Д.П. Зыков, братья Бегичевы, братья Скуратовы и другие лица. Время проходило весело и шумно, однако, не без пользы: дружеские пирушки перемежались с оживленными беседами и диспутами по искусству, с коллективными выездами в театр. Бахтин не ограничивался работой и дружескими встречами, — стремясь завершить свое образование, он регулярно посещал Педагогический институт, преобразованный в 1819 году в Петербургский университет.

Его друг, П.А. Катенин, был к тому времени уже довольно известным переводчиком Расина и Корнеля, а также автором ряда оригинальных поэтических произведений, напечатанных в столичных журналах. Почти все произведения «осели» в библиотеке Бахтина, начиная с катенинского перевода трагедии Расина «Эсфирь».

С 1818 года П.А. Катенин помимо литературного творчества занимался и театрально-педагогической деятельностью. Он готовил к сцене братьев Каратыгиных — Василия и Петра Андреевичей. В 1820 году старший брат Василий Каратыгин дебютировал в двух трагедиях Озерова: «Фингал» и «Царь Эдип» с большим успехом и почти сразу же стал любимцем Петербургской публики. Несколько позже в ученицы к Катенину попала и Александра Михайловна Колосова — будущая жена В.Каратыгина. Николай Иванович Бахтин хорошо знал их, встречая в гостях у Катенина и посещая театральные репетиции и спектакли.

В этом же 1820 году на смотре Преображенского полка произошла стычка П.А. Катенина с братом царя Михаилом Павловичем, после чего последовала отставка Катенина из полка. В начале 1821 года он уехал в свое кологривское имение Шаево для решения срочных хозяйственных дел, успев до отъезда поставить на петербургской сцене свою новую комедию «Сплетни» и издать ее отдельной книжкой. В его отсутствие в «Сыне Отечества» появилась неодобрительная анонимная статья, автор которой спрятался за литерой «Z». Николай Иванович Бахтин написал и опубликовал «Антикритику «О замечаниях г. «Z» на комедии Школа женщин и Сплетни» (С.О. 1821. Т. 62. № 12). Он уведомил о ней письмом Катенина и попросил отзыва. Катенин серьезно отнесся к литературному дебюту приятеля и в письме от 30 июля 1821 года подробно проанализировал статью и благословил друга на новые

опыты в сфере журнальной критики. Однако, он пожурил Бахтина за то, что тот не подписал статью своим именем, а ограничился псевдонимом — буквой «G», подражая своему оппоненту, в котором они оба опознали литератора Соца.

Вернувшись в Петербург, Катенин, будучи уже штатским человеком, продолжал заниматься литературой и театром. Он перевел трагедию Корнеля «Сид». Как и прежде часто устраивал у себя собрания военной молодежи, где по свидетельству Ф.Ф. Вигеля велись вольнолюбивые разговоры и исполнялись запрещенные песни. Автор одной из них «Отечество наше страдает...» был Катенин. Не исключено, что эти вечера посещал и Н.И. Бахтин. В 1822 году Николай Иванович закончил университет и получил диплом о высшем образовании. А его другу Катенину этот год принес большие неприятности: по высочайшему повелению он должен был покинуть столицу и уехать в свою усадьбу. Официальной причиной высылки было объявлено неприличное поведение Катенина в театре (он ошкарал одну бездарную актрису, имевшую высокую протекцию), на самом же деле причины были более серьезные — политическими.

Высланный из Петербурга 7 ноября 1822 года, Катенин некоторое время жил в столичном пригороде — Красном Кабачке, ожидая когда друзья уладят его хозяйственные дела: сдадут квартиру, наймут экипажи, упакут вещи и объемную библиотеку. Кстати, увозя в деревню свою библиотеку, Катенин возвратил Бахтину часть взятых для прочтения книг. Об этом он писал другу из Красного Кабачка в записке следующего содержания: «Петров цел и весь у меня, Белизера получите Вы от Жандра, Гольдони у моей сестры, Саша его возвратит. Но что Вас не видать, почтенный Николай Иванович? Я живу так близко от города, что всякий день меня добрые люди навещают: одного только любезного человека жду и не дожусь ищю и не обрещу, прошу и не дается мне... Неужели я не увижу Вас до него (отъезда) или увижу только однажды. Когда хотите, лошади мои к Вашим услугам. До свидания, прощайте. Павел Катенин». Среда (ноябрь 1822 года).

5 декабря, в день отъезда, Катенин дал для друзей в Красном Кабачке большой обед, на котором, по воспоминаниям П.А. Каратыгина, в числе двух десятков гостей присутствовал и Николай Иванович Бахтин.

Попав в провинцию, П.А. Катенин старался следить за столичными новинками в литературе и искусстве. В 1822 году вышла в свет книга Н.И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы», в предисловии к которой автор обратился ко «всем любителям отечественной словесности» с просьбою сообщить ему замечания на его труд, обещая напечатать их в издаваемом им журнале. На этот призыв, вслед за Катениным, откликнулся и Бахтин, приславший издателю «Сына Отечества», письмо, которое за отказом публикации, появилось в «Вестнике Европы» вместе с жалобой на «самоуправство» Греча, изложенного в письме к М.Т. Качановскому. Бахтин, скрывшийся под инициалами «М.И.», останавливается, между прочим, на карамзинской реформе в области языка, к которой он, подобно Катенину, относился неодобрительно.

Закончив спор с Гречем, Бахтин взялся за обширную статью «О стихотворениях Катенина», начало которой явилось в 3-4-й книжках «Вестника Европы» за

1823 год, но дальнейшее напечатание статьи было остановлено стараниями литературного недруга Катенина – А.А. Бестужева.

В 1823 году, находясь в Париже, Бахтин напечатал в журнале «Меркурий XIX века» большую статью, за подписью «LN» на французском языке, в которой задан целью дать иностранным читателям краткий очерк русской поэзии от Кавтемира до настоящего времени. Бахтин не преминул воспользоваться случаем и попутно похвалить произведения приятеля, а также кольнуть его противников Вяземского и Бестужева.

Вскоре после появления статьи в том же журнале было напечатано письмо под псевдонимом «Le P.V.G», в котором было высказано предположение, что «LN» не кто иной, как сам Катенин, расхваливший себя незадолго перед этим в «Вестнике Европы». Катенин, сразу распознав в авторе статьи родственника П.А. Вяземского — князя Василия Федоровича Гагарина, послал свой протест Каченовскому и Гречу и последний напечатал его в «Сыне Отечества» (1825. Ч. 99. № 3. С. 333-335).

В мае 1825 года П.А. Катенин получил высочайшее прощение и разрешение вернуться в столицу. В августе этого же 1825 года его можно было видеть на улицах Петербурга. Катенин приехал в столицу по своим личным делам: он хотел продвинуть в Сенате дело о покупке у помещика Лермонтова усадьбы Колотилово и противостоять подстроенной хозяином просрочке катенинского платежа, а следовательно и неустойке, кроме того, поэт надеялся издать в столице свои произведения. Вернувшийся из дальнего вояжа Н.И. Бахтин охотно взялся помогать другу.

Вынужденное трехлетнее отсутствие Катенина в столице ослабило его связи с членами тайного общества, в котором он состоял до высылки, а окончательный разрыв поэта с ними произошел в сентябре 1825 года за три месяца до выступления на Сенатской площади.

«Роковая буря 14 декабря, поглотившая в кровавом омуте столько жертв, безвредно пронеслась над головой Катенина: он, Жандр и Грибоедов лично знали участников в страшной катастрофе; знали их как писателей, как людей... но не губили себя соучастием с ними и не опозорили тебя доносами на них. К этой группе людей истинно честных свободомыслящих, но и благоразумных, должно причислить и Николая Ивановича Бахтина, друга Катенина и в последствии времени в 1832 году издателя собрания его сочинений», – писал в своих воспоминаниях ученик П.А. Катенина – Петр Андреевич Каратыгин.

Поставив на петербургской сцене свою трагедию «Андромаха» и издав ее отдельной книгой, а одновременно и перевод комедии Мариво «Обман в пользу любви», П.А. Катенин в июле 1827 года возвратился в костромские края. Вскоре по отъезде поэта, Н.И. Бахтин поместил в «Сыне Отечества» катенинское стихотворение «Ахилл и Омир» и выслал другу типографские оттиски, оставив один в своей библиотеке. На экземпляре, осевшем в книжном собрании Н.Н. Селифонтова, имеются карандашные пометы Бахтина, обозначающие силлобатические ударения.

Осуществившееся в этом же году замужество его сестры Глафиры Ивановны Бахтиной на сыне сибирского губернатора Николае Ивановиче Селифонтове не

онко принесло в семью приданое в виде сельца Семеновское Нерехтского уезда Астрамской губернии, но и положительно повлияло на карьеру Н.И. Бахтина, поместившего свое прежнее служебное поприще на более престижное — Морское министерство.

Кстати сказать, до нас дошло письмо Николая Ивановича Бахтина своему будущему родственнику и тезке Н.И. Селифонтову в связи с этим событием:

«Милостивый государь Николай Иванович! Спешу благодарить вас за письмо ваше от 14-го сего февраля и уверить вас, что вы всегда найдете во мне родственника любящего, искреннего и готового во всяком случае доказать любовь свою на деле; все, что пишут мне об вас матушка и сестра не оставляет во мне не малейшего сомнения, что вы составите ее благополучие. Нам остается только желать, чтобы она заслуживала свое счастье, и заплатила вам тем же. Я завидую брату Ивану Пшавовичу, который может быть будет на вашей свадьбе. Обстоятельства мои не позволяют мне и думать о том, и я прошу вас покорнейше, в утешение мое, не оставлять меня вашими письмами. Прошу вас напоминать о сем и вашей будущей супруге, которая между нами сказать очень ленива, и... но не скажу, боюсь, чтобы она за меня не рассердилась. С совершенным почтением и родственною привязанностью честь имею быть ваш покорный слуга Николай Бахтин. СПб. 24 февраля 1827». (ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 287. Л. 11).

Состоя при главном начальнике морского штаба генерал-адъютанте Александре Сергеевиче Меньшикове (1787-1869), внуке петровского Меньшикова, Бахтин участвовал в русско-турецкой войне, а именно в морском походе из Севастополя к крепости Анапа, в сражении под Анапой, а также в походе от Анапы к Варне и атаке ее русским флотом. Эти исторические события нашли отражение в книге «Описание действий черноморского флота в продолжение войны с Турциею в 1828 и 1829 годах» СПб. 1850, находящейся среди книг селифонтовской библиотеки и имеющей дарственную надпись на форзаце: «Его Превосходительству Николаю Ивановичу Бахтину от вице-адмирала Мелихова в знак особого уважения и 24-летнего знакомства под Анапой».

Вице-адмирал Мелихов до войны был в чине капитан-лейтенанта и состоял при главном командире Грейге в должности управляющего канцелярией, в начале же войны назначен начальником штаба флота. Будучи участником и очевидцем военных событий, он, видимо, стал анонимным автором книги, по которой можно довольно точно проследить маршруты Меньшикова, а следовательно и его адъютанта Н.И. Бахтина, хотя сам Николай Иванович автором не увековечен. К тому же Бахтин находился в Кавказской армии лишь до конца 1828 года, поскольку 9 августа под крепостью Варна князь Меньшиков получил тяжелую рану ядром в обе ноги и вынужден был сдать команду Воронцову, а сам, покинув Варну, направился на лечение. Сначала он пребывал в Николаеве, затем в Одессе, куда его сопровождал верный адъютант, однако в январе 1829 года Бахтин уже возвратился в Петербург, где продолжил службу в Морском министерстве сначала правителем дел комитета образования флота, а затем заведующим делами по части финляндского генерал-губернатора при князе Меньшикове.

В 1832 году состоялся очередной приезд в Петербург тяжело больного П.А. Катенина. О причинах своего появления в столице поэт оговаривается в своих «Воспоминаниях о Пушкине»:

«Три дела были необходимо нужны: вылечиться, напечатать свои стихотворения и снова вступить в службу; в первом помог граф Мусин-Пушкин-Брюс, во втором — Николай Иванович Бахтин, в третьем — Владимир Федорович Адлерберг».

Еще в 1828 году было получено разрешение цензуры на напечатание стихов Катенина, но война с Турцией и отъезд Бахтина на юг, а Катенина в Кострому помешали осуществлению замысла. Однако, дело не стояло: была заочно проведена подписка в среде литераторов и артистов столицы, в которой деятельное участие принял А.С. Пушкин. Издание состоялось в конце 1832 года под названием: «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина». Бахтин предпослал ему вступление «От издателя», в котором дал положительную оценку творчеству друга и попытался определить его место в отечественной литературе. Новоявленные книги получили резкие отзывы Булгарина и Полевого, смягченные, однако, доброй, хотя и ироничной статьей А.С. Пушкина. Следом за двухтомником произведений Катенина не без помощи Бахтина выпускает в свет стихотворную сказочную поэму «Княжна Милуша», после чего уезжает на Кавказ, на место своей новой службы в Эриванском карабинерном полку, успев одновременно с Пушкиным стать членом Российской Академии.

1835-й год весьма важен для будущей личной биографии Николая Ивановича Бахтина: он становится крестным отцом новорожденного племянника — Николеньки Селифонтова.

К тому времени он довольно высоко продвинулся по служебной лестнице: с 1834 по 1843 год, занимая пост управляющего делами комитета министров, а затем, получив чин тайного советника и должность статс-секретаря, был назначен государственным секретарем. Его отношения с П.А. Катениным после 1842 года нам неизвестны, поскольку сохранившаяся переписка обрывается этим временем. Катенин, возвратившись со службы в 1838 году, почти безвыездно проживал в своих деревнях, занимаясь хозяйством, а если что и сочинял, то не публиковал...

Исполняя свою должность с редким достоинством и прямою, Н.И. Бахтин в 1853 году достигает кульминации в своей служебной карьере и становится членом Государственного Совета, осуществив заветную мечту любого российского государственного чиновника.

Состоя в различных департаментах Сената — Государственной экономии, законов гражданских и духовных дел, он активно трудился над проектом нового устава гражданского судопроизводства, а в главном комитете об устройстве сельского хозяйства (по реформе 1861 года), поддерживая освобождение крестьян, обеспеченное землей, состоял в особой комиссии по пересмотру рекрутского устава.

К литературным вопросам он обращался лишь в светской беседе на званых вечерах или в клубе или при светских играх — литературных шарадах и тому подобному...

Об одном и таких вечеров вспоминает Петр Андреевич Каратыгин:

«Это было в январе 1853 года... как-то вечером собрались у А.А. Катенина (бывшего тогда командиром лейб-гвардии Преображенского полка) человек 20 его коротких знакомых, между последними находились Н.И. Бахтин и А.А. Жандр. К концу вечера разговор перешел на тогдашнюю моду «столоверчения». Между гостями зашел спор «за и против», особенно горячился молодой офицер военной академии — ярый «столовер»... Н.И.Бахтин заметил, что вместо споров лучше сделать опыт: стол вертелся, очевидно от нажима рук, делавших эксперимент. «И теперь не верите?» — спросил меня защитник спиритизма. «Вы можете сказать мне как Галилей: а земля (стол) все-таки вертится, но я человек настойчивый и движения стола не могу приписывать духам». «И не верите тому, что стол может писать?» «И того менее». «А я — верю» — флегматично заметил Н.И. Бахтин, — «в департаментах и вообще в присутственных местах «стола» пишут отношения, дописания, отзывы и т.д. Иного способа писания столами не допускаю. Класть бумагу на стол, чтоб писать — это понятно; но ставить для этого стол на бумагу, может быть и ново, но нелогично». Однако же защитник пишущих столов принес заранее им припасенный игрушечный столик и воткнутым в верхнюю доску карандашом и пошел писать! Гордясь успехом, спирт предложил нам вызвать посредством столика дух какого-либо великого человека... Общий голос гостей был подан за А.С. Пушкина, и вопрос, предложенный его тени, резюмировался словами: «Где пребывает его душа»?... столик писал — наконец, на листе бумаги явились следующие стихи:

*Входя в небесные селенья,
Душа печалилась моя,
Что средь земного треволненья
Вас оставляя надолго я!
По-прежнему вы сердцу милы...
Но не земное я люблю —
И у престола Вышней силы
О вас, друзья мои, молю!»*

Этот 1853-й год, начавшийся так весело, обманул многие надежды: в мае месяце в своем кологривском имении Шаево умирает разбившийся на лошадях П.А. Катенин и лишь на два месяца пережил его В.А. Каратыгин, драматический актер, ученик поэта и хороший друг Н.И.Бахтина.

Сужался круг приятелей и Николая Ивановича и, не имея семьи, он находил отдушину лишь в непрерывной работе. С 1868 года Бахтин стал терять зрение, а в феврале следующего года заболел воспалением левого легкого и уже не оправлялся более. После воспаления у него развилась сахарная болезнь (диабет) и он умер от истощения сил 26 марта 1869 года на руках у своего племянника — Николая Николаевича Селифонтова. О последних днях сенатора свидетельствует И.Ильинский:

«Тогда жил он (Н.Н.Сельфонтов — Е.С.) у своего дяди известного государственного деятеля Бахтина, в доме последнего на набережной Васильевского острова. Он усердно и любовно ухаживал за впадшим в неизлечимую болезнь, своим

глубоко уважаемым родственником, человеком широкого ума и вел дневник или историю его болезни, ежедневно записывая явления разрушения этого ума*.

Мемуарист не кривит душой: дядя и племянник были действительно, очень дружны. С момента крещения маленького Николеньки Н.И.Бахтин не выпускал крестника из поля зрения, всячески содействуя ему: своему дяде Николаю Селифонтов был обязан поступлением в привилегированное училище правоведения и скорому развитию своей блестящей карьеры, во многих чертах повторившей карьеру его крестного отца. Оба достигли по службе высоких чинов: были действительными тайными советниками и членами Государственного Совета. Оба, помимо официальной службы, занимались творческим трудом: старший — литературной критикой, младший — археографией и генеалогией. Оба пробовали себя в издательской деятельности: Николай Иванович как издатель произведений П.А. Катенина, Николай Николаевич — как редактор и издатель трудов Костромской губернской ученой архивной комиссии, председателем которой состоял с 1891 по 1900 год, т.е. по год смерти.

Будучи высокообразованным и любознательным человеком, Н.И. Бахтин при жизни собирал все, что относилось к истории России и оставил после себя весьма ценный архив, который с довольно приличной библиотекой передал в надежные руки племянника, не только сохранившего изучившего и частично опубликовавшего его, но и намного его приумножившего. Все эти материалы он пристроил в специальные архивные хранилища Петербурга и Костромы.

«ПОДМАСТЕРЬЕ» ПОЭТА (Д. П. Зыков)

У МЯ автора «Письма к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила», напечатанного в 31-й книжке «Сына Отечества» за 1820 год, долгое время было неизвестно.¹ Некоторые считали, что за литерами NN, завершающими письмо, скрывается критик и поэт П. А. Катенин, тем более, что этим псевдонимом ему уже приходилось пользоваться. Однако, лишь с появлением «Воспоминаний о Пушкине», написанных Катениным в 1852 году по просьбе П. В. Анненкова, стало известно имя автора одной из первых критических статей, посвященных тогда еще молодому, но уже талантливому поэту Пушкину, — офицера-преображенца Дмитрия Петровича Зыкова (1798-1827).

Катенинские воспоминания П. В. Анненков не опубликовал, хотя и использовал их частично в «Материалах для биографии Александра Сергеевича Пушкина»²; следы же самой рукописи затерялись и их уже считали совсем затерянными, однако в 1934 году их нашел и обнародовал советский литературовед Ю. Г. Оксман. Несмотря на продолжительное время, прошедшее после обнаружения рукописи, исследователи-пушкиноведы, не сочли возможным заняться биографией критика.³

Д. П. Зыков появляется на страницах катенинских воспоминаний при описании второй встречи Пушкина и Катенина, состоявшейся в 1818 году в Петербурге, в помещении Преображенских казарм:

«Все офицеры жили тогда в верхнем этаже казарм, на углу Большой Миллионной и Зимней канавки. Молодой товарищ мой Д. П. Зыков, по какому-то случаю у себя угощал завтраком; пришел ко мне слуга доложить, что меня ожидает гость: Пушкин. Зная только графа В. В. Пушкина, я подумал: не он ли?

— Нет, — отвечал слуга, — молоденькой, небольшой ростом.

Тут я догадался и по галерее пошел к себе. Гость встретил меня в дверях, подавая в руки толстым концом свою палку и говоря:

— Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи.

— Ученого учить — портить, — отвечал я, взял его за руку и повел в комнаты; через четверть часа все церемонии кончились, разговор оживился, время неприметно прошло, я пригласил его остаться обедать, пришли еще кой-кто, так что новый знакомец ушел уже поздно вечером».⁴

Кого же из присоединившихся к их поэтическому дуэту имел в виду П. А. Катенин под словами «кой-кто»? Нетрудно догадаться... Прервав свой завтрак у приятеля-однополчанина, П. Катенин, как благовоспитанный человек, не

мог не объясниться с Зыковым и не представить ему визитера, а потому знакомство Зыкова с Пушкиным в этой ситуации весьма вероятно, как и присутствие их обоих на последующем обеде. А поскольку оба молодых человека к тому же являлись сверстниками (Зыков был только на год старше Пушкина) и имели общие интересы, прежде всего литературные, то для дружеского общения открывались большие возможности.

Но что представлял собою в то время Д. П. Зыков?

Происходил он из Пензенских дворян. В лейб-гвардии Преображенский полк был зачислен 8 февраля 1815 года семнадцатилетним юношей и тогда же попал под влияние старшего однополчанина штабс-капитана П. А. Катенина, двадцатипятилетнего офицера, выгодно отличавшегося от других как своими боевыми заслугами, так и широкой эрудицией, декламационным и поэтическим талантами. Недаром он носил прозвище «Оракул Преображенского полка». Ко времени визита Пушкина в Преображенские казармы товариществу Катенина и Зыкова исполнилось уже три года.

Надо сказать, что литературные интересы Зыкова, страстного к учению, который, «несмотря на военного ремесла заботы, успел ознакомиться почти со всеми древними и новыми европейскими языками, известными по изящным произведениям»,⁵ восходят к давним традициям полка, офицеры которого рьяно занимались самообразованием: науками, языками и изящными искусствами. Достаточно вспомнить, что из числа преображенцев вышли такие писатели, поэты и чтецы-декламаторы, как Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, А. А. Шаховской, С. Н. Марин, С. П. Потемкин и П. Ф. Шапошников (последние из перечисленных – близкие друзья Катенина). Да и сам Павел Александрович к тому времени стал заметным театральным автором и переводчиком, а также подающим надежду поэтом, что и привлекло к нему молодого Пушкина.

В Большом зале Преображенских казарм происходили литературные и театральные празднества, где выступали маститые литераторы и актеры, ставились спектакли силами офицеров полка. В полковой библиотеке часто проводились литературные диспуты, обсуждались книжные новинки. Отголоски споров переносились и в жилые помещения казарм.

По словам Катенина Пушкин очень часто и охотно посещал его, но упорно избегал ответных визитов. Биографы объясняют его затворничество крайне бедной обстановкой жилища, однако в нашем случае думается, что он опасался встречи поэта-преображенца с кем-либо из своих приятелей-арзамасцев – литературных противников Катенина.

Павел Александрович держался другой политики: он не прятал Пушкина от своих знакомых, а, наоборот, охотно знакомил их. Так, зимой 1818 года он представил молодого поэта князю Шаховскому и через то ввел Пушкина в круг актеров и театральных писателей столицы.

«В то же время, – продолжает свой рассказ мемуарист, – работал он над первым из своих крупных произведений, и отрывок за отрывком прочитал мне две или три песни «Руслана и Людмилы». Без сомнения, сия поэма была уже гораздо выше

ученических опытов; но и в ней еще много незрелого, и тут случилось мне в первый раз заметить в покойнике нечто, может быть, укоренившееся в нем едва ли в пользу его славы на будущее время: он сознавался в ошибках, но не исправлял их. Очень помню, что я заметил ему место, когда Руслан, потеряв меч, приезжает на старинное побоище, покрытое мертвыми телами и оружием, и между ними ищет себе меча; вдруг застонало, зашевелилось мертвое поле, — но Руслан не нашел себе меча по руке и поехал далее. Такой ничтожный конец после такого пышного начала крайне удивил меня; мне вспомнился стих Горация, как гора родила мышь, и я спросил у Пушкина, над кем он шутит? Он бесспорно согласился, что дело не хорошо, но не придумав ничего лучшего, оставил как есть, в надежде, что никто не заметит, и просил меня никому не рассказывать. Я отвечал, что буду молчать по дружбе, но моя скромность поможет ему не долго, и когда-нибудь догадаются многие⁶.

Конечно, Катенин не ограничился только одним вышеприведенным замечанием в адрес поэмы, но так ли бесспорно соглашался с ним автор? Кого же тогда Пушкин имел в виду, начиная третью часть поэмы со следующего лирико-сатирического отступления:

*Напрасно вы в тени таились
Для мирных, счастливых друзей,
Стихи мои. Вы не сокрылись
От гневных зависти очей.
Уж бледный критик, ей в услугу,
Вопрос мне сделал роковой:
Зачем Русланову подругу,
Как бы на смех ее супругу,
Зову и девой и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тут злобы черную печать!
Скажи, Зоил, скажи, предатель,
Ну как и что мне отвечать?
Красней, несчастный, бог с тобою!
Красней, я спорить не хочу;
Довольный тем, что прав душою,
В смиренной кротости молчу.⁷*

Нельзя утверждать, что Пушкин обыгрывает тут одно из катенинских замечаний, что могло бы привести к открытому конфликту, но и Катенин не был так прост, чтоб не понять намека на нежелательность вмешательства «критиков-завистников» в творческий процесс автора. Разумеется, он был сильно задет.

Пушкин работал в то время не только над поэмой: к 1820 году у него насчитывалось до трехсот стихотворений вольнолюбивого и обличительного характера, которые, естественно, не были напечатаны, а ходили в списках по рукам. Эти тетради имелись и у преображенцев, в частности у Д.П. Зыкова, о чем впоследствии он сам признался на следствии по делу декабристов. Осваивая вольнолюбивую лирику, молодой поэт шел по стопам своего старшего товарища Катенина, ко-

торый также являлся автором ряда крамольных стихов, часть которых под видом переводов, ему удалось даже провести в печать. Таковым был отрывок из трагедии Корнелия «Цинна», где говорилось о готовящемся покушении на императора. Революционные произведения Катенина были известны многим членам тайного общества и сочувствующим движению. О популярности их пишет в своих мемуарах Ф.Ф. Вигель:

«Раз случилось мне быть в одном холостом, довольно веселом обществе, где было много и офицеров, рассуждая между собою в особом углу, вдруг запели они на голос известной в самые дни революционной песни «Пойдем спасать империю», переведенную... Катениным. Я их не затверживал, но они меня так поразили, что остались в памяти:

*Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей...*

У меня волосы встали дыбом. Заметив мое смущение, некоторые подошли ко мне и сказали, что это была одна шутка и что мысли их вовсе не согласны с содержанием песни. Я поспешил поверить им и самого себя успокоить»⁸.

Разумеется, Катенину – одному из активных членов «Союза спасения» и руководителя «Военного общества», творчество которого служило действенным оружием пропаганды, мальчишеские опыты Саши Пушкина казались несерьезными, он считал их просто «замашками либерализма». «Правду сказать, – писал он, – они всегда казались угождением более моде, нежели собственным увлечением»⁹. К тому же, в отличие от осторожного Катенина, Пушкин любил демонстрировать их то в театре, то в молодежных собраниях и в конце-концов слух о его стихах дошел до правительства и послужил причиной его ссылки на юг. В мае 1820 года поэт вынужденно оставил Петербург.

В его отсутствие увидела свет поэма «Руслан и Людмила», вызвавшая полемику в литературных кругах. Одной из первых статей, посвященных ей, стал критический разбор, сделанный неким «В», опубликованный в журнале «Сын Отечества». Критик провозглашал поэму лучшим произведением в русской литературе за последнее время и сравнивал автора с Гомером.

Антикритика на статью А.Ф. Воейкова, а это он скрывался за литерой «В», появилась в том же журнале «Сын Отечества» за псевдонимом «NN». Статья была составлена в форме вопросов. Объем ее небольшой, а потому мы приводим ее полностью:

«Письмо к сочинителю Критики на поэму «Руслан и Людмила».

Вы разбирали одно из лучших произведений литературы сего года; позвольте вас попросить объяснить некоторые места, о которых вы ничего не говорите. Я уверен, что вы возьмете на себя труд отвечать на мои вопросы. Начнем с первой песни. Зачем Финн дождался Руслана? Зачем он рассказывает Руслану свою историю и как может Руслан в таком несчастном положении с жадностью внимать рассказы (или по-русски рассказам) старца?

Зачем Руслан присвистывает, отправляясь в путь; показывает ли это огорченного человека? Зачем Фарлаф с своею трусостью поехал искать Людмилы? Иные скажут: затем, чтобы упасть в грязный ров...

Зачем маленький Карло с большой бородою (что между прочим совсем не завысоко) приходил к Людмиле? Как Людмиле пришла в голову странная мысль схватить с колдуна шапку (впрочем в испуге чего не наделаешь) и как колдун позволил ей это сделать?

Каким образом Руслан бросил Рогдая как ребенка в воду, когда:

Они схватились на конях

.....

Их члены злобой ссединены;

Объаты молча костенеют, и проч.

Не знаю, как Орловский нарисовал бы это. Зачем Руслан говорит...

О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?

Зачем же поле смогло ты

И заросло травой забвенья...

Времени от вечной тьмы

Быть может, нет и мне спасенья! и проч.

Так ли говорили русские богатыри? И похож ли Руслан, который через минуту после восклицает с важностью сердитой:

Молчи, пустая голова!

.....

Хоть лоб широк, да мозгу мало!

Я еду, еду не свищу,

А как наеду, не спущу!

...Знай наших! и проч.

Зачем Черномор, доставши чудесный меч, положил его на поле, под головою брата; не лучше ли было взять его домой?... Вероятно ли, что Руслан, победив Черномора и пришед в отчаяние, не найдя Людмилы, махал до тех пор мечом, что сшиб шапку с лежащей на земле супруги? Зачем Карло не вылез из котомки убитого Руслана? Что предвещает сон Руслана? Зачем это множество точек после стихов;....

Зачем, разбирая Руслана и Людмилу, говорить об Илиаде и Энеиде? Что есть общего между ними? Как писать (и кажется серьезно), что речи Владимира, Руслана, Финна и проч. нейдут в сравнение с Гомеровыми? Вот вещи, которых я не понимаю и которых многие другие также не понимают.. NN/¹⁰.

Эта статья, состоящая из вопросов читателя к автору за внешней простодушной тональностью была не так уж безобидна. Она вскрывала действительную алогичность некоторых моментов, психологические несоответствия в поведении героев и лексические неточности языка. Появление статьи П.А. Катенин так освещает и своих воспоминаниях о Пушкине:

«Вскоре после первого издания «Руслана и Людмилы» вышла на сию поэму и «Сыне Отечества» критика в форме вопросов; я прочел ее с большим любопытством, не зная на кого подумать. Она приметно выходила из круга цеховой журналистики; замечания тонкие, язык ловкий и благородный обличали человека из хорошего общества; поломал голову с полчаса и отстал. Через несколько дней встречается меня Пушкин в театре и говорит:

– Критика твоя немножко колетса, но так умна и мила, что за нее не только сердиться, но даже...

Я перебил его речь:

– С чего ты взял, что статья написана мною?

– Греч мне сказал.

За словом и Греч явился, мы его остановили при входе и я спросил: на чем он основал свое сказание? С геройской смелостью отвечал Николай Иванович:

– Почерк вашей руки.

Это уже выходило из рук вон; я с некоторою досадой заметил ему, что если он не знает моего почерка, не следовало говорить наобум, а если, что вероятнее, знает, и подавно не следовало говорить неправды и неправды нелепой; ибо кто хочет скрыть свое имя, скроет и руку, а писца найти нетрудно. Доказательства мои были так ясны, что Николаю Ивановичу оставалось одно средство: отыгаться; с двусмысленной улыбкой сказал он мне:

– Простите, если я ошибся; по уму и слогу не мог я другому приписать. Я пожал плечми и отворотился; мне хотелось только разуверить Пушкина, в чем я и успел. Тому так давно, что я уже не уверен: при нем ли самом было объяснение или при В.А. Жуковском, который в отсутствии автора заботился об издании и успехе поэмы: тот или другой, для сущности дела все равно.¹¹

В действительности объяснение Катенина с Гречем происходило в театре в присутствии В.А. Жуковского. Отсутствие же Пушкина в Петербурге в это время, наблюдавшего за полемикой на дистанции, подтверждается им самим письмом Н.И. Гнедичу от 4 декабря 1820 года:

«Номера Сына доходили до меня... Кто такой этот В., который хвалит мое целомудрие, укоряет меня в бесстыдстве, говорит мне: красней, несчастный? (что между прочим очень неучтиво), говорит, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого нежного чувствительного Корреджио и смелою кистью Орловского, который кисти в руки не берет и рисует только почтовые тройки и киргизских лошадей?.. Допросчик умнее, а тот, кто взял на себя труд отвечать ему (благодарность и самолюбие в сторону) умнее их всех»...¹²

Итак, впервые Пушкин увидел журналы с критическими статьями на свою поэму в Кишиневе, видимо, в конце ноября 1820 года. Он еще не получал известий из Петербурга насчет развернувшейся полемики, иначе уже знал бы, что за буквой В. скрывается А.Ф. Воейков, а на вопросы NN позднее ответил А.А. Перовский. Однако никто не разоблачил «допросчика», вопросы которого не стал опротестовывать Пушкин, отнесшийся к автору статьи уважительно.

Инкогнито автора статьи «Письмо к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила» раскрыл П. А. Катенин в «Воспоминаниях о Пушкине», в 1852 году.

«Сочинителя статьи открыл я несколько недель спустя в том самом Дм. Петр. Зыкове, о коем уже было упомянуто... он был не только скромен, но даже стыдлив, и не доверял еще себе, таил свои занятия от всех».¹³

О предполагаемом авторстве Катенина Пушкин узнал, скорее всего, от Гнедича. Желая знать наверняка, он пишет брату Льву Сергеевичу Пушкину 27 июля 1821 года:

«Что делает Катенин? Он ли задавал вопросы Воейкову в Сыне Отечества прошлого года?»¹⁴ И, видимо, убеждается в этом, ибо 27 июня 1822 года в очередном письме Гнедичу пишет:

«Я отвечал Бестужеву и послал ему кое-что. Нельзя ли опять сравнить его с Катенининым».¹⁵ Слово «опять» обличает Пушкина, он проговаривается, что уже патривал однажды А. А. Бестужева на Катенина и, скорее всего, это было в случае появления грубой и резкой критической статьи А. А. Бестужева (Марлинского) на перевод Катениным трагедии Расина «Эсфирь». Проницательный Катенин мог подозревать это и сделать ответный ход...

В критике юношеской поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» нельзя исключить соавторство Катенина с Зыковым, однако оно не являлось любовым, реальным, скорее всего, оно осуществлялось исподволь, незаметно, среди бурных обсуждений литературных новинок, какие практиковались среди преобразенцев и в которых Катенин первенствовал. Он делал тактичные замечания, анализировал план и детали произведения, подмечал промахи в стиле и языке, все это было взято на заметку его восприимчивым учеником – литературным «подмастерьем», может быть даже бессознательно...

Была ли критика на «Руслана и Людмилу» единственной статьей Зыкова? При его скромности могло статься так, что напечатанные им труды остались анонимными. Об одной из попыток опубликования им своей статьи в печати, упоминает Катенин в письме к Н. И. Бахтину от 22 мая 1823 года:

«Зыкова статью Греч не поместил по смешной плутнево отговорке, что отставному гвардейскому полковнику нельзя признаться или быть признанным наставником актера: какого актера? Каратыгина! Как будто упражнение и сверх того успешное в искусстве может унизить чье-нибудь звание».¹⁶

Очевидно, что статья была посвящена репетиционным занятиям Катенина с тогда еще начинающим актером В. А. Каратыгиным. Статья Зыкова до нас не дошла, и вообще его литературное творчество разрознено и утрачено, но оно бесспорно существовало, а может и существует, но без связи с фамилией автора.

В 1823 году Зыков – тогда уже штаб-капитан – вступил в Северное общество. Катенин не был причастен к этому, поскольку был сослан в свою костромскую деревню. Впрочем, пребывание Зыкова в тайном обществе длилось недолго: в начале 1824 года он ушел в отставку по семейным обстоятельствам и отбыл в свои имения, которые ему достались после смерти родителей. В Петербурге Зыков бывал наездами, в связи с тяжбой по поводу имений. Так в 1825 году он подал жалобу в Сенат о

насильственным завладении Ясашными крестьянами деревни Усть-Узы с тремястами десятинами лесу, принадлежавшему к имению села Безводного, Вознесенского тож в Саратовской губернии в Петровском уезде в имении отца его, а также в имении матери в селе Парфеньево с деревнями в Тверской губернии в Калынинском уезде. Оба имения были заложены в Московском опекуном совете. Зыков решил продать имение покойной матери, чтобы заплатить долги.¹⁷

Накануне восстания Дмитрий Петрович уехал по делам в Москву и в самом восстании декабристов в Петербурге не мог участвовать, тем не менее следственная комиссия вышла на его след и 13 января 1826 года издала приказ об аресте. 23 января 1826 года он был арестован в Москве, а спустя четыре дня привезен в Петербург и заключен в одиночную камеру Петропавловской крепости. Начались систематические допросы и очные ставки со свидетелями. О Зыкове давали показания А. Бестужев, А. Поджио, А. Голицын, Е. Оболенский. Последний писал в анкете: «Его знания были более литературные и в особенности относились к древней поэзии: зная греческий, латинский, итальянский, английский, немецкий и французский языки, его беседа вообще была более литературная, нежели политическая».¹⁸

Бестужев же вообще отрицал близкое знакомство с Зыковым: «...и потому только его помню, что он горячо спорил со мною за сочинения Катенина, над которыми я подшучивал»...

В изъятых у Зыкова бумагах при обыске во время ареста, были обнаружены списки кромольных стихов.

— Объясните, с каким намерением имели вы у себя найденные в числе бумаг ваших стихи под заглавием чувства русского, начинающиеся так:

*Когда увидим мы свободу золотую,
Друзья, в Отечестве своем?*

Далес: *России долго быть под скипетром железным
И долго тяжкие оковы ей влечь... и пр.*

Равным образом скажите, кто именно сочинитель сих стихов? — спрашивал отставного штабс-капитана А. Бенкендорф. «Стихи сии были выписаны мною из рукописного собрания сочинений А. Пушкина, если я не ошибаюсь лет семь или восемь тому назад. Быв 19-летним юношею, или лучше сказать ребенком, я увлекался примером, восхищался тем, чем другие восхищались, желал знать, что все знают и переписывал стихи Пушкина, которые мне попадались, единственно из подражания и безо всякого дурного намерения» — отвечал Зыков.¹⁹

Стихи «Чувства русского», разумеется, не принадлежали перу А. С. Пушкина. Прежде всего в них наблюдается нарушение метрики, что никогда, даже в юношеском возрасте, не допустил бы поэт по врожденному чувству гармонии. Даже само название и содержание стихотворения, угадываемое даже в нескольких строчках, подсказывает, что политический строй России противопоставляется более передовому — западному. Это мог написать человек, своими глазами видевший другие страны и в то же время патриот, скорбящий об Отчизне. Таким мог быть русский офицер, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. Но ни

Пушкин, ни сам Зыков по возрасту не подходили на эту роль, лишь П. А. Катенин идеально вписывался в нее, тем более что приведенные в анкете строки переключаются с известным революционным гимном «Идем спасать империю», переведенным Катениным с французского языка на русский в те же годы:

*Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей!*

*Свобода, свобода!
Ты царствуй над нами.
Ах, лучше смерть,
Чем жить рабами –
Вот клятва каждого из нас...²⁰*

Те же слова-символы, та же эмоциональная приподнятость, тот же революционный пафос...

Но что же получается? Спасая Катенина, Зыков переключивает вину на Пушкина? Но повременим порицать Дмитрия Петровича, а вспомним, как сам Пушкин в аналогичных обстоятельствах переложил авторство крамольной «Гаврилады» на поэта-сатирика Д. П. Горчакова, из тетради стихов которого он ее, якобы, переписал. Правда наговор Пушкина на Горчакова не мог повредить сатирику из-за смерти последнего, однако и зыковское свидетельство против Пушкина не могло пойти поэту во вред, ибо он уже был наказан ссылкой за крамольные стихи, а дважды за одну вину не преследуют.

После семи месяцев заточения в крепости Д. П. Зыков был освобожден с запрещением жить в столицах и обязательным негласным надзором. От Сибири его спасла только болезнь легких, усилившаяся от долгого пребывания в сыром каземате Петропавловской крепости. Освобождение из крепости предполагало немедленную высылку Зыкова из Петербурга, однако, по ходатайству П. А. Катенина, находившегося в Петербурге для разрешения своих финансовых дел, Зыков остался в столице для излечения, поселившись у своего друга. Однако, власти тревожились длительным пребыванием подследственного в Петербурге и торопили его с отъездом.

«Мой гость Зыков уехал наконец, – пишет Катенин А. М. Колосовой 6 сентября в Москву, – наступила минута, когда мне пришлось бы иметь из-за него неприятности; однако же он при первой возможности ускакал». Арест Зыкова отодвинул его планы на приезд в Москву по устройству дел по имению, потому после освобождения он возобновил свои хлопоты о поездке в Москву.

20 августа 1826 года Петербургский военный генерал-губернатор получил следующее предписание:

«В Санкт-Петербурге находится за болезнью отставной из лейб-гвардии Преображенского полка штабс-капитан Зыков, которому запрещено жить в столицах. По Высочайшему Государя Императора повелению, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство приказать объявить ему, что для устройства домашних

дел его позволено ему приехать в Москву после высочайшей коронации, но не более, как на 1 месяц, по истечении коего в то же время должен выехать. Начальник Главного штаба Дибич». ²¹

Итак, в начале сентября 1826 года Д.П. Зыков покинул Петербург, однако, куда же он направился и где пребывал первое время? След затерялся, а местопребывание его не было известно даже Главному Штабу, который в поисках Зыкова делал запросы Петербургскому и Московскому губернаторам; на что те давали отрицательные ответы. Зыков выпал из поля зрения правительства, но мог ли он оставить своих друзей в неведении?... ²²

16 сентября 1826 года неизвестный подал в Московский почтамт письмо, адресованное в Санкт-Петербург Павлу Александровичу Катенину. Оно было перлюстрировано и содержало следующее:

«Вчера, почтеннейший Павел Александрович, узнал я, что Александр Пушкин в Москве и признаюсь немало порадовался. Видно и здоровье и обстоятельства его поправились. Здесь уже говорят, что его приглашают в службу и он нейдет и его просят, а он неумолим и пр. Ежели я сказал это для Вас и не новое, так хорошее. А теперь расскажу о другом, например угощал царь гвардию театром. Ложи первого яруса и четыре ряда кресел занимали офицеры и пр. солдаты – это что-то новое? Давали «Чванство Транжирина» и «Казака-стихотворца». Третьего же дня князь А.А. Шаховской трактовал публику Аристофаном, что господа греки (и я слышал стороной) худо гостей отпотчивали. А Вас кажется совсем переселили на Дон, воображаю! «Северная Пчела» пояснила мне недоконченное ваше, а то вижу... что тут и глупость и всего в меру. Что за мед собирает ваша «Северная Пчела», – уж такой сладкий, что нам простым людям и приторно». ²³

Многие из друзей Катенина: Бахтин, Каратыгин, Колосова, Голицын находились во время Коронации в Москве и писали ему развернутые письма с подробными описаниями торжеств, в том числе и о гастролях Петербургского Большого театра; им, разумеется, не было необходимости писать Катенину анонимно... Упомянутое письмо, вернее всего, принадлежало Д.П. Зыкову, нелегально посетившему столицу во время коронационных торжеств. Тут многое сходится: дата его отъезда из Петербурга и отсыл письма из Москвы приходятся на середину сентября 1826 года одновременно с неустановленным исчезновением Зыкова из поля зрения властей; анонимность и эзопов язык письма, намеки на поправившиеся здоровье и обстоятельства, хотя и спроецированные на здорового Пушкина, а также интерес к самому поэту и к кроме того интересы писавшего: театр, гвардия, литературные журналы, все, что могло интересовать бывшего преображенца.

После коронации Д.П. Зыков опять появляется в Москве, и на этот раз уже легально, с разрешением на месяц, что вызвало встревоженную реакцию властей:

«Генерал-адъютант Бенкендорф, усмотрев из дневных рапортов о приезжающих, что 19 января 1827 года в Москву прибыл отставной Преображенского полка штабс-капитан Зыков, прикосновенный к делу о злоумышленных обществах, и обязанный подпискою не выезжать в столицы – покорнейше просит Его

Преносходительство Алексея Николаевича о благосклонном уведомлении, восполнодало ли разрешение на приезд означенного Зыкова в Московскую столицу».²⁴

Разрешение было подтверждено и Зыков провел месяц в Москве. В середине февраля 1827 года он вернулся домой, в Пензу, а 11-го апреля того же года Николаю I-му был представлен рапорт Пензенского гражданского губернатора Ф. Лубяновского:

«Господин управляющий министерством внутренних дел Тон 8-го сего месяца предписал мне к исполнению Высочайшего Вашего Императорского Величества повеление доносить ежемесячно о поведении проживающего в Пензе отставного гвардии штабс-капитана Зыкова, прикосновенного к делу о злоумышленных обществах.

Сей штабс-капитан Зыков после продолжительной болезни 22 числа сего марта в Пензе скончался, о чем обязанностью считаю Вашему Императорскому Величеству верноподданейше донести.

Гражданский губернатор Ф. Лубяновский. 29 марта 1827. Пенза».

В своих «Воспоминаниях о Пушкине» П. А. Катенин помянул давно уже покойного друга следующими словами:

«Ранняя смерть, на тридцатом году, не позволила ему сотворить своего ния общезвестным и уничтожила надежды его приятелей».²⁵

Примечания:

1. Сын Отечества. 1820. XXXI. С. 226
2. Сочинения Пушкина. Т. I. СПб. 1855
3. Литературное наследство. Тт. 16-18. 1934
4. Краткие биографические справки о Д. П. Зыкове содержатся в книгах: Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение». Л.-д. 1988 и «Декабристы. Биографический справочник». М. 1988.
5. Там же. С. 210
6. Там же. С. 207-208
7. Сочинения Пушкина. Т. 3. СПб. 1855. С. 112
8. Филипп Филиппович Вигель. Записки. М. 2000
9. П. А. Катенин. Воспоминания о Пушкине. С. 210
10. Сын Отечества. 1820. № 34-37
11. П. А. Катенин. Воспоминания о Пушкине. С. 209
12. А. С. Пушкин. Собрание сочинений. Т. 9. М. 1977. С. 21
13. П. А. Катенин. Воспоминания о Пушкине. С. 209-210
14. А. С. Пушкин. Собрание сочинений. Т. 9. М. 1977. С. 31
15. Там же. С. 39
16. Русская старина. 1910. № 8. С. 284
17. Государственный архив Пензенской области. Ф. 196. Оп. 2. Д. 1021. Л. 10, 10 об.
18. Восстание декабристов. Документы. Том XVIII. М. 1984. С. 227.
19. Там же. С. 227
20. П. А. Катенин. Избранные произведения. М.-Л. 1965. С. 101
21. ЦГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Св. 24. Д. 410. Л. 4
22. Там же. Л. 6
23. ЦГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 847 Л. 3. Письмо обнаружено и опубликовано Д. Ф. Белоруковым.
24. ЦГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Св. 24. Д. 410. Л. 5
25. ЦГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Св. 24. Д. 410. Л. 7
26. П. А. Катенин. Воспоминания о Пушкине. С. 210.

ПЯТКИНЫ – КРЕСТНЫЕ ДЕТИ П.А. КАТЕНИНА

ПЯТКИНЫ – кологривские соседи по имени поэта и драматурга Павла Александровича Катенина, но, если о других его соседях: Толстых, Апухтинных или Жоховых можно найти какую-либо информацию в печатных источниках, то о Пяткиных нет ни одной опубликованной страницы. Спрашивается: как же тогда мы вообще узнали о существовании представителей этого рода и их связях с поэтом? Отвечаем: из небольшого в пол-листа письменного свидетельства некоего Глеба Владимировича Пяткина, написавшего несколько десятилетий назад по просьбе сотрудников Кологривского краеведческого музея свои лаконичные воспоминания. Приведем их полностью:

«Мой прадед Федор Пяткин, владелец Паломской волости, проживал в с.Паломе, был хорошо знаком с Катениным. Сын его, а мой дед, Вячеслав Федорович Пяткин, был крестником Катенина, который по словам деда, его очень любил и дед часто приезжал к нему в Шаево из Кологрива, где служил мировым посредником, а потом первым членом дворянской опеки. То, что мне рассказывал мой дед о Катенине, я, к сожалению, не записывал. После смерти деда в 1908 году из его архива письма я передал в Пушкинское общество при Академии Наук переплетенные письма Пушкина к Катенину, но они оказались копиями, а не подлинниками. Остальную часть архива разобрать мне не удалось, так как отпуска в 1913 году я не получил, а летом 1914 года был мобилизован на юго-западный фронт против австрийской армии. С 19-21 сентября находился на гражданской войне и, прибыв в Кологрив в 1921 году по демобилизации, в своем родном доме никаких остатков писем (архива) уже не нашел. Очень хорошо помню рассказ деда, как больной Катенин вызвал его в Шаево и 23 мая 1853 года скончался у него на руках со словами: «Хорошо, Славушка, умирать весной»...¹

Мы, сотрудники Костромского музея-заповедника, познакомились с этим документом во время катенинской экспедиции 1992 года, и, конечно, заинтересовались автором. К сожалению, его уже не было в живых, а рассказы его земляков были скупы и отрывочны: пенсионер, прежде работал учителем рисования в школе, жил один, потомства не оставил, умер в 1970-х годах.

Спустя несколько лет, в Государственном архиве Костромской области мне попались несколько архивных документов, связанных с родом кологривских дворян Пяткиных, проливших свет на судьбы некоторых представителей этой фами-

чин. Для этих немного, поэтому полученная картина истории рода неполна и требует доработки, тем не менее, вставленная в контекст катенинской биографии, она может кое-что подсказать исследователю или, по крайней мере, направить на дальнейшие розыскания.

Дворянский род Пяткиных был официально оформлен в конце XVIII века, хотя проситель – прапорщик Михайло Гаврилов, сын Пяткин, в прошении своем приписывал, что предки его были дворяне и правом дворянским пользовались, но доказывать об оном не пожелал. Вступая в 1781 году в военную службу, он дослужился в оной до обер-офицерского чина и по определению дворянского собрания, состоявшегося 24 января 1793 года внесен во вторую часть дворянской родословной книги Костромской губернии по Кологривской округе. После отставки Михаил Гаврилович Пяткин осел в своей усадьбе Княжево и к большому удивлению, а местными и возмущению соседей-помещиков, взял в жены крестьянскую девушку Авдотью Пшвистеву, предварительно дав ей вольную. Бог подарил чете семерых детей – двух дочерей и пятерых сыновей, из которых нам наиболее интересен старший – Федор Михайлович, поскольку именно о нем писал в начале воспоминаний Глеб Владимирович Пяткин: «Мой прадед Федор Пяткин, владелец Паломской волости, проживал в с. Паломе и был хорошо знаком с Катениным»...

Оказывается, Федор Михайлович Пяткин родился в 1794 году (то есть был на два года моложе поэта). С детства состоял в военной службе: сперва в Дворянском полку кадетом, а позднее в составе Симбирского пехотного полка. Участвовал в войне 1812 года и в заграничных походах. В 1813 году, восемнадцатилетним прапорщиком был при осаде и взятии крепости Модлин. Известно, что наполеоновские войска, при отступлении за р. Рейн, завладели рядом крепостей в Герцогстве Варшавском и в Германии. Кстати, в их числе была и небезызвестная костромичам крепость Глогау. Модлин являлась сильнейшей крепостью и находилась в Мазовецкой губернии Царства Польского. Ее гарнизон составлял 6000 человек: французов, поляков и литовцев. В ней царил голод и повальные болезни, поскольку большой запас провизии, заготовленной еще в 1812 году, от небрежного присмотра пришел в негодность. Осаду держал блокадный корпус Паскевича и часть войск Бенигсена, позднее отбывшие в Богемию и замененные девяти тысячным ополчением под начальством генерал-лейтенанта Клейнмихеля. Ему и сдался комендант Модлина с оставшимся в живых трехтысячным гарнизоном. Это произошло 1-го декабря 1813 года.

После этих событий Федор Михайлович Пяткин еще три года прослужил в полку и затем уволился со службы поручиком 27 января 1817 года. Возвратясь на родину, он женился на Прасковье Алексеевне (девичью фамилию которой пока установить не удалось) и поступил на штатскую службу в кологривский уездный суд – дворянским заседателем.²

В 1821 году в Кологривский уезд из Петербурга приезжает отставной полковник П. А. Катенин, для ввода в имение Шаево, доставшееся по разделу с братом после смерти их матери – Доротей Андреевны Катениной, урожденной Пурпур, гречанки по национальности.

Павлу Александровичу отошла усадьба Шаево с рядом деревень и с винным заводом. Хлопоты по оформлению наследства требовали контактов со многими уездными чиновниками, а этикет – представления всем соседям – Кологривским помещикам. К этому времени, вероятно, следует отнести знакомство Катенина с дворянским заседателем Федором Михайловичем Пяткиным, хотя прямого упоминания об этом в письмах поэта мы не находим. Тем не менее, есть косвенные свидетельства о кологривских знакомствах молодого отставного гвардейского офицера. В письме к другу Н.И. Бахтину Катенин пишет:

«Не думаете ли Вы, что кологривский городничий, исправник и т.д. были забавны, а я с ними обязан... проводить время». ³ В этих строках явно присутствуют нотки снобизма.

«Страх хочется возвратиться в Петербург, – жалуется он приятелю в другом послании, – но прежде заключения винных контрактов мне нельзя в путь пуститься, а когда они будут, бог весть, да Виц-Губернатор». ⁴

Действительно, по законодательству «винокурение на заводе могло быть производимо токмо... когда заводчик заключит в Казенной палате контракт на поставку спирта или хлебного вина в казенные магазины, иначе винокуренный завод опечатывается казенными печатями так, чтобы на оном не могло быть винокурения».

Надо сказать, что Павел Александрович принял винодельческую эстафету от своих родителей. В областном Костромском архиве хранится дело с просьбой г. Катенина о возвращении винных бочек от откупщика Верховского, датированное 1803 годом. В нем Александр Федорович Катенин (отец поэта) жалуется Костромскому губернатору:

«По заключенному контракту в костромской казенной палате поставляю я в г. Соль Галицкую вино в казну. Доставя в прошлом году все должное количество в бочках, требовал оных обратно, но не получил в возврат». ⁵

После смерти Александра Федоровича, пришедшейся на 1808 год, шаевской заводчицей стала его вдова Дарья Андреевна, которая имела даже неприятности в 1814 году из-за недодачи спиртного в казну. А после ее кончины шаевским винным заводчиком становится ее сын Павел.

После 1822 года, будучи высланным из столицы и пребывая два с половиной года в Кологривском имении, он уже всерьез занимается хозяйством, и даже приобретает новое имение Колотилово в Чухломском уезде, что, впрочем, не приносит ему большого удовлетворения:

«Я не в пору прошлым летом вздумал купить имение, – информирует он Бахтина письмом от 6 декабря 1823 года, – надеясь осенью получить выгодную поставку вина; вместо того новый министр финансов поставил такую цену, что и брать в убыток». ⁷ Зато во время многочисленных праздников хозяин не испытывал затруднений с горячительными напитками. «В день моих именин 29 июня, – пишет он Бахтину, – было в моем приходе свещение новой церкви, дом мой захлебнулся гостями, все они прожили у меня дня четыре, потом я должен был их провожать». ⁸ Как видим, поэт нашел общий язык с местным населением и Федор Михайлович Пяткин наверняка уже попал в число приятелей Павла Александровича, поскольку

ку в этом же 1824 году поэт становится крестным отцом старшего сына Федора Михайловича – Александра Федоровича Пяткина. Это предполагало духовное родство, которое невозможно между малознакомыми людьми. Сближению Катенина и Пяткина способствовало то, что оба они были ровесниками и офицерами, а также соседями-помещиками, что давало достаточный выбор тем при общении. Брак Федора Михайловича Пяткина с Прасковьей Алексеевной, судя по дате рождения первенца, был совершен в 1823 году и не исключено присутствие поэта на брачной церемонии, поскольку, судя по хронике его жизни, он почти весь этот год провел в Кологривском уезде и лишь в конце его уехал к князю Голицыну в Ростов.

Близость усадеб также содействовала их частым встречам. Жена Федора Михайловича владела деревней Куликово Паломской волости, у самого Пяткина было Княжево, дошедшее к нему от родителей, и до катенинского Шаева было рукой подать.

Но с 1825 по 1827 год поэт опять пребывал в Петербурге, где пытался поставить на театральной сцене свою новую трагедию «Андромаха». Это предприятие он осуществил, хотя пьеса успеха не имела. После прощальной вечеринки в кругу друзей, на которой присутствовал и А.С. Пушкин, Павел Александрович выехал на родину. Возвратившись в Кологрив, где перед отъездом он выстроил себе дом, он застал Федора Пяткина уже в новом качестве – на должности кологривского винного пристава. Иметь своего человека на этом месте для Катенина – частного винного заводчика, не всегда уместившегося в жесткие рамки закона, было очень удобно, ведь винный пристав осуществлял строгий надзор над работой частных винокуров, нища беспорядки и злоупотребления, о которых должен был доносить казенной палате, что было чревато последствиями. Свой же человек не заложит, сделает послабление...

О состоянии винодельческих дел поэта мы узнаем из его письма Бахтину от 10 сентября 1827 года: «Дела мои все в плохом положении, хотя уже есть надежда к поправлению: на 1829 год взяли мне поставки в казну 14000 ведер вина по 2 р. 10 к., но поскольку они не выдают трети денег, то намерен я с ними еще поторговаться. Завод мой обветшал, надобно строить новый»⁹.

На скорое исполнение этого плана подтолкнули Катенина неприятности, происшедшие на его заводе, о которых он сообщал Бахтину 9 января 1828 года:

«Настали вдруг такие морозы, что подумать страшно... дым вверх не шел и все работники половину тела ознобили, а другую обожги: о жизнь человеческая!»¹⁰

Инцидент этот по понятным причинам последствий не имел. Однако у Павла Александровича появились и другие неприятности, которым он пока не придавал значения – это все растущая зависимость его организма от спиртного, очень заметная со стороны и обыгранная Пушкиным в его ответе П.А. Катенину на присылку стихотворения «Старая бэль», кончавшегося словами:

*Останься ты в строях Парнаса,
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай...*

Между тем Катенин, не замечая опасности, делал ей навстречу новые шаги. «Строю новую винокурню, – сообщает он Бахтину 16 октября 1829 года, – работы что при осаде крепости, и все конца не вижу а весь конец, что буду курить вино по семь ведер с четверти ржи, и что я могу получить несколько тысяч рублей барыша».

По окончании же строительства винного завода, проводя набор новых работников, поэт философски замечает: «Рабочие нанимаются на винокурню по 20-ти рублей бумажками, сверх харчей. Вопрос: чем же они в состоянии заплатить подати и налоги свои?»¹²

Хлопоты по строительству завода, вопросы по новому режиму его работы, условия нового контракта с казной, могли ли состояться без участия винного пристава? И вполне закономерно, что при рождении очередного ребенка – сына Вячеслава в 1830 году, П.А. Катенин вновь приглашен Федором Михайловичем Пяткиным на роль крестного отца.

С 1832 года П.А. Катенин почти на шесть лет покидает Костромские края и в составе Эриванского карабинерного полка пребывает на Кавказе до 1836 года, после чего назначается комендантом крепости Кизляр – места, славящегося своими виноградными садами и превосходными винами.

После военных трудов, на досуге, когда гарнизон отдыхал, комендант занимался поэзией или встречал дорогих гостей. К нему в Кизляр приезжали: двоюродный брат Александр Андреевич Катенин, свояк Михаил Юрьевич Лермонтов, брат А.С. Пушкина – Лев Сергеевич Пушкин, от которого Катенин узнал о трагической дуэли и гибели поэта.

Погибшему другу посвятил П.А. Катенин написанную в Кизляре поэму «Сафо». В ней ясно видятся греческие реминисценции и опоэтизирование праздничных обрядов древних эллинов, украшавших пиришественные чаши виноградными лозами:

*Но Сафы дом шумит от пиря:
Толпы усердные рабов
Разносят брашна вокруг столов;
Звенит кимвал, играет лира
Две плясчи в венках из роз
Бьют в землю мерными стопами;
Сок благовонный кипрских лоз
Из чаши серебряной ковшами
В золотые кубки девы льют
И потчуют гостей, поют:*

*Гости! увейте
Чаши свои,
Весело пейте
Жизни струи*

*Мир скоротечный
Неги пиров
Радости вечной
Равен богов!*

Земной рай в Кизляре, сочетая музыку и вино, и пытался создать поэт. Разумеется, поощряло начальство и по энергичному выражению А.Ф. Писемского «Ему дали генерал-майора и в отставку прогнали». О последних годах Катенина, проведенных в Костромской губернии, мы узнаем из романа Писемского «Люди сороковых годов» и «Мои семидесятилетние воспоминания» Н.П. Макарова. Последний писал о Катенине:

«...кончил этот гений красноречия в неизвестности, в глуши, забытый всеми и даже под конец своей жизни потерявший к себе уважение у своих деревенских соседей: он сделался пьяницей, впал в сальности, в грязь и в такие цинические эксцентричности, что его все стали обегать, как зачумленного или одержимого опасной манией».¹² Тем более трогательна забота 23-летнего крестного сына поэта – Вячеслава Федоровича Пяткина, ухаживающего за разбившимся на лошадях после очередного праздничного загула и умиравшего Катенина. «Хорошо, Славушка, умирать весной»...

И отец Вячеслава – Федор Михайлович Пяткин, ненадолго пережил приятеля. Точная дата его смерти пока неизвестна, но уже в 1855 году Кологривским ишимым приставом числится не он, а его сын Вячеслав Федорович, а в ревизских сказках за 1858 год Федор Михайлович уже значится покойным. Еще при жизни крестного отца, в 1851 году Вячеслав Пяткин женился на Прасковье Васильевне Ладыженской и впоследствии от нее имел детей: Владимира, Веру, Николая и Надежду. Карьера его была достаточно скромной: он дослужился лишь до чина коллежского ассессора и, как свидетельствовал его внук, стал мировым посредником, а затем служил в дворянской опеке, где в 1870-х годах служил и его старший сын Владимир Вячеславович Пяткин – отец Глеба, переехавший позднее в Петербург вместе с семьей: женой Софьей Платоновной и детьми: Глебом, Борисом, Всеволодом и Евгением. Глеб родился в Петербурге, а учился в Гатчинском императора Николая I-го институте.¹³ О дальнейшей судьбе его документы не сообщают, но часть сведений заключена в уже цитируемых воспоминаниях. Как учитель рисования Глеб Владимирович должен был оставить художественное наследство и, действительно, в Кологривском музее есть несколько живописных работ художника.

Примечания:

1. Воспоминания Г.В. Пяткина могли быть заказаны ему кологривским обществом краеведения, в котором автор записки состоял в 20-х годах XX века. (См. Отчет кологривского общества краеведения за 1927 год).

2. ГАКО. Ф.122. Оп.2. Д.8. С.86

3. «Русская старина». 1910 №4. С.129

4. Там же. С.181

5. Свод законов Российской империи. СПб.1827. С.443

6. ГАКО. Ф.133. Оп.1. Д.2161. Л. «Русская старина» 1910. №10. С.73

8. «Русская старина» 1911. Т.146. Ч.2. С.169

9. Там же. С.602

10. П. А. Катенин. «Размышления и разборы» М. 1981. С.273

11. «Русская старина» 1911. Т.147. С.155

12. Н.П. Макаров. Мои семидесятилетние воспоминания. Ч.1. СПб. 1881

13. ГАКО. Ф.121.Т.2. Д.8331.

СТРАСТИ ПО ДЕРЕВНЕ БРАГИНОЙ (Лопатины и Пяткины)

У А рубеже XVIII и XIX столетий вокруг небольшой деревеньки Брагино, стоявшей на торговом тракте из поселка Парфеньева в город Макарьев на Унже, разгорелись нешуточные страсти, нашедшие отражение в одном из дел Государственного архива Костромской области.¹

Открывается оно прошением кологривского помещика и прапорщика в отставке Михаила Гавриловича сына Пяткина на имя костромского гражданского губернатора и разных орденов кавалера Николая Ивановича Кочетова:

«Имел я у себя родного по матери брата секунд-майора Михаила Федорова сына Лопатина, который по отставке от военной службы приехал в поместье наше, состоящее кологривской округи в деревне Брагиной и привез с собою из службы называемую женою Александру Евдокимову, с коей и детей прижил и ввел их в свою родню. В 1799 году в декабре месяце брат мой заболел и перед смертью открыл мне, что якобы называемая законной, не есть законная жена его и что я все сие узнать могу из бумаг и документов, какие после него останутся, но та хитрая женщина, предупредив все сие, коль скоро брат мой помер, то забрав всякое движимое имение, как то: деньги, платье, в том числе и бумаги, уехала в столичный город Москву, а тем пресекла мне путь узнать о ее состоянии, до того меня довела, что я все еще не решил был верить точно, что она, а по ней и незаконно прижитые дети ее суть самозванцы; но крайность, а лучше всего она сама подала мне повод узнать истинное их состояние, ибо она, бежав в столичный город Москву, со избытком вдруг повела там жизнь свою соответственно низкому ее состоянию, почему я вслед за нею приехавши в 1800 году в январе месяце в Москву, узнал там, что она не Александра, так как именовалась Афросиньей Евдокимовой купленная братом моим у княгини Прасковьи Федоровны Борятинской и от онаго брата моего прошлого 1786 году октября 22 дня отпущена вечно на волю, в чем ей и отпускная дана, писанная бывшей Орловской палаты гражданского суда у крепостных дел. Теперь недостает только к открытию ее самозванства того, каким образом и почему она назвалась брата моего женою, переменя себе имя, а как после смерти брата моего осталось движимое и недвижимое имение, состоящее кологривской округи в деревне Брагине с деревней, к которому я состою законным наследником, но та, называющаяся брата моего женою Афросинья Евдокимова считая себя законною наследницею в сем, тем именем пользуется и крестьян приводит в разорение, а

меня до того владения не допускает. Теперь же мне известно, что упомянутая называющаяся брата моего женою Афросинья Евдокимова находитца в губернском городе Костроме и квартирует Александровской части в доме дворянского собрания протоколиста Степана Савельева.

Ваше Превосходительство, из сего моего прошения ощутительно усмотреть позволите, что часто упоминаемая называющаяся брата моего женою Афросинья Евдокимова не есть законная жена, ибо она, переменя себе имя, сделалась самолюбивкой, быв первоначально брата моего крепостная девка, а посему по открытию ее самозванства и соблаговолите по нахождению ее здесь, в Костроме, костромскому господину городничему предписать, дабы он отобрал от нея сведения: во первых, почему она переменяла настоящее свое имя, и вместо Афросиньи, называетца Александрою, во вторых, где, когда имянно, кем и при ком у ней с покойным братом моим совершился таинственный брак и по отобрании того объяснения благоволите ваше превосходительство по пребывании помянутой Афросиньи Евдокимовой теперь в Костроме предписать сие дело рассмотреть костромскому уездному суду и оставшееся после брата моего мнение изъять из рук ее, и взять до окончания решенном деле в казенный присмотр, и выезд ей из здешнего города воспретить и о сем учинить милостивейшее вашего превосходительства рассмотрение и резолюцию. К прошению прапорщик Михаил Пяткин руку приложил. 7 апреля 1801 году.*²

Прочтя прошение Пяткина и сочтя его советы по проведению дела резонными, костромской гражданский губернатор выписал ордер костромскому городничему Кузьмину:

«Препровождая у сего в копии поданное ко мне от кологривского помещика прапорщика Михаила Пяткина прошение, предписываю вам содержание оногo об всех в прошении изъясненных обстоятельствах требовать от жительствующей в здешнем городе майорши Лопатиной подробнейший ответ, который представить ко мне при рапорте в неукоснительном времени. Июля 30 дня 1801».*³

Как ни странно, но объяснение вдовы майорши Александры (Афросиньи) Евдокимовой дочери жены Лопатиной опередило ордер и было подано мая 7-го дня 1801 года в канцелярию губернатора... Может дата перевернана переписчиком?

Лопатина писала:

«Против поданного к вашему превосходительству деверя моего отставного прапорщика Михаила Гаврилова сына Пяткина прошения, объявленного мне в копии чрез костромского городничего господина надворного советника Кузьмина, сим по справедливости и по долгу присяги объяснить имею вашему превосходительству следующее. Прежде замужества моего была я княгини Прасковьи Федоровны Борятинской дворовая девка по имени Афросинья, а по отечеству так же как и ныне называюсь Ефимова дочь, от которой в 1783-м году продана по купчей майору Михайло Федоровичу Лопатину, а от него в 1786 году выпущена была с отпускою в Орловской гражданской палате писанною, вечно на волю. Но после того сей бывший господин мой пригласил меня паки к себе и увез в 1789 году в свою деревню Брагино Костромской губернии и Кологривской округе состоящую, где того ж года после святой недели изъязвив ко мне особенное свое расположение с при-

ятностью и истинною любовью сопряженное, вознамерился удостоить меня себе в невесты, и отправясь со мною в посад Парфентьев семи верстах от деревни нашей расстоянием имеющей, обручался и венчался там в приходской церкви Рождества Христова и в самое сочетание нашего брака совершаемого во оной церкви тамошнего Ризположенского собора протоиереем Михаилом Кондратьевым Левашовым, который напоследок уже помер при священнике той же Рождественской Полиевкте и при дьячке Кирилле Полиевктове, что ныне священником, почтенный мой жених велел мне именоваться Александрю не для чего иного, как только приятного употребления ему сего имени, прося при том и реченного протоиерея именовать меня таким образом почему я, угождая воле и желанию такого супруга, согласилась на перемену прежнего моего имени и назвалась с тех пор и называться, любя достойного мужа, буду всегда Александрю, да и венчающий нас протоиерей Левашов, не признав сию перемену имени противным духовным правилам, наименовал меня тогда Александрю. По совершении ж сего брачного обряда законом божьим установленным, достойный почтения моего муж жил со мною по самую кончину дней бытия его, последовавшую 1799 года в декабре месяце, неразлучно. Он никогда не утаивая четы своей, открывал ее всюду и всякому. Во все время супружества нашего, мы, питаея взаимным союзом любви и согласия, прижили законно детей: четырех сыновей и трех дочерей, из коих сын Федор, рожденный в 1791 году находится ныне в Московском университете, для занятия преподаваемых во оном наук, и дочь Анна, родившаяся уже после кончины покойного мужа моего, ибо я осталась от него беременною; находится при мне, прочие дети наши померли.

Ныне к удивлению моему и паче к обиде чести моей, достойным супругом мне присвоенной, брат его по матери родной вышеобъявленный прапорщик Пяткин отважился перед особою вашего превосходительства порицать меня такую не дельною просьбою, которую он выдумал из единой зависти, рождаемой в нем к присвоению себе оставшегося после мужа моего имения, что будто бы я незаконная ему была жена и что дети мои якобы незаконно прижиты. Во отражение сего несправедливого его вчинания, если ваше превосходительство не будет в сем достаточно выписанная моя история по истинной правде мною показуемая, то в подкрепление оной и в облегчение его Пяткина умышленной затейности и точного им знака в подлинности нашего супружества, за нужное признаю донести вашему превосходительству: 1-е. Что действительно я законная мужу моему была жена и есть теперь его вдова и что дети мои во время супружества нашего рожденные точно прижиты с ним законно, в том сошлюсь на представленную от него, мужа моего 1793 года ноября 23 дня в костромском дворянском собрании при доказательствах о дворянском его достоинстве относящихся поколенную рода его роспись, в которой я женою его показана, равно и находящийся ныне в живых сын наш Федор. Значит и по определению того собрания он муж мой со мною и сыном моим внесен дворянской родословной книги в 3-ю ее часть и дана ему на дворянское достоинство грамота. 2-е. Шлюсь также на кологривские предводительские дела, где по дворянскому мужа моего списку я значусь и женою при нем показана. 3-е. Да и сам он, Пяткин, зная совершенно, что я брату его законная жена, а ему невестка, продавая мне свое недвижимое со крестья-

на имение, состоящее кологривской округи в вышеупомянутой деревне Брагине и для мне на оное две купчие, писанные в кологривском уездном суде у крепостных чет на землю, 1798 декабря 9 дня, а другая на крестьян 1799 года января 3 числа с его собственным рукоприкладством и за подписанием бывших при том свидетелей.

1-е. Достойный любви и памяти муж мой, какое за собою имел движимое и недвижимое имение, все оное при конце жизни своей утвердил духовным завещанием малолетним рожденным законным детям и природным наследникам, а по ним и мне Александре, яко их родительнице, а его законной супруге, беспрепятственному владению, в чем и духовное завещание писанное по словам его духовным отцом церкви Успения Пресвятыя Богородицы священником Дмитрием Марковым 1799 года декабря 8-го числа, и подписанное собственною его, мужа моего рукою при свидетелях, оставил у меня, которое я 1800 года февраля 10 дня в кологривском уездном суде явила и по содержаниям сего завещания и по малолетству сына моего Федора во владение и распоряжение оставшегося имения вступила без всякого препятствия. Свидетелями ж при том завещании были и под духовною подписались упоминаемый духовный отец священник Дмитрий Марков той же церкви начальствующий пастырь Никита Фадеев и диакон Иван Алексеев. 5-е. Хотя коварный мой деверь Пяткин и вымыслил написать в просьбе вашему превосходительству, что якобы брат его, а мой муж при последних днях жизни своей открыл ему, что я не есть законная жена его, но сие его Пяткина показание сколько с истинною не похоже, столько и не справедливо, ибо муж мой при последних днях жизни своей ничего ему Пяткину не открывал, да и открыть было не о чем, он же Пяткин и то время, когда находился брат его, а мой муж болен и когда смертный час ему приближался, не приходил к нему и проститься, следовательно, не только что с ним ничем либо разговаривать, ниже видеть его лично не мог, да даже и при выносе покойного тела в церковь он, Пяткин, неизвестно для каких причин быть не разсудил, а жительство имел не в дальнем каком-либо разстоянии, но в одном с нами селении. 6-е. Несправедливо также написал он, Пяткин в просьбе вашему превосходительству поданной и то, что будто бы я хитрая женщина, коль скоро брат его умер, забрав всякое движимое имение, уехала в Москву и повела там жизнь свою соответственно низкому состоянию, и что он вслед за мною приехавши в 1800 году в январе месяце в Москву, узнал о моем состоянии. Но я в сем случае изболжить его неправоту имею явным и достаточным доказательством. В Москву он, Пяткин поехал только в январе месяце 1800 года, а не вслед за мною, как он пишет, но гораздо прежде моего туда отбытия ибо отправилась я в сию столицу из кологривской моей деревни Брагина после уже отъезда его через месяц с данным мне из кологривского земского суда того февраля 9 числа для свободного проезда билетом. Отъезжала же ради отдачи сына моего Федора в университет и жила там для него с год не в таком низком поведении, какое деверь Пяткин мне приписывает, но в соответствующем настоящему званию и характеру моему и состоянию, в чем свидетельствую всеми теми вероятия достойными людьми, которые меня знали. Он же Пяткин сверх чина моего подавал там, к господину генерал-майору обер-полицмейстеру и кавалеру Федору Федоровичу Эртелю подобную нынешней просьбу, однако по отобранно-

му от меня на против той объяснения, обнаружился он несправедливым просителем, каковым и теперь без дальних последствий признать его превосходительство соизволит. Он видя там неминуемую беду, сам собою себе навлеченную, признался и раскаялся предо мною в дерзновенном своем поступке чистосердечно и просил моего в оном себе прощение. Я убедаясь сим его признанием и раскаянием склонился на оное. Потом он по неимуществу своему выпросил у меня из милости позволение жить ему с женою и детьми его кологривской округи в деревне Княжево, принадлежащей сыну моему Федору Лопатину до его совершеннолетия, с тем, чтоб отнести для его хлебопашества земли по четыре десятины в поле, а для отработывания оной быть у него в послушании той же деревни крестьянину Фролу Панкратьеву с женою и со всем его семейством, на что и письменное условие двойным числом на гербовой бумаге того ж 1800 года в июне месяце, я Лопатина и он Пяткин зделали при свидетелях как то: при кологривском дворянском депутате, случившемся быть тогда в Москве, гвардии прапорщике Дмитрие Иванове сыне Малыгине, при губернском секретаре Федоре Кондратьеве сыне Леващове и при коллежском регистраторе Михаиле Лукьянове, сыне Романове, а таковым притом со стороны его Пяткина заключением, что он сие мое родственное для него благодеяние приемлет с благодарностию и обещался жить в той деревне спокойно и не вмешиваться ни в какие не принадлежащие до него между крестьянами, мною и сыном моим, а его племянником домашние и сторонние дела и разбирательства, словом кроме пребывания его там, не входить ни во что; есть ли же что подобное сему о поступках его я узнаю, то вольна все то, данное ему от него отобрать и из того селенья его со всем семейством выслать вон, и он сему беспрекословно повиноваться должен, и сие наше условие двойным числом за подписанием обоих нас и свидетелей хранить до вышеозначенного времени, свято и нерушимо, но он Пяткин в противность высочайших узаконений презря благородную свою совесть и забыв к нему происхождение не соблюл сего уложения, и в привнесенной ныне вашему превосходительству просьбе не благомыслящею выдумкой наполненной, его утаил, да и последствия того, какое по недельному его вчинанию в Москве происходило, не обозначил. Я не знаю, ваше превосходительство, почему он вздумал меня так обижать и называть незаконною братом его женою, а детей моих незаконно прижитыми, а естли потому только, что я была прежде замужества моего дворовая девка, а не дворянка, то сие происхождение мое нимало брака с дворянином по духовному обряду совершенного, не опровергает, но все одинаковы в супружестве таинства и в союзе существа закон божественный поставляет как имеющих равное происхождение, лишь бы только не было ближнего родства и прочих препятствующих тому причин, да и сам он, Пяткин женился так же не на дорянке, а на крепостной своей крестьянской девке Авдотье Ивонтьевой, с которою и детей уже прижили, но чтоб за сие назвать ее так, как он меня называет – незаконною женою и детей его незаконно прижитыми, я никогда не откажусь, да и права к тому нет. Высочайшей же грамоты дарованной на права, вольность и преимущества дворянские 1785 года апреля 21 дня в статьях начертано: в 3-й – «Дворянин сообщает детям своим благородное дворянское достоинство наследственно», а посему законоположению, почтенный муж присвоил мне ту же

чести и достоинство, какую он сам имел, равно и детям своим приобрел нарицание благородное.

И так в доказательство всего вышеобъясненного представляя у сего две купчие, данные мне от девера своего прапорщика Пяткина, духовное покойного мужа моего завещание, данный из кологривского земского суда билет, и учиненное с тем деверем моим условие, и с них точные копии, прошу ваше превосходительство всепочтеннейше сие мое объяснение с документами удостоить вашего воззрения и по несправедливой его Пяткина просьбе оставшееся после мужа моего имение детям моим и мне по законам и по духовной принадлежащее из владения моего изнимать и в казенный присмотр брать не приказывать, выезд же из губернского города не воспрещать, от обиды деверем моим мне причиняемой меня защитить и повелеть подлежащему месту за несправедливое его вчинение поступить с ним по законам. А поскольку он условие между нами сделанного не соблюл, то и я оное по сему случаю применяю, и жить ему в деревне сына моего и владеть землею и крестьянами не позволяю. Мая дня 1801 года.

Вместо означенной вдовы майорши Александры Евдокимовой дочери жены Лопатиной за неумением ее грамоте городской секретарь Степан Васильев.⁴

Предмет спора обоих наследников – деревня Брагино (ныне входящая в Наркфеневский район) была основана в первой трети XVIII и поначалу принадлежала дворянам Феофилактьевым. Из этого рода вышел Г. Феофилактьев – русский посол в Персии. В деревне насчитывалось всего двенадцать дворов. По наследству от Феофилактьевых деревня перешла к Лопатиным. Анна Александровна Лопатина, в другом браке Пяткина, мать секунд-майора Михаила Федоровича Лопатина и прапорщика Михаила Гавриловича Пяткина оставила сыновьям после смерти своей деревню Брагино в общее владение. Свою долю имения Михаил Пяткин продал жене брата Александре Евдокимовой в 1798 году. Дальнейшее развитие событий вышележит.

Чем же все-таки окончилась тяжба Пяткиных и Лопатиных? В рассматриваемом деле, в документах ответа нет.

Его мы нашли в рукописи Д.Ф. Белорукова «История городов и сел Костромской губернии»: «Последний, известный нам владелец деревни Брагино Федор Михайлович Лопатин – мальчик десяти лет, обучавшийся в благородном пансионе Московского университета, в 1814 году служил в Великолуцком пехотном полку, откуда дезертировал и был лишен дворянства. Деревня же Брагино перешла к его сестре Анне, той новорожденной девочке, которая родилась после отца – Михаила Федоровича Лопатина. Она вышла замуж за губернского секретаря, г.Костромы жителя, Святогорского и деревня Брагино перешла к нему в качестве приданного»⁵.

Примечания

1. ГАКО. Ф. 133. Оп.1. Д.1589
2. Там же. Л.1 – 1 об.
3. Там же. Л.12.

4. Там же. Л. 3 – 5 об.
5. Белоруков Д.Ф. История сел и деревень Костромской губернии. Машинопись. Том 2. С. 282. (ГАКО).

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН (Погожевы)

ЖИЗНА молодых талантливых пианисток Веры и Натальи Погожевых нынче не значатся в музыкальных словарях. А в свое время – в 40–50-х годах XIX века они были чрезвычайно популярны в музыкальных кругах обеих столиц и ряда городов России. К сожалению, судьба пианисток сложилась трагически: они рано ушли из жизни, не успев полностью раскрыть свои таланты и закрепить растущую с каждым днем известность.

Василий Николаевич Погожев (1802-1863) – отец артисток довольно подробно изложил их биографии в своих «Воспоминаниях», опубликованных в нескольких номерах «Исторического вестника» за 1893 год, но они, как и большинство других мемуарных источников, требуют документальной перепроверки, так как грешат смещением событий, неточностью и отсутствием датировок, а порою и искажением фактов. Обнаруженные в Костромской областной архиве документальные материалы о семействе Погожевых позволяют внести некоторые добавления и коррективы в биографическую канву сестёр-пианисток.

Точная дата рождения Натальи Васильевны Погожевой – младшей и наиболее талантливой сестры до сих пор оставалась неизвестной. Теперь мы ее знаем, благодаря свидетельству Псковской духовной консистории, которое было выдано майору В.Н. Погожеву в 1843 году для определения дочери в какое-либо учебное заведение.

Наталья, родившаяся, как сказано в документе, 22 августа 1834 года, стала четвертым ребенком в семье Погожевых. Две ее сестры Александра и Надежда умерли малолетними, а сестра Вера, также будущая пианистка, старше Натальи на год, родилась 7 мая 1833 г. в том же погосте Гар Порховского уезда Псковской губернии, что подтверждает аналогичное свидетельство из Костромского областного архива.

Глава семьи Василий Николаевич очень любил своих детей и много сделал для их образования. По специфике своей службы он не раз менял место жительства. В 1840 г. на 6 лет «осел» в Петербурге, куда его направило начальство для работы в Петербургском хозяйственном комитете. Этот период очень важен для семейства Погожевых, ибо здесь зародились и ярко расцвели творческие способности девочек.

Познакомившись с писателем Е.П. Гребенкой и посещая его «пятницы», Погожев завязал много полезных знакомств с актерами, художниками, музыкантами. В доме Погожевых стали устраиваться концерты, любительские спектакли,

что не могло не сказаться на развитии детей, тем более, что их спальня примыкала к самой сцене, и голоса актеров, как и музыкальные мелодии невольно проникали в подсознание сестер. Уже в 5 и 6-летнем возрасте они прекрасно декламировали целые сцены из классических трагедий и, обладая абсолютным слухом, воспроизвели безошибочно сложнейшие музыкальные мотивы.

Через год отец пригласил для дочерей учительницу музыки М. Розенталя, которая, однако, вскоре заявила, что ее компетенция в этой науке недостаточна для таких незаурядных учениц. Ее сменил пианист Федор Зибольд, а после его отъезда за границу – артист и композитор Карл Фольвейер, положивший прочное основание методу их игры.

В 1844 году девицы Погожевы выступили перед Санкт-Петербургской публичкой с двумя благотворительными концертами. Вере было 10, а Наталье 9 лет. Публика восторженно приняла игру юных артисток, а газеты в один голос заявили о новом музыкальном чуде. Известные литераторы Кукольник, Бенедиктов, Гребенка советовали Погожеву достойно завершить музыкальное образование дочерей, и он решил взять их за границу в одну из европейских консерваторий. Вследствие этого, 17 января 1846 года он уволился со службы «по домашним обстоятельствам» подполковником в мундире и с пенсией одной трети жалования по 115 рублей в год.

Лето этого года семья Погожевых проводит в своем имении Горки, Нижегородское тож, Кологривской округи Костромской губернии. Здесь В. Н. Погожев надеется собрать необходимые средства на заграничное путешествие, что чрезвычайно затруднительно, ибо небольшое имение в 37 душ и крохотный дегтярный заводик малоприбыльны. Тем не менее, благодаря неожиданному оптовому заказу на деготь от вологодских купцов необходимая сумма была собрана. Девочки же усиленно готовились к поступлению, ежедневно разыгрывая в две и четыре руки различные упражнения на рояле Вирта. Иногда они устраивали для гостей импровизированные концерты.

Соседом Погожевых по имению был поэт П. А. Катенин, усадьба которого Шаево находилась в нескольких верстах от Горок. Он очень сочувственно относился к талантам юных пианисток и поражался их раннему развитию:

«Скажите пожалуйста, – говорил Катенин, – откуда взялось это чувство? Понимают ли оне, что играют? И может ли понимать девочка-ребенок? Что такое опыт жизни? Что наши страсти и сердечные ощущения, если девочка-ребенок передаст нам страдания души в музыкальных звуках и, перебирая по клавишам рояля, играет как бы по нашим сердцам, сочувствуя как бы неземным чувствам, нашим житейским страданиям?»

И многое, многое говорил восторженный Катенин, «с какой-то особенной торжественностью целуя руки у маленьких девочек».

Кологривский предводитель дворянства, следуя давней традиции, проводил сбор пожертвований в пользу детского приюта с местных помещиков. С этой просьбой он обратился к В. Н. Погожеву. О результатах разговора он доносил 8 декабря 1846 года письменно костромскому губернскому предводителю дворянства:

«Будучи движимым чувствами на пользу ближнего, в числе прочих приглашал я жительствовавшего в Кологривском уезде отставного полковника Василия Николаевича Погожева к пожертвованию в пользу детского приюта, который на сей раз по несостоянию своему от сего отказался, объявляя в полученном мною минувшего октября 26 числа письме, что он, отправляясь за границу для музыкального образования двух дочерей своих Веры 13 и Натальи 12 лет, которые изъявили желание в проезде нынешнюю зиму в Санкт-Петербург составить в г. Костроме концерт в пользу детского приюта, по примеру того, как дочери его давали концерты в 1843 и 1844 годах в пользу детских приютов в С.-Петербурге и нынешнем году в Нижнем Новгороде, о каковом желании господина Погожева долгом счел Вашему Превосходительству и довести до сведения».

В исходе февраля 1847 года почтовый дилижанс, среди пассажиров которого были и В.Н. Погожев с дочерьми, прибыл в Германию. Обе девочки Вера и Наташа были приняты в Лейпцигскую консерваторию Мендельсона-Бартольди, где стали заниматься игрой на фортепиано в классе И.Мошалеса, контрапунктом у профессоров Гаде, Рихтера и Гауптмана и игрой с аккомпанементом у Ф.Давида.

Спустя полгода юные музыкантки играли на концерте консерватории в присутствии короля Саксонского, а затем были представлены при дворе Саксен-Веймарском. Двухгодичную программу обучения сестры Погожевы освоили за год и три месяца, и, блестяще выдержав выпускные экзамены, были удостоены консерваторских дипломов.

Возвратясь в Россию, лето 1848 года они провели в своем имении Горки, где отдыхали после напряженной учебы и одновременно готовили новую программу, с которой собирались выступить осенью в Петербурге.

П.А. Катенин, навестивший Погожевых после их приезда из-за границы, написал в альбом девочек следующий экспромт:

*Вы здесь играли так прекрасно,
 Что про себя все думал я,
 Зачем нелегкая напрасно
 Несет их в чужие края?
 Чего искать у иноземцев?
 Как ни премудры их дела,
 Как мы ни почитаем немцев,
 Все слаще русских похвала.
 Я был не прав: вы там учились
 Вы с пользой время провели
 И с честной славой возвратились
 В предел отеческой земли.
 Побудьте с нами, мастерицы!
 Я не собрался до сих пор
 Взглянуть на новый блеск столицы,
 Затем, что денег нет на сбор:
 Авось я в Петербург приеду,
 А там, как долг велит уж мне,*

*Не только земляку, соседу,
Об вас спрошу я: «Где она?»
И мне ответят «Не ищите.
С отцом уехали в Берлин».
А уж конец тогда один:
Я рассержусь; любовь к искусству
Досадой в сердце заглушу
И вопреки уму и чувству
На вас сатиру напишу.*

Погожевы появились в Петербурге в конце сентября 1848 года и почти сразу же начали концерттировать. 8 и 10 октября они играли на сцене Александрейского театра в бенефис актрисы Е.Я. Сосницкой, а в конце месяца выступили в Симфоническом обществе, которое избрало их в почетные члены. Затем последовал целый ряд гастрольных поездок: в Старую Руссу, Москву, Вологду, Кострому.

Концерт сестер Погожевых, данный 27 февраля 1849 г. в пользу детского приюта Его Императорского Высочества Петра Георгиевича Ольденбургского, помог определить младшую сестру Погожевых – Софью в институт принцессы Ольденбургской. Это стало возможным благодаря растущей популярности пианисток. Известность Веры и Натальи, особенно последней, действительно была велика, однако доходы семьи от этого не преумножились, поэтому после четырехлетнего перерыва В.Н. Погожев был вновь вынужден поступить на службу, в Костромскую строительно-дорожную комиссию.

В этом же, 1850 году, В.Н. Погожев подал в Костромское дворянское депутатское собрание прошение о внесении его с семейством в дворянскую родословную книгу. Из этого документа видно, как разрослась семья Погожевых. Разумеется, ее трудно было обеспечить материально, и Наталья Васильевна, желая помочь отцу, стала давать платные уроки музыки. В числе ее учеников числился 15-летний самоучка-скрипач Платон Козырев, которого впоследствии меценат М.Н. Сипягин отправил на свои средства в Петербург учиться музыке.

В Костроме Наталью Погожеву знали не только как пианистку, но как певицу и драматическую актрису. Уроки пения она брала у Ниссен-Саломан. Наталья Васильевна мечтала учиться бель-канто в Италии и даже стала изучать итальянский язык.

В середине 50-х годов Погожевы переехали в Москву, где Наталья Васильевна получила место преподавателя музыки в Екатерининском и Елизаветинском институтах. Помимо преподавания она регулярно выступала с концертами и упорно занималась самообразованием. Столь тяжелые нагрузки дали себя знать: стало заметно предельное переутомление, постепенно переходящее в душевную болезнь. В 1856 г. родные отправили ее на лечение в Старую Руссу, но не довезли: в дороге 18 июля она скончалась. Ей было всего 22 года от роду...

После смерти Н.В. Погожевой место преподавателя музыки в Московских институтах перешло к Вере Васильевне Погожевой, в замужестве Ларионовой, но и она вскоре умерла, пережив сестру лишь на два года.

Преждевременная смерть двух дочерей глубоко потрясла Василия Николаевича Погожева, считавшего себя виновником их гибели. Его отчаяние и раскаяние вылилось на бумаге, как своеобразная исповедь, над которой он работал до самой своей смерти, пришедшейся на 30 января 1863 г.

Воспоминания В.Н. Погожева были опубликованы спустя 30 лет после его кончины. Эти мемуары отличаются живостью повествования, острой эмоциональностью, наблюдательностью и искренностью, что превращает их в интересное и познавательное произведение. Документы Костромского областного архива пополняют хронику семьи Погожевых, делая ее из историко-художественной – художественно-документальной. Впрочем, дело не только в мемуаристике. Знакомясь с музыкальным феноменом, еще раз убеждаешься: таланты нуждаются в поддержке. А это актуально и в наше время.

ВЫСОКИЙ ПОКРОВИТЕЛЬ (В.Ф. Адлерберг)

ПОЛТОРА столетия назад вдоль почтового тракта, соединявшего Галич и Кологрив, близ реки Нельши, было разбросано несколько деревень, принадлежавших графине Марии Васильевне Адлерберг (1800-1870). В этих деревнях, редко посещаемых хозяйкой: Жеребятково Фетино тож, Филатово, Стармищеве и ряде других, крестьян насчитывалось 502 души, а земли – 1804 десятины. В имении хозяйничал управляющий, регулярно собирающий с крестьян надлежащий оброк, посылаемый помещице. В общем объеме он был огромен, ведь помимо кологривских деревень, она владела еще селом Каблуковым в Буйском уезде и усадьбами Александровское и Перовское с деревнями в Галичском уезде Костромской губернии. Общее число крестьян, принадлежавших ей достигало 1067 душ, а земли 11739 десятины. Графиня Мария Васильевна Адлерберг поистине являлась крупнейшей костромской помещицей и землевладелицей.

Свои поместья Мария Васильевна получила от родителей: отца – тайного советника и кавалера Василия Ивановича Нелидова – обер-прокурора межевого департамента Правительственного Сената и матери – Анастасии Васильевны Нелидовой, урожденной Сипягиной.

Сама Мария Васильевна была принята к Высочайшему Двору, благо отличалась приятной наружностью. Спротезировала ее родная тетка Екатерина Васильевна Нелидова – сестра матери, которая сама была фрейлиной императрицы Марии Федоровны и фавориткой императора Александра I-го.

Став фрейлиной, Мария Васильевна при счастливой внешности и достатке вскоре превратилась в завидную невесту для родовитых и состоятельных молодых людей. Вскоре к семнадцатилетней красавице сосватался выпускник Пажеского корпуса, молодой офицер лейб-гвардии Литовского полка Владимир Адлерберг (1792-1884).

Владимир Федорович Адлерберг, он же Эдуард Вольдемар Фридрих, являлся эстляндским дворянином шведского происхождения. Его отцом был полковник русской службы Густав Фридрих Адлерберг, а матерью Юлия Федоровна, урожденная фон Багговут.

Воспитывался молодой человек вместе с великими князьями Николаем и Михаилом Павловичами, то есть был другом детства будущего императора Николая I-го. После окончания Пажеского корпуса, Адлерберг выпущен в лейб-гвардии Литовский полк прапорщиком, затем участвовал в Отечественной войне 1812 года, где отличился в битве при Бородино. Он также участвовал в загранич-

В.Ф. Адлерберг

ных походах русской армии 1813-1814 годов.

Предложение молодого, блестящего, заслуженного офицера, разумеется, было безоговорочно принято и самой Марией Васильевной и ее родителями. Свадьбу сыграли в 1817 году, когда Владимир Федорович был назначен адъютантом к Великому князю Николаю Павловичу для исполнения обязанностей его секретаря в походах и путешествиях. Надо заметить, что через свою жену В.Ф. Адлерберг приходился родственником поэту и драматургу Павлу Александровичу Катенину. Проследим степень их родства. Отец Марии Васильевны – Василий Иванович Нелидов – имел родную сестру Евдокию Ивановну Нелидову, которая вышла замуж за Николая Федоровича Катенина – родного

дядю поэта. Это родство принесло поэту немало пользы поскольку спасало его в самые трудные минуты жизни. Так в своих воспоминаниях об А.С. Пушкине Катенин писал:

«Приступаю к последнему моему приезду в Петербург... Положение мое жестоко изменилось: имение, за неисправность винной поставки в казну, было взято в опеку, мучительная и опасная болезнь угрожала смертью. Три дела были необходимо нужны: вылечиться, напечатать свои стихотворения и снова вступить в службу; в первом помог граф Василий Валентинович Мусин-Пушкин-Брюс, во втором Николай Иванович Бахтин, в третьем Владимир Федорович Адлерберг, что ныне граф. Я поминаю здесь почтенные имена их не затем, чтобы хвалиться тогдашним их благорасположением, но чтобы отчасти заплатить долг признательности».

Владимир Федорович Адлерберг помог устроиться родственнику на службу. Более того, он даже предложил пристроить его ко двору, о чем мечтали тогда многие, но Катенин с негодованием отверг это предложение, не желая стать «придворным шаркуном-полотером и лизоблюдом», предпочтя опасную службу на Кавказе, куда правительство, именно по причине опасности, отправляло после сибирской каторги или вместо ее декабристов. Катенин также принадлежал тайному обществу и, хотя избежал наказания, но, как видно, не освободился от чувства вины за это перед товарищами.

Был причастен к декабрьским событиям и В.Ф. Адлерберг, хотя он стоял по другую сторону от баррикад, чем его родственник. Декабрист Штейнгель, прошедший сквозь горнило следственной комиссии, свидетельствовал: «Тут же заседал, не как член, но как соглядатай, новый флигель-адъютант Адлерберг, имевший обязанность по окончании присутствия доносить императору, что и как в комитете происходило.² Однако, именно Адлербергу, скорее всего, вернее его заслугам перед императором, обязан Катенин отмене наказания за свое декабристское прошлое.

Каковы же были эти заслуги? В тот роковой день Владимир Федорович в глазах государя вел себя безукоризненно, чем заложил фундамент последующей блестящей карьеры. При первых известиях о беспорядках он привез из Аничкова дворца в Зимний наследника престола, то есть Николая Павловича, затем отправился успокоить императрицу и до прибытия государя находился при их величествах, держа наготове экипаж, готовый в случае крайности отвезти их в безопасное место. Недаром на гербе Адлербергов был девиз: «Вера и верность». Ему Адлерберги следовали всю свою жизнь.

Вполне закономерно, что при воцарении Николая I на престол полковник В.Ф. Адлерберг был произведен во флигель-адъютанты, а в 1828 году в генерал-майоры и генерал-адъютанты, а спустя еще четыре года состоялось его назначение начальником военно-походной канцелярии и членом Военного совета.

В середине 1880-х годов, будучи начальником военно-походной канцелярии, В.Ф. Адлерберг содействовал просьбе П.А. Катенина, служившего на Кавказе, вызвать ревизию Эриванского карабинерного полка, в котором поэт обнаружил злостные злоупотребления. Ревизия состоялась в 1837 году и проводил ее сам государь; злоупотребления подтвердились, в результате чего командир полка барон Розен был уволен от службы и строго наказан.

В то время Адлерберг имел чин генерал-лейтенанта, а в 1843 году стал генералом от инфантерии. Не отставала от него и супруга, получившая от императрицы звание стат-дамы, что подняло ее на высшую ступень придворной лестницы. И, наконец, пиком восхождения четы Адлерберг становится возведение их вместе с потомством в графское достоинство Российской империи. И этим не исчерпался поток благодеяний, которыми осыпал их благодарный монарх. В 1853 году Адлерберг назначается министром двора, в 1856 – канцлером Российской империи, министром уделов, членом главного комитета по крестьянскому делу. Впрочем, последними должностями он обязан уже не Николаю I-му, а его сыну Александру II-му.

Император Николай Павлович Романов умер в 1855 году и своим завещанием сделал Адлерберга своим душеприказчиком. Государь оставил ему и пенсию в размере 15 тысяч рублей, заключив завещание, касающееся его верного слуги словами: «Генерал-адъютанта Адлерберга любил я как родного брата». Так же относился к Владимиру Федоровичу новый император Александр II-й.

Мария Васильевна Адлерберг подарила мужу трех сыновей и одну дочь. По стопам отца пошел старший сын граф Александр Владимирович, который, как и его отец, воспитывался с наследником престола Александром Николаевичем и был другом его детства, а после Пажежского корпуса вышел в гвардию. Он дослужился

до тех же чинов, что и отец, и сменил отца, ушедшего в отставку в 1870 году, став министром двора и уделов.

Эта преемственность двух аналогичных родственных карьер позволила А.И. Герцену высказаться следующим образом:

«Скромно начинаясь подмастерьями, мастерами, аптекарями, немцами при детях, она (немецкая часть правительствующей в России Германии) быстро взползает по отлогой лестнице – от немцев при России, до ручных Нессельроде, цепных Клейнмихелей, до однопостасных Бекендорфов и двухпостасных Адлербергов. Выше этих гор и орлов ничего нет, то есть ничего земного... над ними олимпийский венок немецких великих княжен с их братьями, дядюшками, дедушками».³

Как бы ни оценивалась служебная и политическая деятельность отца и сына Адлербергов, но в причастности к русской истории им нельзя отказать. Оба они являлись крупными государственными чиновниками России на протяжении почти всего XIX столетия. И пусть костромские деревни бывшего графского имения составляли лишь небольшую часть с семейного достатка, и сейчас представляют собой в основном пустоши, мы должны помянуть их владельцев Адлербергов, чтоб хотя бы частично восстановить историю прежнего Кологривского, а ныне Нейского района.

Примечание:

1. Пушкин в воспоминаниях современников. Л.-д. 1950. С.154
2. Мемуары декабристов. Северное общество.

М.1981. С.225

3. Герцен А.И. П.С.С. Т.ХIV. М.1958. С.148-149

ЛЕВАШОВЫ – РОДСТВЕННИКИ И СОСЕДИ ПОЭТА

В

ПРЕДРЕФОРМЕННЫХ списках дворян Кологривского уезда значится владелец усадьбы Жураново и ряда прилежащих деревень Николай Федорович Левашов. Его усадьба находилась всего в трех верстах от уездного города

Кологрива при большой столбовой дороге в Вятку, близ реки Улжи, а принадлежавшие к усадьбе деревни: Овсянниково, Волино или Федорково, Плосково, Велегово, Плушино, Остафьево, Моркинино, Окатово и Горка с пустошами Капустиной, Новой, Судиловой, Поляниной и Алексиной – отстояли от усадьбы Жураново на разных расстояниях, но все размещались на территории нынешнего Илишевского сельсовета Кологривского района. Большой частью эти селения уже исчезли с лица земли.

В советское и постсоветское время территория бывшего Овсянникова перешла центральной усадьбе колхоза «Россия». А на земле бывшей усадьбы Жураново, где еще сохранились от старого парка лиственницы и серебристые тополя, долгое время размещался свиноводник.

Овсянниково известно с 1616 г. г. да, когда в нем было всего два крестьянских двора, а в 1620 году его владельцем числился московский дьяк М.И. Раевский, получивший поместье за оборону Москвы от поляков¹.

Левашовы, как владельцы вышеуказанных земель, прослеживаются по архивным документам лишь с первой трети XIX столетия. Скорее всего, они приписались к Костромской губернии, будучи прежде помещиками другой, видимо Новгородской губернии. Так позволяет считать обнаруженный в Государственном архиве Костромской области документ, представляющий собою прошение отставного поручика Николая Федоровича Левашова от 30 июня 1838 года:

«Имею я желание обще с женою своею Марией Николаевной, урожденной Голенищевой-Кутузовой и потомством своим, то есть детьми: сыновьями Федором и Иваном и дочерьми Ларисой и Людмилой, быть внесенным по Костромской губернии в дворянскую родословную книгу и на дворянское достоинство иметь грамоту и потому прилагаю при сем пашпорт об отставке моей, данной в 21 день ноября 1829 года, о браке свидетельстве 10 января 1830 года и о рождении детей моих Костромской и Новгородской губерний консисторий»².

Из этого же архивного дела видно, что Николай Федорович Левашов был сыном полковника в отставке Федора Кондратьевича Левашова, которому Кологрив, куда он приехал на жительство по отставке, обязан постройкой соборной церкви.

Вслед за отцом сын также стал военным. Николай Федорович начал службу с 1819 года, в отставку ушел в чине поручика в начале 1829 года, в связи с предстоящей женитьбой на Марии Николаевне Голенищевой-Кутузовой из рода, давшего России знаменитого полководца Михаила Илларионовича Кутузова.

В своей новой усадьбе Николай Федорович Левашов в основном занимался сельским хозяйством, однако, как и его отец, он не забывал и о благотворительности, что нашло отражение в газете «Костромские губернские ведомости»:

«Кологривский помещик, отставной поручик Николай Федорович Левашов, желая оказать некоторым семействам в сущей их бедности пособив, предложил дать в пользу их благородный спектакль, каковой им в усадьбе его Журанове 10 февраля сего года вместе с прочими, принявшими в оном участие благородными лицами и дан. Собранная при сем сумма – 120 рублей им, Левашовым, препровождена к исправляющему должность кологривского городничего для доставки оной по назначению».³

В этом спектакле 1851 года участвовали и подростки дети Николая Федоровича, входившие в состав труппы самодеятельного театра. Один из сыновей – Федор Николаевич – потомственный военный, поручик в отставке, был женат на Анне Гавриловне Невельской – дочери капитана первого ранга Гавриила Ивановича Невельского и его супруги Ольги Афанасьевны, урожденной Перфильевой. После отставки от тридцативосьмилетней службы во флоте Г.И. Невельской поселяется в имении зятя в Журанове, чтоб быть вблизи дочери, где и умирает в 1841 году, в возрасте 68 лет. Его супруга Ольга Афанасьевна, прозванная за большую физическую силу «Медведицей», пережила мужа на три года, ее умертвили понесшие лошади, их дочь Анна Гавриловна, вышедшая замуж за Н.Ф. Левашова, была не единственной дочерью, ее сестра Екатерина Гавриловна (1828-1900) стала женой кологривского помещика Михаила Жохова и дожила до семидесятилетнего возраста.

Другой сын Николая Федоровича Левашова – Михаил Николаевич Левашов – служил агентом земского страхования Кологривского уезда в чине губернского секретаря. Братья являлись наследниками отца и будущими владельцами усадьбы Жураново с вышеперечисленными деревнями со 117 мужского и 115 женского полдушами, как указывалось в ревизской сказке, составленной на 15 мая 1858 года.

Помимо загородного имения Н.Ф. Левашов имел собственный дом в Кологриве, который начал строить еще в 1830-х годах. Он не сразу сумел найти подходящее место для строительства и о его поисках земельного участка рассказывает документ, хранящийся в Костромском областном архиве. Это донесение кологривского городничего костромскому губернатору Григоровичу, где говорится:

«Кологривский помещик, отставной поручик Николай Федорович Левашов, в поданом в правление прошении изъяснял, что по набережной реки Унжи господином начальником губернии разрешено выстроить пять домов и просит отвести ему место для постройки дома. А по справке с делами городнического правления оказалось, что предписания на постройку пяти домов по берегу реки Унжи как от Вашего Превосходительства, так и от бывших господ начальников губернии не имеется. На месте же, о котором просит г. Левашов, состоящем по плану на выгонной земле,

построен назад тому лет двадцать, один дом, принадлежащий полковнику Павлу Александровичу Катенину, а прочие места по набережной, находившиеся под выгоном, имеют грунт земли песчаный, на ней даже и трава не растет, следовательно городская по набережной реки земля остается праздною и не приносящую никакой пользы. Почему предоставляя в подлиннике объявление г. Левашова честь имею испрашивать Вашего Превосходительства начальственное разрешение на отвод г. Левашову земли для постройки дома разрешения. Июня 14 дня 1838 года».⁴

Дом Левашовы выстроили и он передавался нескольким последующим поколениям и в последний раз упоминался в документах уже в советское время (в 1922 году) в связи с репрессиями над дворянскими представителями. В них значился праправнук Николая Федоровича Левашова – Николай Михайлович Левашов, проживавший в Кологриве на Садовой улице в доме №23. Он вместе со своими дочерьми в начале XX века состоял в обществе вспомоществования нуждающимся ученицам Кологривской гимназии, продолжая благотворительные традиции своих предков.⁵

Пересечение фамилий Левашовых и Катениных в документе о выделе земельного участка под строительство дома не было случайным. Надо заметить, что Николай Федорович Левашов со своими предками и потомками составляли лишь одну из ветвей рода. В Костромской же губернии были и другие ветви этой фамилии, являвшиеся отростками одного родового дерева, с которыми Катениных связывали родственные узы.

Так Николай Александрович Левашов, сын Александра Ивановича Левашова и его второй супруги Екатерины Владимировны, урожденной Шереметьевой, в 1832 году обвенчался с Марией Андреевной Катениной, кузиной поэта П. А. Катенина. К сожалению, их брак был недолгим, поскольку Мария Андреевна Левашова, урожденная Катенина, умерла рано, в 1844 году. До нас дошел ее портрет, который хранится в Костромском художественном музее.

Примечания:

1. Белоруков Д. Ф. Вот моя деревня. Газета «Знамя Ильича» (Кологрив). 1990. 1 июня
2. ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 3250. Л. 2
3. КГВ. 1851. №17

4. ГАКО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 17. Л. 38
5. Кологривская женская гимназия. Отчет о деятельности за 1914 г. Кологрив. 1915.

РЕВНИТЕЛЬ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (М.И. Катенин)

ЗРАНЯЩИЙСЯ в Кологривском краеведческом музее фото-портрет М.И. Катенина некогда украшал стены Кологривской женской прогимназии. Это подтверждает печатная этикетка на лицевой стороне портрета: «Михаиль Ивановичъ Катенинъ. В память плодотворной деятельности на пользу Кологривской Женской Прогимназии. 1871-1889». Есть и другая – чернильная надпись на обороте, гласящая, что фотопортрет М.И. Катенина был заказан Кологривским купцом Бороздиным в память видного земляка.

Кем же был этот породистый, представительный, на вид тридцатипятилетний мужчина, увековеченный на большеформатном фото? Михаил Иванович Катенин стал последним, седьмым ребенком в семье полковника Ивана Николаевича Катенина и его жены Надежды Михайловны, урожденной Шиповой. Однако лишь двое детей являлись сыновьями, первый и последний, остальные пятеро относились к слабому полу. Возрастная разница между братьями Катениными была разительной – в девятнадцать лет, может потому Николай Иванович пользовался у младшего брата непререкаемый авторитетом.

Михаил родился в городе Любиме Ярославской губернии 23 февраля 1837 года. Впрочем, место его рождения можно в какой-то мере назвать случайным, поскольку мать родила его, будучи в гостях у родных, а настоящее «дворянское гнездо» семьи Катениных находилось в Чухломской усадьбе Занино с прилегающими деревнями: Никольским заводом, Петрушиным, Михалевым, Муравьищем и другими.

Учился Михаил Катенин в Санкт-Петербурге в привилегированном Училище правоведения, из которого вышел в 1856 году в чине коллежского советника, закончив полный курс.

В столице сложилось родственно-дружеское окружение молодого юриста и прежде всего в доме его старшей сестры Лидии Ивановны Катениной, бывшей замужем за полковником Ген. Их дочь Надежда, будущая писательница Белозерская, познакомила молодого дядюшку с группой украинских писателей и поэтов: Т.Г. Шевченко, П.А. Кулишом и В.Д. Костомаровым.

Шестидесятые годы знаменательны для М.И. Катенина получением целого ряда крупных наследств от умерших родственников. Во-первых, от погибшего

М. И. Катенин

в 1853 году двоюродного дяди генерал-майора и поэта Павла Александровича Катенина, затем от другого родственника полковника Алексея Ивановича Шипова и, наконец, от покойного родителя Ивана Николаевича Катенина.

Поскольку на долю братьев Катениных выпало немало сел и деревень, то, чтоб не запутаться в них, они, собрав все наследства вместе, 7 января 1863 года совершили полюбовный раздел и в раздельном акте оговорили свою долю наследства. Михаил Иванович писал:

«Я, Михаил Катенин, беру себе на часть Кологривское имение в полном его составе со всеми землями, какие остались после матери полковника Шипова, подпоручицы Александры Алексеевны Шиповой и генерал-майора Павла Александровича Катенина и в Кологривском уез-

де принадлежащее означенным вотчинникам по документам и другого рода актам все без остатка, примерно до 8136 десятин с поселенными на них временнообязанными крестьянами и дворовыми людьми».¹

Далее конкретизировались места: по селцу Шаёву, с деревнями: Мартыанкой, Красавицей, Боровицею, Казанкой, Сергеевой и Починком Александровым, по деревням: Палкиной, Половинной, Шлыковой и Любятиной, Бадиной, Ярославцевой, Белавиной, Мелентьевым, Королевой и др. Брату Николаю отошли Макарьевские земли. Кроме того, в общем их владении оставались поместья в Чухломском уезде.

В 1864 году, после введения во владение наследством, Михаил Иванович официально становится Кологривским помещиком. С этих пор он делит свою жизнь надвое: на кологривский и чухломской периоды. Праздники, как правило, он проводит в Чухломе, в кругу друзей. Об одном из них – маслянице – он даже написал в «Костромские губернские ведомости», подписав заметку инициалами М. К-нъ. Вот отрывок:

«11 февраля, в четверг, на маслянице, происходило здесь литературное чтение в пользу нуждающихся учеников Чухломского училища. В чтении принима-

ли участие: Н.А. Перфильев, М.И. Катенин, А.А. Ген, П.В. и Л.Н. Жадовские и К.О. Красовский. Читано было, между прочим, «Говорят, будет воля» – сцены Зиновьева, отрывок из очерков Писемского «Русские лгуны», а г. Жадовская прочла ряд стихотворений ее мужа П.В. Жадовского, также участвовавшего в чтении. Залю, где происходило чтение, было полнее обыкновенного и собралось до 80 человек, что дало сбору около шестидесяти рублей серебром.

Итак, Чухлома во многом стоит выше других уездных городов и грустно крайне будет, если не устроят здесь прогимназию и даже, как я слышал, существующее училище хотят закрыть, несмотря на то, что Чухлома по расстояниям от Галича, Буя, Солигалича и Кологрива, занимает самое центральное место».²

Мечта автора статьи о прогимназии в провинции все же осуществится, хотя и не сразу и не в этом городе.

Еще когда двадцатисемилетний Михаил Катенин стал кологривским помещиком, его соседи-дворяне выдвинули его на пост уездного предводителя на трехлетие с 1863 по 1865 год. Не имея ни опыта, ни склонности к административной работе, Михаил Иванович тем не менее не смог отказаться от лестного предложения, по мягкости натуры не желая оскорбить оказавших ему честь земляков. Лямка эта, впрочем, оказалась не по силам молодому человеку и он в конце того же года попытался сбросить ее под благовидным предлогом. В Костромском областном архиве сохранилось прошение Михаила Катенина, кологривского предводителя дворянства, от 23 ноября 1863 года с просьбой об отставке с должности по состоянию здоровья, что было исполнено губернским правлением в феврале 1864 года.³

В 1860-х годах в Кологриве насчитывалось три учебных заведения: приходское, уездное и женское училища, однако все они давали лишь нижние ступени знаний. Будучи свыше года уездным предводителем, и, следуя Высочайшему положению о женских училищах, Катенин вошел в состав новообразованного попечительного совета при Кологривском женском училище, во главе которого станется сначала госпожа Крепнишь, а вскоре и он сам. Оба они в течение нескольких лет активно работают, особенно М.И. Катенин, который по сохранившемуся отчету «всецело был предан училищу; все, что только зависело от него, он делал для пользы училища: лотереи, спектакли, литературные вечера и разные другие способы были предпринимаемы им для изыскания средств к материальному улучшению училища». Не без его помощи при училище начинает формироваться библиотека.

Здание Кологривского женского училища, основанное местной помещицей Шубиной в 1849 году в купленном доме, за долгое время основательно обветшало и попечительный совет во главе с М.И. Катениным стал собирать средства на постройку нового здания.

Полному забот Катенину все же не раз приходила в голову мысль, что он остался в стороне без всякого применения профессиональные навыки юриста. Конечно, он без труда мог быть избранным на новую, в 1864 году появившуюся должность мирового судьи, благо образовательным и имущественным цензом он располагал. Однако, эта работа поглотила бы его время целиком, оторвав от хозяйственных дел

по большому имению. Выход все-таки нашёлся. В 1869 году М.И. Катенин избирается на трехлетие почетным мировым судьей. Почетный судья в отличие от простого мирового лишь подменял участкового судью в экстренных случаях, что было не столь обременительным и в то же время престижным. Эта должность служила фундаментом для дальнейшей административной карьеры. И действительно, спустя три года М.И. Катенин вновь баллотируется в уездные предводители. Но на этот раз это уже не молодой и неопытный человек, боящийся ответственности, а тридцатипятилетний зрелый мужчина, положительно проявивший себя на административном поприще. И Михаил Иванович был единогласно утвержден на должность уездного предводителя сроком с 1872 по 1875 год.

Новый пост дал возможность М.И. Катенину превратить свою давнюю мечту в действительность. «Наконец-то, – писала в своей книжке Е.Г. Лопатина, – по инициативе предводителя дворянства и земского гласного Михаила Ивановича Катенина постановлено на собрании сессии 1872 года преобразовать женское училище в женскую прогимназию, на что ассигновать 1300 рублей единовременно и ежегодно по 600 рублей, на каковую сумму и содержать трех степендиатов из детей крестьянского сословия».⁴

Торжественное открытие прогимназии совершено 1 октября 1872 года. Председателем попечительного совета был избран М.И. Катенин. В первый год новое учебное заведение насчитывало 37 воспитанниц: 17 приходящих и 20 живших в пансионе. Уже на следующий год, благодаря стараниям попечителя был выстроен новый дом для прогимназии, описание которого сохранилось благодаря докладу врачебного инспектора М.А. Невского: «Женская прогимназия находится на окраине города, на возвышенном и сухом месте, при ней имеется садик. Помещается в 2-х деревянных на каменных фундаментах корпусах, соединенных между собой пристройками. В первом корпусе с мезонином устроены классы и церковь, разделенные между собой коридором. Во втором корпусе, в недавно выстроенном нижнем этаже помещаются столовая и кухня. В верхнем этаже помещаются дортуары (спальня) на 20 девиц. Позади их находятся две спальни комнаты надзирательниц. В доме, находящемся между двумя корпусами, находится зал для рукодельных классов и помещение для начальницы прогимназии».⁵

Председатель педагогического совета г. Михайлов в отчете за 1878-й год с особенным чувством благодарности говорит о деятельности М.И. Катенина и об отдельных постановлениях попечительного совета, касавшихся, например, сада, который был разбит в 1874 году и устройство которого обошлось в 100 рублей, фундаментальной и ученической библиотеки, главное основание которой в 1875 году положил г. Катенин своим значительным пожертвованием и его более мелкими заботами о вентиляции, о преподавании искусств и так далее... Не все, однако, идеи его встречали одобрение членов совета. Как свидетельствуют некоторые документы, в частности записка Ф.И. Иорданского: «Шестого февраля 1875 г. в Кологривской прогимназии происходило совещание попечительного совета относительно того, что назначенное место для церкви при прогимназии, на устройство которой выдана храмосданная грамота, не может быть обращено в временный

театр. Три члена: сам председатель, попечительница и начальница признавали это возможным, я же со своей стороны сказал, что считаю это неприличным и ненужным, так как есть другие комнаты, присовокупив, что в противном случае могут последовать донесения спархальному начальству со стороны духовенства, а также полиции потому, что детский театр из домашнего принимает вид публичного по случаю развоза по городу билетов и афиш и больших затей по устройству его. Вдобавок к этому я сказал, что считаю неприличным даже и то, что по распоряжению первенствующих членов водят воспитанниц на генеральные репетиции общественного театра, где даются водевили и другие подобные им пьесы, которые по содержанию своему могут весьма вредно влиять на умы и сердца детей. Наконец я присовокупил, что вообще возмущаюсь тою неурядицею, которая произведена устройством этого театра. Так в течение всего января месяца все воспитательницы и воспитанницы вскружились и взбаламутили свои умы одними заботами о постановке театра, а другие заучиванием розей». ⁶

Трудно пробивала себе дорогу культура в провинциальном городе.

Во второй половине 70-х годов в жизни Михаила Ивановича произошло знаменательное событие: он сочетался брачными узами с Елизаветой Николаевной Григорьевой – дочерью кологривского дворянина. А в 1878 году у них родилась дочь Лидия. Молодые жили в доме тестя в Кологриве, где Михаил Иванович возглавлял уездную земскую управу. Погрузившись с головой в семейную жизнь и новую работу, М.И. Катенин оставил на втором плане свои хозяйственные дела по поместьям, поручив их посредникам, не всегда вызывающим доверие. И вскоре это дало свой печальный результат. Заручившись доверительными документами, эти люди пустились в сомнительные операции по сплаву леса и оставили горе-предпринимателя в значительном убытке. Смерть брата Николая, умершего в 1883 году, и наследство, полученное Михаилом Ивановичем, позволило на некоторое время отодвинуть надвигающуюся катастрофу, но предстоящее разорение было уже неминуемо. В 1885 году была описана часть имения должника за неплатеж им жене надворного советника Юлии Дмитриевне Рузской двух тысяч рублей, состоящая в Чухломе и заключающаяся в двухэтажном доме на углу Никольской и Овальной улиц и участка земли в 500 квадратных метров, которые достались ему после брата его инженер-капитана Николая Ивановича Катенина.

Предвидя разорение, Михаил Иванович перевел кологривское поместье на подставное лицо, что, впрочем, не осталось тайной для властей, наблюдавших за уехавшим в Чухлому банкротом.

В архиве хранится конфиденциальное письмо управляющего акцизными сборами Костромской и Ярославской губерний Кологривскому исправнику:

«Ваше Превосходительство, Милостивый государь Виктор Васильевич! Местным акцизным надзором представлена ко мне засвидетельствованная нотариальным порядком копия с договора, заключенного владельцем Шаевского винокуренного завода, надворным советником Михаилом Ивановичем Катениным с отставным фейерверкером Бороздиным. Из договора этого видно, что г. Катенин

передат Бороздину в арендное содержание сроком на десять лет усадьбу с землей, лесными дачами, заводами: винокуренным, сыроваренным, лесопильным, механико-механическим, мельницею, полным инвентарем с сеянными полями, пшеничным хлебом и спиртом, товарами в складах, харчевыми припасами, словом сказать, полное имение только за 500 рублей в год. Очевидно, что такой договор есть не более как документ фиктивный, а потому, опасаясь, чтобы арендатор завода, начавший винокурение от своего имени, не допустил захвата акциза, я обратился к г. Кологривскому уездному исправнику с конфиденциальной просьбою распорядиться, чтобы чины местной уездной и сельской полиции, в случае обращения к ним акцизных контролеров за помощью, немедленно оказывали последним свое содействие.

В настоящее время я имею дополнительные сведения, что к Катенину было предъявлено в последнее время исковых требований слишком на 120000 рублей, тогда как имение его было оценено лишь в 50000 рублей и означенный договор был совершен действительно во избежание продажи имения». ⁷

Внешне же все выглядело благополучно: с 1884 по 1890 года Катенин избирался председателем Чухломской уездной земской управы и за службу получил орден Владимира IV степени. Однако он уже лишился своей чухломской усадьбы, которую тщетно старался спасти. А.Д. Ласточкин, бывший крепостной Катениных, вспоминает:

«Усадьба Зашино ликвидирована при Михаиле Ивановиче Катенине, который разорился на неудачных сплавах леса и вошел в большие долги. Два раза был аукцион по продаже недвижимости. Зашино было фиктивно переведено на чухломского городского голову Ивана Ивановича Иудина». ⁸

Стрессы, связанные с финансовым крахом, сказались на слабом здоровье несчастного предпринимателя и 11 декабря 1891 года он скончался. Смерть Михаила Ивановича пришлось на день рождения его дяди – поэта Павла Александровича Катенина.

Вдова покойного – Елизавета Николаевна – долго еще оплачивала долги мужа, которого это уже не могло огорчать: он мирно почивал рядом с братом в родовой усыпальнице села Муравьища.

Единственная дочь М.И. Катенина – Лидия Михайловна, которой во время смерти отца шел четырнадцатый год, выучилась на медика, какое-то время работала в земской больнице, в 1914 году заведовала лечебно-питательным пунктом в Кинешме и впоследствии связала свою судьбу с революционным движением. Известно, что она разработала и осуществила побег из тюрьмы известной революционерки Землячки. Умерла в Москве в 1960 году.

Пережила своего создателя и Кологривская женская прогимназия – любимое детище М.И. Катенина. Преобразовавшись в 1898 году в гимназию, благодаря активной деятельности другого выдающегося деятеля народного просвещения – Прасковье Дмитриевне Антиповой, она просуществовала до 1918 года, регулярно снабжая школы губернии учителями, подготовленными для работы в ее стенах.

Примечания:

1. ГАКО. Ф.125. Оп.1. Д.16. Л.7	6. ГАКО. Ф.144. Оп.1. Д.218. Л.11 (Сообщено И.Х.Тлиф)
2. Костромские губернские ведомости. 1865. №8.	7. ГАКО. Ф.133. Б/ш. №857. 1887.
3. ГАКО. Ф.122. Оп.1. Д.3484. Л.1	8. Воспоминания Алексея Дмитриевича Ласочкина записал с его слов краевед и директор Чухломского краеведческого музея Л.Н.Казаринов 6.10.1929 года. Хранятся в Чухломском краеведческом музее.
4. Е.Г. Лопатина. К 25-летию Кологривской женской прогимназии. Кологрив. 1902. С.7	
5. Костромские губернские ведомости. 1880. №11 от 12 марта.	

Обретенные ИМЕНА

ЛИКИ И ЛИЦА. ОБРЕТЕНИЕ (А.М. Горшман)

З А давностью лет многие живописные полотна стали безымянными. Определение анонимных произведений – задача атрибуции. Она дает возможность установить изображенную модель, автора работы, время и место написания. Специалистов-атрибутистов учебные заведения в России не готовят. Один из немногих, работающих в этой области на уровне профессионала – Александр Михайлович Горшман. За последние двадцать лет его усилиями обрели свои имена несколько десятков художественных произведений из фондов Костромских музеев.

За основу атрибутической методикой А. Горшман избрал положение из Устава строевой службы, гласившее: «Ношение гг. генералами, штаб и обер-офицерами и нижними чинами мундира не своего полка возбраняется вообще, буде оные на службе или в отпусках, а ежели кто в сем повинен будет, то исключается из службы с лишением чинов и запрещением впредь вступать в военную службу». Подобное же правило существовало и в отношении гражданских чиновников, имевших форму, соответствовавшую их служебному ведомству.

По мнению А.М. Горшмана, определение портретов неизвестных военных и гражданских чиновников по признакам их форменной одежды и знакам отличия является наиболее достоверным способом искусствоведческого изучения. Место службы изображенного, а также и время написания портрета устанавливается по мундиру, сюртуку или иной униформе, по их цвету и различным деталям: выпушке, пуговицам и петлицам, шитью на воротниках и эполетах, а также по наградам. Учитывая чин и возраст, ордена и медали, по справочным изданиям, послужным спискам военных и гражданских чинов устанавливается конкретное лицо.

А.И. Горчаков

Подчас потенциальных кандидатов оказывается более десятка. Поиск продолжается не только в центральных, но и местных, частных архивах. Информация о том, откуда поступил портрет в музей, из какой усадьбы или семьи, где работал художник, где пребывал изображенный в данное время, – дают исчерпывающие доказательства той или иной версии. Исследования местных архивов позволяют восстановить биографию, происхождение модели, дают возможность обнаружить какое-либо другое изображение для идентификации персонажа.

Главный принцип А. Горшмана – историческая точность, учет всех подробностей, не допускающих вольных обобщений и домыслов. В одном из писем Костромскому краеведу А.А. Григорову он заметил: «В атрибуции мелочей нет, ибо сама атрибуция из мелочей состоит». Бывает, проходят годы, прежде чем в руки

попадутся требуемые сведения, превращающие догадку в исторический факт.

Обратясь к переписке А.М. Горшмана с краеведами и сотрудниками Костромского художественного музея, хочется предложить вниманию читателя ряд таких атрибутивных находок.

1. ГЕНЕРАЛ-СМУТЬЯН И ФОТОНЕГАТИВ 516

В книге А.М. Амшинской «В.А. Тропинин» (М. 1970 г.) в перечне произведений Тропинина, находящихся в музеях и частных коллекциях, читаем: «Тропинин В.А. Портрет П.А. Тучкова Костромской музей». В Кострому это полотно поступило в 1929 году в числе ряда работ из Государственной Третьяковской галереи. У музейщиков такое определение модели вызвало сомнение из-за явного несходства с другими изображениями П.А. Тучкова. Это подтвердил по запросу Е.В. Сапрыгиной Ленинградский историк В.М. Глинка. Музейные сотрудники через краеведа А.А. Григорову обратились за помощью к А.М. Горшману. Первоначально он выдвинул гипотезу, что это может быть генерал от инфантерии А.Я. Рудзевич. Но последующие поиски привели к иному результату.

А.М. Горшман – А.А. Григорову, 14.10.81 г.

«...Должен перед Вами извиниться, что поторопился с определением генерала на портрете Тропинина как Рудзевича... На самом деле изображен на портрете генерал от инфантерии князь Андрей Иванович Горчаков. Взяв в ЦГВИА послужной список, я не нашел сведения о награждении его австрийским орденом Марии-Терезы, а у генерала на портрете этот орден есть»...

Исчерпывающее определение портрета Александр Михайлович дает в письме от 26.04.82 старшему научному сотруднику музея В.Н. Лебедевой:

«Следует считать, что портрет этот был написан Тропининым в промежутке времени между 1817 и 1822-м гг. На этот период времени в России было 24 генерала, являющихся кавалерами ордена св. Георгия 2-го класса и портреты всех этих генералов были написаны Доу и помещены в галерею 1812 года Эрмитажа.

Репродукции с этих портретов были напечатаны в монументальной монографии «Военная галерея 1812 года», изданной экспедицией заготовления государственных бумаг в 1912 году, к празднованию столетия юбилея Отечественной войны 1812 года.

Сравнивая изображения генералов, награжденных орденами св. Георгия 2-го класса с портретом нашего генерала, я увидел, что генерал-лейтенант, князь Андрей Иванович Горчаков, очень похож: такого же мягкого очертания овал лица, прямой нос, небольшой рот с несколько выдающейся вперед нижней губой, линии глаз и бровей и особенно небольшой шрам на правой брови, да еще курчавые волосы. Все это было таким же и у генерала на портрете работы Тропинина. Также несомненным было и сходство в наградах у Горчакова, у которого кроме указанного уже ордена св. Георгия 2-го класса, были видны на мундире орденские звезды Александра Невского и Владимира 1-й степени, а также боевая медаль 1812 года и орден Марии Терезии 3-го класса. Правда, двух других орденов, имевшихся у Горчакова, прусского Красного Ордена и Сардинского военного ордена Лазаря и Маврикия, у нашего генерала не было. Но эти два ордена не относились к наиболее почетным наградам, которые полагалось носить постоянно... В.М. Глинка указывал, что генералы, жившие после окончания войны с Наполеоновской Францией в Москве и не хотевшие или не имевшие возможности, по ряду причин, приезжать в Петербург для позирования Доу, чтобы художник мог написать их портреты для помещения в галерею 1812 года, заказывали свои портреты В.А. Тропинину, а затем отсылали их в Петербург, где Доу и его помощники копировали изображения с небольшими изменениями, каглюющимися наград и мелких деталей обмундирования. Также и Горчаков, живший в Москве, очевидно послал в Петербург свой портрет, написанный Тропининым...

Теперь можно окончательно утверждать, что портрет, ранее именовавшийся изображением П.А. Тучкова, на самом деле является портретом А.И. Горчакова — известного генерала эпохи войны 1812 года и героя Бородинского сражения. Кроме того, он был родным племянником А.В. Суворова и, возможно, такому родству обязан был своей блестящей карьерой, поскольку 18-ти лет от роду он был уже подполковником гвардии и флигель-адъютантом Павла I. Однако ему пришлось претерпеть немало придинок и упреков от царя, когда тот захотел вернуть на службу Суворова, а старый полководец, приехавший в столицу, открыто высмеивал перед императором все недостатки и неудобства введенной Павлом прусской военной формы. Когда же Суворов отказался от приглашения вернуться на военную службу и уехал в Кончанское, то Павел в порыве гнева приказал исключить со службы и Горчакова, но уже через несколько дней снова вернул его в свою свиту и произвел в полковники гвардии.

В 1798 году, девятнадцати лет, Горчаков получил чин генерал-майора гвардии и был награжден Павлом командорским крестом Мальтийского ордена, владенного гроссмейстером этого старинного рыцарского ордена... В начале 1799 года Горчаков был определен состоять при штабе Суворова, когда полководец был назначен командующим войсками, направленными в Италию на помощь австрийской армии, ведущей боевые действия против французов. Во время Итальянской, а затем и Швейцарской компании, Горчаков проявил себя как храбрый и энергичный боевой генерал, обладавший незаурядными военными способностями. Боевое крещение он получил в сражении на р. Тидоне 6-го июня 1799 года, где команду двумя казачьими полками и четырьмя батальонами пехоты, совершил несколько стремительных атак на правый фланг противника и заставил французов отступить с поля боя. За Тидону Горчаков был награжден алмазными знаками ордена св. Анны 1-го класса, от австрийского командования получил орден Марии Терезы 3-го класса, а от имени Сардинского короля получил орден Лазаря и Маврикия. Затем он отличился в известном сражении при Нови 4 августа 1799 года, когда находясь в отряде Багратиона, командовал егерями и гренадерами, а затем контратакой сбил их с позиции и заставил покинуть поле боя с большими потерями. Затем Горчаков участвовал в Швейцарском походе и отличился при взятии Сан-Готардского перевала и Чертова моста, также находился в сражениях у Клеинталя и Муттенталя и участвовал в переходе Паникса. За участие в Итальянской и Швейцарской войнах Горчаков был произведен в генерал-лейтенанты и получил также орден Александра Невского и бриллиантовый знак командорского ордена Иоанна Иерусалимского, как назывался в России Мальтийский орден. Во время Австрийского похода 1805 года Горчаков находился в резерве, будучи шефом Тамбовского мушкетерского полка. В 1806 г. он сформировал из новобранцев 18-ю пехотную дивизию, в которой участвовал в войне против французов в 1807 году, особо отличаясь в сражении при Фридланде 2-го июня, где он вместе с поступившими под его начало 3-й, 4-й, 6-й и 7-й дивизиями оборонялся в течение почти целого дня, давая возможность остальным частям русской армии переправиться через реку Алле. За храбрость и мужество, проявленные в сражении под Фридландом, Горчаков был награжден бриллиантовым знаком ордена Александра Невского, а от союзного Прусского командования получил военный орден «За заслуги».

После заключения Тильзитского мира он снова был назначен начальником 18-й пехотной дивизии, но с 1809 года в карьере Горчакова наступил трехлетний вынужденный перерыв.

Лишь в начале 1812 года, когда ясно обозначился разрыв между Россией и Францией, Горчаков по ходатайству Багратиона и Барклая де Толли снова был зачислен на службу и состоял при штабе 2-й Западной армии Багратиона. Особенно отличился Горчаков в Шевардинском сражении, командуя войсками, оборонявшими редут и отражая с 11-тысячным отрядом атаки 35 тысяч французов. В Бородинском сражении Горчаков отличился, руководя сопротивлением войск, защищавших Багратионовы флеши. Будучи тяжело ранен, он должен был долго ле-

читься и вернулся в армию только в январе 1813 года. За отличие в Шевардинском и Бородинском сражениях он был награжден орденом св. Георгия 3-й степени. В компании 1813 года отличился в сражении 20 апреля под Люценом, 8 и 9 под Ауценем и был награжден золотой шпагой, украшенной алмазами и надписью «За храбрость», а также орденом св. Владимира 2-й степени. Затем он участвовал в сражении при Дрездене 15 августа 1813 года и в знаменитом Лейпцигском сражении 4-го, 6-го и 7-го октября, в котором также храбро командовал отрядом войск на левом фланге и получил в награду орден св. Владимира, 1-й степени, а от прусского командования – орден Красного Орла 1-го класса. Участвовал он и в боях кампании 1814 года на территории Франции и снова отличился при взятии Парижа, за что был награжден очень редкой наградой – орденом св. Георгия 2-го класса и произведен в чин генерала от инфантерии.

По возвращении в Россию он был назначен членом Государственного Совета, а в следующем 1817 году, он попросился в отставку по нездоровью от полученных ран, которая ему была дана «с мундиром и пенсионом полного жалования». Пенсией этим Горчаков почти не пользовался, распорядившись пересылать его в инвалидный капитал. Выйдя в отставку, поселился в Москве и дожил до глубокой старости. Обладая отличной памятью и обширным личным архивом, он был как бы живым источником прошедших войн для историков и исследователей. Скончался он в 1855 году, 76 лет от роду.

Окончательным итогом этого научного исследования стало подтверждение из Третьяковской галереи от 16.02.1981 г., присланное старшему научному сотруднику художественного музея В.Н. Лебедевой:

«Уважаемая Вера Николаевна! В ответ на Ваше письмо сообщаем, что в фототеке Третьяковской галереи находится фотография интересующего Вас портрета. Ваши предположения оказались верными. Это, действительно, портрет А.И. Горчакова, написанный около 1819 года. Мы посылаем Вам выходные данные только фотографий, хранящейся в нашем музее: негатив 516 отпечаток № 3405/128.

2. ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ИЛИ ПЕТР ПРОКОФЬЕВИЧ?

«Портрет командора» кисти неизвестного художника XVIII века в музейные фонды попал из усадьбы Зиновьево, принадлежавшей в свое время генерал-майору П.Я. Корнилову, герою войны 1812 года. Возможно надпись на наклейке с оборота портрета «Иван Михайлович Клементьев» появилась после первой реставрации (дублировки холста). На ее основании и считался изображенным Иван Михайлович Клементьев. Поиск его биографических данных привел к неожиданному открытию.

Горшман – А.М. Сапрыгиной Е.В., 1.03.82 г.

«...В Морском же сборнике, в части, где приведены списки морских офицеров, начавших службу до царствования Екатерины II, нашел я сведения о службе Клементьева И.М., из которых увидел, что до капитан-командора он не дослужился».

живался, а изображен на портрете, который находится в музее и фото с коего Вы мне прислали, по всей вероятности, капитан бригадирского ранга Клементьев Петр Прокофьевич. Кстати, чин капитан-командора был введен Павлом I, а при Екатерине существовал равный ему чин капитана бригадирского ранга. Таковые капитаны имели «бригадирское» шитье на отворотах кафтанов, на воротниках и обшлагах вдоль камзола. У капитана 2-го ранга шитья на отворотах кафтана и по бортам камзола не полагалось, а нашивался лишь один широкий».

Далее Александр Михайлович приводит выписку из второй части «Общего морского сборника» Ф.Ф.Веселаго (СПб.1885 г.) о службе П.П. Клементьева – образцового морского офицера.

П.П. Клементьев

Клементьев Петр Прокофьевич

1737 г. января 17	Поступил в морскую академию учеником.
1740 г. августа 25	Произведен в гардемарины и находился в плавании на Балтийском море.
1741-1742 гг.	Командирован с командой и офицерами для перевода в Балтийское море гребных судов во флотилию вице-адмирала Бродая и участвовал в боевых действиях против шведов и ранен в сражении у Свенкзунда 6 октября 1742 г.
1743 г.	Находился в домовом отпуску для излечения от ран и в сентябре вернулся на службу и зачислен на пинк «Нырок».
1744 г.	На обозначенном пинке плавал от Кронштадта до Ревеля и Выборга.
1745 г. марта 5	Произведен в мичмана.
1749 г. апреля 7	Произведен в унтер-лейтенанты.
1751 г. ноября 13	Произведен в корабельные секретари.
1754 г. марта 15	Произведен в лейтенанты и все перечисленные годы плавал на разных судах в Балтийском море.

1755 г.	На транспортном гальоте «Луга» плавал от Кронштадта до Копенгагена, а затем назначен командовать флейтом «Осетр», на котором плавал затем в Финском заливе, в Ригу и Данциг.
1758 г. января 21	Произведен в капитан-лейтенанты и послан в Казань для доставки дубового леса в Петербургское адмиралтейство.
1759 г.	Командовал на Кронштадском рейде браунвахтенным фрегатом «Ульрихсдаль».
1760-1761 гг.	Командуя 24-х пушечным фрегатом «Ниешанц» и бомбардирским кораблем «Котлин», плавал у берегов Пруссии и находился на бомбардировках береговых батарей у Кольберга.
1762 г. апреля 10	Произведен в капитаны 3-го ранга и назначен командиром 44-х пушечного фрегата.
1764 г. апреля 12	Произведен в капитаны 2-го ранга и назначен командовать 66-пушечным кораблем «Божья благодать».
1765 г. января 1	Произведен в капитаны 1-го ранга и командовал тем же кораблем.
1766-1767 гг.	Командовал 74-х пушечным кораблем «Ревель» 1768 март месяц уволен от службы за болезнью с чином капитана бригадирского ранга и пенсией полного жалования.

3. «НЕКТО В НОЧИ, ЖЕЛАЮЩИЙ СМЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ»

«Портрет сенатора», 1840 г. из коллекции А.А. Лихачева был передан в музей в 1967 году через О.А. Огородникова и значился в книге НВФ №1 под №7. Определение этого портрета привело и к атрибуции другого.

На холсте был изображен мужчина средних лет в парадном мундире зеленого сукна с золотым шитьем по бортам и воротнику с лентой и звездой св. Станислава 1-й степени, орденом св. Анны на шее и знаком беспорочной службы за XXV лет.

А.М. Горшман – А.А. Григорову, 7.11.81 г.

«...Взял Списки кавалерам Российских орденов всех наименований на 1838 и 1846 года, да записки по высшим чинам государственного и губернского управлений того же года. И вот, просматривая списки камергеров, кои указаны были с перечислением имевшихся у них орденов, медалей и знаков, обратил внимание на камергера с очень диковинным именем «Никтополион Михайлович Клементьев», который на 1838, 1839 и 1840 г.г. значится статским советником в должности Костромского вице-губернатора, и имеются у него ордена св. Анны 2-го класса да еще знак беспорочной службы за 20 лет. Затем, в 1841 г. становится он действительным статским советником и назначается Витебским гражданским губернатором, а в 1842 году получает орден св. Станислава 1-й степени. Знак же беспорочной службы получает он 22 августа 1841 года, и вот на 1842, 1843 и 1844 года он

является единственным из всех камергеров, у кого наличествует Анна 2-й степени с короной, Станислав 1-й степени и знак беспорочной службы за 25 лет. Я смотрел регалии всех прочих камергеров, но такое сочетание, как у нашего, повторяю, только у этого самого Никтополиона. На следующий день после первого посещения библиотеки наведаясь я вдругорядь. Взял месяцесловы на 1847, 1849, 1850, 1851 и 1852 года и проверил как обстояло дело в дальнейшем. Опять-таки другого камергера с подобным набором наград мне не попадалось, да и то сказать, у него, то бишь у «Никтополиона», присутствует явный разрыв в иерархии награждения... Портрет точно должен быть отнесен к началу или середине 40-х г.г. прошлого столетия».

Была в музейных фондах литография, о которой в книге поступлений №1 была сделана следующая запись: «Портрет неизвестного в кресле – подкрашенная гравюра». Эта работа неизвестного художника была передана из собрания краеведческого музея в 1967 году при создании музея изобразительного искусства. На литографии изображен по колено мужчина средних лет, сидящий в кресле, одетый в мундир коллежского советника Министерства внутренних дел: белую рубашку с жестким стоячим воротником, и черным галстуком на шею, завязанным бантом. В левой руке он держит золотую табакерку. На лацкане мундира – знак беспорочной службы за 20 лет. На шее – орден св. Анны с короной.

А.М. Горшман – Е.В. Сапрыгиной, 7.02.82 г.

«Что касается портрета неизвестного с табакеркой в руке, то по моему предположению, это может быть Костромской вице-губернатор коллежский советник Андрей Дмитриевич Бороздин, который до 1838 года служил в Министерстве внутренних дел в чине надворного советника, затем произведен в коллежские советники, а в 1840 году назначен был Костромским вице-губернатором. У него тоже была Анна 2-й степени с короной, знак беспорочной службы за 20 лет, да еще был он награжден золотой табакеркой с императорским вензелем на крышке. Так что не эту ли табакерку он держит в руке?»

Е.В. Сапрыгина выдвигает другую версию, которую подтверждает Александр Михайлович.

А.М. Горшман – Е.В. Сапрыгиной, 20.04.1982 г.

«Насчет же того, что предполагаемый мной Бороздин, подозреваем Вами, что не Никтополион Клементьев ли он, так это точно он. Поистине, «на всякого мудреца довольно простоты». Несколько другой взгляд, другое выражение глаз, но это он, несомненно. И отдельные черты лица очень схожи и общий облик. Притом на литографии он моложе, чем на портрете. Поскольку пуговицы у него с орлами, а фрак, видимо, Министерства внутренних дел, то очевидно, что литографированный портрет сделан в году 1836 или 1837, когда он служил еще в Петербурге в Министерстве внутренних дел начальником статистического отделения канцелярии министра в чине коллежского советника, в какой-то чин произведен он был 25 декабря 1835 года. К этому времени имел он уже Анну на шее, корону к которой он получил в 1837 году. И в том же году 22 августа получил он знак беспорочной службы за 20 лет, а в 1836 году получил он в награду «Табакерку с вензелевым изображением имени Его Императорского величества». Сведения эти разыскал

и после прочтения Вашего письма, сравнивши к тому же литографию и портрет, завернувши с работы в Историческую библиотеку, где и просмотрел в справочном зале «Список чинам 6-го, 5-го классов Министерства юстиции на 1837 год». Также просмотрел я списки на 1838 год, где Никтополион Михайлович значится уже статским советником, Костромским вице-губернатором и к его наградам прибавился уже орден св. Станислава за шею. В чин статского советника произведен был 14 апреля 1838 года. То ли ему кто-то протезировал, то ли он сам был хорошим, способным служакой, но в чине коллежского советника просидел всего 2 года и 4 месяца... Из прежних моих сведений на 1841 год, он еще статский советник и Костромской вице-губернатор, но уже и камергер двора Его Императорского Величества, каковое звание получил уже в 1840 году. Далее по спискам в 1844 году он уже состоит в чине действительного статского советника и служит Витебским гражданским губернатором. Необычное имя Никтополион переводится как «Некто в ночи, желающий смены правления в государстве».

По архивным изысканиям Е.В. Сапрыгина установила дополнительные сведения о жизни Клементьева Н.М. Родился он в 1793 году. Имел недвижимость в Вологодской губернии Хадяковском, Вельском, Тотемском уездах (500 душ), Романово-Борисоглебском (267 душ), а также благоприобретенных 322 души в Ярославской губернии Рыбинском и Борисоглебском уездах и в Костромской губернии Нерехтского уезда (186 душ). Был женат, имел 4-х детей. В службу вступил в 1806 г. в экспедицию канцеляристом, продвигался по служебной лестнице без особых проволочек дослужившись к 1838 году до чина статского советника и камергера двора Его Императорского Величества. Еще ранее с 1827 по 1830 г.г. он – предводитель Рыбинского дворянства, в 1830 г. выдвинут кандидатом в предводители Ярославского губернского дворянства. А в 1831 г. возглавлял комиссию по борьбе с холерой во время эпидемии в Поволжье.

Дочь Никтополиона Михайловича – Екатерина Никтополионовна Клементьева (родилась в 1821 году) была женой Петра Петровича Корнилова генерал-лейтенанта и московского коменданта. В его усадьбе Зиновьево Костромского уезда и хранился портрет вышеупомянутого Петра Прокофьевича Клементьева и, скорее всего, оттуда же поступил в музей и портрет (масляный) Никтополиона Михайловича Клементьева.

Спустя некоторое время в фондах Костромского музея-заповедника была обнаружена идентичная литография Никтополиона Михайловича Клементьева с указанием имени и фамилии изображенной модели и с записью в старых инвентарных книгах, что поступила эта литография 26.06.1919 года из губернского отдела просвещения.

Три приведенные атрибутические работы из Костромского художественного музея – лишь краткий экскурс в изыскательские открытия А.М. Горшмана. Александр Михайлович работает в институте «Моспроект». По специальности – инженер-строитель. «Без строительного конструирования я жить не могу», – признается он. Отечественная история, атрибутические опыты – его второе страстное увлечение.

Родился А.М. Горшман в 1937 году в Москве. Но по меньшей мере, три поколения этой фамилии связаны с Костромским краем.

«Моя бабушка – мать отца, была урожденная Каткова из семьи лесоторговца в городе Буй. Дед мой ездил по делам в этот самый Буй, где и познакомился и женился на ней, несмотря на противодействие своих родителей и родни. Но бабушка моя была красавицей и покорила дедово сердце бесповоротно», – свидетельствует Александр Михайлович. В Костроме прожил несколько лет в 20-е годы прошлого века и отец атрибутиста. Попав в госпиталь на излечение, Михаил Горшман позднее становится учеником известного художника и педагога Н.Н. Купреянова в Костромской школе свободной живописи, а затем во ВХУТЕИНе в Москве, окончив который становится не только ассистентом Николая Николаевича, но и близким другом.

Хороший художник, избегавший конъюнктурных тем, Михаил Горшман больше любил писать акварелью пейзажи и портреты случайно встреченных людей. Человек удивительной скромности, он считал, что наградой художнику может быть лишь радость от удачно написанной работы. В Костромском художественном музее собрано 36 произведений М.Х. Горшмана.

Заботы, тревоги и беды семьи Александра Горшмана были из общей обоймы невзгод сталинских лихолетий. «Я помню, – пишет он, – что в те годы родители мои спали не раздеваясь и держали наготове чемоданчики с тем необходимым, что разрешалось брать при аресте». Отца тогда лишили права преподавания в полиграфическом институте за то, что на лекциях и занятиях станковой графикой он говорил студентам о Дюрере, Рембранте, Хогарте, Доре, Домье, то есть проявлял «низкопоклонство перед Западом». И все эти годы, с 1949 по 1954, он зарабатывал оформлением клубов, домов культуры...

Иногда перепадали отцу кое-какие заказы в «Детгизе», где его хорошо знали еще с довоенных времен, давали ему иллюстрировать книги для детей, но авторов все более среднего уровня. Но делал он прекрасные рисунки. Матери было еще хуже, поскольку закрыли издательство, журнал и газету, где она печатала свои очерки, рассказы, новеллы, и она вовсе осталась без работы».

Таковы горькие воспоминания детства Саша Горшмана.

Атрибутическим изысканиям Александр Михайлович посвятил почти тридцать лет. Благодаря его подвижнической деятельности были возвращены имена почти трем сотням портретов из более двадцати столичных и провинциальных музеев России. Независимо от художественной ценности того или иного портрета, значимости в истории фигуры изображенного, за каждым лицом – личность, судьба, опыт, строка в истории Отечества.

ШЕДЕВР ИЗ УСАДЬБЫ ПАТИНО (Я.Д. Купреянов)

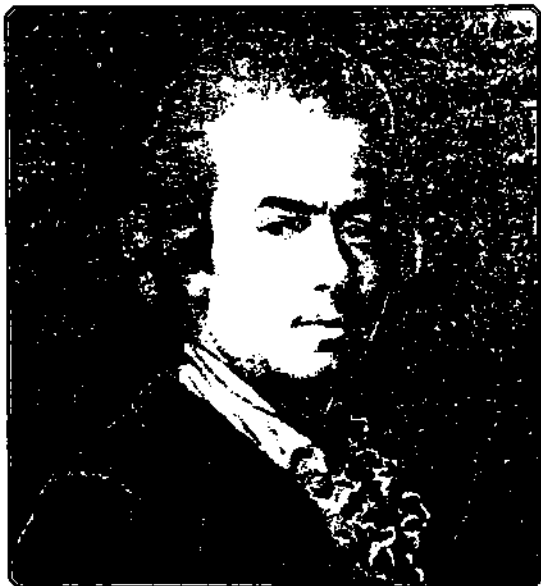
ПОРТРЕТ Якова Дмитриевича Купреянова, написанный неизвестным художником XVIII века масляными красками на доске красного дерева, заметно выделяется из многотысячного собрания Костромского художественного музея. Это изумительное по качеству произведение, несомненно, является музейным раритетом.

Вельможа екатерининского времени изображен в трехчетвертном развороте погрудно, в типичном для того времени легком пудренном парике, в накинутом на плечи темном плаще сверх расстегнутого у шеи шелкового камзола. Выразительное ослепленное лицо аристократа средних лет с высоким лбом, твердым взглядом пронзительных глаз и волевым, с глубоким вырезом, подбородком, невольно притягивает внимание зрителя: завораживает, интригует. Умный, изящный и, вероятно, ироничный человек: артистичная натура...

До 1987 года личность изображенного оставалась полнейшей загадкой, какой и была с 1919 года – с момента поступления портрета в тогда еще краеведческий музей через губернский отдел народного образования, в составе трех произведений, имеющих общее происхождение – из усадьбы Патино Солигаличского уезда Костромской губернии.¹

Сельцо Патино принадлежало богатому и знатному роду помещиков Купреяновых, имеющему смоленские корни, но осевшему на Костромской земле еще в начале XVII века. Из этой древней фамилии произошел и известный советский график Николай Николаевич Купреянов (1894-1933). Учась в Петербургском университете, студент Купреянов не забывал и о семейных реликвиях, что нашло отражение в статье Л.В. Розенталь «Ранние годы Н.Н. Купреянова».²

«Из любимого родного Селища, – писала она, – он привез портрет одного из своих предков. Ему очень хотелось, чтобы это оказалась работа Рокотова. Ему хотелось «предка» проэкспертировать. В университетском коридоре он остановил заведующего кафедры истории искусств... и обратился к нему со словами: «Господин Айналов»... Дмитрий Власьевич смилостивился и предложил принести «предка» ему на дом. Энтузиаст-византолог, скорее археолог, чем искусствовед, он, конечно, о произведении живописи XVIII века ничего путного сказать не мог. К его суждению Купреянов отнесся весьма неуважительно. А затем он отважился посетить пор-

Я. Д. Купрянов

трет к самому Александру Николаевичу Бенуа. На этот раз экспертиза была надлежащей. Бенуа предположил, что это хороший Антон Рафаэль Менгс. Портрет этот остался висеть у Купрянова в комнате». ³

Создается ощущение, что речь идет о «неизвестном из Патино». Почему же тогда «предок» привезен в Петербург, точнее в Петроград, из другой усадьбы Купряновых – Селища, а не Патино? Ответ на этот вопрос дал внук графика – художник-москвич Николай Яковлевич Купрянов. В своем письме автору этих строк он сообщил, что «с конца XIX века в Патино никто из

Купряновых не жил, и некоторые вещи из него были вывезены в Селище прадедом и дедом. В числе прочего дед переправил в Селище библиотеку и фамильный архив, может быть, не весь, а часть». ⁴

Скорее всего, таким путем из Патино в Селище перекечевал и Купряновский «предок». Через сына графика – московского скульптора Якова Николаевича Купрянова музейные сотрудники послали фотографию «неизвестного из Патино» его тете Елизавете Николаевне Купряновой с вопросом этот ли портрет экспертировал Бенуа? Вот что она ответила: «Теперь о портретах. Первое впечатление от поясного («предка» – Е.С.) было то, что он искони висел у нас в Селище, и что его и возил «Котя» в Петроград на экспертизу... Вглядываясь в фото, я усомнилась в верности своего первоначального впечатления. Поворот, посадка головы те же. Но лицо, вроде бы, более молоджавое. Но судить трудно за давностью лет и плохим качеством фото. На нашем портрете (желтовато-зеленых тонов) очень четко выписаны волосы (парик) и камзол. От нас портрет поступил (должен был поступить) в городской музей примерно в 1919 году вместе с портретами Александра Невского и Петра Великого. Любопытно, имеются они сейчас в костромском музее или пропали?» ⁵

Данные инвентарных книг совпали со сведениями, сообщенными Е.Н. Купряновой и развеяли ее сомнения. Точку в этом вопросе поставила Н.С. Изнар – вдова Николая Николаевича Купрянова, экспертировавшего «предка» у Бенуа. Она посетила Костромской музей в начале 1960-х годов видела произведение из Селища и оставила следующую запись в своих бумагах: «Портрет круга Рокотова, сдан-

ный Н.Н. Купреяновым в 1919 году в картинную галерею на сохранение. По определению А.Н. Бенуа портрет не рококовского круга, а школы Менгса. Николай Николаевич носил этот портрет на экспертизу в Петербурге в 16 году.⁶

Итак, можно подвести итог: портрет неизвестного вельможи перевезен из усадьбы Патино Солигаличского уезда в другую усадьбу Купреяновых – Селище, что ныне входит в черту города Костромы, скорее всего, после реформы 1861 года, когда помещики покидали поместья, а усадебные библиотеки и галереи продавались, расплывались, мигрировали по стране. Из Селища портрет был вывезен Н.Н. Купреяновым в Петроград в 1816 году, прошел экспертизу у А.Н. Бенуа и был определен им как портрет школы А.Р. Менгса. В 1919 году портрет в числе других художественных произведений был сдан на хранение в Костромской городской музей как портрет Купреянова. Это подтверждает каталог музея, изданный в 1925 году. Однако, со временем портрет утратил имя и стал безымянным, с версией о художнике произошло то же самое.

А ведь в свое время этот художник был знаменит. В Италии, Саксонии, Испании и Франции в нем видели одного из крупнейших художников всех времен. Известный теоретик искусства И.Винкельман писал о Менгсе: «Воплощение всех вышеописанных красот древних фигур мы найдем в бессмертных произведениях Антона Рафаэля Менгса, главного придворного живописца королей Испании и Польши, величайшего художника своего, а, может быть, и последующего времени. Он, подобно фениксу, возродился из пепла первого Рафаэля, чтобы научить мир красоте в искусстве и достигнуть в нем высшего взлета человеческих сил».⁷

Сам ли Менгс или кто-то из его учеников написал портрет Купреянова пока неизвестно, тем не менее авторитетное заключение А.Н. Бенуа позволяет продолжить искусствоведческое исследование.

Поиск изображенного на портрете человека не менее важен, чем определение авторства произведения. К атрибуции модели сотрудниками музея был привлечен тогда еще здравствующий костромской краевед и генеалог Александр Александрович Григоров. Он охотно согласился участвовать в работе и по составленным на основе архивных материалов родословным таблицам вычислил предполагаемую модель, которой оказался Яков Дмитриевич Купреянов (1754-1843). Ход мысли краеведа был следующим: в дворянских фамильных галереях концентрировались преимущественно портреты хозяев усадеб и их ближайших родственников. Следовательно, на портрете должен быть кто-нибудь из Купреяновых, владельцев усадеб Патино и Селища, ровесник изображенного. О том, что моделью для художника был представитель именно этого рода, говорила и обнаруженная на обороте портрета красная сургучная печать с дворянской короной и вензелем из трех заглавных букв, сплетенных между собой: «ЖДК». Последняя буква означала фамилию и подходила к фамилии Купреяновых. О значении других букв мы узнали гораздо позднее...

Яков Дмитриевич Купреянов подходил для модели по всем параметрам. Родился он 23 апреля 1754 года, умер 18 февраля 1843 года. «Смотритель дома и сада Ея Величества», то есть находился в батальонах от строений. С 1769 года чинами проходил: в 1773 году июня 30 – сержантом. 1775 года января 1 – подпоручи-

ком, а 1780 года февраля 20 уволен по болезни с награждением за добropорядочную и беспорочную службу чином поручика. Его начальник – главный директор над строениями Ея Императорского Величества домов и садов, господни действительный тайный советник и камергер и Императорской академии художеств президент и кавалер Иван Иванович Бецкой дал находившемуся при Зимнем каменном дворце подпоручику Купреянову Якову лестную характеристику: «...Он Купреянов, при том доме и других, принадлежащих к дому строениях, в прошлом 1778 году, в бытность свою под командою моею находился у приходу и расходу денежной казны и разных материалов весьма добropорядочно, и за производившимися в том Зимнем дворце и других строениях разными работными казенными и вольными мастерами и работными людьми имел прилежное и неослабное смотрение и во всем поступал, как честному и доброму офицеру надлежит, в чем ему и дан сей аттестат в Санкт-Петербурге февраля 5 дня 1780 года».⁸

Биографические сведения Якова Дмитриевича Купреянова могли бы подтвердить идентичность его с изображенным на портрете человеком, если бы форма одежды изображенного не противоречила униформе, принятой на его службе. Через того же Григорова мы обратились к московскому знатоку фалеристики и формоведения – Александру Михайловичу Горшману для заключения, пошлав ему фотографию с портрета и цветное описание одежды. Ответ пришел незамедлительно:

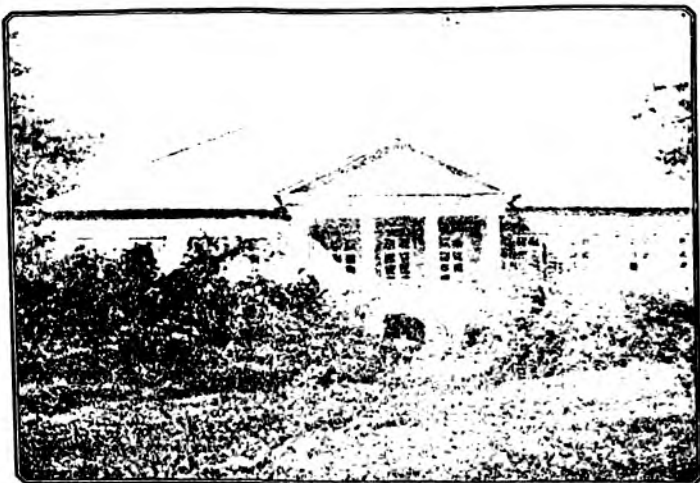
«...Насчет Вашего предположения, что «неизвестный из Патино» может быть поручиком придворной комиссии строений Яковом Дмитриевичем Купреяновым, так это, по моему мнению, вполне вероятно, и так, видимо, и есть. Камзол у него (а это камзол, поскольку он без воротника) обшит обер-офицерским золотым галуном на красном сукне, выпушку коего я и заметил, а сверху накинута офицерский плащ. Галстук же и воротник рубашки более партикулярного фасона, что и позволялось чинам придворного ведомства и комиссии строений в том числе. В вензеле, который у меня перерисован, ясно просматриваются буквы «ЖДК», каковые и являются инициалами его, а полностью по имени и отчеству будет «Яковъ Дмитриевичъ Купреяновъ». А поскольку служил он в Питере, да и при дворе еще, то и вполне мог написать его кто-то из хороших придворных художников, а, может, и кто-то из больших мастеров, да притом не афишируя работу, ибо позировал свой же брат, художник в своем роде – смотритель придворных строений и садов».⁹

Таким образом была завершена атрибуция портрета из Патино, и, на произведении, представленном в музейной экспозиции, появилась новая этикетка с именем изображенного.

Однако сбор сведений о модели продолжается и по сию пору. Особенно интересен период его жизни после отставки, когда офицер вернулся на родину, получил наследство после родителей, женился, завел детей...

По разделу с дядей в 1781 году Яков Дмитриевич получил имения в Солигаличском и Макарьевском уездах Костромской губернии. Кроме Патино в Солигаличском уезде, к нему перешло также сельцо Яйцово с деревнями: в Весках – 4 мужского пола души, Туровке – 7, Веркове – 22, Клокове – 11, Хренове –

Усадьба Патино
Солигаличского
уезда.
Господский дом.

33, Большой, Цепино тож – 53 и Сысуеве – 7, а всего в вышеописанных деревнях 160 мужского пола душ по сведениям 1833 года.

Что же касается сельца Патино, то это имение офицер получил по наследству от покойной родительницы Анны Тимофеевны Рудиной, а ей досталось от покойного мужа Дмитрия Ивановича Купреянова, которому в свою очередь перешло от его родителей – отца поручика Ивана Никитича и матери Акулины Ивановны Купреяновой (деда и бабки изображенного). По седьмой ревизии в Патино было 38 мужского пола душ и 102 десятины земли. К селу примыкали деревни: Волковицы, Михнево, Патрикеево и др.

Поселившись после отставки в Патино, Яков Дмитриевич на месте старого родительского дома в 1804 году построил новый господский дом, деревянный, одноэтажный, с выступающим вперед четырехколонным портиком, несущим треугольный фронто́н, украшенный слуховым окном. Дом простоял до первой трети XX века. В 1919 году усадьбу обследовал член Костромского научного общества И.А. Рязановский и составил отчет о поездке. В нем, в частности, говорилось:

«...В соседней комнате валялись портреты-олеографии Николая I-го и митрополита Филарета, икона с каким-то святым во весь рост; в гостиной по сторонам висят картины и рисунки... Купреяновых и Любимовых и портретная галерея Купреяновых – старцев и грудных младенцев, мужчин и женщин. Все военные мундиры. Олеография Синопский бой. Меня вели к маленькой запертой комнатке – спальне старика Купреянова. На стене висел портрет адмирала Карцова».

Часть этих произведений краевед вывез в Кострому и их можно видеть в запасниках местных музеев. Это и рисунок тушью «Горный ландшафт», выполненный четырнадцатилетним сыном Якова Дмитриевича – Павлом Купреяновым, и карандашный рисунок «Мадонна с младенцем», выполненный его внучкой Клеопатрой Александровной. Семейная тяга к искусствам и рукоделиям была очень сильна и

передавалась из поколения в поколение. Вряд ли появление в роду Купреяновых первоклассного художника-графика Николая Николаевича было случайным.

Садовым художником был и сам Яков Дмитриевич. Неужели он не практиковался в любимом деле, проживая в своем имении после отставки. Нет ли где в местных печатных источниках упоминания о чудесном саде, каким, несомненно, был бы сад зрителя садов ее величества? Ответ мы находим у А.Ф. Писемского в его романе «Масоны», написанного на костромском материале:

«...Прежде всего я должен описать сад, который был, действительно, между соседними помещичьими садами замечателен по той причине, что владелец его — Дмитрий Васильевич Кавинин, теперь безногий и почти безрукий подагрик, всю молодость прожил в Англии, где насмотревшись на прихотливые сады, задумал, переселясь на житье в деревню, устроить у себя сад чисто в английском вкусе и, будучи человеком одиноким и богатым, выписал садовника-англичанина, который оказался хоть пьяницею великим, но мастером своего дела. Англичанин прежний запущенный барский сад разбил по новому и математически правильному плану, устроил твердые дорожки и газоны, которые своей гладкостью напоминали ковры, тем более, что местами они были украшены цветными клумбами, обложенными затейливыми глиняными рамками. На одном из таких газонов в несколько глухом месте сада, по рисунку самого Кавинина, было сделано из цветных клумб как бы нечто похожее на масонский ковер, в середине которого высилась мраморная тумба, тоже как бы напоминающая жертвенник масонский: на верхней доске этой тумбы были сделаны солнечные часы. Густо разросшиеся аллеи старого сада англичанин сровнял и постриг. Такое обновление сада производилось, конечно, лет двадцать тому назад, но Дмитрий Васильевич дал англичанину на выучку трех-четырёх молодых мальчиков, а потому, когда англичанин умер, или, точнее сказать, опился, то выросшие мальчуганы давно превратившиеся из Петрушек и Ванек в Петров и Иванов, до сих пор обрабатывали сад приблизительно в том виде, как преподавал им англичанин». ¹² «Сам Дмитрий Васильевич сидел в это время на балконе в покойных катающихся креслах: ходить он по милости подагры не мог». ¹³ «Хворый Кавинин пожелал играть в преферанс, который составлял единственное его развлечение, и в который он до сих пор мастерски играл». ¹⁴

Не исключено, что в этих отрывках беллетрист изобразил Якова Дмитриевича Купреянова и его удивительный сад. Правда смущает отсыл к английской молодости хозяина сада и масонская подкладка. Однако, если мы вспомним, что один из сыновей Якова Дмитриевича был морским офицером, объездившим весь мир, в том числе и Англию, и притом, имевшим уникальную библиотеку, в которой большая часть книг была масонского содержания, то невольно приходит мысль: не свел ли автор в единый образ отца и сына Купреяновых?

Не исключено также, что прототипом описанного чудо-сада мог стать парк дальнего родственника Купреяновых поэта-генерала П.А. Катенина, который также удивительно соответствует приведенному описанию. Исследуя современные останки парка бывшей усадьбы Колотилово, принадлежавшей Катенину, искусствовед С.С. Каткова нашла в схеме его построения очертания и символы масонского

мира. Геометрические фигуры парковых элементов и числовая символика так же упоминали о масонском коде.¹⁵

Как бы ни было, но без вмешательства Я.Д. Купреянова и тут явно не обошлось...

«Смотритель дворцов и садов Ея Величества» прожил до 89 лет. Еще в 1827 году Яков Дмитриевич продал Патино своему сыну – капитану 2-го ранга Александру Яковлевичу Купреянову, но до 1836 года сын не был введен во владение имением и фактически владельцем был старый хозяин. Умер Яков Дмитриевич на пороге своего девяностолетия и похоронен в сельце Лосеве Солигаличского уезда рядом с супругою. Надгробная надпись гласила:

«Во имя животворящей Троицы до жизни будущего века, покоится здесь прах поручика Якова Дмитриевича Купреянова, преставившегося от преходящего числа онго месяца ко Всеблагому источнику всех существ, 1843 года февраля 18. Родился 1754 года апреля 23. Жития его было 89 лет 9 месяцев и 26 дней. И супруги его, Клеопатры Александровны, рожденной Юрьевой, преставившейся 1818 года октября 24, родилась 1762 года февраля 12. Жития ея было 56 лет 9 месяцев 12 дней. Господи, помяни души рабов твоих Якова и Клеопатры»¹⁶.

Примечания:

1. По данным инвентарных книг Костромского музея-заповедника

2. Купреянов Н.Н. Литературно-художественное наследие. Статьи и воспоминания. М. 1973. С. 47

3. Там же

4. Из недатированного письма Н.Я. Купреянова – Е.В. Сапрыгиной (1987 г.)

5. Из письма Елизаветы Николаевны Купреяновой – Якову Николаевичу Купреянову. 18.11.1976 года.

6. Сообщено Н.Я. Купреяновым в недатированном письме Е.В. Сапрыгиной (1987 год).

7. Мастера искусства об искусстве. Т.2. М. –

Л. 1936. Сообщено Н.Я. Купреяновым – Е.В. Сапрыгиной в письме от 27.10.86, вместе с биографической справкой о художнике

8. ГАКО. Ф.632. Оп.1. Д.14

9. Из письма А.М. Горшмана – Е.В. Сапрыгиной от 11 августа 1982 года

10. ГАКО. Ф.116. Оп.3. Д.200

11. ГАКО. Ф.632. Оп.1. Д.137. Л.2

12, 13, 14. Писемский А.Ф. Собрание сочинений. Т.9. М. 1959. С. 47-48

15. С. Каткова. Века и судьбы. Кострома. 2001. С. 44

16. ГАКО. Ф.632. Оп.1. Д.137. Л.2

АНТИПОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

В ПОСЛЕДНИЕ годы генеалогические разыскания все чаще становятся составной частью искусствоведческого исследования. Знание семейно-родственных отношений не только помогает уточнить биографические факты из жизни человека, увековеченного в живописном произведении, но подчас и высвечивает историю создания и бытования самого произведения, различные связи, существующие между художником и моделью, позволяет проследить перипетии складывания и распыления целых коллекций. Провинциальные собрания особенно трудно изучать только по печатным источникам – слишком мало о них публикаций. Поэтому весьма эффективные результаты дает просмотр фондов периферийных архивов, выявление материалов, уцелевших у потомков прежних владельцев коллекций. Это, в частности, подтверждает изучение интересной коллекции, условно именуемой нами Антиповской, поскольку она возникла в связи с жизнью видных общественных деятелей Прасковьи Дмитриевны и Алексея Ивановича Антиповых.

В Антиповскую коллекцию, поступившую после 1917 года, в основном, в художественные музеи Ярославля и Костромы, среди прочих работ входят полотна И.Е. Репина, Е.Д. Поленовой и В.А. Серова. Интересно же это собрание, главным образом, тем, что отражает формирование «семейного клана» Антиповых-Бирюковых-Дягилевых, сыгравшего заметную роль в культурной жизни России предреволюционной поры.

Имена Павла Бирюкова и Сергея Дягилева широко популярны. Прасковья Дмитриевна Антипова менее известна. Она родилась в 1848 году в Солигаличском уезде Костромской губернии в родовой и состоятельной семье Купряныховых, унаследовав некоторые черты характера от своего деда Сергея Федоровича Купрянова (1776-1854), гвардии полковника, губернского предводителя в 1815-1818 и 1830-1845 годах. Сохранился портрет Купрянова, работы его внучки Прасковьи Дмитриевны Купряновой, в замужестве Антиповой, который, видимо, является копией с недошедшего до нас портрета середины XIX века. Ныне он находится в реконструированной портретной галерее дома дворянского собрания, где ныне размещается художественный музей. Атрибуция данного портрета, то есть определение изображенного, как и художника произведена автором этих строк, как и других произведений этой галереи, о которых речь еще впереди.

Сергей Федорович Купрянов понимал толк в искусстве, он оставил по себе память в Костроме постройкой великолепного здания дворянского собрания.

И.Е. Репин
Портрет А.И. Антипова

Вообще, многие Купреяновы обладали художественными дарованиями – в том же Костромском музее есть графические работы родственников Сергея Федоровича (кстати, из этого же рода происходит и выдающийся советский график Николай Николаевич Купреянов). Не была лишена способностей к живописи и Прасковья Дмитриевна: получив превосходное домашнее образование, она после смерти отца, солигаличского уездного предводителя дворянства, добилась от матери позволения уехать в Петербург и поступить в школу поощрения художеств. Там она очень сблизилась с Еленой Дмитриевной Поленовой, ставшей ее душевной подругой на всю жизнь, и завязала знакомства в культурной элите столицы – сохранился ее

автограф тех лет в известном альбоме М.И. Семевского «Знакомые».¹

В начале 1870-х годов Прасковья Дмитриевна вошла в одно из образованнейших семейств России, став женой крупного геолога Алексея Ивановича Антипова (1833-1913).²

Он родился в Перми в семье горного инженера И.И. Антипова и Олимпиады Петровны Чайковской (1801-1874), родной тетки великого композитора. Окончив Горный институт, вел геологические исследования в Печорском крае и на Урале. За свой труд «Геогностическое описание южной части Уральского хребта» был удостоен Академией наук Демидовской премии. С 1864 года, управляющий горнозаводской части области Войска Донского, Антипов сыграл большую роль в изучении и освоении Донбасса, создал горный музей, основал новые города и т.д. Впоследствии, перейдя на службу в Петербург членом горного совета и горного ученого комитета, Алексей Иванович составил проект преобразования алтайских и нерчинских заводов.

Через посредство жены, увлеченной интересами искусства, ученый сблизился со многими выдающимися художниками, в частности, с И.Е. Репиным, создавшим обширную портретную галерею замечательных людей России. В 1884 году он пишет «Портрет А.И. Антипова», который экспонировался на XIII и XIV выставках передвижников. Художник изобразил человека ищущего, с беспокойным умом, но с характером скрытым и немного ироничным. Пресса высоко оценила работу художника: «Репин дал нам портрет, – отмечал критик газеты «Московские ведомости» М. Соловьев, – написанный с большим одушевлением и такой тщательностью, к которой мы не привыкли в картинах этого художника»³. Этот портрет хранится ныне в Ярославском художественном музее.

Дом Антиповых
в Костроме

В 1887 году скончался старший брат геолога, Александр Иванович Антипов, видный горный инженер и ученый, директор горного департамента Царства Польского. Он был женат на Наталье Павловне Дягилевой, родившейся на восемь лет позже его, в 1842 году. Она происходила из Пермского чиновничьего рода и была дочерью богатого откупщика и святоши Павла Дмитриевича Дягилева, увековеченного Н.С. Лесковым в «Мелочах архиерейской жизни» под именем «господин N». Его восемь детей вовсе не походили на отца, отличались веселым нравом и были исключительно дружны между собой. Брак Антиповых оказался неудачным – в 1873 году Наталья Павловна покинула мужа и детей, создав новую семью. Ее дочерей после смерти брата воспитывал бездетный Алексей Иванович, к тому времени переселившийся в Кострому и возглавивший организацию первых в России промышленных училищ имени Ф.В. Чижова. Девушки, однако, скучали по матери и привезли с собою ее портрет: рыжеватый ребенок пяти-шести лет, в симпатичных чертах которого уже проглядывают своенравие и лукавство. Позднее портрет поступил в Костромской художественный музей.

В Костроме П.Д. Антипова не оставляет занятия искусством. Несколько ее работ экспонировались на XIII выставке «Общества русских акварелистов», правда без особого успеха. Е.Д. Поленова в 1889 году писала Е.Г. Мамонтовой: «Прасковья Дмитриевна... человек очень ищущий, но весьма бедно одаренный, да еще болезнью лишенный многих способов прилагать к жизни свои благие намерения».⁴

Сама Поленова уже осенью 1888 года гостит у подруги в Костроме – оттуда она привезла множество этюдов, в том числе «Улицу в Костроме», написанную из окна дома Антиповых на Покровской улице. (Ныне этюд в собрании Дома-музея В.Д. Поленова).

Весной 1889 года Елена Дмитриевна вновь навещает Кострому. «Антиповых, – сообщает она 27 мая в письме Е.Г. Мамонтовой, – нашла очень заглухшими». Девочки (дочки брата А.И. Антипова) смотрят мне в рот, когда я говорю, и всему дивятся.

Воспитанницы Смольного института, которые точно вчера родились и ни о чем понятия не имеют».⁵

Антиповы и их гости вскоре выехали из города в усадьбу Нельшевка Кологривского уезда, где их ждал глава семьи. «Сам Алексей Иванович Антипов, — характеризовала его художница, — человек очень несложный, простой, добродушный, по вкусам деревенский житель, любит столярничать, слесарничать, заниматься всякими мелкими поделками, для чего жизнь в неустроенной усадьбе дает постоянный обильный материал. Поэтому вне города он начинает блаженствовать, и это состояние в нем так сильно, что те неудобства и лишения, иногда довольно серьезные, которые приводят в смущение дамскую часть семьи, для него буквально не существуют, он не замечает их за тем увлечением деревней, которое так долго недоступно было ему за время долголетней службы в петербургских департаментах. Во всем этом, конечно, есть много симпатичного».⁶

В.А. Серов.

Портрет П.Д. Антиповой. 1890.

В Нельшевке художницей написана картина «За чтением», изображающая семью Антиповых (находится в Ярославском художественном музее). Слева, спиной к зрителю, за отдельным столом сидит увлеченный своими «поделками» Алексей Иванович, справа — за круглым столом, за рукоделием Прасковья Дмитриевна, рядом с нею племянницы Наталья и Александра, напротив за чтением вслух — домашний врач семьи Антиповых Ольга Юрьевна Каменская. Присутствие последней в Нельшевке лишний раз подтверждает тесные связи Антиповых и Дягилевых — она была родственницей Антиповых по Марии Владимировне Каменской, дочери выдающейся деятельницы женского движения в России Анны Павловны Философовой, урожденной Дягилевой (1837-1912). Шафером на свадьбе Каменских был Сергей Павлович Дягилев.

Однако и после возвращения Елены Дмитриевны из Нельшевки, слово «Кострома» не исчезает из переписки Поленовых. В конце 1889 года их друзья К.А. Коровин и В.А. Серов получили от товарищества Костромской льняной мануфактуры, главным совладельцем которой был П.М. Третьяков, заказ на картину «Хождение Христа по водам» для фабричной Козьмодемьянской церкви. В начале апреля 1890 года художники приехали в Кострому и работали здесь два месяца. С

П.Д. Антиповой они были знакомы по «абрамцевскому кружку» и в Костроме пользовались ее гостеприимством. Более того, В.А. Серов писал жене:

«Написал я там, в Костроме, два портрета (совсем портретчиком становлюсь)»⁷. В монографии о Серове И.Э. Грабарь отметил, что «портретов этих до сих пор установить не удалось. Серов отказался в свое время их назвать, считая неудачными»⁸.

Один из них – «Портрет П.Д. Антиповой». После переселения Антиповых в 1904 году в Ярославль он находился с ними и в 1920 году попал в местный художественный музей. Это и привело Грабаря к ошибочному утверждению, что «портрет П.Д. Антиповой писан в Ярославле в 1890 году»⁹, тогда как ни художник, ни модель в то время там не жили.

В период пребывания Серова и Коровина в Костроме произошло одно событие, отмеченное в официальном документе: «25 апреля 1890 года гвардии поручик Сергей Иванович Бирюков сочетался законным браком с дочерью тайного советника девицею Натальею Александровною Антиповой»¹⁰.

Бирюковы тоже принадлежали к числу наиболее культурных провинциальных семей. Младший брат Сергея Ивановича – Павел Бирюков (1860-1931) был известным публицистом, другом и последователем Льва Толстого. Он написал ценную четырехтомную биографию великого писателя. В 1890-х годах Павел Иванович жил и крестьянствовал на хуторе под Костромой и в это время он близко сошелся с новыми родственниками Антиповыми и Дягилевыми.¹¹ В этом свете многозначительны показания Сергея Дягилева. В январе 1892 года он, будучи в Москве с двоюродным братом Дм.Вл. Философовым («Димой»), вместе с ним посетил Л.Н.Толстого и записал разговор:

•ДИМА. Вот я много подробностей об вашей деятельности слышал через Павла Ивановича Бирюкова...брат его женат на нашей двоюродной сестре Антиповой.

ТОЛСТОЙ. Да, да, слышал.

Дня через три после их посещения у Л.Н. Толстого был С.И. Бирюков. «Между прочим, – повествует Дягилев, – Лев Николаевич его спросил:

«А кто это недавно говорил мне об вашей жене?».

БИРЮКОВ. Ах, это у вас были два студента, Философов и Дягилев.

ТОЛСТОЙ. Приятные молодые люди, такие восторженные. А что, они двоюродные братья вашей жены только по родству или по сердцу?

БИРЮКОВ. Нет, это вообще очень дружная семья, и они все любят друг друга».

Действительно, документы и семейные предания свидетельствуют что Антиповы, Дягилевы и Бирюковы объединились в подлинный «клан». Его существование, как указывалось выше, оказало влияние на некоторые явления культурной жизни дореволюционной России. Так, Е.Д. Поленова сочувственно отнеслась к деятельности С.П. Дягилева: «Его художественные вкусы, направление его журнала и характер его выставок мне симпатичны», – писала она.¹² Это сближение, возмущившее, как известно, В.В. Стасова, отчасти вызвано давними дружескими связями художницы с семейным окружением Сергея Павловича. Надо полагать, что и предупредительное отношение Л.Н. Толстого к Дягилеву тоже объясняется

Римма Некрасова

родством последнего с Павлом Ивановичем Бирюковым.

Сам Сергей Иванович Бирюков (1858-1938), блестяще окончив Пажеский корпус, сделал успешную служебную карьеру, был действительным статским советником, нижегородским вице-губернатором, а в 1914-1917 годах – костромским губернским предводителем дворянства. Служа в Нижнем Новгороде, проявил себя гуманным отношением к ссыльным и революционерам, был близок к В.Г. Короленко. После 1917 года Бирюков, возглавлявший отдел охоты Костромского губисполкома, написал интересные воспоминания о культурной жизни Костромы начала XX столетия, а его ценное собрание произведений живописи и обширная библиотека частично поступили в музей Костромы.

Его жена (двоюродная сестра П.И. Чайковского) Наталья Александровна, урожденная Антипова, по семейным воспоминаниям брала уроки музыки у своего знаменитого родственника. Чайковский бывал в семье Бирюковых. Сохранилась фотография с ласковой надписью композитора, посвященная Наталье Александровне. Родственниками Бирюковых была и семья Дягилевых. Известный пропагандист русского театра за рубежом С.П. Дягилев нередко бывал в доме Сергея Сергеевича Бирюкова». ¹³

Вскоре после замужества Натальи Александровны Антиповы переехали в Москву, где Алексей Иванович возглавил Екатерининский и Александровский институты. Здесь в 1898 году Прасковья Дмитриевна тяжело пережила весть о смерти Е.Д. Поленовой и в память подруги удочерила шестилетнюю сироту Римму Некрасову. Еще через несколько лет душевно заболел А.И. Антипов и Прасковья Дмитриевна перевезла его в Ярославль. Там она, после первой русской революции, под влия-

Прасковья Дмитриевна Антипова (слева) с подругой-преподавательницей Антиповской гимназии в Ярославле А.К. Куселевой

нием А.П. Философовой, основала частную женскую гимназию, попечительницей которой оставалась до 1918 года. Скончалась Прасковья Дмитриевна, по видимому, в январе 1919 года.

Р.А. Антипова после революции переехала в Харьков и вышла замуж за профессора физики С.М. Куповьянова. После освобождения Харькова от фашистских захватчиков, она на собственные средства приобрела много оборудования для детских домов и садов, позднее же подарила два дома и инструменты музыкальной школе имени Бетховена. (Об этом сообщала газета «Правда» за 11 апреля 1963 года).¹⁴

Семейные традиции устойчивы. В настоящее время в Костроме живет родной племянник С.П. Дягилева Василий Валентинович Дягилев. Пенсионер, в недавнем прошлом врач-невропатолог, он известен в городе и как музыкант, превосходно играющий на фаготе, и как знаток «родословного древа» и хранитель родовых преданий.

Примечания:

1. А.Ф. Писемский. Полное собрание сочинений. Т.16. М.1896. С.7

2. М.И. Семеvский. Знакомые. СПб.1888. С.5.

3. В БСЭ.Т.2.С.510 (2-е изд.) Датой смерти А.И. Антипова ошибочно указан 1909 год. В действительности, он скончался 19 сентября 1913 года - см. газету «Голос» (Ярославль).1913, 22 сентября.

4. «Московские ведомости». 1884.

5. Е.В. Сахарова, В.Д. Поленов, Е.Д. Поленова. Хроника семьи художников.М.1964.С.427.

6. Там же. С.424

7. Там же. С.427

8. И.Э. Грабьер. В.А.Серов. М.1956. С.122

9. Там же. С. 315

10. Там же. С. 331

11 ГАКО. Ф.593. Оп.1. Д.5. Л.3

12. «С.П. Дягилев и русское искусство» Т.2. М.1982. С. 11, 14.

13. В.П. Редлих. Начало. //«Сибирские огни» 1980. №10. С.155

14. Сведения об Р.А. Антиповой сообщил харьковский журналист Алексей Петрович Головин, которому авторы статьи приносят свою благодарность.

ПЛЕМЯННИК АНТРЕПРЕНЕРА (В.В. Дягилев)

ПОТОМСТВЕННЫЙ дворянин. Православный христианин. Племянник Сергея Павловича Дягилева – художественного и театрального деятеля, антрепренера «Русских сезонов» в Париже. Представитель семьи, подвергнувшийся сталинским репрессиям. Врач-невропатолог, с общим медицинским стажем в 56 лет. Участник Великой Отечественной войны, кавалер орденов Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени. Имеет несколько медалей. Кандидат медицинских наук с 1986 года. Музыкант-профессионал. Окончил Костромское музыкальное училище по классу фагота в 1969 году. С 1992 года – предводитель костромского дворянства. Почетный гражданин города Костромы с 29 мая 1999 года.

Чем больше общаешься с этим человеком, тем сильнее ощущаешь, что перед тобой чудом сохранившийся представитель исконной дореволюционной России, носитель ее непреходящих нравственных ценностей, присущих лучшей части российского дворянства. Жизненное кредо Дягилева заключено в трех пунктах: 1. Вера во Всевышнего; 2. Любовь к Отечеству; 3. Долг по отношению к выбранной профессии. В свете этого морального триптиха, который для нашего героя не голая декларация, а свято исполняемая заповедь, не удивляет, к примеру, тот факт, что девяностолетний врач-невропатолог, давно имеющий право на заслуженный отдых, лишь недавно оставил службу в Никольской психиатрической больнице, желая как можно более облегчать страдания своих страждущих пациентов.

Благородную, гуманную профессию врача, избранную Василием Валентиновичем Дягилевым, можно назвать как наследственной, так и благоприобретенной. Тут прежде всего сказалось влияние матери – Александры Алексеевны Дягилевой, урожденной фон Пейкер, посещавшей во время Первой мировой войны курсы медсестер и профессионально работавшей в военных лазаретах.

Зародившийся в юноше интерес к медицине развил и углубил друг семьи доктор А.В. Маштаков, любивший повторять, указывая на медицинский справочник: «Вот наука, достойная самого пристального внимания». И, хотя у Василия Дягилева тогда были и другие серьезные увлечения как-то: астрономия, математика и музыка, он предпочел им многосложную и ответственную область медицины.

Обучение проходило с 1940 по 1943 год в стенах Ивановского государственного медицинского института, где по причине начавшейся войны четырехгодич-

ную программу давали в три года, что для добросовестного и ответственного студента Дягилева было явно недостаточным, потому, когда он узнал, что в Ярославле разместились эвакуированный Белорусский медицинский институт, то договорился в Министерстве о продолжении учебы на пятом курсе. В 1944 году он получил диплом врача-лечебника, хотя еще за год до этого практиковал как лечащий врач.

Почти незамедлительно молодой специалист был призван в действующую армию и приписан врачом-ординатором в один из взводов медсанбата 106 воздушно-десантной дивизии, в составе которой участвовал в боевых действиях: прорыве немецкой обороны юго-западные Будапешта, в форсировании реки Рабба, в боях за Вену. Командование высоко оценило заслуги воина-врача, наградив его орденами Красной звезды и Отечественной войны 2-й степени, а также медалями «За освобождение Вены», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».

В январе 1945 года старший лейтенант Дягилев в составе своей дивизии вступил в Венгрию, где познакомился с местными врачами-невропатологами, у которых консультировал своих солдат. Общался он с ними как на английском, так и на немецком языке; последний он знал в совершенстве по матери, которая на 60% была немкой по национальности. В детстве Василий с братом Сергеем даже посещал частную немецкую школу в Санкт-Петербурге. Венгерские коллеги привили русскому врачу интерес к неврологии, которую он впоследствии выбрал для своей специализации.

После войны, в 1948 году 106 воздушно-десантная дивизия, ставшая 105-й, квартировала в Костроме и врач-невропатолог Дягилев, уже прошедший в 1946-47 годах первичную специализацию в Туле, не раз получал приглашения на службу в Костромскую психиатрическую больницу, остро нуждавшуюся в специалистах данного профиля. Однако в то время переход был невозможен. После двенадцатилетнего пребывания в Костроме дивизия передислоцировалась в Фергану и вместе с нею Василий Валентинович. Через год последовало новое назначение – начальником неврологического отделения госпиталя в с. Ильино Новгородской области. Наконец, уже после демобилизации из армии, в 1964 году отставной военврач возвращается в Кострому и поселяется в ней навечно. Он становится врачом-невропатологом Никольской психиатрической больницы, влившись в ее высокопрофессиональный, дружный коллектив.

Военврач В.В. Дягилев

При доброжелательном отношении к большинству коллег, Дягилев особо выделял Е.М. Прибыльскую, которой, как превосходным клиницистом, восхищались даже столичные профессора. Высоко ценил он также М.В. Иво, М.В. Малахову, А.П. Мансурову и некоторых других. Муж Малаховой – Иван Михайлович Шайнович собрал богатейшую библиотеку на многих европейских языках. Под его влиянием Василий Валентинович изучил итальянский и испанский языки, став настоящим полиглотом, но сам он не склонен переоценивать свой дар. «Что я владею языками, – говорит он, – я сказать не могу, так как сейчас нет практики. Я читаю и пишу по-английски и по-немецки, читаю по-французски и читаю со словарем по-итальянски, по-испански и по-чешски».

Знание языков необходимы В.В. Дягилеву, как для чтения классических произведений мировой литературы («Дон Кихота» прочел в подлиннике), так и для изучения специальной литературы по его профилю, к примеру трудов Зигмунда Фрейда или Отто Вайнингера – его капитального труда «Пол и характер».

Из перечисленных коллег Василия Валентиновича уже никого нет в живых, но ему кажется, что не так уж давно они составляли инициативную группу по организации Костромского научного общества невропатологов и психиатров, благодаря которому с разрешения облздраотдела в 1954 году оно появилось в Костроме. До 1966 года Дягилев исполнял при нем обязанности секретаря, а затем и председателя. Спустя три года общество стало организовывать научные конференции, проходившие то в здании больницы, то в конференц-зале гостиницы «Волга», то в доме Политпроса. На них выступали и костромские врачи, и крупнейшие специалисты страны профессора Коновалов, Семенов, Лурье, Либих, Гусев и другие. Приезжали докладчики из Казани, Свердловска, Москвы и Петербурга.

С 1974 года по 1990 год почти ежегодно издавались сборники докладов. Председатель общества сам активно выступал на конференциях как автор, и как соавтор со следующими докладами: «Психические нарушения при рассеянном склерозе», «Клинический патоморфоз нейросифилиса» или «Висцерально-вегетативные паракризмы при опухолях головного мозга», а также с рядом других.

Участвовавший в конференциях профессор Л.О. Бадалян не раз интересовался, почему Василий Валентинович не работает над диссертацией, предлагая ему тему – опухоли мозга и себя в качестве руководителя. Дягилев подумал-подумал и согласился. Работа шла медленно, сказывались предельная занятость по службе, и почтенный возраст, а следовательно быстрая утомляемость, и полное отсутствие честолюбия, а также болезнь и смерть сына Дмитрия, надолго выбившая его из колеи. В результате работа над научным трудом затянулась на пятнадцать лет, но тем не менее была успешно завершена. В.В. Дягилев защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата медицинских наук под названием «Неврологические и психопатологические синдромы при опухолях головного, мозга» 10-го ноября 1986 года. Поскольку диссертация В.В. Дягилева являлась пограничной между двумя медицинскими областями невропатологией и психопатологией, то она требовала двух компетентных руководителей в каждой из этих областей. И такие специалисты были найдены. Кроме упомянутого уже профессора Л.О. Бадаляна, позднее ака-

демика, вторым руководителем стала доктор медицинских наук Т.А. Доброхотова. В.В. Дягилев был горд за своих руководителей.

Казалось бы, что после взятия столь значительной научной высоты, поступательному движению В.В. Дягилева в науке дан зеленый свет. Однако, вскоре не только научная деятельность самого Дягилева, но и всего Костромского общества невропатологов и психиатров пошла на спад: ушли из жизни почти все члены инициативной группы общества и сказались отсутствие финансовых средств. С 1990 года прекратились конференции, и само общество перестало существовать. Научная деятельность 50-80-х годов не отрывала врача-невропатолога В.В. Дягилева от практической работы, наоборот, помогала ей. Он один справлялся с работой, которую ныне исполняют четыре специалиста-невропатолога. Справедливости ради надо заметить, что в последнее десятилетие появилось много новой аппаратуры, которую и обслуживают эти медики. (Имеются в виду эхография, ультразвуковое исследование - УЗИ и т.д.) С помощью аппаратуры обследуют, а затем лечат неврологических больных. Часть их затем передается психиатру, поскольку в России, в отличие от зарубежной медицины, существуют две ипостаси психопатологии: малая - неврозы и большая - психозы и, следовательно, две специализации. Василий Валентинович занимался и той и другой.

В течение жизни Дягилев неоднократно пытался расширить рамки своей профессии: после первичной специализации по неврологии в Туле в конце сороковых годов, он в 1950 году был на курсах в Москве, в 1956-57-х годах там же, на курсах повышения квалификации, изучал бактериологию и иглоукалывание, став первым специалистом в Костроме. Знание этого профиля медицины повлияло и на его личную жизнь.

Василий Валентинович был женат трижды. Первая жена его - бухгалтер была родом из Тутаева. Брак совсем молодых, почти юных людей, конечно, был скорее пробным и не мог долго длиться. Вторую жену Ольгу Никитичну Лубянскую Дягилев привез в Кострому из Тулы. Она работала в Никольской больнице медсестрой и тяжело болела. От нее Василий Валентинович имел двух сыновей, из которых в живых остался только один - Павел Васильевич, подаривший отцу двух внуков и двух внучек. Таким образом костромская ветвь Дягилевых не может пресечься.

Со своей третьей женой - Натальей Ивановной, урожденной Кораблевой, Василий Валентинович познакомился еще в 1958 году, как с пациенткой. Впрочем, уместнее привести здесь ее собственный рассказ:

«Я двадцать лет болела астмой, всю молодость проболела, была на инвалидности. Искала, где лучше излечиться и поехала в Москву, где была у трех врачей и прошла первый курс иглоукалывания. Когда вернулась в Кострому, то нашла Василия Валентиновича, который в то время еще служил, и он стал проводить сеансы иглоукалывания. Я шесть раз в год ходила на эти курсы до его отъезда в Фергану, даже ездила туда. По возвращении его в Кострому лечение продолжилось и довольно успешно. Излечившись, я начала работать в дорожном техникуме преподавателем геологии и почвоведения, а затем двадцать лет - в профтехобразовании. Со временем наше знакомство переросло в глубокое чувство. В 1975 году с получением

квартиры мы смогли пожениться. Дети Василия Валентиновича нас поняли и не осудили, тем более, что к тому времени отец уже выучил их и поставил на ноги».

В этом году исполняется 30 лет их официального супружества со времени же близкого знакомства – сорок пять. Супруги Дягилевы живут душа в душу. Регулярно посещающим их сыну Василия Валентиновича, невестке и четырем внукам тепло в их доме. Так семейным благополучием В.В. Дягилев обязан «делу, которому он служит».

От первой заповеди – долга по отношению к выбранной профессии, перейдем ко второй – вере во Всевышнего. То, что В.В. Дягилев – истинный христианин, ни у кого не вызывает сомнения. Более того, чувство веры у Василия Валентиновича не нечто преходящее, сиюминутное, а врожденное, исконное, исчисляемое столетиями и передающееся с генами из поколения в поколение. Естественно, что в советскую эпоху ее приходилось скрывать, но веру в Бога Дягилев никогда не терял.

Может даже медицинская специализация в нейро- и психопатологии у В.В. Дягилева в некотором роде сублимация отнятой у него неконспиративной веры, ведь «психо» – в переводе с греческого – душа, и религия, в конечном счете – жизнь духа, облегчению страданий которого и посвятил свое время врач В.В. Дягилев.

Христианские корни в роду Дягилевых исчисляются столетиями. Родоначальник фамилии – Павел Дмитриевич Дягилев за свою фанатичную преданность религии был даже сатирически обрисован Н.С. Лесковым в «Мелочах архиерейской жизни» под именем господина N, как «строителем церквей, постником и ненасытным любителем странников, монахов, а наипаче чтителем архиереев, с которыми неустанно искал сближения – желая от них освятиться».

Пишет Лесков и о детях П.Д. Дягилева: «Вся семья N очень многочисленная и очень почтенная не тяготеет к иночеству. Молодые люди осемьянившись, нежно любят свои семейства и религиозны, в свою меру, по-русски; съезжаясь летом к отцу, они даже прекрасно поют на клиросе сельской церкви».

Среди этих простых, добрых и очень милых людей подразумевался и Павел Дмитриевич Дягилев – прадед Василия Валентиновича, воспитавший своих детей, как истинных христиан, без всякой «ханжеской претенциозности». Один из них – Павел Павлович Дягилев – отец антрепренера Сергея Павловича и Валентина Павловича (дед Василия Валентиновича), характеризовался современниками как жизнерадостный, но несколько поверхностный человек, страстно любящий музыку, в том числе и церковную. Его сын Валентин Павлович (отец Василия Валентиновича) также, как и его родитель, – кадровый офицер, периодически дирижировал церковным хором в Петропавловском соборе в Петербурге.

В семье этого человека – офицера Генерального штаба Валентина Павловича Дягилева (1875-1929) и его жены Александры Алексеевны фон Пейкер (1877-1941) – дочери предводителя Виленского дворянства 30 ноября (13 декабря по новому стилю) 1913 года родился сын Василий.

Его отец до гражданской войны служил у генерала А.А. Брусилова. При временном правительстве был произведен в генералы, а в 1917 году – в генерал-майоры. После революции был приглашен служить в Красную армию. Защищал Петроград

от Юденича. В советское время преподавал в учебных заведениях Петербурга: в Инженерной академии, в Институте путей сообщения.

Василий Валентинович в своих мемуарах пишет: «Родители мои, глубоко верующие и религиозные люди, воспитали и нас всех братьев так, что мы всю жизнь были тоже глубоко верующими и религиозными людьми. Брат Сергей в своих записках подчеркивал, что и он, и я с самого раннего детства любили Бога и его светлую церковь. Лучше этого не выразить, настолько дорога была для нас всегда Церковь, какое место она занимала в нашей жизни. По рассказам Сергея в самом раннем детстве я начал играть в церковную службу. Вскоре Сергей тоже начал принимать и этом участие. На протяжении около десяти лет мы систематически «правили службу» по выражению отца. Сначала игра, затем подражание священнослужителям, постепенно это занятие становилось все более серьезным».

Дягилевы жили недалеко от Казанского собора и каждый день посещали его. Василий стоял обычно рядом с двумя полюбившимися псаломщиками, один в Казанском, другой в Преображенском соборе и всю службу запоминал. Большое влияние на юношу оказал отец Тимофей Налимов, ставший духовником семьи Дягилевых. Он доброжелательно относился к увлечению мальчиков церковной службой, ставя главным условием, чтобы это не было шуточной забавой. Впрочем, эта оговорка была лишней. Они получили от него много церковных печатных и рукописных книг, получали также консультации по порядку проведения служб.

В начале 1920-х годов Василию Дягилеву удалось опробовать себя в качестве псаломщика, с разрешения псаломщика Казанского собора Н.А. Ульянова. Продолжались и домашние службы. Василию Валентиновичу памятна обедня в начале 1926 года, когда они втроем с братом Сергеем и кузеном Дмитрием «правили службу» и это было уже больше похоже на общую молитву.

Эта молитва не спасла семью Дягилевых от беды, которая уже давно витала в воздухе. В 1927 году в Петербурге прогремел взрыв, который молва приписывала офицерам старой армии. В числе подозреваемых оказался и Валентин Павлович. Его вместе с женой увезли на двух мотоциклах с колясками. Василий Валентинович, которому в ту пору было четырнадцать лет, до сих пор мысленно видит удаляющийся силуэт отца в военной форме, подпрыгивающий на ухабах дороги. Валентин Павлович Дягилев был сослан на Соловки, где его расстреляли спустя два года. Его жену Александру Алексеевну выслали в Тару Омской губернии, на так называемое вольное поселение, но в 1930 году арестовали вновь, там же, в Сибири и отправили в Северные лагеря Гулага – в Куземы, Воньгу, Кемь и другие места на пять лет, откуда через два с половиной года она комиссованная по болезни, освободилась окончательно и по своему желанию поселилась в Тутаеве, куда к ней приехал и сын Василий. Надо было искать средства к существованию. Если в 1928 году, когда они оба находились в Таре, Василий Валентинович работал по найму псаломщиком, то в тридцатые годы, когда религия подвергалась неимоверным гонениям, об этом не могло быть и речи. Жизнь предлагала иные источники пропитания для тела, но не для души. Василий Дягилев окончил курсы строителей-десятников. Работал техником-строителем

и Тутаеве, Уфе, Ярославле, Москве. Получил квартиру в Ярославле, где во взрослой школе завершил прерванное трагическими обстоятельствами среднее образование. А далее – Ивановский медицинский институт и для души – музыка. Уже с первого курса играл в симфоническом оркестре, благо подготовка у него была изрядная. В доме Дягилевых в 20-е годы каждый четверг собирались квартеты, и партию скрипки или альты вел Василий. С двенадцати лет ему давал уроки музыки бывший альтист придворного оркестра Иосиф Иосифович Пиорковский. Без навыка пения с нотного листа Дягилев не мог бы отправлять церковные службы, и когда они стали невозможными, их заменила классическая музыка. В составе Ивановского симфонического оркестра В.В. Дягилев играл Глинку, Бетховена, Вагнера, Чайковского и Глазунова. Мама писала ему из Нов-

В.В. Дягилев

города, что он не выдержит напряжения от учебы в институте и вечерних занятий музыкой и сорвется, но он иначе не мог. Впрочем, с началом войны оркестр был расформирован. В том же году умерла его мать...

Тяга к музыке преследовала Дягилева всю жизнь, как ностальгия по детству, родным, отнятому Богу. Даже будучи на курсах повышения в Москве в 1956-57 годах военврач-невропатолог играл в симфоническом оркестре Центрального клуба железнодорожников на Комсомольской площади. Оркестром руководил Анатолий Евгеньевич Кноре, а в программу были включены произведения Вагнера, Мендельсона, Чайковского.

Обосновавшись в Костроме, вышедший в отставку врач-военный решает на отчаянный шаг: в пятьдесят один год он поступает в Костромское музыкальное училище по классу фагота и в 1969 году получает диплом профессионального музыканта. Еще с первого курса музучилища он играл в симфоническом оркестре с разными руководителями. Сильнейшим дирижером Василий Валентинович считает Валерия Александровича Раевского, стажировавшегося у самого Генриха фон Караяна. Сейчас маэстро живет в Кирове.

По окончании Костромского музыкального училища В.В. Дягилев некоторое время преподавал в нем; один из его учеников даже закончил Гнесинское училище. Возобновил Василий Валентинович и церковное пение, посещая хор в кафедральном соборе Воскресения на Дебре, где регентом тогда был его приятель Николай

В.В. Дягилев с женой Натальей Ивановной, урожденной Кораблевой и внуками

Иванович Баранов, с которым они вместе исполняли прекрасные произведения Фатеева и Чайковского, а также ряд других.

Так что стоит ли удивляться, когда на особо торжественных собраниях костромского дворянства, как, например, на 85-летнем юбилее его председателя, Василий Валентинович «правя службу» пел церковные псалмы. И не закономерно ли, что единственный сын его – Павел Васильевич Дягилев, с благословения отца стал профессиональным священнослужителем?

Любовь к искусству была присуща почти всем представителям рода Дягилевых. Дом их на протяжении веков был наполнен музыкой и пением. Дети и взрослые устраивали домашние музыкальные спектакли. Но лишь одному представителю этой фамилии удалось перевести талантливое любительство в профессиональную плоскость высокого уровня, причем не только отечественного, но и мирового искусства. Речь идет о Сергее Павловиче Дягилеве – родном брате отца Василия Валентиновича, известнейшем антрепренере, художественном и театральном деятеле.

Погружаясь в генеалогию, стоит, однако, оговорить, что костромской невропатолог В.В. Дягилев приходится Сергеем Павловичу Дягилеву племянником лишь по отцу, поскольку мать антрепренера – Евгения Николаевна, урожденная Евреинова, скончалась при рождении сына. Через два года Павел Павлович – сирот-вдовец, женился на Елене Валериановне Панаевой (1851-1919), оказавшей самое благотворное влияние на пасынка, обожавшего свою вторую мать. К отцу же он относился довольно прохладно, как, впрочем, к большинству кадровых военных, считая их довольно поверхностными людьми.

Валентин Павлович Дягилев (отец Василия Валентиновича) провел со своим сводным братом детство и юность, после чего пути их разошлись. Сергей Павлович в начале XX века много времени проводил, пропагандируя русское искусство. Один из современников так отзывался о привязанности Дягилева к России и значении его деятельности за рубежом:

«Отношение Дягилева к России, было совершенно в петровском духе. Он обожал Россию и все русское до какого-то фанатизма; редко кто вмещал в себя столько национальной гордости». Начавшаяся Первая мировая война застала антрепренера за рубежом. До ее начала он еще успел съездить на Родину на похороны отца и там, по семейным преданиям, видел годовалого младенца Василия. Начавшиеся военные действия в Европе отрезали его от России, сделав вынужденным эмигрантом. Позднее он встречался с русскими эмигрантами, бежавшими от революции и гражданской войны. Шло время... В 1924 году в Париже Дягилев встретился с В.В. Маяковским и поведал ему о своей тоске по родине. Маяковский хлопотал у властей о разрешении приезда Дягилева в Россию, но поездка так и не состоялась. Мастер умер в 1929 году, в год, когда расстреляли его брата, залпавшего за свой патриотизм собственной жизнью.

Весной 1999 года в Кострому, на имя Василия Валентиновича Дягилева пришло письмо следующего содержания:

«Дело по обвинению Дягилева Валентина Павловича 1875 года рождения, уроженца г. Петербурга, после окончания академии генерального штаба служившего в Петроградском военном округе, отбывавшего по делу наказание в Соловецком лагере особого назначения, осужденного по постановлению коллегии ОГПУ от 24 окт. 1929 года за участие в создании контрреволюционной организации с целью проведения вооруженного восстания «о статье 58 П УК РСФСР к расстрелу, приведенному в исполнение 29 окт. 1929 года. Рассмотрено 16 августа 1989 года президиумом архангельского областного суда, которым постановлено: решение коллегии ОГПУ от 24 окт. 1929 года в отношении Дягилева Валентина Павловича отменить и дело производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления. Дягилев реабилитирован... Исполнитель и.о. архангельского областного суда И.И. Семенов. 23 марта 1999 – Василию Валентиновичу Дягилеву послано».

Может ли адресат такого послания чувствовать удовлетворение от залоздадой, но все же восторжествовавшей справедливости, не могущей вернуть погибших близких? Проходит ли после этого обида на людей, допустивших это беззаконие?

На этот вопрос Василий Валентинович ответил так: судить надо не людей, а грех, который в данном случае сам изжил себя. Я поняла его так: судить надо не людей, а тоталитарный режим, ими установленный. Он сгнил и рухнул, похоронив себя под своими же обломками. В этом и есть справедливое возмездие ему, predeterminedное свыше. Подобный философский подход к теме присущ не одному В.В. Дягилеву, но и многим другим участникам Гулага: Д.С. Лихачеву, А.А. Григорову, Д.Е. Катенину и несть им числа...

От темы большой и бедной Родины логично перенестись к Родине малой. И, хотя будучи уроженцем Петербурга, Василий Валентинович, естественно, не явля-

ется костромским аборигеном, тем не менее Кострома, уступающая многим городам, в которых он жил, занимает в его сердце особое место, ведь не зря же он отдал ей полвека своей жизни.

«Кострома мне очень нравится, – признается Василий Валентинович, – больше, скажем, чем Иваново или Ярославль. Народ здесь очень доброжелательный. В Иваново, где я жил три года, он более грубый, в Ярославле, где я пробыл в общей сложности около четырех лет, ехидный, как мне кажется, конечно по тем временам».

Думается, что благорасположение В.В. Дягилева к нашему городу взаимно, ведь недаром 29 мая 1999 года он становится почетным гражданином города Костромы.

Василий Валентинович Дягилев умер 10 декабря 2004 года в Костроме, когда «Стражи времени» уже были отданы в печать.

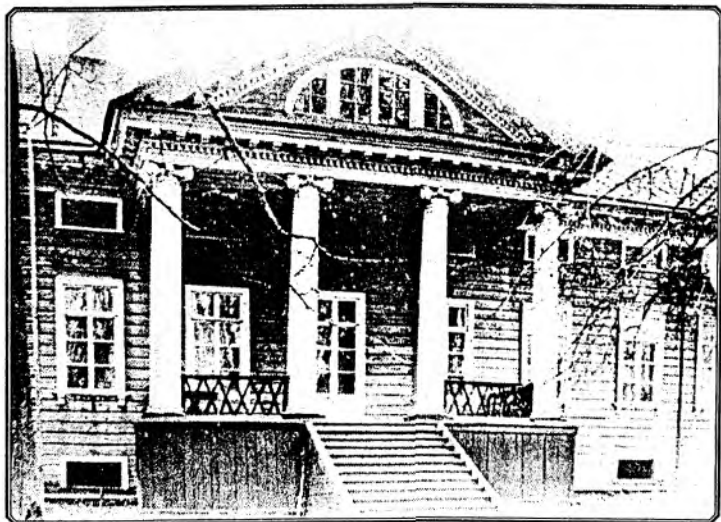
ЧУХЛОМСКАЯ ГАЛЕРЕЯ КАТЕНИНЫХ

СРЕДА, в которой человек рождается, проводит детские и юношеские годы, оказывает заметное влияние на его становление. На рубеже XVIII-XIX веков, при наличии четкого сословного и родового подразделений, влияние семьи на формирование молодых людей было особенно сильным. Говоря о Павле Александровиче Катенине не только как о творческом или историческом деятеле, но и незаурядной личности, необходимо иметь представление о той среде, из которой он вышел.

Древний служилый род Катениных внесен в шестую часть книги костромского дворянства. «Мы были при Шемаке» – с гордостью говорила в 1918 году Ида Ивановна Катенина, последняя владелица родовой вотчины.¹ И действительно, в источниках упоминаются многие далекие предки Катениных, занимавшие видные административные посты в Галичских землях. Но многие представители рода проявляли себя и на воинском поприще. Их ратная доблесть свято чтится потомками и передавалась из поколения в поколение. Когда мать П.А. Катенина узнала, что он оставил штатскую службу и перешел на военную она, перекрестившись, сказала: «Благодарю тебя, Боже, я узнаю в нем сына моего!»²

Врожденное чувство патриотизма руководило Катениным при вступлении в 1810 году в лейб-гвардии Преображенский полк, оно обострилось в нем во время Отечественной войны 1812 года, а после ее окончания привело его в авангард литературного неоклассицистского лагеря, возводящего героизм и гражданственность в основной художественный принцип.

В сороковые годы XIX века у П.А. Катенина было в костромских краях три усадьбы: две из которых – Шаево и Бореево – наследственные, а одна – Колотилово – благоприобретенная. Еще две усадьбы – Занино и Клусеево – принадлежали родственникам поэта. Усадьбы самого Павла Катенина – Шаево, Бореево и Колотилово, доставшиеся после его смерти родственникам, были заброшены задолго до революции. Однако, подлинным «культурным гнездом» этого рода оставалась усадьба Клусеево, расположенная в 14 верстах от Чухломы при речках Сеннухе и Масловке. Это родовое имение было пожаловано в 1446 году князем Дмитрием Юрьевичем Шемякой в роду жалованной грамотой. В конце XVIII – первой трети XIX столетия именем владел Андрей Федорович Катенин – дядя поэта. В дальнейшем Клусеево переходило его наследникам, пока в 1918 году не было национализировано. Осенью того же года уполномоченный Костромского научного общества В.В. Звездин совершил поездку по Чухломскому уезду с целью осмотра и изъятия культурных цен-

*Клусеево.
Господский
дом*

ностей из помещичьих усадеб для помещения их в соответствующие хранилища. Им был вывезен из Клусеева ряд портретов и гравюр.³ В 1919 году Л.Н. Казаринов, первый директор уездного краеведческого музея доставил в Чухлому оставшуюся часть фамильной галереи и архив».⁴ Благодаря этим материалам мы можем восстановить атмосферу быта одной из ветвей катенинского рода, близкой поэту-декабристу.

Господский дом в Клусееве был обставлен богато и со вкусом: мебель работы хороших мастеров, ценная библиотека, художественная галерея, в состав которой входили живописные полотна на историко-мифологические сюжеты, французские гравюры, портреты представителей катенинского рода. Построенный в 1800 году, одноэтажный, с антресолями и традиционный портиком дом фасадом выходил на большую площадку, обнесенную изгородью. Пристроенная сзади терраса вела в сад. Комнаты большие, высокие, светлые. Наиболее торжественный, парадный вид имела гостиная, по стенам которой были развешены портреты в массивных золоченых рамах... Под ними в вольтеровском кресле в значительные семейные моменты – при приеме гостей, перед отъездом в дорогу – восседал хозяин дома. Темные лики предков напоминали гостям о родовитости владельцев Клусеева, о их незабываемых семейных устоях и традициях, следы которых, хотя и видоизмененные не могли не проявиться в духовном складе П.А. Катенина, наиболее значительного представителя своего рода.

Фамильная галерея Клусеева⁵ начинается с портретов Матрены Васильевны и Федора Ивановича Катениных, доводившихся бабкой и дедом поэту. Оба портрета – парные, написаны маслом на холсте неизвестным художником второй половины XVIII века. Ф.И. Катенин представлен нам довольно симпатичной личностью. Спокойное, доброжелательное лицо, нескладная, грузная фигура, облаченная в

М.В. Катенина

умерли до его рождения, поэтому нельзя говорить о каком-либо влиянии их на внука, разве что в общем плане семейных традиций.

Зато дядя поэта – Андрей Федорович Катенин, который после смерти отца наследовал Клусееву, не мог не оказать заметного влияния на племянника. Имение родителей Павла Александровича – Бореево, находилось в трех верстах от Клусеева, и П.А. Катенин часто навещал родных как в юности, так и будучи взрослым. С ним, видимо, дядя делился воспоминаниями о великом полководце Суворове, рассказывал о штурме Очакова, непосредственным участником которого был сам. Мы можем представить А.Ф. Катенина той поры по портрету, исполненному в 1790 году Григорием Островским, где он изображен молодым офицером. Этот портрет вместе с парным изображением Ирины Юрьевны, урожденной

полковничий мундир, но потерявшая за годы отставки военную выправку. Служа в Семёновском полку с 1736 по 1762 год, Федор Иванович был по порядку жалован чинами и отставлен от службы полковником. Позднее занимался хозяйством в Клусееве, где и жил в окружении своей семьи: супруги-полковницы Матрены Васильевны, урожденной Толбузиной, запечатленной художником в парном портрете на фоне интерьера в типичном наряде барыни второй половины XVIII века, и детей – Александра (отца поэта-декабриста), Никиты, Николая, Андрея и Анны. В 1776 году он выстроил в селе Борееве каменную Богоявленскую церковь. Скончался Федор Иванович в 1787 году, через четыре года после смерти жены. Дед и бабка П.А. Катенина

Ф.И. Катенин

А.Ф. Катенин

И.Ю. Катенина

Лермонтовой – супруги Андрея Федоровича Катенина, кисти неизвестного художника, тоже входил в состав фамильной галереи Клусеева.

Поэт особенно близко сошелся с дядей в 20-30-е годы, когда тот, давно уже отставной капитан, спокойно проводил свои дни в лоне семьи, и все окружающие называли его «клусеевским баринном». После смерти И.Ю. Катениной (1769-1818), уход за домом взяла на себя ее незамужняя сестра Мария Юрьевна Лермонтова, – вот почему рядом с портретом шестидесятилетнего А.Ф. Катенина, написанным в 1828 году художником-академиком А.П. Калмановым и помещенным в галерею, мы видим и ее парный портрет, написанный одновременно тем же художником. Как ни стараются принять должную осанку хозяева Клусеева, чувствуется в них и усталость от бремени прожитых лет и грусть от ощущения близкой кончины. Вглядываясь в благообразное лицо Марии Юрьевны, невольно вспоминаешь один из моментов биографии П.А. Катенина: «Когда я с Кавказа приехал к одной моей тетке, она вдруг мне говорит: «Паша, перекрестись, пожалуйста, при мне!» – Я перекрестился, – «Ах, – говорит, – слава богу, как я рада, а мне говорили, что и перекреститься совсем не можешь, что продал черту душу!»⁶ Мария Юрьевна Лермонтова завещала свое имение в сельце Богоявленском любимому племяннику – сыну Андрея Федоровича и Ирины Юрьевны – Александру Андреевичу Катенину.

А.А. Катенин (1803-1860) сделал блестящую военную карьеру. Его биография подробно описана во всех энциклопедических словарях XIX века. Генерал-адъютант Катенин занимал многие высокие посты: командовал Преображенским полком, а в конце жизни занимал пост Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. После его смерти один из поселков под Оренбургом был назван Катенинским.

М.Ю. Лермонтова

А.Ф. Катенин

В фамильной галерее он представлен портретом, написанным в 1840 году придворным художником Э.Г. Боссе, почетным членом Академии св. Луки в Риме и членом Академии художеств во Флоренции.

Перед нами тридцатисемилетний флигель-адъютант, отмеченный многочисленными наградами. Широкий разворот плеч, энергичная поза торса, гордо посаженная голова говорят о силе воли и решительности храброго военачальника, а твердый подбородок и настороженный взгляд серых пронизательных глаз – об уме и расчетливости царедворца, привыкшего как повелевать, так и лавировать.

Менее известна другая сторона жизни А.А. Катенина. Никто из многочисленной родни не был так близок поэту, как его двоюродный брат. Судьбы их тесно переплетены. В период учебы в Горном кадетском корпусе и во время службы в Преображенском полку Александр Андреевич жил в Петербурге вместе с братом; они часто бывали вместе, имели общий круг знакомых. Александр Катенин был свидетелем высылки П.А. Катенина из Петербурга. Его имя встречается в бумагах Каратыгина, Грибоедова, Бахтина. Именно А.А. Катенин привез «шаевскому ссыльному» на разбор рукопись А.С. Грибоедова «Горе от ума», он же периодически информировал брата о петербургских новостях и снабжал его литературой. Так в письме к Бахтину от 26 апреля 1825 года П.А. Катенин писал: «Брат Саша прислал мне... Полярную звезду и Рылеева поэму "Войнаровский"»⁷. Павел Александрович также не оставался в долгу: он постоянно опекал своего легкомысленного в молодости, но добросердечного брата. Весной 1828 года, во время войны России с Турцией он экипировал Александра для предстоящего похода и с тревогой ждал от него известий. «Благодарю Вас, – обращается он к Н.И. Бахтину в письме от 4 ноября 1828

года, – за известие о брате Александре:… дай Бог ему возвратиться живу и здорову из войны, довольно кровопролитной, кажется, дела его точно разстроены, но он сам виновен… Впрочем, это еще не совершенно беда, ибо, хотя бы и все его имение пошло на заплату долгов, у него в виду остается мое… из родни он всех милее и мне бы даже хотелось иметь его при себе». ⁸

Когда в начале 1830-х годов для Павла Александровича Катенина настали тяжелые времена: за неисправность винной поставки его имение было взято в опеку и возникла срочная необходимость служить, А.А. Катенин через В.Ф. Адлерберга хлопотал о восстановлении брата на военную службу, что при крайне неуживчивом характере и политической неблагонадежности поэта было делом весьма нелегким. Владимир Федорович Адлерберг (1792-1884) приходился дальним родственником Катениным: жена дяди поэта Николая Федоровича – Евдокия Ивановна Нелидова приходилась теткой супруги В.Ф. Адлерберга, Марии Васильевне Нелидовой. Здесь уместно упомянуть, что Адлерберг в 1826 году состоял членом следственной комиссии по делу декабристов; не при его ли содействии декабрьская буря обошла Катенина стороной?

Отслужив полгода в Царском Селе, где размещался учебный образцовый полк, П.А. Катенин выехал на место службы на Кавказ. Даже находясь в разных концах России, братья изыскивают возможность хоть ненадолго свидеться друг с другом. В 1837 году по предписанию начальника военно-походной канцелярии Адлерберга на Кавказ приезжает флигель-адъютант А.А. Катенин. Он выполняет служебное задание: проводит инспекторский смотр Эриванскому Карабинерному полку, производит следствие над злоупотреблениями полкового командира князя Дадияни и навещает П.А. Катенина в крепости Кизляр, где тот служил комендантом. ⁹

Логическим завершением обзора фамильной галереи Катениных должен стать портрет Павла Александровича. Увы, в Клусееве его не было. Во всех собраниях произведений поэта воспроизводится портрет, оригинал которого в 1940 году был передан из Кологривского краеведческого музея Всесоюзному музею А.С.Пушкина в Ленинграде ¹⁰.

В 1939 году пушкиновец М.Д. Беляев подарил Пушкинскому дому фотографию с портрета П.А. Катенина, полученную им от Евгения Александровича Катенина – внука Александра Андреевича. Оригинал погиб при пожаре дома в родовом имении Катениных, вероятнее всего в Чухломской усадьбе Бореево, поскольку там по описи за 1855 год хранился портрет поэта. Таким образом прижизненного

А.А. Катенин

и качественного портрета П.А. Катенина не сохранилось, но мы имеем достоверную фотографическую копию его.¹¹

Сопоставим портреты двух братьев и их судьбы. Оба представителя одного рода, оба росли и воспитывались в одинаковых условиях. Один следовал девизу: «За царя и Отечество», другой говорил: «Я хочу служить Отечеству, но не на паркет» и стал у истоков тайных декабристских обществ. Выбор каждого был добровольным. Одному – почести и награды при жизни, другому – изгнания, преследования и... благодарная память потомков.

Свидетельств пребывания Катениных на Костромской земле осталось немного: погиб архив поэта, не сохранились усадьбы Шаево, Колотилово, Бореево, Занино, Клушеево, тем более дошедшая до нас часть фамильной галереи Катениных приобретает художественно-документальную значимость, являясь ярким конкретным и образным отражением эпохи, в которую жил поэт, и важным дополнением к характеристике его близкого окружения.

Примечания:

1. ГАКО. Ф.620. ОП.1. Д.6.. Л.1
2. Писемский А.Ф. Поля. собр. соч. М.1959. Т.4. С.211.
3. Отчет В.В.Звездина об этой поездке приводится по копии А.А. Григорова.
4. Бочков В.Н. Подвизники костромского краеведения. В кн.: Второе свидание. Ярославль. 1974. С. 65
5. В настоящее время обнаружено 8 портретов из Клушеевской галереи. Два из них: портрет Андрея Федоровича Катенина, кисти Григория Островского и Марии Андреевны Катениной принадлежат Костромскому художественному музею, остальные – Чухломскому филиалу музея-заповедника.

6. Писемский А.Ф. Указ. соч. С. 216
7. Русская старина. 1911. №6. С.216
8. Там же. №7. С.593
9. ГАКО. Ф.620. ОП.1. Д.35. Л.22
10. Московский специалист по фалеристике и формоведению А.М. Горшман утверждает, что на портрете П.А. Катенина изображено другое лицо, ссылаясь на несоответствие количества наград, которые имел поэт с теми, которые имеет модель на портрете.
11. Сообщено Р.Г. Жуйковой, научным сотрудником музея-квартиры А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОЗДНЕГО КЛАССИЦИЗМА ЕФРЕМ ГОДУН

В ЧИСЛЕ сорока четырех живописных полотен картины Ефрема Годуна «Воскрешение пророком Елисеем сына Сонамитянки» была привезена в 1971 году из Чухломского краеведческого музея им. А.Ф. Писемского в Костромской музей изобразительных искусств для реставрации. Спустя пятнадцать лет она была возрождена к жизни костромским реставратором Светланой Васильевной Капустиной.

Впрочем, вышеприведенное название полотна приобрело гораздо позже реставрации, в результате атрибуционного поиска автора этих строк, а в инвентарных же книгах Чухломского музея картина была зарегистрирована следующим образом: «№ 1520. Годун Е. Воскрешение апостолом Петром сына вдовы». 1854 г. х.м. 138 × 160».

В Чухломской музей картина поступила в 1919 году через его директора Л.Н. Казаринова, который привез ее из усадьбы Клусеево, принадлежавшей прежде помещикам Катениным – близким родственникам известного поэта.

О местонахождении этой картины в Клусеево есть документальные свидетельства уполномоченного костромского научного общества по изучению местного края – В.В. Звезда, командированного осенью 1818 года в Чухломской уезд для обследования национализированных помещичьих усадеб, с целью изъятия из

них особо ценных предметов искусства и культуры для помещения их в государственные хранилища: в музеи и архивы.

В Клушеее он побывал 21 ноября и описал свое посещение в докладе Костромскому научному обществу, где, в частности, говорилось: «В смежной с этой комнатой, налево, висит большая картина (размер 2 аршина на 24 вершка), писаная масляными красками на полотне. Подпись художника «Е. Годун» и далее следует число «185»... Может оно обозначает год написания, картины, так как далее не ясно... Сюжет картины: «Пророк Илья воскрешает сына Фамаитянки».¹

Этот отрывок доклада В.В. Звездина можно иллюстрировать фотографией клушеевского дома, где мы видим в интерьере картину Годуна среди домашней обстановки. Для получения этих снимков Звездину пришлось еще раз 6 декабря посетить Клушеее вместе с Чухломским фотографом Н.А. Шербеневым.

Разночтения в названии картины, которая по инвентарным книгам Чухломского музея числилась как «Воскрешение апостолом Петром сына вдовы», а по отчету Звездина «Пророк Илья воскрешает сына Фамаитянки», заставило нас в поисках истинного названия картинны обратиться к биографии художника.

В каталоге «Императорская Санкт-Петербургская академия художеств 1764-1914», составленном С.Н. Кондаковым, есть краткая справка о художнике:

«Годун Ефрем Васильевич. Из Полтавский крестьян. Родился 28 января 1825 года, умер в 1879 году. Вольноприходящий ученик Академии художеств. Получил медаль в 1852 году – 2-ю серебряную, а в 1853 – 1-ю серебряную, в 1855 году – 2-ю золотую за программу «Явление Богоматери преподобному Сергию», тогда же получил звание классного художника. В 1856 году – 1-ю золотую медаль за программу «Аэндорская волшебница вызывает тень Самуила» и отправлен пенсионером за границу. Академик с 1865 года за картину «Иоанн Креститель упрекает Ирода за сожителство с Ироиадой».²

Чухломская картина Годуна не упоминается в этом формуляре, хотя, судя по сюжету, это типичная программа для учеников Академии художеств по классу исторической живописи. Возможно, художник, действительно, исполнил заданную программу, но награды за нее не получил и этим объясняется отсутствие ее в формуляре. Но и соискатели наград, не получившие их, упоминались в некоторых документах академии.

И вот, в «Сборнике материалов для истории Академии художеств за сто лет ее существования» П.Н. Петрова, читаем: «22 апреля 1854 года определено записать в журнал, что академическим советом назначены художникам и ученикам Академии программы для получения золотых медалей первого и второго достоинств по утвержденному Советом эскизам. На получение медали золотой 2-го достоинства, по живописи исторической написать картины ученикам... Андреяну Волкову и Ефрему Годуну «Пророк Елисей воскрешает сына вдовицы».³

Дата написания полотна – 1854 год – позволяет предположить, что речь идет именно о картине из усадьбы Клушеее, а сверка изображенного сюжета с содержанием библейской притчи подтверждает эту гипотезу. Вот краткое содержание легенды о пророке Елисее (4-я книга Царств):

«В один день пришел Елисей в Сонам. Там одна женщина упросила его к себе есть хлеба... И сказала она мужу своему: вот я знаю, что человек, который проходит мимо нас святой... сделаем небольшую горницу и поставим ему там постель и стол, и седалище и светильник, и когда он будет приходить к нам, пусть заходит туда. В один день он пришел туда и сказал Гиезю, слуге своему: позови эту Сонамитянку. И позвал ее и спросил: что сделать бы тебе, ты так заботишься о нас... Она сказала нет, ничего. Среди своего народа я живу. И сказал Гиезнь: да вот сына нет у нее, а муж ее стар. И сказал Елисей: через год, в это самое время, ты будешь держать на руках сына. И женщина родила... И подрост ребенок и в один день пошел к отцу своему, к жнецам и сказал: голова моя болит... И понес его слуга к матери его и он сидел у нее на коленях до полудня и умер... И отправилась она к человеку Божию. И ухватила за ноги его и сказала: просила ли я сына у господина моего? Не говорила ли я не обманывай меня? И сказал он Гиезю... Возьми жезл мой в руку твою... и положи посох мой на лице ребенка. И вернулся тот и сказал: не пробуждается ребенок. И вошел Елисей в дом, и вот ребенок умерший лежит на постели его. И помолился господу и поднялся над ребенком и приложил свои уста к его устам и свои глаза к его глазам и свои ладони к его ладоням и простерся на нем, и согрелось тело ребенка... И чихнул ребенок раз семь и открыл ребенок глаза свои. И позвал он Гиезю и сказал: позови эту сонамитянку. И пришла и упала ему в ноги и поклонилась до земли и взяла сына своего»⁴.

Финал этого библейского сказания и изображен в картине Е. Годуна. Мы не только видим всех персонажей легенды: пророка Елисея, слугу Гиезю, сонамитянку и ее воскресшего сына, но и узнаем описанную комнатку со всей обстановкой, а также упомянутый посох в руках Гиезю. Итак, картину Е. Годуна 1854 года мы можем безоговорочно назвать «Пророк Елисей воскрешает сына Сонамитянки» (а не вдовицы, как ошибочно ее назвал совет Академии). Годун написал ее по академической программе на соискание 2-й золотой медали, но не преуспел в этом. И, действительно, эта картина не заняла видного места в русском искусстве того времени. И это закономерно, ведь в середине XIX столетия классицизм, теснимый зарождающимся реализмом, был в глубоком кризисе. Годун, как типичный представитель позднего классицизма, исходил от стремления отвлеченно понятой красоты и гармонии и придерживался в композиции принципов соответствия и равновесия. Недаром центральная группа персонажей вписана в правильный треугольник, смещенный влево и уравновешена светлым проемом двери с вписанной в него фигурой слуги. Центр картины – фигура пророка с символически поднятой вверх рукой. Художник использует барельефное расположение фигур, ни одна из них не заслоняет другую. Рисунок профессионален и грамотен. Колорит условен. Позы героев театральны, имеют отвлеченный характер.

Каким же образом картина Е. Годуна из Петербурга попала в Чухломскую усадьбу Клусеево? Надо думать, что на одной из выставок-продаж ее приобрел хозяин усадьбы Александр Андреевич Катенин, большой любитель искусства, для

домашней семейной галереи, состоящей как из портретов членов семьи, так и историко-мифологических полотен. Возможно эту покупку порекомендовал ему сделать друг и родственник Владимир Федорович Адлерберг, член совета Академии художеств.

Примечания:

1. Цитата извлечена из копии отчета В.В. Звездина, принадлежащей А.А. Григорову в 1975 году.

2. Юбилейный справочник императорской Академии художеств. 1764-1914. Сост. С.Н. Кондаков. Пг. 1914. Ч.2.С.112.

3. Сборник материалов для истории императорской Академии художеств за сто лет ее существования. Под ред. и с прим. П.Н. Петрова. Ч.3.С.215.

4. Библия. Книги священного писания ветхого завета. 1. Библейские комиссии 1991.С.410.

ГИГАНТ СРЕДИ ПИГМЕЕВ (Петр I)

ЖУДОЖНИК-РЕСТАВРАТОР Лев Александрович Богомолов, ныне (увы!) уже покойный, кажется не так уж давно имел мастерскую в Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике, где всегда было очень уютно и занимательно. По стенам висели его прекрасные живописные работы, которые переносили зрители в мир патриархальной России. В них кроется понимание отечественной истории, живой трепещущей, трогательной души. Нет сомнений – это по-настоящему большой художник, которого мы еще не сумели по достоинству оценить, но в равной степени Лев Александрович еще и реставратор – «доктор больных полотен». Он мог часами рассказывать истории болезней своих «пациентов», сопровождая повествование многочисленными фотографиями. Во время одной из таких встреч я и услышала рассказ его об огромном парадном портрете Петра I-го, казавшемся гигантом среди небольших других живописных произведений. Написал его немецкий художник К.Ф. Рейхерт.

Незаурядная личность Петра I-го неоднократно привлекала к себе как русских, так и иноземных художников; одних потому, что он, по образному выражению поэта «Россию поднял на дыбы», то есть пробудив от спячки, призвал к активной деятельности, других же потому, что «В Европу прорубил окно», то есть открыл выходы к морю, чем обеспечил торговлю и культурное общение с зарубежными цивилизованными странами.

Среди зарубежных художников, обратившихся к петровской тематике, был прусский подданный Фридрих Карл Рейхерт (в русифицированном варианте Федор Мартынович). О деятельности иностранных мастеров в России в XIX веке мы знаем очень мало, чаще всего лишь сам факт их пребывания в стране, да иногда имеем сведения о важном заказе для них. О Рейхерте же, приехавшем в Россию на свой страх и риск в поисках заказчиков и покупателей, и совсем мало. Так неизвестен и год его рождения. Фридрих Карл Рейхерт появился в Петербурге в 1859 году, привез для продажи огромную картану (252 × 375 см) под названием «Галилей перед судом инквизиции». Он вообще тяготел к гигантским размерам, и, может быть, именно поэтому обратил на себя внимание и быстро добился успеха, впрочем, работы его отличались если не талантом, то хорошей школой и предельной добросовестностью. На протяжении четырех лет (1860-1864) Рейхерт являлся непременным участником ежегодных академических выставок. Его работы, и прежде всего картина «Первый печатный станок Гутенберга», обратили на себя внимание знатоков. Художник стал

получать престижные и дорогие заказы. Так для нового читального зала публичной библиотеки в Петербурге Рейхерт пишет большой портрет Александра II (хранится в Русском музее), выполняет заказы частных лиц.

В 1864 году, в связи с конкурсом на переделку золотом гостиной Зимнего дворца, Рейхерт предложил декорировать ее потолок четырьмя композициями на сюжеты из русской истории. Пробным камнем в освоении темы стала картина «Петр I в своем домике на Петербургской стороне», показанная на академической выставке 1862/63 годов. От переделки золотой гостиной в конце концов отказалась и проект художника реализован не был. Картина попала в Академический музей, откуда в 1913 году была передана в Кострому как дар вновь открытому Романовскому музею (позже в художественный музей). Ныне принадлежит музею-заповеднику.

На картине Рейхерта Петр I напоминает нам капитана большого корабля, символизирующего Россию. Как бы стоя на мостике, он вглядывается вдаль, стараясь угадать правильную дорогу и безопасно обогнуть встречающиеся мели и шхеры. Это метафора, на самом же деле полотно изображает монарха в момент отдыха в его домике на Петербургской стороне, когда он готовится к предстоящим морским путешествиям, изучая карту и готовясь рассмотреть в подзорную трубу ландшафт за окном. Кстати сказать, этот исторический дом сохранился в Петербурге до сих пор.

Поступившая в Романовский музей города Костромы в юбилейный год 300-летия Дома Романовых, картина не покидала зала музея вплоть до 1960-х годов, пока из-за плохой сохранности не была убрана в фондохранилище. В 1980-х годах картина была реставрирована основателем и реставратором костромского филиала ВХРНИ им. И.Гробрая, Львом Александровичем Богомоловым. Несколько лет продолжалось ее долгое и кропотливое лечение: укрепление красочного слоя, подведение кромок, тонирование и натяжка на новый подрамник, покрытие лаком. Гибель картины предотвращена, но еще рано считать реставрацию окончательно завершённой. Она находится под длительным выставиванием. Очень желательно дублирование на новый холст особого состава, который в России практически невозможно приобрести. А ведь у картины большое будущее! Сейчас стоит вопрос о дальнейшем использовании произведения. В случае реконструкции портретной галереи в дворянском собрании, которая уже частично осуществлена, портрет Петра I-го вполне может заменить один из больших утраченных портретов монархов в белом или золотом залах. А можно вообще поместить полотно в особое помещение и экспонировать изолированно от других, наподобие известных музеев одной картины. В любом случае она вызовет большой зрительский интерес.

ПУШНОЕ ДЕЛО ПАНОВЫХ

СЕНСАЦИОННЫЕ солигаличские находки – полотна талантливого Григория Островского, – значительно обострили интерес к запасникам районных краеведческих музеев, и как оказалось – не зря. В середине 70-х годов XX столетия внимание исследователей привлекли 5 портретов XIX века кисти неизвестного художника. После проведенных исследований выяснилось, что картины представляют собой не что иное, как фамильную портретную галерею. Все изображенные на портретах – врожденные вологжане. В научной краеведческой литературе портреты идентифицируются как галерея тотемских купцов Пановых. Сразу возникает вопрос: почему портреты нескольких поколений одной вологодской семьи оказались на костромской земле? Ответ дает обращение к истории усадьбы Внуково, где эти портреты украшали интерьеры, увековечивая предков владельцев имения более столетия.

Где-то на рубеже десятых годов XIX века, накануне отечественной войны 1812 года когда мир, испуганный необычайно ярким свечением редкой кометы, готовился к грядущим бедам, в далеком Солигаличском уезде внук известного тотемского купца Панова Иван придирчиво осматривал доставшееся ему в приданном жены Екатерины Васильевны имение Внуково. Еще недавно усадьба принадлежала ее отцу – помещику Кривскому, а теперь права владения перешли к новому хозяину, который, по-видимому, остался весьма доволен приобретенной недвижимостью. Именно здесь родилось трое его детей, и как-то сами собой сконцентрировались все семейные реликвии, включая уже известные портреты, фамильный архив, уникальную библиотеку в несколько сот томов, а также старинные – середины XVIII века – географические карты Сибири и Дальнего Востока, с нанесенными от руки контурами доселе неведомых земель, в открытии которых принимал участие сам владелец карты, глава семейного клана, патриарх российской пушнины и первая модель фамильного живописного собрания Петр Алексеевич Панов.

Свыше двух с половиной столетий тому назад степенная, неспешная жизнь российского купечества вдруг резко изменилась. В 1741 году 2-я Камчатская экспедиция под руководством В. Беринга и А. Чирикова открыла Северо-Американский континент со стороны Азиатского материка, а также огромное число мелких островов, расположенных к западу от Америки. Предприимчивое купечество сразу осознало, какие неисчислимые прибыли можно получить, по-хозяйски распорядившись новыми источниками сырья и рынками сбыта для своих товаров. Едва только весть об открытии новых земель распространилась по России, как торговые люди устремились к далеким берегам неведомого Тихого океана.

В середине XVIII века птица счастья и удачи русского купечества парила над безбрежными тихоокеанскими просторами, отдыхая на диких скалах Аляски, Алеутских островов и Северной Калифорнии.

Уроженцы Ярославля и Вологды, Каргополя и Тотьмы, Великого Устюга и Дальска готовились поймать свою удачу, на только что обретенных окраинах Российской империи.

Небольшой камчатский городок Охотск весной 1758 года был озабочен снаряжением экспедиции в неведомые края. По палубе экспедиционного корабля «Святой Нулиан» с раннего утра до поздней ночи шумно пробегали вереницы матросов, руководимые суровым немногословным капитаном, мещанином Степаном Шотовым. Грузили рыболовные снасти, навигационное

М.В. Буренина

оборудование, еду, питье, товары для меновой торговли с туземцами, которые обязательно должны были встретиться на пути отважных искателей приключений. Предстоящее, как ожидалось, многомесячное плавание требовало от участников замышляемого предприятия аккуратности и тонкого расчета. Вологодские купцы Иван Буренин и Василий Кульков, яренский Иван Томилин, лальский – Афанасий Чебаев, тотемские – Андрей Титов и братья Пановы – Григорий и Петр Алексеевичи сильно рисковали своим капиталом: во время плавания с кораблем могло случиться все, что угодно, и возможность получения прибыли представлялась почти эфемерной. Тотемские торговые люди братья Пановы, поставившие на кон весь свой капитал, решили от предприятия не отдалаться и, положившись на Бога и океан, плыть к настоящей удаче или... к морскому дну. Войдя в состав экспедиции на «Святом Иулиане» они пустились в плавание, продолжавшееся четыре долгих года. В бумагах путешественников хранился ордер Сибирского губернатора Мятлева, содержащий рекомендации по надлежащему освоению российскими купцами новых земель: «Что де принадлежит до обхождения с теми дикими народами також о награждении промышленных людей такими вещами, которых они не имеют, особливо в самонужнейшем, яко то: в пороку, свинце, пушках, чего они ни за какие деньги получить не могут. О том тем промышленникам, что до хождения принадлежат, по силе высокоправительствующего сената и прежних камчатских командиров велено дать наставление»...

За время путешествия были открыты четыре ранее неизвестных острова, жители которых пополнили число подданных Российской империи. Большое значение имела и подробная географическая карта, составленная на основе данных этого плавания и обобщавшая все имевшиеся тогда сведения об Алеутских островах. В финансовом отношении экспедицию можно назвать более чем удачной. Её участники привезли огромное количество ценных мехов на сумму 130 тысяч рублей, по тем временам это был весьма значительный капитал. Как воспользовались им концессионеры, сказать сегодня трудно, мы знаем лишь о действиях Петра Алексеевича Панова. Осознав весь масштаб возможных торговых операций, Панов вкладывает все свои средства в торговлю мехами как внутри России, так и за ее пре-

В.П. Панов

делами, через несколько лет он уже имеет свои конторы и склады мехов в Москве, на Камчатке, в Иркутске, Кяхте – пограничном пункте с Китаем, через который проходила тогда почти вся торговля с этим государством. С Алеутских и других островов, с Камчатки, из Якутии и других сибирских краев шел непрерывный, все усиливающийся поток дорогих мехов, принадлежавших Петру Панову. Китайские купцы закупают в Кяхте в невероятных количествах камчатских бобров, чернубурых лисиц, соболей, котиков, выдру, белку. Причем, за рубеж шли преимущественно «сырые», то есть необработанные меха. В пределах российской державы торг шел мехами выделанными. Товаром удачливого торговца заинтересовались все-ликие фавориты императрицы Екатерины II, братья Орловы, а впоследствии сам светлейший князь Г.А. Потемкин, покровительство последнего обеспечило Панову безраздельное господство на российском рынке мехов.

Московскому искусствоведу А.Лебедеву довелось увидеть портрет П.А. Панова в середине 70-х годов в Солигаличе. К сожалению, он имел очень плохую сохранность и вскоре рассыпался, но осталось описание его: «Петр Алексеевич изображен в рост, стоящим между двух небольших столиков, в левой руке у него трость, в правой – запечатанное письмо. Фигура написана в фас, довольно плоскостно, голова слегка повернута вправо». Портрет датируется тем временем, когда тотемский купец передал ключик от налаженного, подобно лучшим швейцарским часам,

торгового механизма своему доверенному лицу, внуку старого сподвижника Ивана Буренина – Николаю Яковлевичу Буренину. Петр Алексеевич дал ему полную доверенность на ведение любого рода сделок, включая выдачу векселей от своего имени. С тяжелым сердцем пошел старик на этот, как в последствии показало время, губительный шаг, передавая бразды правления пушной миллионной империей пусть и в умелые, но все-таки чужие руки. Его сын Василий не проявлял ни малейшего интереса к главному делу жизни своего отца.

Василий оказался добрым, незлобивым юношей, полностью лишенным деловой хватки, так отличавшей его отца. О характере молодого человека говорит его портрет, спокойный, робко-меланхоличный взгляд серых глаз выдает натуру глубокую, склонную к рефлексии и самонализу. В облике младшего Панова нет ничего купеческого, даже одежда – двубортный черный камзол с серебряными пуговицами и с бархатным коричневым воротником, выступающий из под камзола кружевной белый шарф – заставляет нас считать изображенного дворянином, какковым Василий стал спустя чуть более десяти лет после написания портрета, это десятилетие своей жизни В.Панов описал в позднейшей докладной записке вологодскому губернатору графу Л.Б. Толстому. «При жизни, еще покойного отца моего тотемского купца Петра Алексеевича Панова и при благополучном его состоянии, по собственному моему желанию, записался я в 1786 году января 1-го из купцов в гвардию, в Преображенский полк каптенармусом, а потом переведен был в том же году в конную гвардию, а из оной был выпущен из виц-вахмистров поручиком в 1787 гнваря 1-го и потом состоял в Павлоградском в легконном полку, находясь при его светлости покойном князе Григорье Александровиче Потемкине Таврическом, а в 1791 году по прошению моему за болезнями оставлен из ротмистров о награждении майорского чина о данным от государственной коллегий пашпортом, а в 1792 году удостоился на сей чин получить и патент с подписанием Ея великой Государыни императрицы Екатерины Алексеевны и после сего записался в дворянство Вологодской губернии».

В то время, как Василий исправно поднимался по ступенькам служебном лестницы, делая военную карьеру, меховая империя отца, умершего в 1786 году, переживает тяжелый и, более того, смертельный удар. Из-за каких-то недоразумений между Россией и «небесной империей», прекращается всякая торговля между двумя странами, что для дела Панова было равноценно смерти. Дело в том, что торговля с Китаем имела в основном вид торгового обмена. Взамен пушнины китайцы снабжали Россию чаем, рисом и некоторыми другими видами товаров, не производившимися в то время у нас. К моменту прекращения торгового обмена с Китаем в 1787 году в Кяхте на складах Панова скопилось невыделанной пушнины на сумму в несколько сот тысяч рублей, торговый обмен возобновился только через восемь лет. За это время лежавшая без движения на складах пушнина пришла в такое состояние, что китайские купцы отказывались ее брать. Пришлось в спешном порядке реализовывать меха по демпинговым ценам, что принесло компании Панова колоссальный убыток в 300 тысяч рублей, от которого она уже не могла оправиться.

К тому же, после смерти старого Панова служащие его компании воспользовались некомпетентностью и неопытностью наследника умершего, попросту разворовали все финансы компании. Главный приказчик Н.Я. Буренин выдал на весьма значительную сумму векселей от имени старого хозяина. В результате, после кяхтинского банкротства векселя, срочно переданные к взысканию, никоим образом не могли быть оплачены. В обеспечение исков все имущество Панова, собранное, им за десятилетия громадных трудов, полных опасностей и риска, было описано и назначено к продаже, в том числе выставлялся на торги и построенный в Тотьме большой каменный двухэтажный дом, на который, кстати, так и не нашлось по купатей – настолько он оказался большим и роскошным.

Ситуация осложнялась тем, что виновник разорения, главный приказчик компаний Н.Я. Буренин приходился Василию Панову родственником, поскольку тетка растратчика была женою отставного майора.

Растрывавшемуся, разоренному Василию Панову судьба вскоре наносит новый, страшный удар. Вот как описывает семейную трагедию сам Василий в уже упоминавшейся объяснительной записке, адресованной графу Толстому: «Обращаясь же к бедствиям моим изъяснить должен, что... все то вместе лишило меня знатного наследственного отцовского капитала и повергло в бедность, а оную довершил еще пожар в тотемской деревне жены моей, случившийся 755 года в феврале месяце присущей и чрезвычайной моей тогда болезни, в коей едва и движение имел; в которой погорел и дом ея, а в нем разные письменные документы и все движимое мое имение как то: святые образа, посуда, жемчужные, алмазные и бриллиантовые дорогие вещи, лисьи и собольи меха и платье всего на сто тридцать пять тысяч рублей без остатка».

Юридический документ под пером отчаявшегося любимца светлейшего князя стал подлинным криком измученной многолетними невзгодами души. Последней опорой, поддерживавшей Василия, стала семья, в особенности жена, Татьяна Яковлевна, урожденная Буренина. О ней почти не имеется сведений, но сохранился и ее портрет, имевшийся в фамильной галерее, зато портрет ее матери Марии Васильевны Бурениной кисти художника Березина является украшением внучковской галереи. Известно только, что при выходе замуж за Василия Петровича в 1776 году она получила от отца в приданное «одною наличною суммою 15 тысяч рублей, кроме немалого числа золотых и бриллиантовых вещей, посуды и платья». О личных качествах супруги Пановой можно судить лишь по косвенным данным. По-видимому, она была дальновидной, умной, а самое главное, преданной женой своему мужу. Всего через два года после свадьбы она самостоятельно приобретает, поняв, что на мужа в практических делах рассчитывать не приходится, несколько деревень со стапятьюдесятью душами крепостных крестьян «для временного только пребывания». Но печальные обстоятельства судьбы сделали эти деревни, кстати они – единственное, что осталось у Пановых после катастрофического банкротства, «всегдашним и единственным ея и моим здешним жилищем». До конца оставаясь рядом с мужем-неудачником, Татьяна Яковлевна «последние остатки своего приданного употребила на содержание меня и детей наших из коих два сына

Василий и Иван служат ныне офицерами в павловском гренадерском полку, а я в несчастии моем имею одно пристанище и пищи в деревне единственно по любви жены моей и что нет у нас не токмо обилия и богатства, но что единое только умеренное пропитание от деревни, о которой еще уделяет и сыновьям служащим».

Но даже заботливое внимание преданной супруги не избавило Василия Панова от тяжких душевных и физических страданий: «с тех пор как бедствия разрушили состояние мое, вместе с оными разрушили и самые душевные силы мои и породили ужасные болезни, так что в 795 и 796 годах был я в долговременной тяжкой горячке и сомошествии... после чего память и самые мысли чувствую расстроенными».

В.В. Панов

Что происходило в небольших деревеньках вологодчины после 1798 года, которым датируется последний документ, имеющий отношение к Василию Панову, сказать трудно, наверное, он тихо доживал свои дни, сидя по вечерам в стареньком, скрипящем кресле, дожидаясь, когда Татьяна Яковлевна «единственно по любви» подаст ему чашку горячего, пахнущего настоем терпких северных трав, чаю с малиновым вареньем. Умер Панов в 1810 году. Татьяна Яковлевна пережила мужа на 13 лет.

С этого момента наше повествование будет продолжаться на костромской земле. Сыновья Василия Панова – Иван и Василий, к счастью, не были свидетелями многолетней агонии своего отца. С ранней юности, будучи записанными в гатчинской гвардию, они жили в Петербурге, где выйдя в офицеры, продолжили службу в Павловском гренадерском полку. Старший Василий, портрет которого в детском возрасте представлен в фамильной галерее Пановых, в 1798 году был в составе десантных войск, оперировавших на голландском побережье. После того, как император Павел I заключил мир с наполеоновской Францией, русский десантный отряд оказался в бедственном положении, остатки десанта были переведены, бывшими союзниками на о.Уайт, где В.В. Панов пробыл свыше года на положении интернированного. Возвратившись в Россию после смерти императора Павла I и выйдя в отставку в чине штабс-капитана, внук пушного короля приехал на родину, однако жить рядом с родителями не захотел, возможно тяготясь тамошней атмосферой

упадка и жизненного неблагополучия. Он женится на дочери костромского помещика прапорщика И.И. Чалева. Сперва молодые живут в приданном имении супруги – усадьбе Красково Чухломского уезда, а затем Василий Васильевич переезжает с семьей в новую усадьбу, в том же уезде на реке Виге. Склонный к некоторой экстравагантности, он называет семейное гнездо Аинно-Васильевское, в честь имени своей жены Анны Ивановны и своего имени Василий. Умер он бездетным 3 августа 1853 года, завещав свое имение детям брата Ивана – Алексею и Александру.

Младший брат Иван, как и Василий, служил в гвардии. Принимал участие в войнах с Францией в 1805-1807 годах, за подвиг в сражении под Прейсиш-Эйлау он получил редкую награду – прейсиш-эйландский золотой крест. Как и брат он вышел в отставку в чине майора и тоже женился на костромской дворянке, взяв в приданое усадьбу Внуково Солигаличского уезда. Там родился один из его сыновей, дочь которого Мария Александровна Замяткина наследовала после отца и дяди все, что осталось от когда-то от большого состояния своего прадеда, Петра Алексеевича Панова.

Именно Марии Алексеевне суждено было получить вознаграждения за все несчастья своего деда и в какой-то части компенсировать утерянное состояние. Дело в том, что при покупке имения Антоновское, которое сгорело в 1795 году, в купчей были указаны только крепостные крестьяне поименно, со всем имуществом, строением, скотом и птицею, а также «со всеми угодьями». Как оказалось «угодья» эти были весьма значительны, и заключались, в основном, из лесных дач с прекрасным строевым лесом. Из-за отдаленности эти лесные дачи не эксплуатировались, и в то время, когда состоялась покупка Антоновского, ни продавцы, ни покупатель, даже не нашли нужным упомянуть прежде по дачам и писцовым книгам было. А в прежние годы для определения границ земных угодий употреблялась такая формула: «со всеми угодьями, сениными покосы и леса, куда истари топор ходил и куда коса ходила». И вот оказалось, при размежевании казенных лесных дач от владельческих, производившемуся в 40-годах XIX века, что «топор ходил» очень далеко, к имению Антоновское отошло ни много, ни мало 18 тысяч десятин прекрасного строевого леса, находящегося в верховьях реки Унжи, по притокам ее речкам Кунож, Кема и др.

В 1898 году последняя из рода Пановых – Мария Алексеевна Замяткина, продала всю эту лесную дачу в 18 тысяч десятин по баснословно дешевой цене – 10 рублей за десятину, она получила большое богатство по тем временам – 180 тысяч рублей, а покупатель, «Северное акционерное лесное общество» в первый же год выручило эту сумму от заготовки и сплава по Унже строевого леса. А.А. Григоров, которому довелось работать в лесном хозяйстве, отмечал, что с бывших пановских дач ежегодно вывозилось и сплавлялось по Унже прекрасной строевой древесины на весьма значительные суммы.

Неординарная судьба семьи Пановых издавна привлекала внимание столичных и провинциальных историков, искусствоведов, писателей и краеведов. Причем, каждый исследователь находил в ней что-то свое. Так С.Марков много сделал для выяснения роли Петра Панова в открытии и освоении тихоокеанского побережья.

В.И. Смирнов занимался разработкой связей Пановых с нашим краем, А.Лебедев и Е.Кудряшов атрибутировали и провели искусствоведческий анализ семейной галереи. Д.Белоруков, А.Григоров, В. Бочков значительно прояснили генеалогию семьи.

Совместными усилиями нескольких поколений историков-краеведов удалось увековечить эту фамилию и ее представителей за вклад в экономику и торговлю страны, за их значительную роль в освоении и открытии новых территорий. В этих исследованиях просвечивает символичная закономерность, подобная восходящей лестнице, у подножия которой выдающийся деятель, а последующие ступени: род – клан – край – Отечество.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ КОСТРОМСКОГО ДВОРЯНСКОГО СОБРАНИЯ

В РУССКОМ искусстве конца XVIII — начала XX столетий помимо помещичьих и купеческих фамильных галерей, существовали также галереи ведомственного типа, представлявшие собой собрания портретов и картин при официальных учреждениях, например, галерея портретов выдающихся деятелей края в доме костромского дворянства.

Дом дворянского собрания на Павловской улице в Костроме был торжественно открыт в 1838 году, но построен он был гораздо ранее, в 80-х годах XVIII столетия купцами Дурыгиными. Идея покупки купеческого особняка для костромского дворянства, остро нуждавшегося в новом помещении, исходила от губернского предводителя Сергея Федоровича Купреянова. Он же осуществил сбор средств в сумме сорока семи тысяч рублей на покупку здания. Купчая крепость была совершена в июне 1837 года, но дом требовал частичной перестройки. План и смету представил губернский архитектор М.М. Праве, он же и руководил работами под контролем С.Ф. Купреянова. Окончательно отремонтированный, лучший по отделке в Костроме дворянский дом обошелся заказчиком в общей сложности в 115888 рублей, но он стоил того, и приехавшие в собрание 1839 года дворяне выразили строителям высшую степень удовлетворения и восхищения.

Открытие дома костромского дворянства нашло отражение в романе А.Ф.Писемского «Масоны», где под именем Петра Григорьевича Крапчика был изображен Сергей Федорович Купреянов. В память заслуг своего предводителя благодарные костромичи поместили его портрет в дворянском доме и он стал первым экспонатом в будущей галерее выдающихся деятелей края.

Портрет С.Ф. Купреянова оригинальный, прижизненный, скорее всего, утрачен. Речь идет о его копии, исполненной внучкой изображенного — П.Д. Антиповой во 2-й половине XIX века, о чем свидетельствовала надпись на обороте, утраченная при реставрации полотна.

Планировка здания соответствовала его назначению: собирать дворян губернии для обсуждения текущих дел и проведения выборов. Здесь же устраивались балы, концерты, торжественные вечера, званые обеды.

В доме имелось 38 комнат, размещенных на 3 этажах. Правую часть первого этажа занимали квартиры предводителя, канцелярия и архив. Левая была отведена залу депутатского собрания. На втором этаже размещались: Большая или Золотая

гостиная, позднее Екатерининский зал, Белый зал с хорами и Григоровская гостиная. Третий этаж предназначался для приезжих гостей и включал в себя комнату уездных предводителей, столовую, бильярдную и читальню.

Официальные помещения — Белый и Золотой залы требовали торжественного оформления, и прежде всего, традиционных портретов царствующих особ. Поиски этих произведений нашли свое отражение в ряде документов, в частности, в письме губернского предводителя А.И.Шипова к Н.Н.Селифонтову от 14 декабря 1884 года: «...У меня с вчерашнего дня еще накопилась к Вам небольшая просьба, которую позволю себе изложить здесь; одиннадцатого вечером было открыто Чрезвычайное дворянское собрание для обсуждения способов чествования предстоящего юбилея Дворянской грамоты 21 апреля будущего 1885 года. На собрании этом мне... поручили приобрести для залы нашего Костромского дворянского собрания портрет Екатерины II и на расход назначили примерно 500 рублей. Между тем Буйский предводитель Виктор Всеволодович Сипягин мне сообщил, что один товарищ его Нард, живущий в Петербурге, желает продать этот портрет работы художника Лампи, а вчера я уже получил от Нарда телеграмму, что он согласен продать за пятьсот рублей. Тотчас же в моей мудрости решился я просить Вашего совета и помощи. Хотелось бы иметь верные сведения: действительно ли хорош портрет и стоит ли он этих денег?.. Не решаюсь Вас беспокоить лично, но у Вас, конечно, много знакомых знатоков живописи, которые вероятно не откажут это исполнить. Обращаюсь в этом случае к Вам, как дворянину, нашей губернии».

Однако, в галерею попал другой портрет императрицы кисти Д.Г. Левидского. В следующем году дворянин Г.Н. Вишневецкий выдвинул идею, чтобы портреты двух жертвователей на воспитание детей дворян были написаны и помещены в Большом зале дворянского дома. Назвал он и имена этих меценатов: Василия Иоакимовича Дурново и Александра Николаевича Григорова. Однако лишь через 13 лет его предложение было реализовано.

В 1899 году, в год столетнего юбилея Александра Николаевича Григорова, был заказан портрет масляными красками на холсте в позолоченной деревянной раме. Он был писал с фотографии, сделанной в 1866 году по случаю награждения А. Н. Григорова орденом Святого Владимира III степени. Фото для написания портрета предоставил внук изображенного Иван Иванович Григоров. За написание портрета живописцу было уплачено 300 рублей, кроме того возмещены расходы на покупку холста и красок, а также на изготовление рамы.

Послереволюционная судьба этого произведения была печальна. Вместе с другими портретами дворянского собрания он исчез в неизвестном направлении; то ли был уничтожен, как ряд царских изображений, то ли попал в музейное собрание, потеряв свое имя, то ли осел у какого-нибудь коллекционера.

В 1985 году лично мне удалось найти его в фондах музея изобразительных искусств среди многочисленных портретов неизвестных лиц, благодаря фотографии, полученной от правнука мецената — старейшего, ныне уже покойного, краеведа Александра Александровича Григорова, который тогда же приехал в музей посмотреть на находку и безоговорочно признал своего предка.

Тогда же по материалам семейного архива А.А. Григорова удалось составить биографию его прадеда.

Александр Николаевич Григоров родился 14 февраля 1799 года в селе Липки Тульской губернии. Его отец подпоручик Николай Васильевич во время войны 1812 года перевез семью в костромское имение жены, там она и обосновалась. Отрочество будущего мецената прошло на костромской земле, где он получил приличное домашнее образование. В 1818 году по примеру отца поступил в военную службу, в артиллерию. Однако, уже через 5 лет он вышел в отставку с чином поручика: похоже военная карьера его не привлекала.

По возвращении домой (в 1823 году) он женился на молодой вдове Марии Александровне Овдиной, урожденной Полозовой, в которую был влюблен еще в юности. Молодые поселились в Березовке Кинешемского уезда, часть этого имения Григоров получил по наследству в 1817 году после смерти матери. Александр Николаевич занялся сельским хозяйством и служил по выборам. Так в 1817-1828 годах он состоял дворянским заседателем в Кинешемском уездном суде.

В 1834 году неожиданно заболела и умерла его жена, оставив четырех детей: сыновей Кронид, Митрофана, Ивана и дочь Людмилу. Несмотря на трудное семейное положение Александр Николаевич долго не решался вступить во второй брак и лишь в 1851 году после семнадцатилетнего вдовства, вырастив детей, он женился вторично на Александре Васильевне фон Галафре, урожденной Голубковой, которая к тому времени вдовствовала уже вторично. Она приходилась родной сестрой Платону Васильевичу Голубкову — известному миллионеру-меценату, владельцу золотых приисков в Сибири. После его смерти в 1855 году супруги Григоровы получили богатейшее наследство, которое решили употребить на благо общества, и случай вскоре представился: в 1856 году министр просвещения А.С. Норов поднял вопрос о необходимости открытия школ для девиц в губернских и уездных городах. Этот призыв правительства нашел отклик прежде всего в Костроме. В августе 1857 года на средства А.Н. Григорова было открыто первое в России всесловное женское училище, разместившееся в доме Солодовникова на Павловской улице (ныне училище культуры). Григоров ежегодно вносил плату учителям, оплачивал наем квартиры и отопление. В 1859 году он купил у купца Стригалева дом на Верхне-Набережной улице (ныне ул. 1 Мая, Костромской университет). С августа 1860 года училище разместилось в собственном здании, преобразовавшись из 3-классного в 6-классное. Для лучшего обеспечения училища А.Н. Григоров пожертвовал ему 1600 десятин земли с 240 душами временнообязанных крестьян в деревнях Березовке, Кобячихе и Малинках Кинешемского уезда. Ежегодный доход училища составил 950 рублей. Летом 1864 года, в признание заслуг основателя, училищу было присвоено название «Григоровское».

На следующий год был открыт пансион на 40 девиц из потомственных дворян Костромской губернии, прозванный Романовским, а в 1868 году на средства того ж А.Н. Григорова в здании училища была устроена домовая церковь.

В год смерти мецената в 1870 году женское училище было преобразовано в Григоровскую женскую гимназию. Имя ее основателя регулярно упоминалось на торжественных актах гимназии при праздновании юбилейных дат. Создание его портрета в 1899 году — тоже дань памяти благодарных костромичей.

Если в конце XIX века портретная галерея дворянского собрания находилась еще в зачаточном состоянии и насчитывала лишь единичные произведения, то в начале XX столетия происходит ее интенсивное развитие. Это подчеркнул в своем отчете за 1901 год губернский предводитель А.И. Шипов.

«В настоящее время, — констатировал он, — имеется только два портрета жертвователей: Василия Иоакимовича Дурново и Александра Николаевича Григорова; в минувшем году Константин Петрович Васков доставил небольшие, но очень удачные портреты своего дяди Константина Федоровича Васькова и своей тетушки Юлии Федоровны Захаровой, для снятия с них больших портретов... но я за неимением здесь местных художников, а также достаточного количества свободных денег, выполнением этим остановаился». И все же намерение свое А.И. Шипов исполнил в следующем году: по приходно-расходной книге 1902 года значится: «Художнику Леонтовскому за исполнение двух портретов К.Ф. Васькова и Ю.Ф. Захаровой (заплачено) 200 рублей».

Краткие сведения о художнике Леонтовском опубликованы в справочнике Императорской Академии художеств С.Н. Кондакова, с. 113.

«Леонтовский Александр Михайлович р. 1865 г., вольнослушатель Академии Художеств с 1885 года, ученик с 1888 по 1894 года. В 1894 году получил звание неклассного художника III степени».

Видимо, Александр Михайлович Леонтовский не был костромичом, поскольку, получив очередной заказ на портрет жертвователя В.Н. Кетова, он совершил денежные операции по пересылке произведения заказчику, что было бы ненужным, если б он жил в Костроме. Ни одна из трех работ А.М. Леонтовского, написанных для дворянской галереи, до сих пор не обнаружена, однако одну из них, изображающую Юлию Федоровну Захарову мы можем представить по дошедшей до нас фотографии фрагмента галереи, ведь она единственная женщина, представленная в собрании, исключая портреты царя.

Но не так долго пришлось костромским дворянам искать художника на стороне. В 1905 году в Кострому вернулся молодой художник Николай Павлович Шлейн, только что окончивший два учебных заведения: Московское училище живописи, ваяния и зодчества, по классу В.А. Серова (1889-1900) и Высшее Художественное училище при Академии Художеств под руководством В.Е. Маковского (1900-1908) Был он и пенсионером Академии Художеств за границей. Разумеется, местная элита не оставила его своим вниманием и сделала пробный заказ. Бывший в то время губернским предводителем Михаил Николаевич Зузин в трехлетнем отчете за 1908-1910 года писал:

«Исполняя постановление чрезвычайного губернского дворянского собрания мною был заказан художнику Н.П. Шлейну портрет А.И. Шипова, бывшего в течение трех трехлетий губернским предводителем дворянства. Портрет был писан

С.Ф. Купрянов

с фотографической карточки, по указанию семьи покойного и вывешен... в Екатерининском зале».

Увы! Портрет пока не обнаружен. Правда, видевший в детстве дворянскую галерею А.А. Григоров, узнал портрет на старом фотоснимке.

Вскоре у Н.П. Шлейна появился конкурент — московским художник Владимир Алексеевич Колесов, приехавший в Кострому еще в 1890-х годах и служивший учителем рисования в костромских училищах. Он также получил заказ на портрет жертвователя Г.Н. Макарова, оставившего на стипендии в высших учебных заведениях капитал в 668 тысяч рублей.

Еще лет десять назад мы почти ничего не знали об этом художнике,

но встреча с его внуком — московским писателем Евгением Николаевичем Колесовым — помогла собрать необходимый биографический материал. Владимир Алексеевич был сыном профессионального художника Алексея Михайловича Колесова. По окончании Московского училища живописи, ваяния и зодчества он приехал на работу в Кострому. Преподавал рисование в Женском епархиальном училище и в промышленном училище им. Чижова, имел частную художественную студию. Сам был отличным живописцем, графиком, занимался театральноремонтной деятельностью. Им создана серия портретов видных костромских деятелей, из которых лишь единицы дошли до нас и, в том числе, портрет крупного предпринимателя и финансиста Федора Васильевича Чижова, до начала 1980 годов, хранившийся в фондах музея изобразительных искусств под названием «Портрет неизвестного старика». Создание портрета мецената было приурочено к столетию со дня его рождения. В отчете предводителя дворянства за 1911-1913 года, в графе расходы значится: «художнику Колесову за написания портрета Ф.В. Чижова 50 руб».

Известно, что Ф.В. Чижов составил свой капитал, участвуя в товариществе по строительству Московско-Курской железной дороги, после выкупа которой в казну, получил свою долю — шесть миллионов рублей. Он имел также пай в Архангельско-Мурманском срочном пароходстве. Свой капитал предприниматель завещал молодежи, справедливо полагая, что она может достигнуть прочного положения в жизни лишь через труд и науку, а потому и предназначил деньги на устройство в Костромской губернии пяти профессиональных училищ, в которых наряду с общеобразовательными предметами изучались бы ремесла и технические производства.

В.Ф. Лугинин

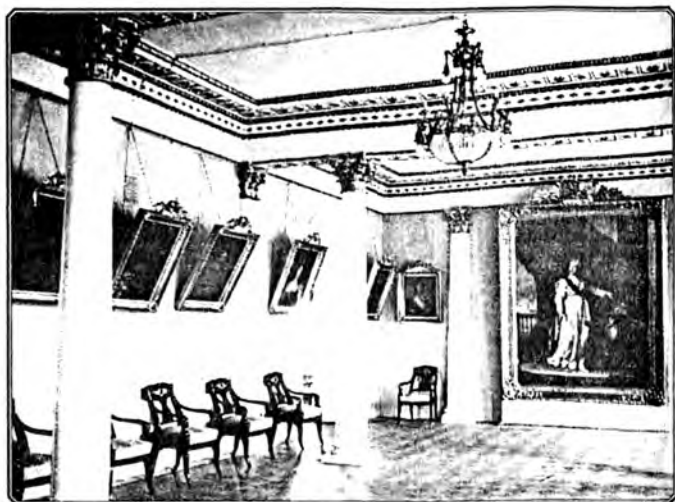

Н.Н. Селифонтов

«Причина почему я выбрал Кострому, — говорил меценат, — не столь рациональная, сколько моя личная, сердечная. Я родился в Костроме, в ней получил первоначальное образование, в ней же положено начало моему нравственному образованию».

Костромское дворянство по праву гордилось выдающимися представителями своего сословия, стараясь увековечить их память для будущих времен. Имея в резерве двух профессиональных художников Н.П. Шлейна и В.А. Колесова, оно посчитало возможным расширить рамки своей галереи. Как сообщалось в отчете предводителя за 1911 год на очередном собрании: «В.Н. Верховский полагал, что следовало бы поместить в дворянском доме портреты наших писателей: Потехина, Писемского, Островского и Плещеева. Сергей Иванович Вирюков полагал, что из костромских дворян очень многие известны своей деятельностью на общественной и государственной службе и поэтому следовало бы иметь портреты и этих деятелей. Собрание постановило: принять желательным поместить в дворянском доме портреты дворян выдающихся на поприще государственном, общественном и литературном, а спустя два года отмечалось, что: «художником Шлейным написаны портреты Островского, Потехина, Плещеева и Писемского». Все эти писатели тесно связаны с нашим краем.

В настоящее время два портрета А.Н. Островского (копия с В.Г. Перова) и А.Ф. Писемского (копия с И.Е. Репина) находятся в фондах Костромского историко-архитектурного музея-заповедника (экспонируются в Литературном музее, его филиале), судьба же других неизвестна. След обрывается на библиотеке им. Крупской, где эти произведения хранились в довоенное время. Есть версия, что они переданы Литературному музею Москвы.

Екатерининский
зал

Удовлетворенные работой Н.П. Шлейна дворяне сделали ему заказ на целую серию царских портретов, тем более, что приближался большой юбилей 300-летия дома Романовых. В отчете предводителя за 1913 год отмечено: «16 портретов размещены в Екатерининском зале исполнены художником Н.П. Шлейным за 2750 руб».

Пока они, к сожалению, не вычленены из общей массы царских портретов, хранящихся в запасниках городских музеев.

Костромское дворянство выдвинуло из своей среды и ряд крупных ученых: астронома Ф.А. Бредихина, металлурга К.П. Поленова, геолога А.И. Антипова и др. В галерее дворянского собрания был представлен и портрет ученого-термохимика Владимира Федоровича Лугинина, который также удалось извлечь из фондохранилища музея изобразительных искусств среди безымянных полотен и атрибутировать.

В.Ф. Лугинин, ученый-термохимик (1834-1911), по рождению москвич, владел богатейшим лесным имением в Ветлужском уезде и усадьбой в сельце Рождественском в 30-ти км от Шарьи с пятью тысячами душ крепостных крестьян. Воспитывался он в Михайловском артиллерийском училище. Годы русско-турецкой войны провел на фронте, участвовал в Дунайской компании взятии крепости Силистрии, защищал Севастополь. Он был участником демократического движения 1860-х годов, примыкал к «молодой эмиграции».

В 60-х годах Лугинин изучал химию в Гейдельберге и Париже, работал в Петербурге в своей частной лаборатории (1874-1881), затем в медико-хирургической академии, а в 1889-1905 годах — в московском университете, где основал на свои деньги термолaborаторию. В 1899 году профессор опубликовал ряд работ по термохимии.

Портрет ученого, представленный в галерее дворянского собрания, был написан в Париже неизвестным художником на рубеже XIX и XX веков. На оборотной

Ф.В. Чижов

А.Н. Григоров

стороне холста сохранился штамп овальной формы с названием города. Время создания произведения высчитано приблизительно, исходя из возраста изображенного и годов его пребывания во Франции. Идентичный портрет ученого помещен на фронтиспise книги Ю.И. Соловьева и П.И. Старосельского «В.Ф. Лугинин», М. 1963 г. Иллюстрированный портрет является копией с нашего оригинала, сделанной дочерью ученого М.В. Волконской.

Несколько особняком стоял в галерее дворянского собрания портрет ученого-археографа и библиофила Николая Николаевича Селифонтова (1835-1900). Это произведение появилось в дворянском доме через год после смерти его в 1901 году. Согласно некрологу П.И. Илинского, портрет был помещен в музей древностей при костромской ученой архивной комиссии, многолетним председателем которой был покойный. Это помещение находилось в нижнем этаже дворянского дома, где наша приют и сама комиссия.

В год трехсотлетия дома Романовых портрет был помещен в здание нового Романовского музея, где во время приезда в Кострому его видел Государь Император и отметил чрезвычайное сходство с покойным. После революции портрет сенатора Н.Н. Селифонтова разделил судьбу многих произведений: был погребен в глубину музейного хранилища, потерял свое имя и стал «неизвестным сановником».

Справедливость удалось восстановить в 1985 году – в столетний юбилей костромской архивной комиссии и в пятидесятилетний юбилей ее председателя.

Работа по реконструкции портретной галереи Костромского дворянского собрания далеко не завершена. Говорить о необходимости продолжать ее излишне, так как значимость ее очевидна.

ФАНТОМ ГРИГОРИЯ ОСТРОВСКОГО

В А прошедшее тридцатилетие с момента открытия выставки «Солигаличские портреты», развернутой в Москве и явившей миру творчество уникального художника – портретиста XVIII столетия Григория Островского, появилось немало версий о его происхождении, из которых наиболее достоверной следует считать исследование В.М. Сорокатого, пытающегося отождествить портретиста с артельным художником по росписи церквей, устюжским мещанином, сыном священника Григорием Силычем Островских.¹

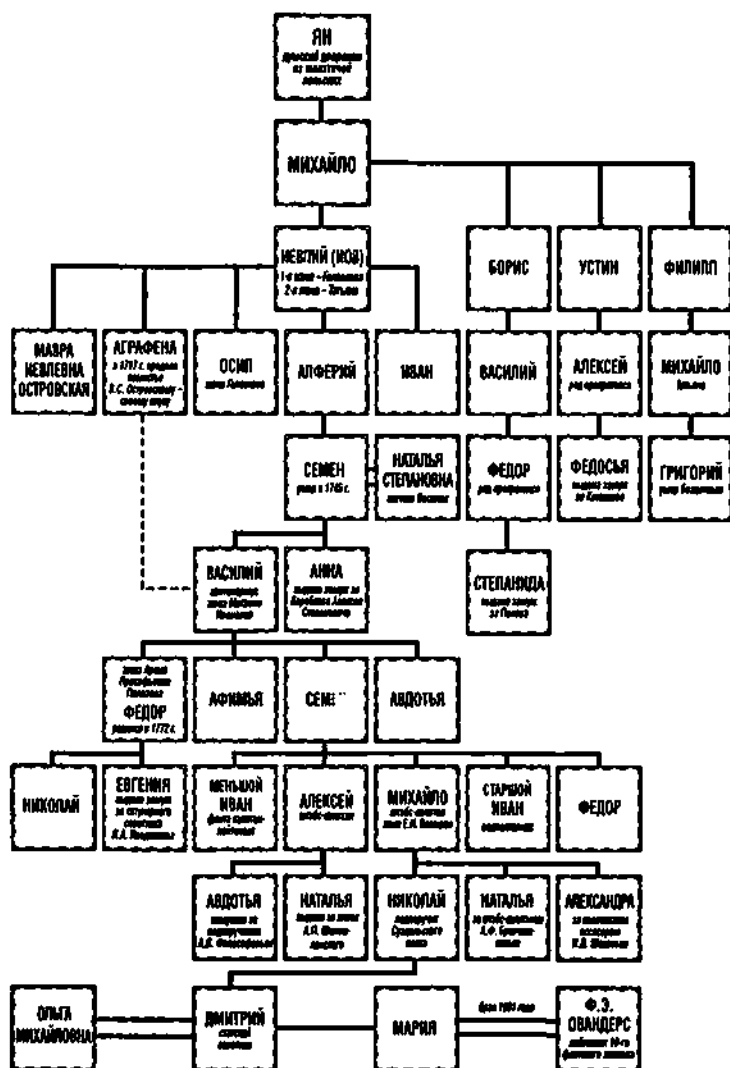
Не пытаясь вступить в полемику с автором этой, безусловно стоящей внимания версии, мы выдвигаем свою, полярно ей противоположную, о дворянском происхождении художника.

Еще в семидесятых годах прошлого века костромской, увы, уже покойный, краевед А.А. Григоров призывал обратиться в поисках художника к костромскому мелкопоместному дворянству и даже назвал несколько населенных пунктов, владельцами которых были представители дворянского рода Островских. В частности он писал:

«Гораздо более правдоподобно выглядит гипотеза о том, что Островский мог быть из числа мелкопоместных дворян – ближних или дальних соседей Черевиных по имению, что находит свое подтверждение в существовании в XVIII веке усадьбы Морозово в Солигаличском уезде, владельцем которой был какой-то Василий Иванович Островский и сельца Кокорунино Галичского уезда, владелицей которого была бригадирша Анна Егоровна Островская. Но, к сожалению, в Костромском архиве нет никаких семейных списков этих Островских и в родословные книги костромского дворянства они не внесены. В начале XIX века потомства по мужской линии из этих Островских уже не оказывается».²

Желая лично убедиться в правильности высказанных краеведом утверждений, мы обратились в Государственный архив Костромской области, где подняли родословные книги дворянского собрания, и, действительно, никаких Островских, кроме фрагмента рода, идущего от отца драматурга А.Н. Островского, там не обнаружили, хотя по другим архивным документам (ревизским сказкам, межевым книгам и т.п.) доказываемся, что немногочисленные и разрозненные представители этой фамилии в XVIII и XIX веках все же владели небольшими имениями в Костромской губернии. Видимо, отсутствие их в родословных книгах Костромской губернии объясняется тем, что они внесены в дворянские книги каких-либо других и, скорее всего, соседних губерний, где у них также было недвижимое.

Родословие Островских

Это подтверждает обнаруженное в Ярославском областном архиве дело под названием: «О дворянстве Островских, внесенных в 1-ю часть дворянской родословной книги Ярославского депутатского собрания. Начато 20 марта 1791 года, конечно 24 мая 1912 года».³

Суть дела состояла в том, что дворяне Островские, записанные в 1-ю часть родословной книги Ярославского дворянства, сумев документально доказать древность своего рода, претендовали на перевод в более престижную 6-ю часть родословной книги, называемую «бархатной».

К документам с доказательствами прилагалось родословие, состоящее из 10 поколений и 42 представителей рода, в числе которых присутствовал и Григорий Михайлович Островский. Увы! При более внимательном ознакомлении с делом нас постигло глубокое разочарование, поскольку тезка художника жил как минимум полустолетием ранее. Отсутствие в родословии художника Григория Островского, творившего во 2-й половине XVIII века, не означает, что он не мог принадлежать роду ярославских Островских, поскольку само родословие усечено и включает лишь те ветви древа, которые фигурируют в деле, тогда как художник мог принадлежать не включенной в схему неразработанной ветви рода. В любом случае само существование фамильного имени «Григорий» уже показательно. Схему же дворян Островских необходимо внимательно изучить, хотя бы для поиска косвенных улик причастности художника к фамилии ярославских Островских.

Как показывает схема, основоположником рода, восходящего к XVII столетию, был думный дворянин из шляхтичей польских Ян Островский, который имел сына Михайло и четверых внуков: Иова (Иевлия), Бориса, Устина и Филиппа, породивших свои линии потомков.

Однако, за исключением ветви, идущей от Иова, остальные через два-три поколения зачахли. Тем не менее, для выживания рода хватило пятерых детей Иова Михайловича с их потомством: трои сыновей – Осипа, Алферия и Ивана и двух дочерей – Аграфены и Мавры, из которых особый интерес для нас представляет последняя, через брачные узы которой осуществились родственные связи двух дворянских фамилий Островских и Черевинных. Да-да, именно тех Черевинных, владельцев усадьбы Нероново, фамильная галерея которой составлена преимущественно из портретов кисти Григория Островского!

Вглядимся внимательно в этот генеалогический узел... Мавра Иовна (Иевлева) Островская вышла замуж за Афанасия Воиновича (Мефодьевича) Черевина, родной брат которого Григорий Воинович (Мефодьевич) Черевин приходился отцом Ивану Григорьевичу Черевину – владельцу усадьбы Нероново в Солигаличском уезде Костромской губернии, который являлся первой портретной моделью Нероновской фамильной галереи. Таким образом, родственное пересечение дворянских родов Островских и Черевинных происходит полустолетием ранее появления первых портретов Григория Островского.⁴

Афанасий Воинович Черевин городской дворянин. В 1691 году разделил с братьями отцовское имение Концово и ряд других. Жена его Мавра Иевлева, урожденная Островская, в 1727 году купила имение у Василия Андреевича Римского-Корсакова в Галичском уезде. Видимо деревню Бараново Мирохановской, позднее Бушневской волости Чухломского уезда.

Усадьба Концово Черевинных располагалась в Судайской осаде. Единственный сын Афанасия Воиновича и Мавры Иовны – Степан Афанасьевич Черевин был без-

летным. В 1741 году он служил в Киевском драгунском полку квартирмейстером, а в 1752 в Глуховском гарнизонном полку поручиком. Жену его звали Мавра.⁴

Пересечение фамилий «Островские» и «Червины» находим еще в одном документе: военном паспорте отставного каптенармуса Василия Семеновича Островского – внука брата Мавры Иевлевны Островской – Алферия, в котором сообщается, что солдат 9-й роты Семеновского полка Василий Островский в гвардии с 1739 года одержим болезнью: правая щека и нога пробиты и в грудь ранен и... от службы отставлен и отпущен в дом его в Галицкий уезд в деревню Починок и... дан ему ранг лейб-гвардии каптенармуса. Мая 1, 1744 году.

На обороте того паспорта надпись: «1745 году мая 22 сей указ в канцелярии ревизии в Галицкой провинции явлен, записан, копия с него взята. Секунд-майор Сергей Львов, лейб-гвардии прапорщик Григорий Червин...»⁵ Не трудно было бы принять упомянутого Григория Червина за отца владельца усадьбы Нероново Ивана Григорьевича Червина, если бы мы не получили следующую информацию от большого знатока-краеведа, заведующей Солигаллическим краеведческим музеем Т.В. Солдовской:

«Григорий Червин, упомянутый в документе, – родственник Григория Волновича Червина. Это Григорий Денисович Червин, прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, владел усадьбой Тюхменев в Чухломском околородьи, Медвежье в Солигаллической округе (ныне Зашуголесская сельская администрация), селом Селехово Галицкого уезда. Его попечением в 1770 году построена церковь Воскресения Христа в Заболотье Чухломского уезда. Таким образом Григорий Денисович близкий сосед Ф.И. Катенина, С.М. Лермонтова, П.И. Червина, чьи представители семейств были запечатлены на портретах кисти Григория Островского, не говоря уже о родстве. В указанный в документе период он служил «со товарищи» в Чухломской и Солигаллической ревизионной канцелярии, а соответственно, и в воеводстве.

Говоря о соседстве двух линий Червинского рода, идущих от обоих Григориев мы имели в виду не солигаллическое Нероново, а галицкую усадьбу, о которой А.А. Григоров сообщал следующее: «Усадьба Нероново была во владении Червиных с 1697 года, когда ее и село купил Григорий Волнович, отец Ивана Григорьевича, у своего тестя Михаила Шипова». И ниже, в примечании, краевед пишет: «Неверно утверждение Л.Белоруссова о том, что поместье Нероново было пожаловано предкам Червиных великим князем Московским Василием III в 1515 году. Великий князь пожаловал Червину в 1515 году совсем другое поместье в Ликурьской волости»⁷.

Впрочем, Галицкая провинция была в середине XVIII века огромных размеров и включала в себя современные территории Галицкого, Солигаллического и частично Чухломского уездов.

Итак, родственные и деловые контакты Островских и Червиных документально зафиксированы и не вызывают сомнений.

Упомянутый в рапорте, изувеченный каптенармус Василий Семенович Островский, видимо, был любимцем у родни, поскольку наследовал не только отцо-

во поместье, но и двоюродной бабки Аграфены Иевлевой – сестры Мавры Черевинной и Алферия Иевлевича Островского – деда инвалида. В это же, подаренное в 1745 году имение вошло как составная часть, наследство от умершего и бездетного родственника Григория Михайловича Островского, еще в 1633 году получившего имение в Галичской провинции. Нам это имение весьма интересно, поскольку именно благодаря ему в Костромском крае появились выходцы из Ярославской губернии – костромские Островские и их немногочисленные потомки, выродившиеся или переселившиеся на родину во второй половине XIX столетия. Проследив эти имения, мы имеем возможность обнаружить и следы художника.

Вот как описывалось наследство Г.М. Островского. «За Григорием Михайловичем сыном Островским, что дано ему жены его вдовы Анны Яковлевны жены Грабленого прожиточное поместье в Пошехонском уезде в Горицкой волости сельца Хмельнишное полпустоши Медведковой, жеребей деревни Акинсимовой. Деревня Горка, а в них пашни 50 четвертей с третником. Да за ним Григорьем поместья по даче 182 году вопче с матерью его со вдовою Татьяною отца его. Что у них осталось... в Пошехонском уезде в Сохорской волости половина трети сельца Шерехова пустошь, что была деревня Зыблево. Пустошь, что была деревня Опарина да в Дебринской волости пустошь, что был починок Якушев, пустошь, что была деревню Карновской, пустошь, что был починок Быков, да в Галицком уезде, в Черном стану селцо, что была деревня Старая, а в них пашни 154 четверти и с полполтретником. Да за Григорьем же поместья по даче 189 году, что ему поступилась тетка его вдова Каптелима Федоровская жена Анусова в Пошехонском уезде в Дебринской волости треть селца Харитоновна две доли пустоши Мясничихи, две доли впустоши Брагиной, две доли в трети пустоши Носыревой и в них пашни 30 четвертей. За ним же поместья по даче 189 году, что дано ему из Иванова поместья Болкошина в Галицком уезде в Черном стану половинна пустоши Березнишной, а в ней пашни 13 четвертей... Во 189 году о из того Григорьева поместья Островского дано жене его вдове Анне на прожиток преждее ее прожиточное поместье в Пошехонье 2 четверти, в Галиче 19 четвертей, в Ярославле 5 четвертей, всего 63 четверти с осьминою и с полполтретником дано родственникам его Алексею Устинову сыну, Василью Борисову сыну. Осипу да Олферью, да Ивану Иевлевым детям Островским – Алексею да Василью в Пошехонье по 13 четвертей с четвериками – полполтретником, в Галиче по 6 четвертей с третником, в Ярославле 2 четверти без третника, всего 21 четверть с полуосьминою.»⁸

Как видим из документа, наследство Григория Михайловича Островского расплылось как по боковым ветвям рода, то есть между потомками Бориса и Устина, так и по центральной, то есть: досталось детям Иевлия – Аграфене и Мавре, а также Осипу, Алферию и Ивану. Но боковые ветви выродились, что же касается центральной, то Аграфена подарила свое наследство вечному внуку Василию Семеновичу Островскому. Осип Иевлев, получив богатое наследство от свекра Головка так же отказался от наследства Григория Островского. Таким образом, оно сосредоточилось у потомков Алферия и Ивана Островских. Но потомки Алферия перечислены в схеме и Григория Островского, галичского владельца там не значится. Потомков

же Ивана мы не знаем, и тем они нам интереснее, поскольку среди них может оказаться и искомый художник.

Поскольку материалы Ярославского архива не дают нужной информации для исследования упомянутой ветви Ярославских дворян, идущих от Ивана Иевлевича Островского, получившего от родственника Григория Михайловича Островского имени в Галичском уезде Костромской губернии, то мы продолжим свое исследование с обратной стороны, то есть с костромских Островских, – поздних потомков Островских ярославских, которых немного и упоминаются они преимущественно в середине XIX века. Но кто знает. Может через них удастся просочиться в век XVIII-й и все же обрести искомого художника?

Ревизские сказки по Галичскому и Солигаличскому уездам за I-ю половину XIX века подтвердили принадлежность трех имений представителям дворянского рода Островских. Два из них: Морозово Солигаличского уезда и Кокорюкино Галичского уезда уже назвал А.А. Григоров, но он не упомянул сельца Фроловского, также принадлежавшего представителям этой фамилии.

О нем говорит «Ревизская сказка 1834 года апреля 6-го дня Костромской губернии Галичского округа сельца Фроловского с деревнями Займища, Шилова из дворян малолетних девиц Евдокии и Натальи Алексеевых Островских. О состоящих за ними доставшихся по наследству после покойной родительницы их Любови Ивановой по мужу Островской мужска и женского полу дворовых людях.»⁹

Имение находилось по правую сторону почтового тракта из Галича в Буй, Шилово в 30 верстах, Займище в 35 и Фроловское в 34 верстах от Галича, при реке Семеновке.

Что касается до их малолетних владелиц, то они являются представительницами ярославского рода Островских и отмечены в схеме. Это дочери штаб-капитана Алексея Семеновича Островского, приходящегося внуком известного нам каптенармуса Василия Семеновича Островского, того, кто «в сраженьях изувечен». Мать девочек Любовь Ивановна Островская, девичью фамилию которой мы, к сожалению, не знаем, сошлась с помещиком, титулярным советником Алексеем Коптевым и оставила семью. В 1828 году в Даниловской дворянской опеке решено было недвижимое имение Л.И. Островской взять в опеку для обеспечения ее несовершеннолетних дочерей. После смерти Любови Ивановны (в 1831 году от холеры) и достижения совершеннолетия, ее дочери вступили в права наследства. Позднее одна из них Авдотья (Евдокия) вышла замуж за подпоручика Аркадия Васильевича Философова, а вслед за ней и Наталья за князя Авраама Петровича Шелешпанского. Поскольку сестры взяли фамилии мужей, то фамилия Островские исчезла с географии этих мест. Разумеется, никакого отношения к сельцу Фроловскому художник Григорий Островский не имеет.

Перейдем к упомянутой А.А. Григоровым, как о месте возможного пребывания художника, усадьбе Морозово Солигаличского уезда, принадлежащей в XVIII веке некоему дворянину Василию Ивановичу Островскому. Этот населенный пункт, по мнению Т.В. Солдовской, ассоциируется с упоминаемыми в документах XIX века хутором и деревней Морозово, которые располагались около Курьянова

в бывшей Муравыщенской волости Чухломского уезда. Свое название в середине XVIII века она получила от ее владельца Михаила Ивановича Морозова. Чуть позднее она была в составе Солигаличского уезда. Ныне Галичский район. Как Василий Иванович Островский, упоминаемый в XVIII веке и, скорее всего во второй его половине, мог стать хозяином усадьбы помещиков Морозовых, нам неизвестно. Но вероятно через брак с одной из представительниц этой фамилии и получения имени в приданое. Сам же он очевидно относится к ярославскому роду Островских, поскольку идеально вписывается в линию Ивана Иевлевича и вполне может быть его сыном. По картотеке А.А. Григорова Василий Иванович Островский имел и другую усадьбу Макарово в Солигаличском уезде. Упоминается в документах в 1782 году.

Поскольку усадьба Морозово была во владении Морозовых, по крайней мере, до второй половины XVIII столетия, а то и более, связывать ее с художником Григорием Островским малоубедительно.

И, наконец, последнее местонахождение Островских на Костромской земле, о котором А.А. Григоров также отзывался как о возможном обиталище художника. О нем гласит «Ревизская сказка 1834 года января 2 дня Костромской губернии Галичского уезда сельца Кокорюкина с деревнями Меркулова, Дыхалова и Мелникова покойной помещицы из дворян девицы Елизаветы Петровны дочери Островского о состоящих мужска и женска пола крестьянах».¹⁰

По ревизской сказке за покойной числилось 95 душ мужского, 113 женского пола. Опекушкой над осиротевшим имением показана чиновница 13 класса Анна Захарова дочь вдова Островская.

Имение располагалось в шести с половиной верстах от Галича по левую сторону почтового тракта, идущего в г. Кологрив от чухломского тракта на реке Шокша. В переписи 1635 года о нем записано: «За Иваном Бартеневым село Кокорюкино на речке Шокше, а в нем храм во имя чудотворца Николая стоит пуст». Этот И. Бартенева приходился внуком Алферия Бартенева, казненого по приказу Ивана Грозного (Д. Белоруков. Деревни, села и города костромского края).

Спустя полтора века их потомка Прасковья Александровна Бартенева вышла замуж за бригадира Александра Ильича Алапыкина, который к тому же одно время отправлял должность вице-губернатора Костромского наместничества. От этого брака в 1769 году родился известный генерал-майор Александр Александрович Алапыкин.¹¹

Его родной брат вместе с матерью приняли участие в строительстве новой деревенской церкви взамен сгоревшей старой деревянной. В книге «Церкви Костромской епархии» читаем:

«Галичского у. с. Кокорюкино Никольская ц-вь 1788 г. Построена на средства Пар. Алекс. Колычевой и майора Ник. Алекс. Алапыкина.¹² Прасковья Александровна Алапыкина здесь проходит под фамилией 2-го мужа. Дата второго брака не установлена, но еще в 1782 году она числится по документам женой, а не вдовой Алапыкина: «1782 года... дня вотчины Костромского наместничества вице-губернатора и бригадира Александра Ильича Алапыкина супруги его Прасковьи Александровны Галичской округи села Дубяны и деревни Плоскова староста

Артемий Григорьев... дал сию скаску... Галицкого уезду стану Чутцы Ишаславля в селе Дубянах 18 мужска полу души и 18 женска... В деревне Староселье... в деревне Ешкове... в деревне Гольгине... в деревне Мяхлине... в деревне Судниове... в деревне Сергееве... Итого 256 мужска и 316 женска пола душ. • А в 1786 году встречаем следующую архивную запись: «За бригадиром Александром Алатыкиным Галицкого уезда в селе Кокорюкине 1 мужского пола и 4 женска пола души, в деревне Андреевском 14/17, Игумнове 9/6, Седых 1/9. Свирепове 17/11, Животове 3/4.»¹⁰

Упомянутая деревня Староселье, не деревня ли Старая из наследства Григорья Михайловича Островского, бывшая одно время Старым селом, видимо после строительства церкви?

Как именно Кокорюкино от бригадира А.И. Алатыкина перешло к девице Елизавете Петровне Островской через родственные связи или путем продажи нам не ведомо. Между упоминанием о владении им А.И. Алатыкиным (1786 года) и ревизской склзкой (1816 года, а затем и 1834), подтверждающих владение Е.П. Островской прошло немало времени: около тридцати лет и много могло случиться, но за варпант генеалогический говорит об обстоятельстве, подтвержденное документально, что в том же 1786 году «За бригадиршей Анной Егоровной Островской в селце Кокорюкине 28 мужска и 25 женска полу души, в деревнях Меркурове 29/13, Дыхалове 27/33, Мелникове 19/8».

Кто кому передал имение или, другими словами, кто раньше умер А.И. Алатыкин или А.Е. Островская, владевшая помимо упомянутого имения рядом пустошей в Галицком уезде: Данилковой, Лобановой, Алексной и другими, мы не знаем, как и того от кого получила это имение Елизавета Петровна Островская. Но мы знаем, что после смерти последней опеку над имением держала Анна Захаровна Островская, урожденная Тютчева (тетка поэта Ф.И. Тютчева). Ее отец – Захарий Андреевич Тютчев, подпоручик, Мологский уездный предводитель дворянства (1802-1803) был женат на некоей Дарье Егоровне. Вспомним, что владелицу села Кокорюкина звали Анна Егоровна в замужестве Островская. Не родные ли они сестры? И как их девичья фамилия? Увы! Пока не знаем. Однако, генеалогическая связь между родами стала прослеживаться, объясняя выбор опекущи имения. Анна Захаровна Тютчева была замужем за подпоручиком Дмитрием Борисовичем Островским Мологским помещиком.¹¹

Ее родная сестра Мария Захаровна Тютчева была замужем за Яковом Алексеевичем Шиповым, имевшим сестру Евдокию Алексеевну Шипову, вышедшую замуж за Феофилакта Гавриловича Писемского от брака с которым появился на свет Алексей Феофилактович Писемский известный писатель и драматург. Он был влюблен в свою кузину Екатерину Яковлевну Шипову – дочь Я.А. и М.З. Шиповых и вывел ее в биографическом романе «Люди сороковых годов». Этот фрагмент обширного родословия Шиповых, позволяет выделить группу представителей ближе всех находящихся в родственных связях с родом Островских, к которому, очевидно, причастен и художник Григорий Островский. А потому среди них мы можем предположить женскую модель с портрета, хранящегося в Казанском художественном

музею 1785 года. Сотрудники музея связывают поступление полотна с помещиками Шиповыми, имевшими владения в их губернии, равно как и в костромской. Исход из наших сведений ею могла быть Ольга Васильевна Колобова – жена Алексея Матвеевича Шипова – дяди матери Алексея Феофилактовича Писемского.

Что же касается имения Кокорюкино, оставшееся после смерти Елизаветы Петровны Островской, под опекой Анны Захаровны Островской, урожденной Тютчевой, то оно было продано помещикам Лермонтовым в 1837 году племянницей Анны Захаровны, дочерью брата ее мужа Марией Сергеевной Островской, в замужестве Соковниной. Продажа имения подтверждена документально Ревизской сказкой 1850 года, где пишется, что село Кокорюкино с деревней Меркуровой досталось по купчей 1837 года от девиц Островских надворной советнице Вере Васильевне Лермонтовой, а деревни Дыхлово, Мельниково и Меркурово также по купчей от коллежской асессорши Марии Сергеевны Соковниной перешло надворному советнику Василию Николаевичу Лермонтову.

Покупатель имения надворный советник Василий Николаевич Лермонтов (по сведениям А.А. Григорова) родился 5 мая 1801 года в усадьбе Ивановское, умер 8 октября 1862 года, в Санкт-Петербурге. Штабс-капитан лейб-гвардии Егерского полка. В отставке с 28 февраля 1828 года. Жена Вера Васильевна урожденная Слащева. Умерла 20 декабря 1884 года в Санкт-Петербурге. Внучка вице-адмирала М.Я. Спягина и племянница Н.М. Спягина – адъютанта П.И. Багратиона в Бородинском сражении.

А.А. Григоров же в письме к П.А. Смирнову, галичскому краеведу, повествует о дальнейшей судьбе усадьбы Кокорюкино: «...усадьба Кокорюкино была уничтожена еще при Островских, Лермонтовы ее не возобновляли.»¹⁵

В этом же письме А.А. Григоров пишет совершенно непостижимые вещи, а именно: «О Лермонтовых собрано более 300 имен родственников поэта, селении Дыхомово, Кокорюкино, Мельниково и Меркурово куплены в 1837 году у Григория Островского, родственника Григория Островского, портреты которого найдены в Солигаличе.»

Но как же так! Налицо расхождение в информации о продавце имения Кокорюкино Лермонтовым: по приведенным документам это Мария Сергеевна Островская, в замужестве Соковнина, а по письму А.А. Григорова, прекрасно знавшего Костромской областной архив и всегда опиравшегося на документы: Григорий Островский? Согласовать эти противоположные утверждения может лишь одно предположение, что Григорий Островский, действительно, владел имением и собирался его продать и может даже начал оформление бумаг, но смерть помешала довести дело до конца и его закончили родственники. К сожалению, краевед не сослался на документы и мы озадачены рядом вопросов. Почему А.А. Григоров называет продавца имения родственником художника, ведь в купчих обычно не указывается род занятий и краеведу не на чем строить свой вывод. Впрочем, если он исходил из того, что художник писал в 1770-х годах, будучи уже взрослым, хотя может и довольно молодым человеком, то время его рождения – середина XVIII столетия, и в 1837 году, времени продажи имения, он уже был глубоко престарелым старцем

под 90 лет, что показалось краеведу невозможным. Мы же считаем это возможным, хотя и маловероятным.

Итак. Возле сельца Кокорюкина в XVIII веке маячила тень Григория Островского. А мы знаем, что в то же время имением владела Анна Егоровна Островская, бригадирша, близкая, судя по наследственным документам, мологским дворянам Островским.

Прелюбопытные сведения о мологских Островских поведал нам Николай Макарович Алексеев – заведующий Музеем Мологского края г. Рыбинска. Островские – крупнейшие землевладельцы Мологского уезда Ярославской губернии. Им принадлежала усадьба Нескучное, вблизи которой находилось село Кузьма-Демьян или Козьмодемьянское, в котором в 1801 году владельцем имения Борисом Петровичем Островским построена церковь. Н.М. Алексеев ссылается на архивное дело ГАЯО: «Дело о пожертвовании Мологским помещиком Островским денег в сумме 15000 рублей, данных ранее на строительство в селе Козьмодемьянском церкви Мологского уезда». 1805-1806 годы.»

Борис Петрович Островский оставил заметный след в истории Костромской губернии XVIII столетия: он был первым Костромским губернатором. До него начальники считались наместниками и управляли даже не одной, а двумя, а то и тремя губерниями. Последним костромским наместником считался Иван Варфоломеевич Ламб, который отправлял свою должность в течении целого десятилетия. Борису Петровичу Островскому повезло гораздо меньше, точнее совсем не повезло. Его родственник, тайный недоброжелатель Мелецкий, подучил губернатора приветствовать проезжающего Нерехтой государя Павла I, отрядом гусар с вынутыми наголо саблями. Минутный государь тут же развернулся и, не посетив запланированную для осмотра церковь, уехал, разгневанный, восвояси. Вскоре была объявлена и отставка незадачливого губернатора. Он исправлял должность всего два года 1797-1798, а потом жил помещиком в родной Мологе, откуда писал своему, неизвестному нам, благодетелю, возможно И.В. Ламбу, в Петербург письмо, жалуясь на судьбу свою и просил о помощи:

«Ваше Высокопревосходительство Милостивый государь! – писал он. – Вседанная Ваша ко мне милость, позволяет мне ныне беспокоить вашего превосходительства письмом моим. Сотвори милость! Испроси у премилосердного государя, чтобы я паки определен был в губернаторы, дабы враги мои не радовались моему безвременью ибс. их я стараньем был отставлен в 1798 году 28 июня из губернатории костромских. Великую милость, милостивый государь, оказать изволите, если буду я определен в Ярославль в губернаторы на место господина Слудина. Но во всем предаю себя в высокое Ваше высокопревосходительства покровительство; ведь я колико вы честолюбивы и сострадательны. Состояние мое по ненависти ко мне графа Якова Александровича Брюса совершенно расстроено, так что никак не могу сделать излишнего расхода, а от таво и в Питербурх приехать без покровительства твоего не могу. Семью же имею большую, которая требует содержания и паче, и так, милостивый государь, допусти меня прославлять милости и добродетели твои, а я служил 37 лет беспорочно, хоть оставлен без всякого награждения. Смыслишим

моим высокопочтением и совершеннейшей преданностью имею честь именовать себя вашего высокопревосходительства милостивого государя всепокорнейшим слугою Борис Островский. Апреля 9 дня 1801 года. Город Молога.»¹⁶

Похоже, что прошение костромского экс-губернатора не возымело успеха, и впоследствии Борис Петрович Островский исправлял должность московского обер-полицмейстера.

Мологская ветвь Островских не срывается со схемой Островских Ярославских, хотя логически должна исходить именно от нее. Может утрачено какое либо звено, соединяющее обе эти части воедино? А может что, несмотря на то, что ветвь, идущая от Бориса Михайловича Островского, по схеме пресекается, кто-то из ее представителей остался жив и дал потомство, о чем говорит родовое имя Борис, редкое по тому времени.

Но вернемся к Мологским Островским. Из упомянутой большой семьи Бориса Петровича Островского мы можем назвать его супругу – княжну Марию Сергеевну Долгорукову (1754-1839) и детей: полковника Сергея Борисовича Островского, женатого на Надежде Федоровне Ахлестышевой, чья дочь продала костромское имение Кокорюкино Лермонтовым и второго сына Дмитрия Борисовича Островского, подпоручика, женатого на Аине Захаровне Тютчевой (опекунице имения Кокорюкина), которые имели сына Бориса Дмитриевича Островского.

Отца костромского экс-губернатора Бориса Петровича Островского – Петра Островского мы не знаем, но не исключено, что именно он был бригадиром и мужем бригадириши Анны Егоровны Островской – владелицы Кокорюкина. Тогда бы вся картина полностью гармонически завершилась. Но где же тут место художнику Островскому? Скорее всего где-то рядом с мологскими Островскими на уровне Бориса Петровича. Возможно они приходились друг другу родными братьями. Тогда его звали бы Григорий Петрович Островский и он бы был выходцем из Мологских дворян и имел бы от матери Анны Егоровны Островской костромское имение Кокорюкино с деревнями, в котором при жизни матери гостил и писал портреты соседей и родственников Черевинных, Шиповых, Катениных. А после смерти матери гостил у сестры девицы Елизаветы Петровны Островской – незамужней пожилой женщины, а после ее смерти наследовал Кокорюкино, намериваясь его продать, но не успев... Впрочем, в этой, довольно стройной гипотезе не все звенья еще найдены и последнюю точку рано ставить. Стоит прежде попытаться ответить на ряд вопросов. Например: почему если среди моделей художника Г.Островского, состоящих из его родственников и соседей, равных ему по положению, много гвардейской молодежи, то он не причастен к военной службе? А собственно почему не причастен?

Определить военный статус Григория Островского удалось Георгию Борисовичу Ольдерогге по книге «История лейб-гвардии Конного полка». Однако, еще более точные и основательные сведения о нем нашел и сообщил нам с подробными комментариями Александр Михайлович Горшман – специалист по военной атрибутике и фалеристике:

«В «Истории Л.-гв. Конного полка (1731-1848)», составленной И.В. Ан-

пенковым (СПб 1849 г. ч. 3, стр.44-45) об Григории Островском значится: «1758 года ноября 25 из вахмистров Конной гвардии произведен в подпоручики. 1762 года марта 13 из поручиков Конной гвардии уволен в отставку за болезнь гвардии секунд-ротмистра.»¹⁷

У Штакельберга в «Приложении с поименованием офицеров проходивших службу в Л.-гв. Конном полку со времени учреждения онаго по 1881 год» на стр. 66 об Григории Островском сказано было поподробнее: «1756 года сентября 26 определен Л.-гв. Конный полк гефрейт-капралом, 1757 года апреля 7-го произведен в сержанты, того же года октября 16-го произведен вахмистром. 1758 года ноября 25 произведен в подпоручики Конной гвардии. 1760 года декабря 12 произведен в поручики. 1762 года марта 13-го уволен в отставку за болезнь с чином гвардии секунд-ротмистра.»¹⁷

Почти полный формуляр дан, за исключением происхождения и возраста. Но возраст можно предположительно просчитать, исходя из даты поступления Островского в полк гефрейт-капралом, в 1756 году 26 сентября, ибо молодых дворян принимали на службу в тяжелую кавалерию, а Л.-гв. Конный полк был именно полком тяжелой кавалерии типа кирасирских полков, так принимали не моложе 17-18 лет, когда «вьюноши» были более или менее окрепшими, дабы управляться с крупной рослой лошадей и тяжелым снаряжением. Так что родиться Григорий Островский должен был в 1738 или в 1739 годах...»¹⁸

За плечами отставного гвардейца оставалось пятилетнее пребывание в столице, если, конечно, он вернулся в провинцию. Если отставной ротмистр Конного полка идентичен художнику, то можно предполагать приватное посещение им Петербургской Академии художеств во время службы или после увольнения от нее. Самый ранний портрет, написанный художником Елизаветы Петровны Черевичкой датирован 1773 годом. Для тридцатичетырехлетнего художника творческий дебют несколько запоздал, но кто может утверждать, что это именно дебют, ведь предыдущие работы портретиста могли просто до нас не дойти или стать анонимными...

Академия художеств могла закрепить и усилить первоначальные навыки будущего художника, но зародить в нем влечение к живописи могло и частное лицо, которое нам видится в «живописных дел мастере», костромском художнике Якове Полозове, который, как известно, еще при Петре I вызывался из Костромской губернии для обучения за границей живописному мастерству для последующей работы в столице. В нашей схеме ярославских Островских, к которым тяготеет и художник, есть пересечение с фамилией Полозовых, так гвардии прапорщик Федор Васильевич Островский – сын инвалида-каптенармуса был женат на Арине Прокофьевне Полозовой, имевшей дядю и родного брата, имена которых были одинаковы – Яков Полозов. По времени художником мог бы оказаться дядя, который приходился родным братом Прокофию Павловичу – отцу Арины Прокофьевны Полозовой, в замужестве Островской. Однако отчество художника науке неизвестно, а потому наше предположение пока только версия. Тем не менее упомянутый Яков Павлович вполне может быть упомянутым живописцем, к тому же гравером резчиком и лаковых дел мастером. Не ему ли принадлежит вырезанный из кости ба-

рельефный портрет Н.С. Черевинной, хранящийся в Историческом музее г.Москвы? Яков Полозов, уже отойдя от дел, вполне мог сойтись с юным родственником и «развить» его любовью к искусству. Он мог бы принять участие и в создании портретной галереи усадьбы Неронова, конечно, если имеются в виду ранние профильные портреты супругов Черевиных 1741 года. Однако смущает присутствие в этих портретах западной манеры живописи, польско-литовской школы. Тут стоит опять-таки вспомнить о польском происхождении рода Островских и заподозрить, не было ли еще до художника Григория Островского в роду какого-либо предка, причастного и изобразительному искусству.

Фамилия Островских издревле славилась своей тягой к искусству. Так В.Г. Брюсова в своей монографии «Русская живопись 17 века» пишет:

«Одним из наиболее одаренных учеников С. Ушакова был Георгий Тренчевич Зиновьев. Вначале Зиновьев был крепостным художником московского дворянина Гаврилы Островского, а в 1668 году выкуплен по царскому указу и принят в Оружейную палату»¹⁹.

Можно возразить, что вышеописанный факт относится к московским Островским и к их ярославским однофамильцам никакого отношения не имеет. Однако, это не так. Думный дьяк Ян Островский принадлежал московскому роду дворян Островских, с 1597 года внесенному в Российский гербовник, где дано и описание герба.²⁰ За усердную службу Ян Островский был жалован помещьем в Ярославской губернии, которое и выбрал местом постоянного пребывания по увольнении от службы. Так что ярославская ветвь Островских отпочковалась от московского древа, но со временем сама превратилась в довольно развесистое дерево и стала самостоятельной. Так что культурные традиции рода вполне могли оказать свое положительное влияние и на его представителя художника Григория Островского.

Нельзя не заметить и более современного художнику влияния другого человека, а именно немецкого художника, эмигрировавшего в Россию, Карла Людвиг Христинека. В 1760-1770 годах он писал представителей ярославских и костромских дворянских родов: Волковых, Перфильевых, Толстых, Саблуковых и т.д. Пути Христинека и Островского могли скреститься или в столичных салонах земляков или в их домах на малой родине, то есть в Ярославле или в Костроме. Но даже если личное знакомство обоих художников и не состоялось, работы немца, да и сама система создаваемых им портретных галерей не могла не оказать влияния на Григория Островского. Обоих художников роднит манера, при которой изображенная по пояса модель была развернута в три четверти влево, с несколько деревянной осанкой, с чуть-чуть приподнятой головой, чаще всего на оливковом фоне и яркими цветами одеяний. У Островского, особенно раннего, цвета тяготеют к локальным, более, чем у Христинека. Вероятно, что именно у Христинека Островский мог позаимствовать и саму идею создания семейной галереи и воплотить ее в Нероново.

Как минимум десятилетие потратил художник на ее воплощение. Полтора десятков портретов его кисти, представленные в галерее Неронова, сделали его имя бессмертным. Следующие два десятилетия: 1780-е и 1790-е года его жизни пред-

ставлены лишь двумя дошедшими до нас портретами – неизвестной, хранящейся в Казанском художественном музее (1785) и Андрея Федоровича Катенина – дяди некоего П. А. Катенина, из Костромского художественного музея.

Хозяевам Неронова художник по подсчету поколений приходился как бы по линии племянника, потому неудивительно, что в 1770-е годы, годы создания фамильной галереи в Неронове, хозяин усадьбы Иван Григорьевич Черевин уже расстался с этим светом. Заказчицей галереи, таким образом, могла стать только супруга покойного Наталья Степановна Черевина, портрет которой исполняет художник в 1774 году, где она изображена в 62-летнем возрасте, а в пару к нему, на неизменном живой модели ее мужа, художник пишет копию с портрета Ивана Григорьевича 1741 года. Так зарождалась портретная галерея усадьбы Неронова. Затем она пополнилась десятком блистательных полотен.

О последнем же известном нам портрете художника – А. Ф. Катенина – московский искусствовед Алексей Лебедев в статье «Портреты Григория Островского» справедливо заметил: «Портрет А. Ф. Катенина (1790) несет на себе печать некоторого вырождения стиля мастера. Лепка форм становится вялой, общий коричнево-зеленый колорит настолько поглощает фигуру, что мы смотрим на нее, как сквозь матовое стекло. Портрет этот в каком-то смысле тупиковый: если идти последовательно по тому же пути, то дальнейшее растворение формы в пространственной дымке пойдет в ущерб выразительности»²¹.

Да, творчество художника эволюционировало и не в лучшую сторону. Его стиль стал напоминать стиль неизвестного нам мастера из Тотьмы, моделями которого были В. П. и В. В. Пановы, кстати сказать написанные в конце 1780-х годов, то есть незадолго до портрета А. Ф. Катенина. Между прочим Пановы приходились родственниками ярославских Островских (См. Родословную схему). Выводы напрашиваются сами...

И все же почему на склоне века художник начал деградировать? Может причина тому обычное возрастное ухудшение зрения? А может это психологическая травма из-за тяжелой болезни или потери близкого человека, отразившиеся на его творчестве? А может это предчувствие близкой кончины? Мы не знаем даты его смерти, а последний портрет создан художником в 1790 году. Однако мы находим документальное упоминание о Григории Островском как здравствующем и позже, в 1796 году.

«Конной гвардии секунд-ротмистр Григорий Островский обретается не у дел.»²²

Что дает нам эта запись? Во-первых, она отодвигает на шесть лет вероятную дату смерти Островского, во-вторых заставляет задуматься, почему он не восстановился на военной службе, как делали многие дворяне, а предпочел десятилетиями оставаться «не у дел», то есть «свободным художником». Стоит, однако, заметить, что в 1796 году отставному секунд-ротмистру исполнилось только 55 лет и он мог прожить еще не мало времени, тем более, что по нашей прикидке он был должжителем. Поэтому упоминание в мемуарной литературе того факта, что в селе Богородицком Солигаличского уезда, что в шести верстах от Неронова в 1821 году

преподавал рисование престарелый вольнопрактикующий живописец, пожалуй, можно отнести и к Григорию Островскому, которому к тому времени было около 80 лет.

Так или иначе, но вопрос о времени смерти художника пока остается открытым, что в общем-то, не противоречит нашей версии о происхождении художника Григория Островского из среды ярославского дворянства (точнее мологского), о его военной службе в лейб-гвардии Конном полку, о его проживании (временном или постоянном) в усадьбе Кокорюкино Галичского уезда, которая расположена не так уж далеко от Солигаличской усадьбы Нероново, которой владели его родственники и модели его портретов помещики Черевины.

Если доселе Григорий Островский был фантомом-невидимкой, то сейчас он начал обретать вполне зримые очертания. Будем надеяться, что в недалеком будущем образ художника еще более прояснится и станет вполне реальным, как модели на его бессмертных произведениях.

Примечания:

1. Сорокатый В.М. Вопросы биографии Г. Островского и искусство портрета в Великом Устюге XVIII века. - Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1989. М. 1990. С. 256-299.

К статье приложены несколько автографов художника, обнаруженных автором статьи в документах Государственного архива Вологодской области, правописание которых «Островских» не идентично правописанию художника на портретах «Островский». Это различие в окончаниях фамилий трудно объяснить, отождествляя обоих художников.

2. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома. 1993. С. 244

3. ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 2297. № 4

4. ГАКО. Ф. 864. (А.А. Григорова) Оп. 1. Д. 1109. Персональные карточки (на Солнцалич) Островских.

5. Сведения сообщены Т.В. Солдовской.

6. См. приложению № 3

7. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. Кострома. 1993. С. 248

8. ГАЯО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 2297. № 4

9. ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 473. Л. 1053

10. Российский архив. Вып. VII. М. 1996. С. 294

11. ГАКО. Ф. 200. Оп. 3. Д. 473. Л. 1046

12. Беляев. Статистическое описание соборов и церкви Костромской епархии. СПб. 1863. С. 104.

13. ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 21. 1786 г.

14. Сведения любезно предоставлены И.М. Алексеевым - заведующим Музеем Мологского края.

15. Копия письма А.А. Григорова - П.А. Смирнову (1975) хранится в личном архиве автора

16. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 373. Л. 1

17. Сообщено Г.В. Ольдерюте.

18. Из письма А.М. Горшманова - Е.В. Сапрыгиной от 3.03.2004

19. Брюсова В.Г. Русская живопись XVIII века. «Искусство», М. 1984. С. 19. Указано С.С. Катковой.

20. Российский гербовник. Т. III. С. 47

21. Лебедев А.В. Портреты Григория Островского. // Искусство. 1984. № 12

Сведения любезно сообщены Сергеем Алексеевичем Сапожниковым - герольдмейстером союза потомков Российского дворянства. Из письма С.А. Сапожникова - Е.В. Сапрыгиной от 11.02.1989 г.

Книжные и рукописные памятники Костромы

БИБЛИОТЕКА ГРАММАТИНЫХ

ТОЧТИ две трети состава ценного книжного фонда Костромского историко-архитектурного музея-заповедника приходится на многочисленные частные собрания, однако ядро фонда, как земля на трех китах, зиждется на трех наиболее крупных и значительных личных библиотеках: Н.Н. Селифонтова, Н.Ф. Грамматина и П.И. Бирюкова. Второе из этих собраний, наименьшее по объему, является, несомненно, более интересным и значительным по содержанию. Свое название оно получило от главного, но не единственного собирателя Николая Федоровича Грамматина (1786-1827) – поэта, переводчика и ученого-филолога 1-й трети XIX столетия. Однако, беря во внимание наличие большого количества экземпляров с владельческими записями отца поэта Федора Никифоровича, родного брата поэта Алексея Федоровича, а также племянников Николая и Александра Алексеевичей Грамматиных, можно расценивать данное книжное собрание не как личное, но вернее фамильное, родовое...

На племянниках поэта пресекалась родовая ветвь и книжное собрание их вместе с недвижимым имением перешло к двоюродному племяннику – штабс-капитану и костромскому помещику Николаю Платоновичу Грамматину, затем его сыну и, наконец, внуку – статскому советнику, также Николаю Платоновичу Грамматину. От последнего библиотека поступила в Губернскую ученую архивную комиссию в качестве дара. Сохранился любопытный документ, проливающий свет на обстоятельства, сопутствующие этому событию: «В Совет Костромской Губернской ученой архивной комиссии члена Комиссии Ивана Алексея Молчанова Доклад.

Совет комиссии, в заседании 10 сего марта, постановил поручить мне принять библиотеку, пожертвованную Действ. Статск. Советником Николаем Платоновичем Грамматиным. 14 марта я отправился в имение г. Грамматина (Светочеву Гору Нерехтского уезда – Е.С.) и там, получив от управляющего именем разрешение, запаковал в течение 15 и 16 чисел все имеющиеся книги, каковых оказалось 1633 книги. Шкафы (8 штук – Е.С.), в которых хранились книги, тоже перевезены в комиссию, всех возов было восемь.

Исполнив по возможности возложенное на меня поручение, покорнейше прошу Совет Комиссии принять от меня привезенные мною книги и шкафы, при этом осмеливаюсь доложить, что громадную услугу в этом деле мне сделал командированный чиновник Губернской управы Абрам Иоасафович Русаков. 1902 года апреля 4 дня. Действительный член комиссии Иван Молчанов¹.

Тогда же в отчете о деятельности Костромской губернской архивной комиссии за 1902 год отмечалось: «Н.П. Грамотин пожертвовал комиссии свою фамильную библиотеку, состоящую из 1700 книг разных наименований, Л.Н. Северьянов руководил составлением карточного каталога библиотеки Н.П. Грамматина»².

До 1905 года библиотека хранилась в Костроме, в каменном архивном здании при губернских присутственных местах на Никольской улице, затем по распоряжению губернатора из-за переустройства здания для губернской типографии, была перевезена в дом дворянского собрания. Сохранились два документа, подтверждающие сказанное: «МВД. Строительное отделение костромского губернского правления 3 мая 1905 года № 760, г. Кострома. Срочное. В Костромскую губернскую ученую комиссию.

В виду начинающегося, по распоряжению Г.Губернатора, переустройства каменного архивного здания при губернских присутственных местах в городе Костроме по Никольской улице для губернской типографии – Строительное отделение Губернского Правления просит архивную комиссию об освобождении в течение настоящей недели означенного здания от хранящихся в 2-х комнатах его дел комиссии. Губернский инженер Л.Треберт»³.

Встает вопрос: «А была ли среди этих дел библиотека Грамматиных?» Ответ дает второй документ:

«В совет Костромской Губернской ученой архивной комиссии правителя дел комиссии А. Черныцына Доклад... уплачено за упаковку, перевозку на девяти подводах из губернского правления в дом дворянства и размещения по полкам библиотеки Грамматина, изданий комиссии и архивов Сидоровского и Большесольского 5 рублей 45 копеек... 16 мая 1905 года»⁴.

В 1913 году было построено здание Романовского музея и библиотека Грамматина перекочевала туда из дома костромского дворянства. Н.Н. Виноградов в книге «Празднование трехсотлетия царствования дома Романовых», Кострома 1914 г. писал: «...в подвальном этаже – архив и в двух комнатах библиотеки: Архивной Комиссии, Селифонтова и Грамматина»⁵.

Романовский музей преобразовался в костромской краеведческий музей, поделившийся в 1960-х годах на картинную галерею и музей-заповедник. В биб-

лиотеку последнего и вошло грамматинское книжное собрание. Три поколения собирателей рода Грамматиных обусловили широкие временные рамки книжной коллекции с середины XVIII века до 2-й половины XIX-го.

На сегодняшний день в библиотеке Грамматиных насчитывается 1542 издания. И если вспомнить, что при поступлении ее в музейное хранение в 1902 году она состояла из 1633 единиц, то можно сделать вывод: грамматинской библиотеке повезло, ведь утрачено менее сотни экземпляров за огромный промежуток времени – почти в столетие, тогда как в стране за этот же период тысячи аналогичных собраний погибли в огне пожаров горящих усадеб, хаосе революций и войн или, в лучшем случае, расплылись по учреждениям, частным собирателям и торговцам, что вряд ли лучше гибели... Отрадным является и тот факт, что некоторые следы группы исчезнувших грамматинских книг известны, но... об этом позже.

Помимо русской части библиотеки, составляющей $\frac{2}{3}$ всего собрания и 1029 единиц, $\frac{1}{3}$ занимают иноязычные издания – 513 экземпляров, из которых на немецком языке – 41 единица, на французском – 275, английском – 110, итальянском – 49, латинском – 11, параллельных языках – 19, древнегреческом – 2 и по одному на финском, польском, португальском, латышском, эстонском и испанском языках. Вывод из этой статистики напрашивается сам собой: владелец библиотеки полиглот и высокообразованный лингвист.

По роду изданий состав библиотеки следующий: 1087 единиц хранения – книги ($\frac{2}{3}$ собрания); 427 – журналы ($\frac{1}{3}$); 11 газет и 17 разных – т.е. атласов, альбомов и т.д.

Тематический подбор книг в библиотеке объяснялся функциональным назначением библиотеки: служить творческой лабораторией ее хозяину – профессиональному поэту, журналисту, переводчику... Показательны как сами разделы, так и количество изданий в них: I – Периодика и альманахи – 495, II – Зарубежная литература – 282; III – История – 241; IV – Русская литература – 110; V – Языкознание – 63; VI – География и путешествия – 61; VII – Справочная литература – 47; VIII – Философия и логика – 35; IX – Государство и право – 34; X – Математика и физика – 31; XI – Религия – 30; XII – Литературоведение – 17; XIII – Сельское хозяйство – 14; XIV – Естественные науки – 13; XV – Педагогика – 11 и далее по нисходящей – Искусство, Архитектура, Астрономия, Фольклор... Перед нами, бесспорно, библиотека гуманитария.

И, действительно, как сам поэт, так и его брат Алексей, а за ними и их племянники были высокообразованными людьми – выпускниками Московского университета. В аттестате Николая Федоровича отмечалось: «Из Императорского Московского университета Магистру Николаю Грамматину, в том, что он записан будучи в учрежденный при оном университете благородный пансион 1802 года в августе месяце, учился: 1. Закону Божию и нравственности, 2. Арифметике и геометрии, 3. Гражданской архитектуре, 4. Физике, 5. Статистике, 6. Истории и Географии, 7. Российскому практическому законодательству, 8. Римским правам, 9. Поззии и красноречию, 10. Языкам: Российскому, Латинскому, Немецкому, Французскому и Английскому, при отличном благонравии, с особенною примернос-

тью и превосходными успехами; за что при публичных пансионских экзаменах получил в награждение книгу, 2 серебряные и одну золотую медали с именем; а 1803 года в сентябре месяце произведен от Университета студентом, в 1806 году получил диплом на кандидатское достоинство, а сего 1809 года в мае месяце получил степень магистра. Дано в Москве, за подписанием ректора университета и с приложением университетской печати. Июня 12 дня 1809 года. Подписано: Ректор Иван Гейм».

Заложенный в университете прочный фундамент знаний надстраивался в течение всей последующей жизни поэта, как во времена его шестилетней службы на посту директора костромской гимназии и уездных училищ, так и после отставки во время свободной творческой работы. И все это время совершенствоваться и развиваться ему помогала библиотека, которую он неутомимо докомплектовывал.

Как уже отмечено, основу библиотеки составляли как личные приобретения владельца, так и книги других членов семьи. От отца Николай Федорович получил довольно приличное книжное наследство: только подписанных книг Федора Никифоровича выявлено – 64 экземпляра, книг с автографом брата Алексея насчитывается 144, а самого Николая Федоровича – 96 и других дарителей 85. Всего в Грамматинской библиотеке 389 изданий с автографами, то есть четвертая часть от всего объема библиотеки. Кем же были дарители книг? Записи называют нам следующие фамилии, имена и инициалы: Островский, Дмитрий Неелов, Илья Петров, М.Милов, Иван Дмитриев, Семенов, Д.В.Д., Илимов, Кирилл Тухачевский, Николай Алексеев, Ф.Калинин, Кольчев, Ив.Тихменев, Книдяковы, Вал.Мичурин, Павел Шулепников, Платон Ив.Грамматин, А.Воробьев, Бригадир Артемьев. Наибольшее количество автографов (полтора десятка) принадлежит соученику Н.Ф. Грамматина по Московскому университету Михаилу Васильевичу Милонову (1792-1821). Оба они служили в Санкт-Петербурге в министерстве внутренних дел и юстиции под началом министра и поэта И.И. Дмитриева. Оба с детства занимались поэзией. М.В. Милонов был талантливым поэтом-сатириком. Болезнь и ранняя смерть не позволили этому одаренному человеку сделать имя.

Любопытен подбор даримых Милоновым книг: Тито Лукреций. «О природе вещей». Амстердам. 1754, на итальянском языке, или Бокаччо. «Декамерон»; друг его отдаривался более серьезными и значимыми книгами. Так во втором томе «Нового английско-русского словаря, составленного Н.Грамматиним» М.1809 г. находим запись: «Михаиле Милонову подарок переводчика». До самой смерти поэта-сатирика не прекращалась переписка друзей. Она опубликована в журнале «Библиографические записки» за 1895 год. Из других каналов поступления книг в библиотеку Грамматина, кроме собственных приобретений и подарков друзей, можно назвать и обязательные присылки учебников и художественной литературы из Московского университета, который инспектировал гимназии в губерниях, входящих в его учебный округ, в том числе и Костромскую гимназию, директором которой с 1812-1819 состоял Н.Ф. Грамматин. Документы фонда Костромской гимназии (ф.429), хранящиеся в ГАКО, дают довольно яркую картину этих отношений. Вот один из них:

«Милостивый Государь Николай Федорович! Воспомявая прежнее Ваше благорасположение ко мне и то, что в прошлом году послано для Вашей гимназии, на Ваше любезное и почтенное имя 50 экземпляров Федра, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, не оставить меня уведомленным, сколько экземпляров вышло и сколько осталось. Сверх сего в нынешнем году издан мною Корнелий Непот со всеми возможными удобствами для учащихся и приспособлен к латинской грамматике, мною изданный в другой раз 1815 года. Если сии книги для Вашей гимназии не бесполезны, не оставьте, почтеннейший и любезный Николай Федорович требовать оных из Главного правления училищ. Чем весьма много обяжете. С истинным почтением и преданностью к Вам пребывающего, Милостивый Государь, Вашего покорнейшего слугу Николая Кошанского. 22 июня 1816 Санкт-Петербург.»⁶

Это пример частного соглашения автора с покупателем, но в фонде есть много официальных документов о закупке университетских изданий. Например: «Из Главного управления училищ Г. Директору училищ Костромской гимназии. Правление предписывает вам доставить в непродолжительном времени 62 рубли за 4 экземпляра отправленных вам книг: Опыт российской библиографии Соч. Сопикова в 3-х частях, в означенной сумме полагается по 15 р. экземпляр, 60 руб. за самые книги, да 2 руб. за пересылку их. Вы имеете также уведомить и о получении книг. Июля 5 дня 1816 года. Н.Озерецковский.»⁷

Хотя сам Грамматин с удовольствием приобретал для своей библиотеки университетские издания, но в распространении их среди учащихся встречал затруднения, тем более, что с 1814 года в связи с ухудшением денежного курса в послевоенное время Главное управление училищ подняло цены на учебные книги на 50%, что, конечно, легло немалым бременем на родителей учащихся.

Помимо университетских присылок, значительно пополнивших книжное собрание поэта, были систематические почтовые бандероли от его друзей-комиссионеров, из которых наиболее ревностным являлся Александр Ефимович Измайлов – известный баснописец, издатель журналов «Цветник», «Репертуар русской поэзии» и «Благонамеренный».

Его письма поэту Грамматину пестрят отчетами и счетами по поводу посланных изданий:

«...Сочинения Державина 5 ч. в бум. 22 руб., два экземпляра 2-й части Сочинений Озерова, за которые вместе с двумя первыми частями стоят 30 р. Талия Бенцковского 1-я часть 2-50 = 54 р. 75 к. Следовательно, из присланных от Вас ко мне 75 р. Остается еще у меня около 20 р. Сколько возьмут за пересылку не знаю, а уведомлю вас после и буду ожидать разрешения вашего переслать ли к вам обратно остальные деньги или купить на них какие книги.»⁸

Все перечисленные книги и, кроме того, много других, посланных А.Е. Измайловым, в том числе и его собственные сочинения «Сказки и Басни Александра Измайлова». Спб 1914 г., находим мы в книжном собрании Н.Ф. Грамматина.

Разумеется, в грамматинской библиотеке не обошлось без сочинений ее владельца. В ней представлены и первый поэтический сборник Николая Федоровича «Досуги Грамматина», изданный в Санкт-Петербурге в 1811 году и посвященный

поэту и министру юстиции И.И. Дмитриеву – начальнику автора сборника и последний, уже посмертный двухтомник его стихотворений, который Грамматин успел подготовить, а издали его в 1829 году друзья и родственники покойного. Известно, что полтора десятка лет поэт трудился над изучением и переводами древнерусского памятника словесности «Слово о полку Игореве». Одноименный труд с присовокуплением произведения древнечешского эпоса «Суд Любуши» издал Н.Ф. Грамматин в 1823 году. Встречаем мы на полках и два тома Английско-русского словаря, составленного Н.Ф. Грамматиным. М.1909 г.

Библиотека поэта составляет часть архивно-библиотечного комплекса Грамматиных, поскольку музей-заповедник располагает также рукописными и документальными материалами их фамильного архива. Содержание архива – предмет особого разговора, однако есть в грамматинской библиотеке одно издание как бы соединяющее части комплекса. Если бы из библиотеки пришлось выбирать всего один раритетный экземпляр, то выбор пал бы, несомненно, на книгу по названию: «Собрание русских народных песен с их голосами на музыку положил Иван Прач» (СПб., 1790). Это ценный памятник русского музыкального фольклора. Указанный в заголовке Иван (он же Ян Богумил) Прач, чех по национальности, приехал в Россию в 70-х годах XVIII века и стал модным преподавателем музыки в столице. Пробовал он себя и в качестве композитора, сочинив оперы: «Февей» и «Горе-богатырь Косометович» по комедиям Екатерины II-й. Для начинающих музыкантов Прач издал «Полную школу игры на фортепиано», а в 1790 году, пленясь русскими напевами, гармонизировал собранные Николаем Александровичем Львовым русские народные песни, которые вышли в свет отдельными сборниками.

Соавтор Прача, Н.А. Львов не только собрал песни для сборника, но в качестве вступления к нему сочинил целый трактат о народном творчестве. Это был уникальный, многосторонний человек, видный деятель отечественной культуры, оставивший следы своего творчества в поэзии, изобразительном искусстве, музыке, архитектуре. О последнем из перечисленных его талантов напоминают Невские ворота Петропавловской крепости и здание Петербургского почтамта, а также ряд культовых сооружений в некоторых городах страны. Львов состоял в литературном кружке Г.Р. Державина, где совершенствовал свои познания в поэзии и теории литературы в среде единомышленников. Его литературные интересы неразрывно связаны с русским музыкальным фольклором и потому совместная работа с Прачем над «Собранием русских песен» была, отнюдь, не случайна.

Кстати, их труд имел огромный резонанс: напевы сборника широко использовались как русскими, так и зарубежными композиторами, в частности, Л.Бетховеном в его струнных квартетах. Некоторые песни книги Львова-Прача и сейчас можно слышать с эстрады, например, «Матушка, матушка, что во поле пыльно?» или «Как у нашего широкого двора».

Однако уникальность экземпляра этой книги из собрания Грамматина заключается не только в том, что она являет собою первое издание редкого классического сборника, но и в том, что на пустых оборотах нотных листов его обнаружены

двадцать девять рукописных песенных текстов начала XIX века, отличающихся от напечатанных в сборнике и требующих пристального изучения.

Что же представляет собою рукописный песенный цикл, «поселившийся» под «крышей» прачевского сборника? Несомненно, что из 29 произведений его подавляющую часть составляют народные песни XVIII-XIX столетий почти всех существующих тем: военные, исторические, лирические, разбойничьи, кабацкие и даже хороводные. Среди них, однако, встречаются и такие произведения, которые при повторном чтении заставляют сомневаться в их безымянности. В отличие от истинно народных, или как прежде говорили «ходячих» песен, их отличает большая выделанность и заданность, под которыми чувствуется конкретная индивидуальность творца. Скорее всего, это подражания народной песне неизвестных авторов. Как бы то ни было, рука записавшая их была одной, хотя и в двух ипостасях. Почерк один, хотя и в двух разных временных периодах, к тому же употреблялись два вида чернил: чёрные и коричневые (ореховые). Кто же предпринял этот довольно объемный труд и запечатлел на страницах книги Львова-Прача почти тридцать произведений песенного фольклора? Исходя из поступления книги естественно предположить, не принадлежат ли автографы песен самому хозяину библиотеки, то есть Николаю Федоровичу Грамматину? – ученому-филологу, автору трактата «О древней русской словесности», где речь идет и о простонародной песне. Датировки, под двумя рукописными песнями: «апреля 25 1814. Кострома» и «1817 28 сентября», не противоречат нашему предположению, ведь известно, что Н.Ф. Грамматин с 1812- по 1819 год жил в Костроме, исполняя должность директора гимназии и уездных училищ. Визуальное сопоставление почерков на автографах книг Грамматина с почерком рукописного цикла, доказавшее их идентичность, превратило версию в уверенность. Все 29 произведений в сборнике Львова-Прача действительно записаны Н.Ф. Грамматиным. Встречаются ли среди них произведения, сочиненные самим поэтом? Ведь известно, что он занимался подражаниями народных песен. Обратившись к двум его печатным сборникам: «Досуги Грамматина» Спб. 1811 г. и «Стихотворения Николая Грамматина». Спб 1829 г. (изданному посмертно) мы, действительно, обнаружили в них четыре стихотворения почти идентичные рукописным. (Это песни: «Не шуми ты. Погодушка», «Ах, долго ли, девица, ах, долго, ли, красная», «Не цвет алой во поле», «Ах, ты, молодость моя, молодость!». Все они опубликованы в 1-м томе «Стихотворений Николая Грамматина», кроме того, два из них повторены в журнальных вариантах «Вестника Европы» за 1815 год.

Находка рукописных песен позволила датировать два из четырех печатных его произведений, ибо в сборнике «Стихотворения Николая Грамматина» стихи не датированы, а также поскольку в печатных и рукописных источниках есть разночтения, позволила заглянуть в творческую кухню поэта, проследив этапы построения стиха.

При повторной, скрупулезной проверке текстов Грамматинских сборников удалось найти концы еще одного загадочного рукописного произведения, которое в цикле стояло особняком, поскольку даже с натяжкой не могло назваться песнею, да и законченным стихотворением, пожалуй, тоже. Оно напоминает черновой набросок будущего стиха:

Ефиры, солнца,
 Пространства звездны,
 Юдоль от плача,
 Сестер, мать, братьий
 Пииту
 Ея воспевша
 И так вещает
 Слезы погруженным:
 О мне не лейте!
 Жива лишь плоти
 Бишь совлеклася,

Стократ блаженна!
 Вечною красю
 Не уявну!
 Блаженства
 Не возмущайте слезами!
 Спокойся горний
 Благой! – покойся
 Вечности блаженной!
 Святого
 Святую волю
 Не держаем.

Удивительное по своей внутренней экспрессии, напоминающее плач или молитву по умершей. Оно оказалось вплавленным в плоть печатного стихотворения Грамматина «На смерть Лилы» и претерпело столь существенные изменения, что неудивительным был его долгий поиск. В печатном виде фрагмент стихотворения выглядел так:

Сквозь эфиры, солнца
 Сквозь пространства звездны
 Зрит юдоль он плача,
 Зрит родных, знакомых.
 Горестный, последний
 Долг ей воздающих,
 Зрит и так вещает
 В слезы погруженным:
 «Слез о мне не лейте;
 Я жива, лишь плоти
 Рубиц совлеклася;
 Я стократ блаженна!

Горней, вечноюю
 Разцвела красю,
 Паки не уявну;
 Вечного блаженства
 Лишь не возмущайте
 Горькими слезами.
 О покойся горний,
 Дух благой! Спокойся
 В вечности блаженной.
 Промысла Святого
 Чтим святую волю.
 Плакать не держаем.

Сливив оба текста, находим, что рукописный является как бы усеченным вариантом печатного: в нем не хватает первого слога в каждой строке. Для чего это потребовалось Грамматину? Может он искал новый размер стиха? Эта мысль подтверждается тем, что поэт в каждой первой строке стихотворения проставил силлабические ударения. Изучение метрики в песнях и былинах с юношеских лет занимало Грамматина и нашло отражение в его труде «Рассуждение о древней русской словесности», опубликованном в 1809 году, за который автор получил степень магистра словесных наук. Изучение метрики народной песни было необходимо Грамматину и как ученому-филологу, и как практикующему поэту. Помимо грамматинских сборников, в которых обнаружилось пять опубликованных рукописных песен сборника, нами были просмотрены следующие периодические издания 1812-1820-х годов: «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Русский Вестник», «Украинский Вестник», а также различные альманахи и сборники: «Пантеон русской поэзии», «Собрание стихотворений, относящихся к 1812 году» и др. В них

других рукописных грамматинских текстов цикла обнаружить не удалось, зато нашлось два стихотворения иных авторов; посвященные войне 1812 года:

1. «Не в чистом поле, не в пустой степи...» Опубликовано в журнале «Вестник Европы» № 15 за 1815 г. под названием «Песня на освобождение царствующего града Москвы. Октября 11 дня 1812 года». Подписана «Степан Юшков. 26 ноября 1812. Белгород». Юшковы – тульские дворяне, родственно связанные с фамилией Киреевских. Известный собиратель народных песен П.В. Киреевский был сыном Авдотьи Петровны Киреевской, урожденной Юшковой. Видимо и публикатор упомянутой песни Степан Юшков является представителем этой фамилии.

2. «Ночь темна была и немесячна...» Опубликовано в сборнике «Собрание стихотворений, относящихся к 1812 году». М.1814. Подписано: Николай Ильин. Грамматинские автографы этих произведений в книге Львова-Прача имеют различия с печатными текстами, из чего можно предположить, что они записаны потом по памяти или были сообщены ему уже в таком виде кем-либо другим, скажем одним из вернувшихся с войны воинов. Подобные песни более походили на стихотворения, хотя они охотно аранжировались на нотах для оркестра или другого музыкального исполнения и пелись на непрерывных праздниках в послевоенные годы, по какой причине и попали позднее в песенники. Эти песни припрыжку скакали по страницам журналов, и любой более-менее известный поэт того времени не проходил мимо тематики войны с Наполеоном и оставлял свой опыт в неиссякаемом потоке патриотических военных песен. Ряд этих авторов бесконечен: Вяземский, В.Л.Пушкин, Глинка, Воейков, Капнист, Измайлов, Гнедич, Хвостов, Милонов, Свинын, Шаликов и многие другие. И сам Грамматин оставил после себя «Песнь Александру воинству».

Итак, выяснилось происхождение уже семи грамматинских автографов. Дальнейший поиск показал необходимость пересмотра старых песенников XVIII веков: новиковского песенника 1781 года, «Российской Эраты» Попова, Карманного песенника Дмитриева, Сборника «Веселая Эрата на русской свадьбе» 1801 года, «Нового российского песенника Шнорра» 1791 года, «Всеобщего песенника Заикина» и нескольких другим. Увы! Часть этих изданий уже недоступны, а прочие труднодоступны нам, ибо давно стали библиографической редкостью! Тем не менее, проблема выявления из них текстов рукописного цикла Грамматина была решена благодаря десятитомному изданию под названием: «Песни, собранные П.В. Киреевским», вышедшему в 1860-х годах и включившему в себя основной массив русских народных песен XVIII-XIX столетий, общим объемом более 3000 произведений. Туда вошли и песни старых сборников с указанием первоисточников, а потому наша работа была облегчена.

В результате мы выявили происхождение еще 12 грамматинских текстов, восемь из которых извлечены из карманного песенника Дмитриева, а остальные из песенника Чулкова. В числе песен Дмитриева были: «Што под славным было городом под Шлюшеном», «Еще с вечера солдатам приказ отдан был», «Ах ты, сердце мое, сердце молодецкое», «Что сказать ли вам братцы про диковинку»... и другие...

Цитирование Грамматиным песен из сборника Ивана Ивановича Дмитриева – видного поэта конца XVIII-первой трети XIX столетий, а также министра юстиции имеет свое объяснение: Дмитриев был начальником Грамматина по службе (в 1811 году) и наставником его в поэзии. Недаром свой первый поэтический сборник автор посвятил своему духовному отцу. Дмитриев заметил Грамматина еще со времени учения последнего в Московском университете. Известный поэт встречался с тогда еще начинающим молодым филологом на собраниях литературного общества, организованного преподавателем университета Алексеем Федоровичем Мерзляковым также большим ценителем русского фольклора и создателем популярного песенника, включающего в себя настоящие шедевры песенного эпоса: «Среди долины ровныя» и «Чернобровый, черноокый»... Вообще Грамматину везло на духовных и творческих наставников. Вращаясь в Москве среди таких поборников народности, как Мерзляков, Жуковский, братьев Тургеневых, а позже, в Петербурге общаясь с Державиным, Дмитриевым, Сандуновой, Гнедичем, Грамматин не мог сам не стать ярким поборником русской песни, да и вообще народного творчества. Укрепил его в этом направлении еще один незаурядный человек. Служа в Петербурге, Грамматин познакомился с ученым филологом А.С. Шишковым, с которым сразу же нашел общий язык на основе общих интересов к фольклористике. Впоследствии благодаря совету Шишкова, Грамматин сделал свой перевод «Слова о полку Игореве» и «Краледворской рукописи». Грамматин почти всецело стоял на позициях Шишкова, который считал народный язык и народную песню, церковнославянский язык и бытовое просторечие двумя органически слитыми формами выражения русской народности. Однако если Шишков преклонялся перед народной поэзией, то Грамматин видел и слабые стороны ее в плане стиля и образов и сам пытался создать ее идеальный вариант, сочиняя свои подражания ей в духе элегии. Коллекция рукописных песен Грамматина позволяла ему ориентироваться в собственном творчестве на лучшие образцы истинно народных произведений и сопоставлять их со своими. Поэтому мы и находим в ней как его подражания, так и копии из песенников Дмитриева, Чулкова, стихи Юшкова и Ильина...

Однако около десяти текстов так и не были опознаны. Что же они собою представляют и нет ли среди них неопубликованных произведений самого Николая Федоровича Грамматина? Думать так есть все основания и в первую очередь наличие других, опубликованных песен в рукописном цикле. Необходимо сравнить по стилю опубликованные Грамматиным песни с оставшимися рукописными и выявить сходные.

Вот один пример, фрагмент опубликованной песни Грамматина:

*Долго ль, сердце, нам с тобою тосковать?
Долго ль радости, веселия не знать?
Долго ль биться для печалей одному,
Про злодейку грусть поведать нам кому?*

А вот фрагмент рукописной песни:

*Что мне делать в тяжелой участи своей?
Где размыкать горе горькое свое?*

*Сердце! Сердце! Ты вещун, губитель мой!
Для чего нельзя не слушать нам тебя?*

Стилевое родство двух произведений несомненно...

Изучение рукописного песенного цикла Н.Ф. Грамматина продолжается. Оно требует долгой и кропотливой работы, главное направление которой уже определилось. Но и сейчас налицо существенные результаты ее, позволяющие ввести в научный оборот как неизвестные произведения песенного фольклора, имеющие непосредственное отношение к жизни и творчеству малоизученного поэта и филолога 1-й трети XIX столетия Николая Федоровича Грамматина.

Примечания:

1. ГАКО. Ф. Р. - 838. Оп. 3. Д. 99. Л. 29-30.		тия царствования Дома Романовых в костромской губернии 19-20 мая 1913 года. Кострома, 1914. С.228.
2. Журнал годичного заседания КГУАК 10 декабря 1903 г., С.4.		6. ГАКО. Ф.429. Оп.1.Д.4.Л.15.
3. ГАКО. Ф. 179. Оп.2. Д.65. Л.38.		7. Там же. Л.28.
4. Там же. Л.41.		8. ГАКО. Ф.805. Оп.1. Д.445. Л.9.
5. Виноградов Н.И. Празднование трехсотле-		

БИБЛИОТЕКА Н.Н. СЕЛИФОНТОВА

НЕМЕЦКИЙ писатель Вальтер Беньямин в одном из своих библиофильских эссе отметил, что «наследство – важнейший стимул жизни собрания, ибо отношение собирателя к своему имуществу диктуется чувством долга к своему владению. Это отношение наследника в лучшем смысле слова. Поэтому самое благородное имя собранию дает родословная».¹

Все сказанное им полностью приложимо к книжному собранию Н.Н. Селифонтова, сформированному тремя поколениями владельцев, находившихся между собою в близком родстве. Вот их имена: харьковский губернатор Иван Иванович Бахтин – дед по материнской линии последнего хозяина библиотеки, сенатор Николай Иванович Бахтин – дядя владельца и, наконец, сам Николай Николаевич Селифонтов – ученый-археолог и библиофил. Их последовательная собирательская деятельность длилась в общей сложности более столетия.

Оставя в стороне два начальных периода становления библиотеки, обратимся к последнему, касающемуся Николая Николаевича Селифонтова, который, уважая семейные традиции, понимая святость реликвий, не только сберег фамильный архив и библиотеку, но и приумножил их. Книжное собрание Н.Н. Селифонтова и по сей день составляет наибольшую по объему и ценнейшую по содержанию часть книжного фонда Костромского музея-заповедника.

По своей структуре библиотека многопланова. Картотека, составленная в 1902 году членом Костромской архивной комиссии Л.Н. Северьяновым, насчитывает более сотни разделов, в числе которых: беллетристика, философия, география, юриспруденция, политэкономия, народное образование, библиография и множество других подразделений, обличающих широкую образованность и любознательность собирателя.

Кем же был этот незаурядный человек?

Прежде всего русским потомственным дворянином. Н.Н. Селифонтов происходил из старинного дворянского рода, идущего от новгородца Селифонтея, сын которого боярин Панфил послан был в 1471 году Новгородским вече к польскому королю. Следовательно, род Селифонтовых восходит еще к XV веку. Родовладельцы от далекого потомка отделяли семнадцать поколений. Краткая биографическая справка была написана Н.Н. Селифонтовым в 1890 году:

•Родился 4 ноября 1835 года. Воспитывался с 1849 по 1856 год в Императорском училище правоведения. На службу вступил 1 июня 1856 года в Департамент министерства юстиции. В 1863 году переведен в Канцелярию Комитета министров.

Н.Н. Селифонтов

В 1878 удостоен звания статс-секретаря Его Императорского Величества и 1 января 1882 года ордена св. Александра Невского, а 30 августа 1889 произведен в чин действительного тайного советника. С 11 октября 1889 года первоприсутствующий в 4 департаменте Присутствующего сената. Женат с 9 июня 1869 года на дочери Ярославского помещика штабс-ротмистра Дмитрия Александровича Варенцова – девице Зое Дмитриевне. Наследовал после отца и матери в Костромской губернии Нерехтском уезде усадьбу Семеновское с деревнями Панино и Дресва и несколько деревень в Вологодской губернии. Всего 237 душ и около 3600 десятин земли.

Хотя, как видно из автобиографии, Селифонтов являлся крупным государственным чиновником, но не тем он интересен потомкам, а как раз тем, о чем он и не упомянул в ней – своими на-

учными исследованиями в области генеалогии, истории, археографии.

Научное наследие Н.Н.Селифонтова составляют несколько монографий и три-четыре десятка статей. Толчком к началу исследовательских занятий стало получение от покойных родителей, а также дяди-сенатора семейных архивов и, кроме того, значительной библиотеки. После четырехлетнего разбора шестиста рукописей XVII и XVIII столетий Николай Николаевич, решив, что они имеют ценность в историческом, политическом, статистическом и юридическом планах, создал на их основе свой первый печатный труд – монографию «Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова», который был опубликован в пятом выпуске «Летописи занятий археографической комиссии», а затем вышел отдельным изданием. (СПб. 1871 г.).

Главный герой книги приходился автору предком-родственником и от него, Василия Александровича Даудова, перешло в род Селифонтовых недвижимое имение – старинное селцо Семеновское, расположенное в двенадцати верстах от уездного города Нерехты.

Самым древним владельцем Семеновского считался Саввин Тимофеевич Овцын: он упоминался в документах с первой трети XVII столетия. Его внук Иван Иванович Овцын, получивший Семеновское в наследство, был женат на Анне Яковлевне Даудовой и поскольку Бог не даровал им детей, то по их смерти владельцем Семеновского стал их племянник – капитан Вятского полка Петр Федорович Даудов. Он то и перевез в усадьбу архив своего деда – известного дипломата XVII

столетия Василия Александровича Даудова, ставший позднее предметом исследования Николая Николаевича Селифонтова. После смерти Петра Федоровича Семеновское наследовал его сын – Николай Петрович Даудов, женатый на Марии Петровне Налыановой, сестра которой была замужем за Иваном Осиповичем Селифонтовым – дедом автора книги. После смерти бездетных Даудовых имение переходит в род Селифонтовых и с 1812 года находится в их бессменном владении вплоть до революции.

Во времена Николая Николаевича Селифонтова, внука Ивана Осиповича, имение состояло из двухэтажного кирпичного дома с мезонином и с выступающим четырехколонным портиком, покоящемся на каменных пилонах. Перед домом был разбит небольшой, но обиходный парк с искусственными прудами и аллеями из разных пород деревьев. Недалеко от дома возвышалась каменная Богородицкая церковь, построенная попечением Петра Федоровича Даудова в 1761 году. В ней престолы в честь Смоленской иконы Богородицы и во имя святителя Николая. Издали виднелась ее двухярусная колокольня. С востока церковь окружало сельское кладбище.

Вообще вид усадьбы, расположенной на проезжей дороге из Нерехты в село Спас на возвышенном месте был весьма живописным. Недаром Николай Николаевич Селифонтов охотно проводил в нем летние отпуска, и здесь были созданы многие его историко-археографические труды, и в первую очередь упомянутый «Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова». Книгу Н.Н. Селифонова ждали в столице многочисленные друзья автора, в числе которых был известный впоследствии писатель-романист Г.П. Данилевский. В письме от 17 февраля 1871 года он спрашивал: «Вышла ли книга археографической комиссии с дорогими материалами о Даудовых? Я с нетерпением жду обещанного оттиска, ибо условился с одним изданием написать об этом. Не откажитесь известить в редакцию или с этим посланным».²

К тому времени сорокалетний Г.П. Данилевский уже сложился в зрелого мастера, опубликовавшего несколько исторических романов; «Беглые в Новороссии», «Воля», «Новые места», однако произведения, прославившие его имя: «Мирович», «Девятый вал», «Потемкин на Дунае», «Княжна Тараканова» еще не появились на свет. Творческую работу Данилевский сочетал со служебной деятельностью. В начале 1869 года в Петербурге была учреждена официальная газета «Правительственный вестник» и Данилевский определился туда чиновником особых поручений. Зарекомендовав себя с наилучшей стороны, он был отмечен начальством и вскоре назначен на должность помощника редактора, а с 1881 по 1890 год, до самой смерти состоял главным редактором газеты. При сборе материалов для «Правительственного Вестника» Данилевскому приходилось вступать в деловые контакты со многими высокопоставленными лицами различных ведомств. В 1869 году он встретился с 34-летним начальником отделения канцелярии комитета министров Н.Н. Селифонтовым. Деловые отношения вскоре переросли в дружеские, о чем свидетельствует дарственная надпись на книге Данилевского «Украинская

старина» (Харьков, 1869), хранящаяся в библиотеке Селифонтова: «Его превосходительству Николаю Николаевичу Селифонтову от сочинителя. 19 окт. 69». Сама книга составила третий том сочинений Г. П. Данилевского и включила в себя ряд очерков, посвященных деятелям украинской литературы и народного образования: Г. Сковороде, В. Каразину и К. Основьяненко. Спустя пару лет этот труд был удостоен Уваровской премии Академии наук.

О нем упоминал Г.П. Данилевский в очередном письме Селифонтову: «Милостивый государь Николай Николаевич. Минувшею осенью я имел счастье поднести Вам издание моей «Украинской старины», увенчанной Уваровскою премией наук. Теперь, в свободные минуты, я занят литературно-ученым изданием архива моей семьи. Из этих же документов попадают также материалы, которые просятся в более художественную отделку. Первый опыт – рассказ моей прабабки о заезде Петра I в колонию моих предков, о гр. Аракчееве и о прочем. Прилагаю у сего, в надежде, что этот небольшой очерк (из Русск. Вестника) Вами будет прочтен и даст мне счастье услышать о нем Ваше мнение, тем более, что покойный Ваш дядюшка, столь обласкавший меня, слыша от меня об этих преданиях первый посоветовал мне его напечатать. С глубоким уважением имею честь быть вашего Превосходительства покорнейший слуга Григорий Данилевский. 3 января 71 года»³.

Личность упомянутого в письме «дядюшки» Селифонтова – Николая Ивановича Бахтина – интересна как историкам, так и литературоведам. Видный государственный деятель в эпоху реформ Александра II, статс-секретарь, член Государственного Совета Н.И. Бахтин в молодые и зрелые годы был очень дружен с поэтом-драматургом и переводчиком П.А. Катениным, под влиянием которого сформировался в неплохого критика и литературного издателя. Бахтиным был выпущен в свет двухтомник «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» СПб. 1832. Им же была собрана большая библиотека, куда влился и семейный архив. Многие исследователи пользовались материалами Бахтинского архива, в том числе и Г.П. Данилевский, поместивший в «Украинскую старину» биографические материалы об отце Николая Ивановича Бахтина – Иване Ивановиче Бахтине – харьковском губернаторе, содействовавшем созданию Харьковского университета.

Благодаря дяде – Н.И. Бахтину – произошло и другое важное литературное знакомство Н.Н. Селифонтова – с издателем журнала «Русская старина» Михаилом Ивановичем Семевским. Они состояли в одних и тех же научных обществах: историческом, археографическом, любителей древней письменности, к тому же оба были библиофилами. Вскоре знакомство перешло в прочную дружбу и тесное деловое сотрудничество. Селифонтов выступает на страницах «Русской старины» сначала с небольшими сообщениями историко-генеалогического характера, затем переходит к объемным серьезным публикациям.

В каталоге пятидесяти тысячного книжного собрания Н.Н. Селифонтова под № 371 числится оттиск статьи из журнала «Русская старина» за 1878 год под названием «Константин Владимирович Чевкин главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями». В самом же оттиске нашлась записка следующего со-

держания: «Позвольте поздравить Вас, искренно уважаемый Николай Николаевич, хотя и задним числом с получением высокого, почетного и в высшей степени заслуженного Вами звания Статс-секретаря Его Императорского Величества. Препровождаю к Вам – 20 отд. оттисков Вашей монографии о К.В. Чевкине – «Твоя от Твоих тебе приноситца». Искренне преданный М. Семевский. 30 апреля 1878 года».

М.И. Семевский

Через год после очерка о Чевкине Селифонтов помещает в журнале Семевского свой новый труд «Иван Константинович Бошняк, комендант г. Саратова в 1774 году», написанный по материалам семейного архива Бошняков – его соседей по нерехтскому имению.

Позднее, в одном из писем Селифонтову от 20 февраля 1880 года, Семевский так оценит творческую деятельность своего автора:

«Сердечно благодарю Вас, искренно уважаемый Николай Николаевич, как за Ваше поздравление, так и за постоянное дружеское сочувствие и содействие нашему изданию. Вот уже одиннадцатый год, как Вы не только читатель и почитатель «Русской старины», но и вкладчик в нее трудов интересных и обрабатываемых с столь обычною Вам обстоятельностью и строгим вниманием к источникам».

И действительно, труды Селифонтова всегда отличались основательностью и предельной научной добросовестностью. Дружба его с Михаилом Ивановичем крепла. На домашних вечерах издателя Селифонтов познакомился со многими выдающимися деятелями того времени и известными литераторами: И.С. Тургеневым, Т.П. Пассек (кузиной Герцена), А.Ф. Кони, известным адвокатом и литератором и другими...

Татьяна Петровна Пассек – «корчевская кузина» А.И. Герцена, написала интересные воспоминания, в которые включила ценные сведения о знаменитом родственнике. Рассказывая там же о своем свекре – ссыльном сибиряке В.В. Пассеке, она упоминала о его встречах в Сибири с дедом Н.Н. Селифонтова: «В то время, как Василий Васильевич Пассек находился в Тобольске, – писала она, – Иван Осипович Селифонтов был генерал-губернатором Сибири. Он радушно принимал у себя сосланных из своей среды и особенно отличал между ними Василия Васильевича Пассека. Дочь Ивана Осиповича, по мужу Алябьева, крестила у Пассека одного из

сыновей, и оба семейства находились в дружеских отношениях, которые продолжались и по приезде Пассеков в Москву».⁵

Видимо поэтому при встрече с Н.Н. Селифонтовым на вечере у М.И. Семевского мемуаристка и подарила внуку губернатора Сибири свою книжку с автографом: «В знак моего глубочайшего уважения Николаю Николаевичу Селифонтову. Т.Пассек. 1879 год 13 окт. Петербург». Эта книга пополнила библиотеку Селифонтова наряду с целым рядом книжных презентов Михаила Ивановича Семевского, среди которых оказались: «Исторические и юридические акты XVII и XVIII столетий, собранные Михаилом Семевским». М.1870, «Записки князя Якова Петровича Шаховского. 1705-1777 г. СПб.1872», «Вунт военных поселян в 1831 году». СПб.1870 и ряд других с дарственными надписями. С основания в 1885 году Костромской губернской архивной комиссии, в деятельности которой Н.Н. Селифонтов принимал самое деятельное участие, будучи председателем с 1891 по 1900 год и редактором научного сборника «Костромская старина», поток статей ученого в журнал Семевского прекратился, поскольку свои труды Селифонтов предпочел помещать в изданиях комиссии, однако дружеские отношения с Семевским не прекратились. По предложению Н.Н. Селифонтова 1 июня 1891 года члены КГУАК единодушно избрали Михаила Ивановича Семевского почетным членом комиссии. Тот отозвался теплым письмом и подарком – годовыми подшивками своего журнала. Однако, недолго ему пришлось носить звание почетного члена КГУАК: в 1892 году в библиотеку его друга поступил оттиск из «Русской старины» с некрологом о смерти ее издателя. А еще через три года вышла монография о М.И. Семевском, написанная и изданная женой Михаила Ивановича. Она включает ряд изданий селифонтовской библиотеки, связанных с именем Семевского.

Как человек творчески активный, Н.Н. Селифонтов стремился к самовыражению, но государственная служба, где он достиг высоких чинов, противодействовала этому, отнимая все его время. Лишь во время летних отпусков, на родной земле, в окружении родных и друзей-единомышленников он мог погрузиться в любимые занятия, заключающиеся для него в скрупулезных историко-генеалогических исследованиях.

Около двадцати лет он изучал и систематизировал родовой архив. И вот, в 1890 году в Санкт-Петербурге вышла небольшим тиражом его книга «Родословная Селифонтовых и Румянцевых. Для друзей». Она представляла собою подробные росписи двух старинных дворянских фамилий, входящих в один клан.

Общаясь с маститыми генеалогами России – Л. Савеловым, Д. Кобеко, Н. Лихачевым – Селифонтов вряд ли затруднялся в работе над книгой, имея в лице их квалифицированную помощь. Как обозначено в конце текста, этот генеалогический труд создавался в селе Семеновском во время летних вакаций. Родную деревню Николай Николаевич предпочитал всяким курортам: «Нигде нельзя лучше отдохнуть от мозгового и нервного утомления, как в сельской глуши, в деревне», – говаривал он, когда доктора советовали ему ехать за границу. Здесь он жил простой сельской жизнью, предаваясь всевозможным развлечениям: верховой езде, катанию на лодке, прогулкам пешком или ручному труду за точильным

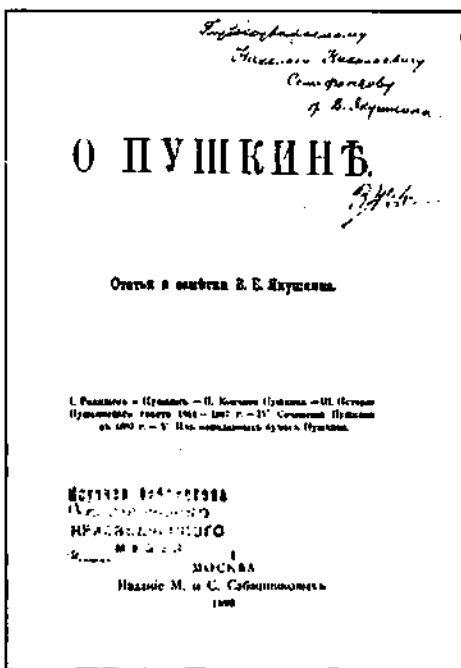
станком, за столярным верстаком. Иные шкафы для библиотеки были собственно его изобретения».⁶

Живя в деревне, Н.Н. Селифонтов отдавал много времени написанию статей или разбору древних рукописей, доставляемых ему соседями по имению, например, хозяином усадьбы Есипово А.К. Бошняком, передавшим ему рукопись «Воспоминания ополченца», которую Николай Николаевич препроводил М.И. Семевскому в «Русскую старину», на что редактор журнала в письме от 20 февраля 1880 года отвечал:

«Статью г. А. Бошняка я, получив сегодня, еще не прочел, но для меня довольно Вашего о ней отзыва, чтобы дать ей место на страницах «Русской старины». И он сдержал слово.

Изыскательские занятия сблизили ученого с лицами, посвятившими себя аналогичным работам по истории как Костромского края, так и соседних с ним губерний. Уже на первом организационном собрании Костромской губернской ученой архивной комиссии вместе с Селифонтовым присутствовал его друг и родственник, житель Ярославля Евгений Иванович Якушкин. В 1880 году племянница Н.Н. Селифонтова Мария Александровна Бизеева вышла замуж за Евгения Ивановича Якушкина. Ее супругу к тому времени было уже за пятьдесят, и он уже восемь лет вдовел после смерти первой супруги. Оба свояка быстро сошлись, поскольку их связывала не только благородная страсть к книгам и близкое соседство по имениям (Семеновское находилось в нескольких верстах от Марьинского), но и родственность профессий: они оба были юристами по образованию. Кроме того, оба являлись библиофилами, имеющими обширные и богатые библиотеки.

Супруги Якушкины летом часто отдыхали в Марьинском, приезжая туда из Ярославля, и, как правило, извещали о своем приезде Селифонтова, гостившего по летам в Семеновском. Друзья обменивались визитами, проводя время в беседах, в чтении... «В Семеновском Вы читали нам рукописную характеристику европейских держав библейскими текстами»;⁶ — вспоминал Якушкин в письме к другу 6 декабря 1880 года.

Титульный лист книги
с автографом В.Е. Якушкина

Навещали приятели и своих соседей в их нерехтских усадьбах: Бошняков, Карцевых, Корниловых, Илинского. Почти всех их и многих других приобщил Селифонтов к работе в комиссии.

Евгений Иванович Якушкин часто посещал Кострому, где присутствовал на заседаниях архивной комиссии, внимательно следил за работой костромских краеведов, дарил им свои труды и книги из личной библиотеки. Несколько книг с дарственными надписями в селифонтовской библиотеке свидетельствуют о том, что автор не забывал и своего друга. Так на книгах: «Обычное право русских инородцев. Материалы для библиографии обычного права». М. 1899; «Обычное право. выпуск первый. Материалы для библиографии обычного права». Ярославль. 1875 и «Молитвы и заговоры в Пошехонском уезде». Ярославль. 1869, имеются трогательные автографы. Представлены в библиотеке Селифонтова и книги сына Евгения Ивановича – Вячеслава Евгеньевича Якушкина, литературоведа и пушкиниста, также с автографами. Например: «Радищев и Пушкин». М. 1886. Кн.1., «О Пушкине. Статьи и заметки В.Е. Якушкина». М. 1899 и др.

Представлены в библиотеке Селифонтова и многочисленные монографии самого владельца этого большого книжного собрания. Это, в основном, описи собранных комиссией документов предыдущих столетий, как то: «Подробная опись 440 рукописям XVII, XVIII и начала XIX стол. Первого собрания "Линевского архива"». СПб. 1892 или «Описи документам архива бывших Большесольской посадской избы и ратуши – XVI-XVIII столетия. СПб. 1902. (Издание посмертное) или «Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова». Ч.1-2. СПб. 1889.

Костромская губернская ученая архивная комиссия, руководимая Н.Н. Селифонтовым, не ограничивалась только издательской деятельностью. Еще в 1891 году он положил начало устройству при комиссии археологического музея, который вскоре сделался замечательным хранилищем ценных экспонатов. Селифонтов же организовал при музее Романовский отдел, в котором хранились материалы о предках и самих представителях царствующего рода.хлопотал председатель комиссии и о надлежащем помещении для музея и, благодаря его стараниям, был создан интересный проект здания музея архитектором Требертом, но при жизни Н.Н. Селифонтова реализован не был.

Ученый умер 29 декабря 1900 года. Однако и по смерти председателя связь его с Костромской архивной комиссией не прервалась. По духовному завещанию покойного ей отходила его ценная пятитысячная библиотека, составляющая лишь небольшую часть его книжного и архивного собрания. Остальные материалы хранятся в Петербурге в рукописном отделе Публичной библиотеки.

Селифонтовское книжное собрание формировалось как рабочая библиотека. Ее владелец активно пропагандировал и максимально использовал ее материалы. Готовя биографические статьи о своих дяде Николае Ивановиче Бахтине и деде по материнской линии Иване Ивановиче Бахтине, Н.Н. Селифонтов и сам использовал материалы своей библиотеки. Биографии родных он готовил для «Русского биографического словаря».

И после смерти хозяина, его библиотека продолжала свою просветительную функцию, помогая совершенствоваться в знаниях членам архивной комиссии, а позднее ее приемникам – членам костромского научного общества, а в наше время – сотрудникам музея-заповедника и посетителям ценного книжного фонда – костромским и иногородним исследователям, поскольку библиотека Н.Н. Селифонтова и по сей день является гордостью многочисленного музейного фонда.

Примечания:

1. Альманах библиофила. Выпуск XV. М.1983.
С.294	5. Пассек Т.П. Из дальних лет. Т.2. СПб. 1879
2. РНБ ОР. Ф.682.Д.78.Л.5	6. Костромская старина. Выпуск VI.Кострома.
С.14.
3. РНБ ОР. Ф.682.Д.78.Л.8	7. РНБ ОР. Ф.682. Д.226. Л.22
4. РНБ ОР. Ф.682.Д.226. Л.22	8. РНБ ОР. Ф.682. Д.226. С.46

АВТОГРАФ ПУШКИНОВЕДА (В.Ф. Миллер)

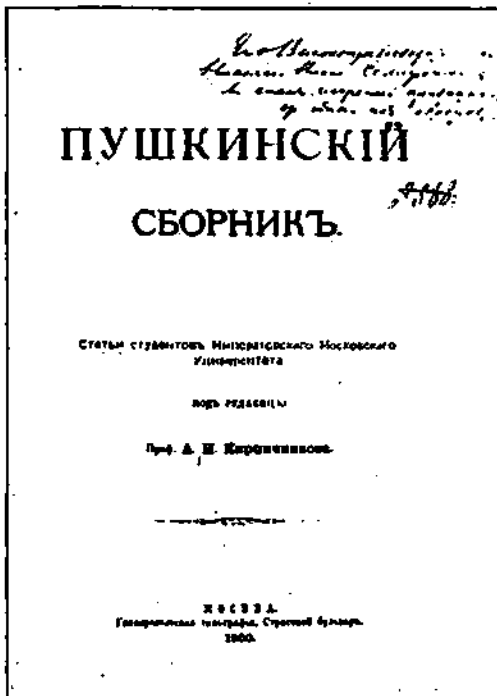
В 1899 году, когда в России широко отмечалось столетие со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, выходило в свет большое количество юбилейной литературы. К ней можно отнести и «Пушкинскую сборник», составленный из трудов студентов Московского университета, под редакцией профессора А.И. Кирпичникова, хотя он, по ряду причин, появился лишь в начале следующего 1900 года.¹

Экземпляр этого издания представлен в селифонтовой библиотеке, входящей в состав ценного книжного фонда Костромского историко-архитектурного музея-заповедника.²

На его серой бумажной обложке, над печатным заголовком, четко выделяется дарственная надпись следующего содержания: «Его высокопревосходительству Николаю Николаевичу Селифонтову в знак искренней признательности от одного из авторов».

«Любая загадка интригует... Здесь же их оказалась сразу две: кто автор этой надписи и за что он «искренне признателен» хозяину библиотеки? Как следует из текста, сочинителя автографа следовало искать среди авторов сборника, потому пришлось внимательно ознакомиться с оглавлением книги.

Коллектив авторов сборника насчитывал восемь человек, но одного из них — профессора А.И. Кирпичникова — можно было не принимать во внимание, так как будучи не только автором вступительной статьи, но и редактором сборни-

Титульный лист сборника с автографом неизвестного

ка, он, непременно, упомянул бы об этом в дарственной надписи. Оставалось семь претендентов на автограф, семь студентов историко-филологического факультета: это — В. Миллер, Ф. Некрасов, И. Розанов, И. Эйзенбен, Д. Щеголев, Н. Дурново и Е. Жураковский, труды которых были посвящены разным аспектам жизни и творчества А.С. Пушкина. Из этой шеренги молодых пушкинovedов обращал на себя внимание Иван Никонорович Розанов, ставший впоследствии видным ученым-филологом и профессором Московского университета. Впрочем и тогда, в свои студенческие годы, он выделялся из среды однокашников, свидетельством чему может служить медаль, полученная за статью «Грибоедов и Пушкин» из вышеупомянутого сборника. Однако, автором дарственной надписи на книге мог быть студент и не обладавший столь высокими достоинствами.

Все перечисленные авторы имели равный шанс в претенденты на автограф, и было разумным, оставя их на время, обратиться к тому, к кому он был адресован. Безмятный автограф был адресован Николаю Николаевичу Селифонтову (1835-1900), крупному государственному чиновнику, ученому-археографу и библиофилу. В последнем качестве он мог быть полезен молодому литературоведу. Однако все студенты университета имели свободный доступ ко всем общественным библиотекам столицы и вряд ли нуждались в книгах частных библиотек. Другое дело рукописи, в которых часто содержался уникальный неопубликованный материал. Н.Н. Селифонтов, действительно, владел большим семейным архивом, состоящим из документов его предков — Селифонтовых, Даудовых, Бахтиных. Бумаги Бахтиных достались ему от родного дяди (по материнской линии) Николая Ивановича Бахтина — современника и знакомого Пушкина, литературного критика и издателя произведений П.А. Катенина. Эти документы не могли не заинтересовать автора статьи «Катенин и Пушкин» В.Миллера. При внимательном изучении этой, довольно объемной статьи на 26-й странице автор под одной из цитат приводит следующую сноску:

«Эти слова почерпнуты нами из переписки Катенина с Н.И. Бахтиным; мы имели возможность познакомиться с этим собранием благодаря любезности его владельца Н.Н. Селифонтова, которому приносим глубокую благодарность».

Таким образом наше предположение полностью подтвердилось. Н.Н. Селифонтов предоставил литературоведу В.Миллеру документы из семейного архива, в частности письма П.А. Катенина к Н.И.Бахтину, из которых молодой ученый извлек некоторые выдержки для своей статьи «Катенин и Пушкин».

Обе загадки были благополучно разгаданы и можно было бы на этом поставить точку, но нас заинтересовала личность В. Миллера.

Полное имя молодого ученого и некоторые биографические данные его были указаны в «Библиографическом указателе произведений русской словесности»... А.В. Мезьер³. Здесь автором статьи «Катенин и Пушкин» в «Пушкинском сборнике» 1900 года назван Всеволод Федорович Миллер⁴. Так видно и отождествился бы В.Ф. Миллер с В. Миллером в нашем сознании, если бы автор статьи «Пушкинского сборника» сам не возразил против этого... В Костромском государственном областном архиве, в личном фонде Н.Н. Селифонтова, нами была обнаружена группа пи-

сем, написанных В. Миллером Селифонтову и одно ответное послание последнего. Вот первое из миллеровских писем:

«Ваше Превосходительство! Из работы Иконникова³ по описанию общественных и частных русских библиотек и архивов, я узнал между прочим, что бумаги покойного Ник. Ив. Бахтина находятся в составе Вашего архива. Работая истекшую зиму над биографией Павла Александровича Катенина, который, как известно, находился в тесных дружеских отношениях с Бахтиным, я решился, до опубликования результатов своей работы обратиться к просвещенному вниманию и содействию Вашего Превосходительства, в той надежде, что бумаги Бахтина по всей вероятности заключают в себе и письма Катенина или быть может какие-либо другие документы и что Ваше Превосходительство не откажет в данном случае прийти мне на помощь, которая для меня могла бы оказаться весьма и весьма ценной. Рассчитывая на любезную готовность разрешить интересующий меня вопрос, честь имею пребыть Вашего Превосходительства покорнейший слуга Вл. Миллер. 1 июня 1899. Москва, Хлебный пер., д. Гирша, кв. 49. Владимиру Карловичу Миллеру⁴.

Вот оказывается как звали автора статьи «Катенин и Пушкин» из Пушкинского сборника 1900 года. Это однофамилец указанного в справочниках В.Ф.Миллера, но все же совершенно другой человек, незаслуженно выброшенный из анналов человеческой памяти. Из писем Владимира Карловича Миллера мы узнаем некоторые факты его биографии, работы и обстоятельства его знакомства с Селифонтовым. Между первым письмом молодого ученого и последующим лежит довольно большой промежуток времени — около полугода, что объясняется как отсутствием Селифонтова в Петербурге (летние вакации он проводил в Костроме, где возглавлял архивную комиссию), так и его последующим недомоганием. Тем не менее переписка их не прервалась, благодаря появившемуся взаимному интересу обеих сторон. «Ваше Превосходительство, — писал Миллер, — прежде всего считаю своим долгом извиниться перед Вами в том, что не сообщил никаких сведений о себе. Это избавило бы Вас от излишних хлопот по розысканию моего имени в списках литераторов... я студент московского университета и в первый раз выступаю в печати, в сборнике, предпринятом в память Пушкина... По разным обстоятельствам появление сборника было с весны отложено на осень и теперь он уже начался печатанием, так что Ваше последнее известие заставило меня сходить в типографию и остановить печатание моей работы. Если Ваше Высокопревосходительство сочтет прилагаемое удостоверение профессора А.И. Кирпичникова достаточной гарантией целости и сохранности Ваших документов, то я обращаюсь к Вам с всепокорнейшей просьбой сообщить мне письма и рукописи в возможно скорейшем времени... Что касается самого характера работы, то (в настоящем виде) биографический очерк П.А. Катенина (листа в 2 объеме), в котором уделено значительное место вопросу о влиянии Катенина на Пушкина... Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга Вл. Миллер. 17 ноября 1899»⁵. Приложенное к письму В. Миллера ходатайство А.И. Кирпичникова к счастью сохранилось. «Милостивый государь Николай Николаевич! — писал профессор. — Позвольте довести до сведения Вашего Превосходительства, что студент нашего факультета В.К. Миллер, работающий над

выяснением отношений Катенина к Пушкину, лично мне известен с наилучшей стороны, и я могу ручаться за сохранность рукописей, ему доверяемых. Если же Вы нашли бы, что принадлежащие Вам письма Катенина могли быть доверены только казенному учреждению (в частной квартире возможна несчастная случайность), то благоволите переслать их на мое имя или в библиотеку Московского университета или в Публичный Румянцевский музей. Примите уверение в совершенном почтении и преданности... Вашего покорнейшего слуги А. Кирпичникова».⁸

Видимо вмешательство профессора Кирпичникова сыграло решающую роль в переговорах Миллера с Селифонтовым относительно документов последнего, поскольку ответ на него последовал незамедлительно:

«Милостивый государь Александр Иванович! Пользуясь позволением Вашего Превосходительства я выслал сегодня почтою на Ваше имя ящик с бумагами, касающимися П.А. Катенина. В ящике этом 1), 113 автографических писем П.А. Катенина к Н.И. Вахтину 2), 17 рукописных творений того же автора и 3). Журнальная статья в рукописи Н.И. Вахтина о литературной деятельности того же Катенина. Прошу предоставить г. студенту В.К. Миллеру возможность воспользоваться пересылаемыми, под двумя условиями: во-первых, чтобы материалы были мне возвращены в целости, а во-вторых, чтобы копии с писем П.А. Катенина не попали в какую-либо из редакций повременных журналов или к иным издателям, так как письма эти, с виду их интимности, а подчас и резкости, требуют осторожной моей цензуры.

Всякие другие предупредительные меры правильного пользования г. Миллером моими материалами я считаю совершенно излишним, раз работою его руководит высокий авторитет Импер. Москов. Университета. Примите Ваше Превосходительство уверения истинного моего почтения и преданности. Н. Селифонтов. 19 ноября 1899 г.»⁹

Спустя 10 дней Владимир Миллер подтвердил своим письмом получение бумаг: «Ваше Высокопревосходительство... Я был допущен к занятиям в Румянцевском музее всего два дня тому назад и успел пока внимательно просмотреть лишь 30 писем в хронологическом порядке. Я чокорнейше прошу разрешить мне пользоваться бумагами вплоть до праздников Рождества... Еще раз принося свою почтенную благодарность за доброту и снисходительность Вашего Высокопревосходительства честь имею оставаться Вашим покорным слугою. В. Миллер. 28 ноября 1899. г. Москва».¹⁰

И, наконец, в последнем письме от 16 декабря 1899 г. В. Миллер подводит итог своей работы: «вчера я окончил свои занятия по разбору сообщенных Вами рукописей и писем Катенина, вчера же я обратился к г. заведующему рукописным отделением Румянцевского музея с просьбою отослать их обратно. Согласно данному обещанию, считаю долгом еще раз высказать свою живейшую признательность и благодарность. Вл. Миллер. Москва».¹¹ Завершил их деловые отношения «Пушкинский сборник», присланный В. Миллером в начале 1900 года, последнего года жизни Н.Н. Селифонтова, который скончался 29 декабря на самом рубеже двух столетий, оставив после себя завещание, где просил часть книг его богатой библи-

отеки передать в Костромскую губернскую архивную комиссию. Вместе с книгами Селифонтова, перевезенными в 1901 году членом комиссии Л.Н. Северьяновым из Петербурга, в Кострому попал и «Пушкинский сборник», с безмянным автографом, тайну которого нам удалось разгадать.

Примечания:

1. Пушкинский сборник. Статьи студентов Императорского московского университета. Под ред. А.И. Кирпичникова. М, Унив. тип. 1900.

2. Инвентарный номер 3568 (старый) и 5641 (новый).

3. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой. Книги и журнальные статьи. Составила А.В. Мельер. Ч. 2. Русская словесность XVIII и XIX в. СПб. 1902

4. В.Ф. Миллер см. стр. 35, 36, 37, 39, 45, 48, 49, 52, 55, 62, 74, 94, 142 вышеупомянутого издания. С. 506 — об упомянутом издании.

5. ГАКО. ф. 655. (Личный фонд Н.Н. Сели-

фонтова). Оп. 2. Д. 287 и 95.

6. В.С. Иконников. Опыт русской историографии. Т. 1, кн. 2. Киев 1892. На стр. 1181 под заголовком «Фамильные и частные архивы и библиотеки России» говорилось: «...обширный архив Н.И. Бахтина принадл.(ежит) ныне Н.Н. Селифонтову».

7. ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 287. Л. 74, 74 об.

8. См. сноску № 4.

9. ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 287. Л. 75.

10. ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 287. Л. 52.

11. Оригиналы писем П.А. Катенина — Н.И. Бахтину находятся в настоящее время в отделе рукописей ГПБ в личном фонде Н.Н. Селифонтова № 682.

МАСОН ЛАБЗИН И СЕРГЕЙ АКСАКОВ

МАСОНСКИЕ издания, хранящиеся в ценном фонде Костромского музея-заповедника, включают в себя, помимо прочего, и несколько книг, переведенных с европейских языков Александром Федоровичем Лабзиным — известным религиозным просветителем, издателем, поэтом и переводчиком конца XVIII — первой четверти XIX столетий.

Выпускник Московского университета, ученик и последователь ведущих отечественных масонов — Шварца и Новикова, Лабзин после разгрома Екатериной II Новиковской типографической компании и других правительственных гонений, поставивших «свободных каменщиков» на грань исчезновения, взял на себя миссию по восстановлению ордена в империи, путем реставрации старых лож и издания мистической литературы.

Рубеж XVIII и XIX веков был благоприятным временем для возрождения масонского движения в России, поскольку именно тогда на трон взошёл Павел I — религиозный, экзальтированный, склонный к мистике правитель, не только благорасположенный к масонам, но и принявший на себя звание Великого магистра державного ордена святого Иоанна Иерусалимского. По поручению императора А.Ф. Лабзин вместе с Вахрушевым составил компилятивную, переводную с французского языка «Историю ордена св. Иоанна Иерусалимского» Верто в 5 частях (СПб. 1799-1801), за что в 1801 году пожалован был званием историографа ордена и награжден ценным подарком.

При императоре Александре I, продолжая воплощать свою духовно-просветительную программу, А.Ф. Лабзин перевел ряд произведений зарубежных мистических писателей, в том числе К. Эккартсгаузена и И. Юнга-Штиллинга. Сам поэт, Лабзин отдавал предпочтение немецкому писателю-мистике и стихотворцу Иоганну Генриху Юнгу, прозванному Штиллингом (1740-1817). Он не только перевел его основные произведения: «Юнговы ночи», «Приключения по смерти» (1-я из них представлена в ценном фонде музея-заповедника), но и издал переведенную им «Жизнь Генриха Штиллинга, представляющую собою автобиографию поэта» (1818. СПб.).

В 1806-15 годах Лабзин выпустил в свет тридцать книжек под названием «Угроз Светостоков», имевших значительный успех в благочестивых семействах всех сословий. Подражая герою, безвозмездно и тайно помогавшему страждущим, анонимные читатели именем Светостокова жертвовали значительные суммы в благотворительные фонды филантропических комитетов. Большая часть мистических

книг, переведенных Лабзиным, выходила под литерами У.М. (что расшифровывалось как «ученик масонства» или «ученик мудрости»).

Параллельно издательской деятельности Лабзиным велась работа и по восстановлению собраний «вольных каменщиков». 15 января 1800 года им была основана в Петербурге масонская ложа под названием «Умиравший Сфинкс». Известно, что в XVIII веке функционировала ложа «Сфинкс», но прекратившая свою деятельность, не ее ли реанимировал Александр Федорович? Это предположение логично, тем более, если принять во внимание, что у А.Ф. Лабзина и у И. А. Поздеева сохранились со старых времен масонские заветы, орденские акты, обрядники и другие символические предметы братства Злато-розового креста.

А.Ф. Лабзин

И новая ложа Лабзина по своему направлению была розенкрейцеровской, эрминистской (по названию вождя-теоретика Сен-Мартена).

Председатель ложи Лабзин занимал в то время должность конференц-секретаря Академии художеств, в здании которой снимал казенную квартиру. Из окон ее были видны оформляющие фасад два больших гранитных сфинкса. Учитывая и то, что наряду со звездой и Солнцем, Фениксом и Розой, Сфинкс являлся одним из традиционных и главных символов масонства, — название ложи нельзя не признать удачным.

Гимн ложи «Умиравший сфинкс» под названием «Коль славен Бог» написал масон, член исчезнувшей в XVIII веке ложи «Злато-розового креста» поэт и директор Московского университета Михаил Матвеевич Херасков (1733-1807), который вместе с другими членами Новиковского кружка И.А. Поздеевым и С.И. Гамалеем поддерживали «Умиравшего Сфинкса».

Надо сказать, что Лабзина и Хераскова связывали и родственные узы: воспитанница поэта — Анна Евдокимовна Карамышева стала женой Александра Федоровича.

Первые годы своего существования ложа «Умиравшего Сфинкса» работала строго конспиративно, может потому до нас не дошли списки ее ранних членов. Сохранились лишь сведения, что они собирались в небольшом деревянном доме на

13-й линии Васильевского острова; дом расположен был во дворе, так что с улицы света из окон видно не было. Обстановка и обиход ложи не были особенно богаты, но круг братьев отличался большим рвением к орденскому делу; клятва гласила: «посвятить всех себя и все свое: часть имения и самую жизнь цели ордена».

Ложа «Умиряющий Сфинкс» «под Молотком» Лабзина набирала силу и в том была заслуга ее руководителя, который требовал от братьев слепого повиновения.

Характер управляющего мастера отличался неуступчивостью фанатика, стойкостью великомученика, сатанинской гордостью. Лабзин сам признавался: «Если бы не вера и не благодать господя, то я был бы подобен сатане»... Будучи

глубоко и искренне религиозным человеком, Лабзин все же стремился «к отысканию вечных истин и к созданию той мистической внутренней церкви», в которой он видел залог людского счастья на земле, прообраз церкви небесной». В соответствии с этим он и избрал масонскую систему Сен-Мартена «Розенкрейцерство», т.е. розы и креста. «Роза – символ вечности материи, возрождающихся сил природы, над распознаванием законов коих работали розенкрейцеры; крест – символ духа, истинное происхождение и назначение коего розенкрейцеры также стремились познать».

Таковы были система, идеология и история первой восстановленной петербургской ложи начала XIX века. Но мы бы, вероятно, никогда не узнали, даже частично, списка ложи «Умиряющий Сфинкс», не смогли бы в жизненном контексте увидеть братьев Александра Федоровича, не имели бы их словестных портретов, если бы не обратили свое внимание на мемуарную повесть Сергея Тимофеевича Аксакова «Встреча с мартинистами».

Действие мемуаров разворачивается в 1808 году в Петербурге, куда семнадцатилетний Аксаков, уже закончивший Казанский университет, прибывает на службу переводчиком в комиссию составления законов. Он становится своим человеком в семействе Рубановских, друживших с его родителями много лет назад в Уфе. Отмечая своеобразие хозяев дома и их гостей, молодой человек не сразу понимает причину их особенности и наконец приходит к выводу: «Старик Рубановский и двое его гостей были масоны или мартинисты, а А.Ф. Лабзин, о котором я часто слышал, был великий брат и начальник этой секты».

С.Т. Аксаков

Аксаков не называет ложи, но нет сомнения, что речь идет о ложе «Умирающий Сфинкс». Почему же в таком случае «Встреча с маринистами» не имеет статуса историко-мемуарного документального источника?

Дело, видимо, в том, что автор «Детских годов Багрова внука» и «Семейной хроники» пишет свои мемуары в художественной манере, заменяя истинные фамилии героев на вымышленные. Таким образом трудно без дополнительной атрибуционной работы соотносить описанные им события и факты, а также людей с действительно жившими. За прошедшие с момента написания мемуаров почти полтора века никто из исследователей расшифровкой имен героев не занимался, несмотря на то, что еще в 1918 году литературовед П.Е. Щеголев предсказывал: «Воспоминаниям Аксакова суждено породить комментаторов и изыскателей... научной обработке они почти не подвергались».

Кого же из героев «Встречи с маринистами» зашифровал автор? Прежде всего хозяина дома, приютившего молодого Аксакова. Сергей Тимофеевич сам об этом проговаривается в тексте, представляя своего персонажа: «начальник хлебных магазинов, действительный статский советник и кавалер ордена Владимира 3-й степени Василий Васильевич... назовем его Рубановский». Вот это выражение «назовем его» и доказывает, что у Рубановского есть прототип с другой фамилией.

Перечисленные автором должность, чин и награды плюс время и город, где он проживает делают возможным наведение справки о человеке с такими атрибутами и в случае соответствия определить прототипа. Для этого необходима специальная справочная литература, а конкретно, месяцословы с росписью чиновных особ Российской империи...

«Месяцословы с росписью чиновных особ.» – это повременное издание типа календаря, печатавшееся в Санкт-Петербурге, к которому прилагался подробный список чиновников различных департаментов столичных, губернских, уездных городов на определенный год».

Раскрыв месяцослов за 1809 год (ближайший из доступных нам по времени) и отыскав Санкт-Петербург, а в нем контору запасного магазейна, мы обнаружим в штате действительного статского советника Василия Васильевича, но не Рубановского, а Романовского, кавалера ордена св. Владимира 3-й степени. Время, место и все атрибуты – абсолютно сошлись, да и фамилия оказалась созвучной, что вряд ли объясняется случайностью. Не ограничившись уже и этими вполне достаточными аргументами еще раз перепроверила полученный результат. Если Рубановский в жизни действительно Романовский, то он, в соответствии с информацией Аксакова, должен был жить и служить в начале 1790-х годов в Уфе, где и сдружился с родителями Сергея Тимофеевича.

В месяцослове на 1790 год (опять же ближайшая по времени книжка доступная нам) находим, что в Уфе, в верхнем земском суде председателем 2-го департамента был надворный советник Василий Васильевич Романовский, Итак, ошибка исключена. В.В. Романовский – действительно прообраз Рубановского! Почему для нас так важно было найти этого человека? По многим причинам: во первых, обнаружен человек из близкого окружения писателя, во-вторых, обнаружен неиз-

вестный член ложи Лабзина «Умирающий Сфинкс» и, наконец, герои мемуаров Аксакова – семейство Рубановских не будет ассоциироваться с реально существовавшими представителями этой фамилии, составлявшими близкое родственное и дружеское окружение Александра Николаевича Радищева – автора «Путешествия из Петербурга в Москву». Мы знаем Андрея Кирилловича Рубановского как товарища Радищева по Лейпцигскому университету и сослуживца по Петербургскому Сенату. Знаем, что две племянницы Андрея Кирилловича были женами писателя. После смерти первой жены Анны Васильевны Рубановской, оставившей мужу 4-х детей, ее родная сестра Елизавета Васильевна, на тридцать лет предвосхитившая подвиг жен-декабристов, поехала к писателю в Сибирь с двумя его детьми, где впоследствии стала его второй женой, подарив ему еще 3-х детей.

Двоих же старших сыновей Александра Николаевича от первого брака воспитывал в Архангельске родной брат писателя Моисей Николаевич Радищев, служивший в таможене. Архангельским чиновником в то время был и Василий Васильевич Романовский. Часто встречая Моисея Николаевича и детей Радищева от Рубановской, Романовский вряд ли избежал бы знакомства с ними (в маленьком городе чиновничество тесно общалось друг с другом). Романовские же могли поведать историю Радищевых-Рубановских Аксаковым. Не потому ли псевдоним своему герою Романовскому Сергей Тимофеевич дал по созвучной фамилии Рубановских.

О характере и внешности Романовского нам красноречиво поведал Аксаков в своих мемуарах: «Старик был огромного роста, – писал он, – сухощав, но атлетического мускулистного сложения..., лицо он имел необыкновенно длинное и бледное, с выдававшимся вперед подбородком, передние зубы, точно клыки высовывались, когда он говорил, особенно, когда смеялся; но и в смехе его ничего не было веселого и добродушного. Он просто показался мне страшен. У старика я заметил довольно большую косу, обвитую чёрною лентою, я не мог отвести от нее глаз, старик это заметил и сурово посмотрел на меня. Анна Ивановна (жена Рубановского – Е.С.) уроженка Архангельска, была одета в какое-то фантастическое платье. Особенно поразил меня убор ее головы: это был высокий, как тулья мужской шляпы чепчик, обвязанный шелковым платочком, из под которого висели кружевные крылышки».

Это описание очень подпадает под два портрета из серии «Солигаличских находок» – профильный портрет И.Г.Червина и «Неизвестной», кисти мастера из Тотьмы.

Отношения молодого Аксакова со стариком Рубановским складывались неровно с первых же встреч. Узнав, что Романовские живут в доме, где некогда жил Ломоносов, и от него даже остался письменный стол, Сергей Тимофеевич ворвался в кабинет хозяина и под смех домочадцев стал целовать чернильные пятна на столе. Василий Васильевич заметил: «за что такое поклонение господину Ломоносову? Конечно, у него есть достойные похвалы стихи, но поэма господина Хераскова «Владимир» содержит в себе несравненно более христианских истин, полезных и душеспасительных для человека. Оскорбленный до глубины души за Ломоносова, – писал Аксаков, – я имел неосторожность очень резко высказать свое

мнение о Хераскове, где досталось и христианским истинам, так пошло и безжизненно вставленным в поэме Хераскова. Лицо моего хозяина исказилось от гнева, он злобно и с презрением посмотрел на меня и сказал: «теперь я вижу какие мысли и правила внушены вам вашими воспитателями». С этих пор старик невалюбил меня, и я никогда не пользовался его полным расположением».

Не надо думать, что в описании характера Рубановского Аксаков был пристрастен. Он находил в нем и хорошие стороны. Так, говоря о месте его работы и отмечая ее доходность для человека бессовестного, Аксаков замечает, что «начальник хлебных магазинов, ... статский Енерал (как его звал народ), или Генерал-Куль (как называло его одно высшее лицо), старик Рубановский, фанатик бескорыстия, сам почти нищий – был честности неподкупной, убеждений непреборимых; и у него нельзя было спекулировать»..., против него действовали тайно, как против беспокойного чиновника и злойравственного человека. Вследствие таких происков Рубановский никогда не засиживался долго на одном месте, через каждые 2-3 года его переводили, и вот, наконец, перевели из Уфы в Петербург, где он уже оставался довольно долго на службе до выслуги пенсии, и то благодаря покровительству мартинистов.

С ними вскоре и познакомился Сергей Тимофеевич в доме Романовских. Чаще всего туда приходили Александр Григорьевич Черевин и Александр Петрович Мартынов. У Романовских же Аксаков впервые встретился с Лабзиным.

«Лабзин был среднего роста и крепкого сложения, – вспоминал Аксаков, – выразительные черты лица, орлиный взгляд темных глаз и голос, в котором слышна была привычка повелевать, произвели на меня сильное впечатление... можно было заметить, что Александр Федорович Лабзин человек необыкновенно умный, властолюбивый, пылкий по природе, но умеющий владеть собою... В обращении его с братьями слышен был тон господина, а «братья» не исключая и старика Рубановского, относились к нему почтительно, как будто к существу высшей породы».

Такое отношение братьев Лабзин конечно же заслужил, чего тогда еще со своим юношеским максимализмом не хотел понять Аксаков, как не мог понять и оценить литературных трудов Лабзина. Среди многочисленных эпизодов Аксаковских воспоминаний запоминаются диспуты между автором и Василием Васильевичем Рубановским по поводу книг, переведенных Лабзиным «Путешествия молодого Костиса от Востока к полудню» Экарстаузуена и «Приключения по смерти» Юнга-Штиллинга. Безуспешно пытался старый масон объяснить темные места молодому человеку, тот или пытался доказать их бессмысленность, или же трактовал текст по своему, более того в своем неприятии он пошел дальше, сфальсифицировав масонскую рукопись и поднеся ее Романовскому с самыми уничижительными отзывами, а простодушный старец объяснял дерзкому автору красоты и глубину мысли рукописного «масонского памятника»...

С Александром Федоровичем Лабзиным Аксаков встретился во второй раз в доме А.Г. Черевина на домашнем театре, где была показана пьеса Ильина «Лиза или торжество благодарности». Надо сказать, что Лабзин был большим знатоком

театра. Еще в 80-х годах XVIII века он перевел две французские комедии «Фигарову женитьбу» Бомарше и «Судью» Мерсье.

Перевод знаменитой комедии Пьера Бомарше Лабзинным был первым в России и спектакль, поставленный по нему в Москве пользовался бешеным успехом у публики. Лабзин и сам баловался театральной игрой, в частности выступал в постановках студентов Академии Художеств. Между прочем в ложе «Умирающий Сфинкс» было несколько студентов, завербованных Лабзинным. Один из них архитектор Витберг будущий автор проекта храма Христа-спасителя в Москве.

В описанной Аксаковым постановке Лабзин выступал только в качестве зрителя и критика, зато в числе актеров были А.Г. Черевин, А.П. Мартынов и племянница Лабзина Екатерина Степановна Микулина – будущая жена Юрия Никитича Бартенева, директора костромской гимназии и члена масонской ложи «Умирающий Сфинкс». Его самого и его брата Всеволода Никитича, также масона, А.Ф. Писемский изобразил в романе «Масоны». Аксаков отмечает, что Лабзин точно был хозяином в доме Черевина, и это могло означать не только то, что Александр Федорович был почетным гостем, но и то, что в доме, скорее всего, проводились собрания ложи, где и главенствовал ее мастер. Он снова поразил и потряс Аксакова своим умением властвовать и манипулировать людьми: он мягко, но беспрекословно заставил играть в комедии Александра Петровича Мартынова, несмотря на то, что тот был подавлен только что полученным известием о смерти своего отца.

Александр Федорович делал попытку вовлечь и Аксакова в ложу, но тот благодаря стараниям Анны Ивановны Романовской и собственному противодействию избежал данной участи. С отъездом в 1811 году в Уфу, связи Аксакова с семьей Романовских прервались. Спустя полвека после этих событий Сергей Тимофеевич, вернувшись памятью в прошлое, написал свои воспоминания, полные ярких жизненных наблюдений и точных психологических портретов, ставших ценными свидетельствами эпохи.

ЗАГАДКА В.А.РУБАНОВСКОГО (Радищевы и Рубановские)

НАВЕРНО, каждому исследователю, работающему в архиве, знакома ситуация, когда встречая в описях тот или иной документ, он считает его ненужным для себя и переходит к следующему, но в то же время чувствует, что отвергнутое им дело не отпускает его, тянет назад к себе, будит что-то в подсознании.

Так случилось и со мной, когда я обнаружила в Государственном архиве Костромской области несколько архивных дел, относящихся к некоему Рубановскому. Мне и ранее не один раз пришлось «спотыкаться» об эту фамилию и всегда с одинаковым чувством. Уступая интуиции, я проработала эти дела и не раскаялась.

Наконец, этот феномен заставил задуматься над его корнями. Разгадка пришла не сразу: она пряталась на задворках памяти и была тесно связана с биографией выдающегося литературно-политического деятеля XVIII столетия «исполина духа» Александра Николаевича Радищева (1749-1801).

Но все по порядку...

Осенью 1766 года молодая русская императрица Екатерина II повелела командировать в Германию для обучения юриспруденции, философии и истории двенадцать дворянских отпрысков, шестеро из которых являлись ее пажами, наиболее отличившимися поведением и успехами в учении. В списках будущих студентов Лейпцигского университета значился и Александр Николаевич Радищев – впоследствии всемирно известный писатель-революционер с его друзьями-пажами Алексеем Михайловичем Кутузовым и Андреем Кирилловичем Рубановским.

Последний был сыном полковника Кирилла Степановича Рубановского, человека сугубо штатского, несмотря на военный чин. Он с группой казаков был привезен в столицу по приказанию императрицы Елизаветы Петровны, пожелавшей иметь придворный хор, и оформлен при дворце «воспевальной музыки тенористом». Красивый, молодой, сладкоголосый, он пришелся по душе государыне, которая за творческие заслуги пожаловала его в 1743 году потомственным дворянством. Честно прослужив пятьдесят четыре года и уйдя в отставку с чином полковника, Кирилл Степанович Рубановский скончался в возрасте шестидесяти трех лет и был похоронен двумя сыновьями Василием и Матвеем на Лазаревском кладбище в Петербурге. Третий сын Андрей отсутствовал на панихиде, поскольку уже второй год пребывал в Лейпциге. Поплакав над скорбной депешей, он с прежним усердием принялся штудировать учебники.

Русские студенты изучали в университете философию у профессора Платнера, позднее делившегося своими впечатлениями об успехах Радищева и Кутузова с путешествовавшим Карамзиным, наслаждались лекциями словесника Галлерта, прилежно внимали профессорам Бемму и Гоммелю, читавшим историю и право.

Если Радищев, Кутузов и Ушаков превзошли чаяния своих учителей, то Рубановский несколько терялся на их фоне, хотя и проводил за тетрадами и книгами по четырнадцать часов в сутки. По свидетельству Павла Александровича Радищева – сына писателя – «...товарищи, узнав, что одна молодая девушка была в интересном положении, имея связь с Рубановским, шутя удивлялись, как он мог улучшить время для любовной интриги».

В ноябре 1771 года, окончив курс обучения, друзья вернулись на родину, в Петербург, и были определены на службу протоколистами в Сенат. Радищев и Рубановский попали в 1-й департамент Сената, Кутузов же в 3-й. Как и в Лейпциге, они квартировали вместе, хотя у Рубановского было пристанище в доме старшего брата Василия на Луговой-Миллионной улице.

В обязанности протоколистов входило составление экстрактов всех проходивших дел, что требовало отличного знания юриспруденции и законодательства. Молодые люди, имевшие глубокие познания в этих науках, не затруднялись с делами и скучали, желая найти себе более достойное служебное поприще. Уже спустя год после определения они обсуждали планы перевода на военную службу. В 1773 году этот план был осуществлен: Радищев уволился из Сената 10 мая, Кутузов – 17 мая, Рубановский – 29 мая.

Рубановский и Кутузов получили назначения в разные воинские части вне Петербурга, конкретно: Андрей Кириллович попал в Московский карабинерный полк. Отъезд «друзей души» после одиннадцатилетней совместной жизни всех глубоко потряс, особенно оставшегося в Петербурге А.Н. Радищева и послужил толчком к написанию его «Дневника».

Служа в армии, Андрей Рубановский так же, как и в Лейпциге, занимался сочинительством и его литературные опусы были замечены издателем и литератором Н.И. Новиковым, включившим Рубановского в свой словарь современных

А.Н. Радищев

писателей: «Рубановский Андрей, титулярный советник, сочинил на немецком языке рассуждения: 1. О свойствах нейтралитета; 2. О размножении народа; также перевел с французского на немецкий язык из сочинений г. Вольтера рассуждения о человеке, поэму «На разрушение Лиссабона» и оду славного Томаса «О должностях общежития», из коих некоторые напечатаны в Лейпциге 1771 года».¹

Как видно, искусство и литература не были чужды представителям рода Рубановских. Богато одарены талантами были и племянницы Андрея Кирилловича Рубановского – Анна, Елизавета и Дарья. Две последние являлись воспитанницами Смольного института. В обязанности их отца, Василия Кирилловича Рубановского, имевшего придворный чин камер-фурьера входили объявления по двору о предстоящих празднествах, спектаклях и других мероприятиях, а потому в круг его знакомых попали известные писатели и драматурги того времени – Д.И. Фонвизин, А.П. Сумароков, Е.П. Елагин и другие. Это не могло не отразиться на вкусах его дочерей. Елизавета Рубановская участвовала почти во всех любительских спектаклях Смольного института, поставленных по пьесам французских авторов. Императрица Екатерина II, курировавшая это учебное заведение и смотревшая почти все постановки, отметила игру Елизаветы, назвав ее лучшей «мадам Крупиньяк». Девушка могла бы быть увековечена художником Левицким, создавшим серию портретов отличившихся смолян, не будь ее лицо тронуто оспой. Факт этот приводил девушку в отчаяние, ибо предрекал ей, несмотря на ум и доброту, одинокую, безрадостную жизнь. Кто позарится на рябую дурнушку? Как она завидовала своей старшей сестре Анне, настоящей красавице, к тому же великопной певице и блестящей музыкантке!

Дядя Андрей Кириллович познакомил племянницу со своим другом Александром Радищевым, который пленясь красотой и талантами Анны Васильевны, вскоре сделал ей предложение. Несмотря на ответное пламенное чувство молодой девушки, предложение Радищева встретило противодействие со стороны матери, мечтавшей выдать дочь за какого-либо знатного придворного, что давало право дочери состоять в свите двора. И тем не менее влюбленные настояли на своем. Однако,

А.В. Радищева

брак их, совершенный в 1775 году, был омрачен смертью отца Анны, скончавшегося за несколько месяцев до их женитьбы. Александр Николаевич Радищев остался единственным мужчиной в доме покойного тестя, находившегося на Грязной улице, № 4, защитником и покровителем четырех осиротелых женщин.

Супруги Радищевы жили счастливо в браке восемь лет; у них родилось четверо детей: три сына: Василий, Павел и Николай и дочь Екатерина (еще двое умерли в младенчестве). После трудных родов последнего ребенка Анна Васильевна скончалась 3 августа 1783 года.

Безутешный муж написал на смерть жены прочувствованную эпитафию:

*О! если то не ложно,
Что мы по смерти будем жить, —
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая
И дни в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня;
Умру и горести забуду.
В объятиях твоих я наки счастлив буду.
Но если ж то мечта, что сердцу льстит, маня,
И ненавидный рок отъял тебя навеки,
Тогда отрады нет, да льются слезы реки.
Тронись, любезная! стенаниями друга,
Се предстоит тебе в объятиях твоих чад;
Не можешь коль прейти свирепых смерти врат,
Явись, хотя в мечте, утешь и тм супруга...²*

Радищев хотел высечь эпитафию на памятнике жены, похороненной в Александро-Невской лавре, но «ему не позволили, потому что в ней выражается недостаточная уверенность в бессмертии души».³

Детьми Анны Васильевны по ее последней просьбе занялась сестра покойной Елизавета Васильевна, вся нерастроченная любовь которой излилась на племянников. Александр же Николаевич нашел утешение в литературе, в которой растворился без остатка. Елизавета Васильевна Рубановская сочувствовала литературным замыслам Радищева и поддерживала писателя не только морально, но и материально, в частности закладывала дома, а деньги отдавала Радищеву, нуждавшемуся в них для издания «Путешествия из Петербурга в Москву».

Как гром среди ясного неба грянул резкий отзыв императрицы о новой книге: «Радищев — бунтовщик хуже Пугачева!» Последовал арест, заточение в Петропавловскую крепость, следствие и страшный приговор: смертная казнь, замененная, однако, ссылкой в Сибирь, в Илимский острог.

Все это ужасное время Елизавета Васильевна пыталась спасти опального сочинителя. Она продала дом в Луговой-Миллионной — наследство отца, чтобы одарить Шишковского, в надежде на смягчение участи арестованного и на устройство свидания с узником. А тот, еще не зная об отмене казни, писал в своем завещании детям, будущим сиротам: «Паче всего почитайте и не переступайте велений тех, ко-

торые служили вам вместо матери во младенчестве вашем. Помните, что мать ваша, умирая, поставила над вами вместо себя сестру свою и друга, тетку вашу Елизавету Васильевну, которую доколе живы будете, матерью именуйте».⁴

После увоза Радищева в Сибирь, Е.В. Рубановская с двумя младшими детьми писателя Павлом и Екатериной (старших взял к себе в Архангельск брат писателя Моисей Николаевич Радищев) в феврале 1791 года отправилась вслед за изгнанником, опередив почти на тридцать лет своих последовательниц – жен декабристов.

Кто знает, что стало бы в Сибири с отрешенным от практических проблем писателем, не будь с ним рядом преданного друга, а в последствии и нежной супруги, приемной матери его осиротевших детей? Не побоявшись положения «незаконной» жены, она не только воспитала детей Радищева, но и подарила ему еще сына Афанасия и дочерей Анну и Феклу.

Павел Радищев – сын писателя от первого брака – так обрисовал отношения отца и приемной матери: «В Илимске она не давала ему упасть духом, прилежно занималась хозяйством и чужда была всяких подозрений и капризов, свойственных многим женщинам... В продолжение пятилетнего их пребывания в Илимске они едва один раз имели между собой довольно жаркий спор. Впрочем, она была супруга покорная, с каким-то самоотвержением и верою в его превосходство, внимала его воле и малейшему его слову, да и он старался предупредить ее желания и редко позволял себе делать ей небольшие замечания или возражения. Это был союз, основанный на взаимном уважении и доверенности к чувствам и характеру один другого, одним словом, она и в заточении сделала ему жизнь по возможности приятной. Зато он говорил о ней, что это была женщина с «геройским духом».⁵

Получив 18 декабря 1796 года уведомление о возвращении из ссылки, семья Радищевых, несмотря на трескучие сибирские морозы, поторопилась выехать в Россию. В дороге Елизавета Васильевна серьезно простудилась и 7 апреля 1797 после долгой болезни умерла.

На другой день Радищев сообщал другу А.А. Ушакову: «Сопутница верная моего бедствия, друг мой Елизавета Васильевна... скончалась в Тобольске. Я истинно могу сказать про себя, что я осиротел... Я несчастливее теперь себя чувствую, нежели как то я был в Илимске».⁶

Пять лет еще после смерти подруги прожил Радищев, и, как знать, решился бы он на тот отчаянный шаг, когда напуганный возможностью повторной ссылки выпил залпом стакан серной кислоты, будь с ним рядом его ангел-хранитель Елизавета Васильевна Рубановская?

* * *

Собрав из разных печатных источников информацию о представителях фамилий Радищевых и Рубановских, мы, естественно, не могли пройти мимо еще одного костромского Рубановского и не ответить на вопрос – однофамилец он или родственник вышеупомянутых? Документы, обнаруженные в Государственном архиве Костромской области, касаются штабс-капитана Владимира Рубановского, участника костромского ополчения 1812-1815 годов.⁷

Дело № 680 (Фонд 121. Опись 1 за 1817 год) заключает в себе материалы о внесении Рубановского в дворянскую родословную книгу Костромской губернии. Из этого дела можно извлечь некоторые сведения о нем: Владимир Андреевич Рубановский происходил из древних дворян, хотя и не имел об этом на руках документов, жил в Петербурге. Воспитывался в Морском кадетском корпусе. Из кадет выпущен в гарнизон прапорщиком в 1798 году, в следующем получил чин подпоручика, а спустя еще два года, в 1801 году переведен в Великолуцкий мушкетерский полк поручиком. 13 января 1805 года уволен от службы по прошению в чине штабс-капитана. В то время ему исполнилось 24 года, следовательно, дата рождения Владимира Рубановского – 1781 год. Причина отставки неизвестна, но неожиданна, так как в таких молодых годах немалый чин штабс-капитана обещал скорую и благополучную карьеру...

Из документов, однако, следует, что молодой человек получил в наследство от своего покойного дяди Кирилла Александровича Сытина в Костромской губернии Галичского уезда усадьбу Острецово с прилегающими деревнями: Семенково, Митиха, Первушино и Дорнино – всего 46 мужского пола душ.

В 1812 году, не успев вписать себя в родословные книги Костромской губернии, Владимир Андреевич вступил в Костромское ополчение и был зачислен в 4-й пехотный полк старшим адъютантом при генерал-лейтенанте Бардакове – начальнике Костромского ополчения.

Впечатления о местопребывании ополченцев, в том числе и Рубановского, наверно совпадали с впечатлениями других гостей города Глогау, куда в декабре 1812 года выступили костромские ополченцы и куда 18 сентября 1813 года прибыли. Один из военных так описал этот город: «Глогау, старый, обширный город-крепость правильной Вобановой системы, его можно взять не иначе, как траншеями с осадною артиллерией или Голландскими червонцами, или тесною и продолжительною блокадою. Улицы узкие, дома высокие, почерневшие, тяжелой архитектуры»⁶.

Глогау – прусский город, был отобран французами и конечной задачей как русских, так и пруссаков значило отбить крепость, принудить ее к сдаче. Русский корпус под командованием барона Розена включал в себя помимо костромских, сибирские полки и артиллерийскую роту башкир.

В приказе начальника костромского ополчения генерал-лейтенанта Петра Георгиевича Бардакова от 16 сентября 1813 года говорилось: «При штабе моем за дежурного управляет старший адъютант Рубановский за рукой коего по отдаваемым от меня приказаниям чинить войскам мною командуемых должное исполнение».

Не надо думать, что Владимир Андреевич довольствовался лишь сидячей работой дежурного офицера, выписывая наряды другим. Он выезжал по поручениям начальства, ходил в караулы и на передовые посты, участвовал в боевых операциях. Недаром в числе награжденных в боях при Глогау, есть и его фамилия. К ордену святой Анны его представил генерал-лейтенант барон Розен «За отличную храбрость в делах при блокаде крепости Глогау оказанную», а к ордену Святого Владимира 4-й степени с бантом – генерал от инфантерии граф Толстой.⁹

В начале апреля 1814 года после полугодовой осады, крепость Глогау сда-лась, но костромские ополченцы вернулись домой лишь в начале 1815 года. Из 10000 добровольцев в живых осталось 3622 человека, и те далеко не все были здо-ровы.

Возвратясь домой, капитан Рубановский начинает заново хлопотать об ут-верждении в правах дворянства и, наконец, завершает дело. 12 ноября 1817 года в Костромском дворянском депутатском собрании слушали прошение галичского по-мещика штабс-капитана и кавалера Владимира Андреева сына Рубановского о вне-сении его в родословную дворянскую книгу и постановили внести г. Рубановского во 2-ю часть родословной книги под № 306, признав его доказательства удовлетво-рительными.¹⁰

Итак, тридцатилетний отставной обер-офицер и кавалер становится галичским помещиком и завидным женихом для местных красавиц. Но, похоже, они не покорили его сердца, ибо в служебных анкетах того и более позднего време-ни, в графе, где указывается число членов семьи, – стоит единица. Он живет один и почти отшельником, лишь изредка в «Костромских губернских ведомостях» на-пример, в №3 за 1853 год можно было встретить сообщение о его перемещении: «Из Галичского уезда выехал в Кострому помещик Рубановский». В 1844 году он упо-минается в документах как Галичский уездный судья.

Потомства он не оставил и после его смерти в 1853 году имение его приоб-рел некто Тяпугин Владимир Александрович, лишенный позже прав состояния, и именно перешло в результате этого к Арсению Ефремовичу Сирину, имевшего к Тяпугину денежные претензии.¹¹

Сопоставляя сведения о петербургских Рубановских с документами га-личского Рубановского, утверждаемся во мнении, что это были довольно близ-кие родственники. Помимо одной и той же редкой фамилии и одного места жительства (до переезда в Галич Владимир Андреевич жил в Петербурге) есть соответствие и в датах. Если предположить, что галичанин Рубановский при-ходился сыном Андрею Кирилловичу Рубановскому – другу и родственнику Радищева, за что говорит соответствие их имени-отчества, то не противоречит этому и соответствие в датах. Год рождения Владимира Андреевича 1781 год. То есть его отцу во время рождения сына шел 30 или 31 год, что вполне вероят-но. Наводит на размышление и выбор военной стези у обоих – как бы семейная традиция.

Но самый главный документ, доказывающий близкое родство двух Руба-новских, это то, что жена Василия Кирилловича – родного брата Андрея Ки-рилловича Рубановского – Акилина Павловна, в первом браке Ушакова, в деви-честве носила фамилию Сытина. А как мы помним от Сытиных же поступило на-следство, Владимиру Андреевичу Рубановскому. Вряд ли это можно назвать сов-падением. Итак, галичский помещик, герой костромского ополчения Владимир Андреевич Рубановский приходится сыном Андрею Кирилловичу Рубановскому, другу Александра Николаевича Радищева и двоюродным братом жен писателя Анны Васильевны и Елизаветы Васильевны Рубановских.

Уже после написания этой статьи выдвинутая в ней версия подтвердилась документально. Смотри книгу А.А.Григорова «Без Костромы наш флот не полон». Кострома. 2002.С.108 -109.

Примечания:

1. Опыт исторического словаря о российских писателях.// Николай Новиков. Избранное. М. 1983. С.446 И. А. Н. Радищев. Сочинения. М. 1988.С.302 3. Там же. С. 650 4. Там же. С. 593 5. Александр Татарищев. Радищев в Сибири. М.1977. С.182	6.Там же. С. 131 7. ГАКО. Ф.121. Оп.1. Д.680. 1817 г. 8. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 гг. Артиллерии полковника И...Р...М. 1835 г. С.12 9. ГАКО.Ф.812. Оп1.Д.1680 10. ГАКО.Ф.121.Оп.1.Д.680 11.ГАКО.Ф.122. Оп.1. Д.3735. 1869 г

НА ЗАРЕ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

(А.Е. Измайлов и Н.Ф. Грамматин)

ПРИНЯТО думать, что наш многострадальный областной архив, потеряв в печально известном пожаре 1982 года большую и лучшую часть своих фондов, уже не сможет поразить исследователей нечаянной, но значительной находкой; однако – слава Богу! – это не так...

Подтверждением тому является обнаруженная в недрах архива тетрадь писем поэта и издателя А.Е. Измайлова к его другу поэту-костромичу Н.Ф. Грамматину.

Это, действительно, чудо: ведь от всего объемного, включавшего в себя 468 дел личного фонда Грамматинных (№:605), куда входили письма и А. Е. Измайлова, после пожара едва ли осталась девятая часть (52 дела), да и то преимущественно хозяйственно-экономического характера. И лишь одно из сохранившихся дел под названием «Переписка» как раз и явилось настоящим литературным раритетом, к сожалению, последствия пожара сказались и на нем: листы бумаги форматом 32×20 см выгорели сверху более, чем на одну треть, остался лист 21×20, а, следовательно, на треть утрачено и содержимое документов. Тем не менее, сохранившийся текст несет в себе важную для истории отечественной литературы информацию. Приведем несколько выдержек из писем. В первом послании Александр Ефимович Измайлов рассказывает о том как искал квартиру для себя и своего многочисленного семейства. Надо сказать, что поэт был женат на Екатерине Ивановне, урожденной Сотниковой и имел шестерых детей: трех сыновей и трех дочерей. Служил он в Санкт-Петербургской экспедиции о государственных доходах, а досуг отдавал литературной деятельностью. Он был на шесть лет старше своего друга и бывшего сослуживца Николая Федоровича Грамматина, оставившего в 1812 году столицу и переехавшего в Кострому, где получил место директора костромской гимназии. Туда и посылал свои письма А.Е. Измайлов. Они не датированы, но по косвенным признакам их можно отнести к 1814-1815 годам. Всего их четыре.

Приводим фрагмент первого послания. В скобках помещены выгоревшие, но логически воссозданные слова:

«...Стоило мне трудов (найти) выгодное для себя жилище. Кварт(ира) в дальней стороне города, на песках (у самого) пруда или так называемого бассейна. Положение довольно хорошо и я надеюсь провести лето весело, тем более что при нашем доме есть очень изрядный садик, я подружился с моим хозяином г. стат. сов. Кайгородовым, он большой любитель словесности, пишет комедии, акростики, бу-

А.Е. Измайлов

рими и проч. и проч. В одном отношении похож он на общего нашего приятеля М.В.М. то есть не хуже его и стихи сочиняет и говорит на виршах, не лучше покойного Патрекевича. От скуки и то хорошо, что есть чему посмеяться, скажите, куда от вас уехал Милонов? Его еще здесь по сию пору нет. Он оставил Петербург почти инкогнито. Одному оказал, будто он едет в Москву, другого уверил, что посылают его в Сибирь, третьему также сплел какую-то (небылицу). Прошу у вас извинения, что не мог (отдать) в С.О. («Сын Отечества») (ваши стихотворения) по причине, что эротические стихотворения не входят в план его журнала, (эпитафии секретарю Когтину и сна Наполеона не пропустила здешняя инквизиция). Если угодно вам будет впредь доставлять через меня Гречу ваши послания, то покорнейше прошу вас писать их на особом листочке,

а не на том, на котором написано письмо, потому что я всег(да) их для этого переписывал.

Солнце просвещения стоит неподвижно, как стояло солнце при Иисусе Навине. Будьте спокойны: светило сие, кажется, не скоро еще оставит наш горизонт, впрочем, если начнется затмение, то непременно вас об этом извещу».

Первое письмо Александра Ефимовича другу дает нам не только информацию о местожительстве автора, но и о посещении Н.Ф. Грамматина в Костроме его другом поэтом М.В. Милоновым, а также поясняет с какой оказией поэт-костромич препровождал свои стихотворения в Петербургские журналы, в частности в «Сын Отечества». А.И. Измайлов не только сам публиковался в «Сыне Отечества», но и тесно сотрудничал с журналом, кстати сказать, в 1817 году он, в отсутствие Н.И. Греча, редактировал журнал. Н.Ф. Грамматин также не был новичком-автором, еще в 1909-1910 годах его первые поэтические опыты появились на страницах альманаха «Цветник», издаваемого А.Е. Измайловым и П.А. Никольским. С тех самых пор и завязалась дружба двух поэтов Грамматина и Измайлова.

Упомянутое в первом письме новое местожительство А.Е. Измайлова стало долговременным пристанищем для издателя-поэта и его семьи. Оно же служило и редакционным помещением его журнала «Благонамеренный». Этот же адрес, хотя и более развернутый, упоминается в рекламе о продаже изданных Измайловым «Басен и сказок»: «продаются у сочинителя, живущего на песках против бассейна между бывшей 9-й роты и Итальянской слободки в доме Моденова под

№ 283». Речь, несомненно, идет об одном доме, хотя хозяева его уже сменились. Литератор, действительно, прижился в доме, что подтверждает в своих воспоминаниях В.П. Бурнашев, посетивший поэта еще в юношеские годы в компании своего родственника. Он создал выразительный, хотя и ироничный портрет хозяина в 1826 году, то есть спустя более десятилетия со времени переписки Измайлова с Грамматиным:

«В однею из воскресений, – писал Бурнашев, – я вместе с моим дядей отправился к Измайлову; жившему в то время на Лиговке, против бассейна пруда, служащего резервуаром каналу, в трехэтажном доме купца Моденова... Александр Ефимович занимал квартиру во втором этаже, куда надобно было взбираться по очень невзрачной лестнице, она оканчивалась какою-то безобразною стеклянною галереей. Стекла этой галереи были зеленовато-мутного цвета, никогда, по-видимому, не мылись, а плитный пол ее был обильно испещрен голубиным пометом. Не зная дороги, мы направились к двери, обитой сильно оборванной, ветхою пленкой... Вдруг дверь эта настежь отворилась, и мы услышали многогласное восклицание: «гуль, гуль, гуль!» – и тот час в ответ на этот зов со всех верхних углов и с штукатуренных, полуобвалившихся карнизов, шума крыльями, полетели различных мастей и пород голуби... Высокий широкоплечий мужчина в засаленном халате, с добродушным видом обильно сыпал им пшено, забирая его пригоршнями с огромного деревянного блюда. «А, милые гости, милости просим! – приветствовал нас великан. – Войдите в комнаты, я сейчас к вашим услугам», – говорил гобойным густым басом Измайлов, вводя нас в свою полутемную прихожую, где царил изрядный хаос и где с тарелок, расставленных на связках экземпляров «Благонамеренного», три собаки доедали остатки обеда.

Кабинет освещался огромным, во всю стену, итальянским окном, которое выходило на стеклянную галерею. У самого окна стоял письменный стол, уродливо широкий, с разными шкапчиками и выдвигаемыми ящичками... К окну были прикреплены проволочные клетки с канарейками, на лежанке же лежала старая, грязная замшевая подушка, и на ней, сопя и храпя, покоилась старая, курносая, брыластая моська по имени «Венерка номер второй», так как «Венерка номер первый» скончалась тогда еще, когда Александру Ефимовичу было не более пятнадцати лет.

Обзрев комнату, я стал рассматривать хозяина... В ту пору Измайлову было около 60-ти: черные, коротко выстриженные на затылке и на висках волосы довольно, однако, высоким коком взбитым над широким лбом, сильно серебрились сединою и походили на камчатский бобровый воротник; толстое, широкое, круглое лицо его было изжелта бледного цвета, бакенбарды он не носил и брился очень гладко, а над широким, здоровенным и неуклюжим носом лежали огромные очки в черепаховой оправе».

Таким Измайлов стал уже в конце жизни, письма же другу он писал будучи крепким 35-летним мужчиной. Обратимся к следующему письму Александра Ефимовича – Грамматину:

«...Все поручения ваши я в совершенной точности, кроме одного, исполнил, то есть не сказав от вас поклона батюшке: он оставил здешний негодный свет 9-го прошедшего месяца июля. Потеря сия тем чувствительнее для нас, что мы вовсе

оной не ожидали... «После батюшки осталось наличными денег только полтора рубля, а долгу около двух тысяч. Спасибо доброму его начальнику Федору Петровичу Опочинину за то, что он выпросил у министра на погребение тысячу рублей, я хлопочу теперь как бы продать оставшиеся нам в наследство с сестрою две деревеньки или лучше сказать два крестьянских двора в двух разных губерниях и расплатиться с долгами».

«Стихи ваши напечатаны в XI-XII книжке Сына Отечества. Пантеона Русской поэзии вышло еще только два номера, которые, как полагаю, доставлены уже теперь к вам от здешней Газетной экспедиции. Я послал нарочно туда от себя записочку, чтоб сии книжки немедленно к вам посланы были. По получении вашего письма, я не виделся еще с Павлом Александровичем, потому что он нынешнее лето живет на Крестовском острове и редко бывает в городе, по сей самой причине присланные от вас за пантеон деньги 20р. хранятся у меня. Впрочем должен я вам сказать, что сие издание здесь только стоит 20р., а за пересылку следует от вас получить еще 3 рубля, кои заплачены будут не издателю, а Газетной экспедиции. Присылаю при сем к вам 12 экз. своих Басен и сказок... Я печатал своих басен 800 экз., из которых по (сие) время разошлось у меня около 500 большею частью по губерниям, а здесь продаются оне у меня в одной только лавке главного управления училищ. Дай бог здоровье черту и Стихотворцу! они в теперешних моих обстоятельствах сделали мне большое пособие. Прощайте, любезнейший Николай Федорович, надеюсь, что переписка между нами возобновится, преданнейший вам А. Измайлов».

Это второе письмо А.Е. Измайлова мы уже можем датировать приблизительно, исходя из даты смерти его отца Ефима Петровича Измайлова, скончавшегося согласно Петербургскому некрополю 9 июля 1814 года. Видимо, письмо было отправлено через месяца два после трагического события, то есть скорее всего осенью 1814 года. Это подтверждают и публикации Грамматина в «Сыне Отечества», о которых пишет Измайлов, пристроивший их в журнал, во-первых, стихотворение «На смерть одной благородной девицы», датированное 3 сентября 1814 года и стихотворение «Хор», исполненное при торжестве, происходившем в Костромской губернской гимназии июля 1 дня по случаю покорения Парижа и заключения мира между Россиею и Францией. «Торжествуй, славянов племя!».

1814 годом датируются и два номера «Пантеона Русской поэзии», изданного другом Измайлова – П. А. Никольским. Одновременно состоялось первое издание Басен и Сказок Измайлова, которые автор послал другу. Помимо своих трудов Измайлов посылал Грамматину и другие литературные новинки, выступая в качестве комиссионера. В третьем письме он делает другу финансовый отчет: «...сочинения Державина 5 ч. в бум. – 22 руб. – два экземпляра 2-й части сочинений Озерова, за которые вместе с двумя первыми частями стоят 30 р. Талия Беницкого 1-я часть 2-50! = 54 р. 75 к.

Следовательно, из присланных от вас ко мне 75 руб. остается еще у меня около 20 руб. Сколько возьмут за переписку, теперь не знаю, а уведомя вас после и буду ожидать разрешения вашего переслать ли к вам обратно остальные деньги или купить на них какие книги.

Пантеона русской поэзии вышло по сие время в публику только семь книжек, 8-я, 9-я и 10-я давно уже отпечатаны и на сих днях выпущены будут из типографии, пож(алеите) о бедном издателе их Павле Александровиче Он чрезвычайно болен.

Помните, что пантеон получите вы от меня, как только получу из цензуры билет на выпуск 8-й, 9-й и 10-й книжки, то немедленно оныя к вам доставлю, я обещал Павлу Александровичу кончить непременно вместо его сие издание, половина 22-й книжки уже напечатана, но прежде нового года невозможно будет окончить пантеона, ибо в типографии академии наук, где он печатается, заняты теперь календарями и все партикулярные работы там остановлены. Ваш преданнейший слуга А.Измайлов.

Последнее 4-е письмо относится к 1815 году. Дело в том, что альманах «Пантеон русской поэзии» в полном комплекте, состоящем из 6-ти частей и 12 книжек выходил в течение 1814-1815 годов и, как видно из последнего письма, 11-ю книжку в связи с тяжелой болезнью Никольского издал сам Измайлов, поскольку болезнь редактора кончилась 29 сентября 1816 года его смертью, то скорее всего и последнюю 12-й книжку «Пантеона», также издал Измайлов. Он был потрясен ранней смертью товарища (покойному не исполнилось и 25 лет) и посвятил ему эпитафию, опубликованную позднее во второй редакции «Сказок и басен»:

*Отличные имел Никольский дарованья,
Ум зрелый в цвете лет,
Любовь к изящному, обширные познанья.
И сердце... может быть такого больше нет.
Страдал в молчании от скорби и недуга;
Страдал – и перестал, увы, теперь страдать!
Несчастные отец и мать!
Несчастливая супруга!*

Имея положительный опыт в совместном издании журналов, Измайлов решается на создание самостоятельного периодического издания под названием «Благонамеренный», который вышел в свет в 1818 году и просуществовал до 1836 года, когда издатель подучил место тверского вице-губернатора, а спустя пару лет был переведен на тот же пост в Архангельск. В обоих городах он боролся с административными злоупотреблениями и взяточничеством, но потерпел сокрушительное поражение. Местное чиновничество, подавая на него бесчисленные жалобы, добилась увольнения. В 1830 году Измайлов вернулся в Петербург и был вынужден искать пропитания уроками словесности. Пробовал издать журнал «Любитель отечественного», но болезнь и безденежье не позволили осуществить задуманное. 16 января 1831 г. Измайлов скончался от апоплексического удара.

Обнаруженные в Государственном архиве Костромской области четыре пространных послания Александра Ефимовича Измайлова своему другу поэту Николаю Федоровичу Грамматину восполняют пробел в их переписке, опубликованной В.А. Борисовым в 13 и 14 номерах журнала «Библиографические записки» за 1859 год и проливают свет на события, важные для истории отечественной литературы.

РЕДКИЙ ДОКУМЕНТ (Д.Н. Бантыш-Каменский)

БАНТЫШ-КАМЕНСКИЕ – это аристократический род молдавских дворян, переселившийся в Россию в начале XVIII столетия. Он выдвинул из своих рядов двух выдающихся ученых-археографов, историков России и Украины:

Николая Николаевича и Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменских.

Старший из них Николай Николаевич (1737-1814), управлявший Московским архивом коллегии иностранных дел, прославил себя публикациями документов по истории внешней политики страны, издав четыре тома «Обзора внешних сношений России». Во время Отечественной войны 1812 года, будучи управляющим архивом, он вывез из горящей Москвы в Нижний Новгород важнейшую часть документов в 105 сундуках, чем спас их от гибели.

Огромная заслуга Н.Н. Бантыш-Каменского состояла еще и в том, что в до-пожарной столице в 1800 году он вместе с графом Алексеем Ивановичем Мусин-Пушкиным, обнаружившим в Спасском монастыре города Ярославля выдающийся памятник древней письменности «Слово о полку Игореве», подготовил текст рукописи к печати, будучи корректором и переводчиком поэмы. Однако Николай Николаевич не был отрешенным от жизни отшельником, зарывшимся с головою в бумаги. Он являлся прекрасным семьянином. От брака с Марией Ивановной Куприяновой он имел сыновей: Владимира и Дмитрия и дочерей: Анну и Катерину. Но лишь одному из своих чад – сыну Дмитрию – смог выдающийся архивист передать свою любовь к старинным рукописям.

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский родился в Москве 5 ноября 1778 года. Получив приличное домашнее образование, поступил на службу в Московский архив иностранной коллегии под начало своего отца. Но вскоре, по

Н.Н. Бантыш-Каменский

Д.Н. Бантыш-Каменский

приглашению князя Репнина – военного губернатора Малороссии, становится при нем чиновником особых поручений. По заданию начальника, нуждавшегося в информации по истории подчиненного ему края, Дмитрий Николаевич в 1822 году написал и издал «Историю Малой России», в четырех томах, выдержавшую несколько переизданий.

В 1825 году Д.Н. Бантыш-Каменский был назначен губернатором в Тобольск. Официальная служба почти не оставляла досуга, тем не менее к этому периоду его жизни относится издание его «Словаря достопамятных людей русской земли», над которым он работал долгие годы. К 1836 году вышло пять томов этого труда, и три тома дополнений, изданные в Санкт-Петербурге. Имя ученого стало общеизвестным.

В этом же году Д.Н. Бантыш-Каменский был назначен губернатором

Виленской губернии, но вскоре был отозван по причине нового назначения членом совета Министерства внутренних дел.

Славе ученого способствовал новый монументальный труд «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» (4 части. Санкт-Петербург. 1840-1841 гг.). На это издание император Николай I пожаловал 2000 рублей. Книга не потеряла значения и в наши дни. В 1990 году она была переиздана.

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский был женат на Елизавете Ивановне Бибитинской. В списках дворянских родов такая фамилия отсутствует, хотя ее родители принадлежали к довольно известным аристократическим родам. Случилось же это так...

Иван Сергеевич Барятинский – флигель-адъютант Петра III, а позднее кавалер при Павле I, был богат, умен, знатен и необыкновенно красив; в Париже изготовляли даже вывески с его портретами в торговых заведениях под названием «У русского красавца».

Князь был женат на принцессе Екатерине Петровне Гольштейн-Бек и имел сына Ивана и дочь Анну. Но брак оказался неудачным и супруги вскоре разошлись. Князь Барятинский тайно женился на девице Анастасии Бибиковой, от которой имел трех детей: Василия, Анастасию и Елизавету. Последняя, дочь князя – Елизавета Ивановна и стала женой Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменского. Как незаконная дочь (от тайного брака) Елизавета Ивановна не могла наследовать титул и фамилию отца. Искусственная фамилия ее – Бибитинская образовалась от

слияния фамилий отца и матери: Вибиковой и Борятинского. При своем замужестве Елизавета Ивановна получила от родителей нерехтское имение, где каждое лето отдыхала с мужем, который вел там хозяйство.

В Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике хранится интересный документ, подтверждающий связи семьи Бантыш-Каменских с Костромским краем. Приведем его полностью:

«Сентября 30. 1819 г.
Господину Нерехотскому уездному дворянскому предводителю от камер-юнкера 6-го класса и кавалера Дмитрия Николаева сына Бантыш Каменского.

Доношение.

На основании именного высочайшего манифеста, состоявшегося в 11 день февраля 12 года о предполагаемом мною к получению на будущий 1820 год доход с имения жены моей Елисаветы Ивановны, находя-

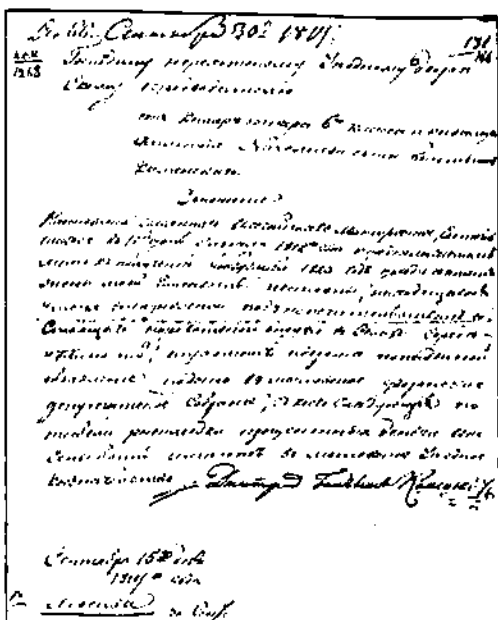
щегося у меня в управлении под попечительством состоящего Нерехотской округи во селах Середи - Упино тож, Шухомошь и деревне Попадиной. Объявление подано в Московское дворянское собрание, с коего следующие по табели раскладки процентные деньги внесены быть имеют в Московское уездное казначейство. Дмитрий Бантыш Каменский. Сентября 15 дня 1819 года. г. Москва».

Где же были расположены населенные пункты нерехтского имения, кормившего семью ученого-археографа?

«Список населенных мест Костромской губернии» 1877 года дает такой ответ:

«Село Середи-Упино расположено в 41 версте от уездного города Нерехты при прудах, на Армейском торговом тракте из города Нерехты в Шую». В 1870-х годах в нем насчитывался 31 двор и жителей 243 мужского пола и 308 женского пола душ. Село украшала православная церковь Вознесения Господня. В нем проводились три годовые ярмарки и еженедельные базары. А по левую сторону тракта при речке Шухомке стояло село Шухомошь, также принадлежавшее Бантышам, с 317 жителями обоего пола. Оно также имело православную церковь (св. Иоанна Предтечи).

Факт наличия крупного имения у Бантыш-Каменских в Костромской губернии весьма существенен как для биографии ученого-археографа, так и для истории Костромской земли.

«КОСТРОМСКАЯ ВИВЛИОФИКА» МИХАИЛА ДИЕВА

ИЗ небольшой группы диевских рукописей, хранящихся в ценном книжном фонде Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, заметно выделяется «Костромская вивлиофика» с пространным заголовком следующего содержания:

«Костромская вивлиофика или собрание старинных грамот, разных рукописей, также надписей, служащих к пояснению археологии и истории Костромского края. Составлена Императорского общества истории и древностей российских действительным членом, общества российской словесности сотрудником, Комиссии Святейшего Синода о исправлении истории российской иерархии сотрудником же, священником Михаилом Диевым».¹

Термин «вивлиофика» соответствует слову «библиотека» и означает собрание документов или рукописей, в данном случае костромских. Внешне рукопись представляет собою увесистый фолиант. На корешке слепым тиснением выдавлено: «Костромская вивлиофика».

Рукопись насчитывала 1267 страниц, что не соответствует действительности, поскольку переписчик не раз сбивался со счета. Заново пересчитанная книга имеет 625 листов или 1250 страниц, из которых текстовых только 1220, так как тридцать страниц остались чистыми. К тому же имеются следы 38 утраченных страниц, возможно, так же чистых, судя по обрывам бумаги.

Поскольку «Костромская вивлиофика» датирована весьма приблизительно – XIX веком, пришлось уточнить ее датировку по имеющимся на бумаге штемпелям. За исключением нескольких единичных листов, рукопись не имеет водяных знаков (филиграней), что с лихвой компенсируется множеством штемпелей, в частности, имеются штемпели овальной формы с двуглавым орлом, обрамленные лентой с древесными ветвями, а также с инициалами ФКНГ, свидетельствующими о том, что бумага рукописной книги Диева была изготовлена на Ярославской фабрике князя Николая Гагарина в 1845-1846 годах.

Датой завершения труда можно назвать 1846 год, опираясь и на неопровержимые печатные источники, один из которых сообщал:

«Диев задался было счастливой мыслью издать сборник сырых материалов для истории костромского края: в заседании 1-го июня 1846 года общество истории

слушало письмо его о собрании им местных рукописей в одно целое под названием «Костромская вивлиофика»². Итак, летом 1846 года Михаил Яковлевич уже отчитывался перед обществом истории и древностей российских за проделанную работу. Однако речь могла идти и не обо всем труде, а только о части его, ведь почти полторы тысячи страниц и за год трудно осилить...

М.Я. Диев

Изучение текстов «Костромской вивлиофики» дало исчерпывающий ответ на этот вопрос. Последняя из 199 озаглавленных частей рукописи, представляющая собой рецензию Диева на труд Е. Лаговского, начинается словами «В июне 1847 года вверено мне рассмотрение «Описания Больших Солей», составленное тамошним священником Евгением Лаговским»...³

Следовательно, летом 1847 года ученый получил заказ на рецензию, после чего работал над ней, а, завершив, вписал тридцатистраничный текст в конволют. Думается, что с работой он смог уложиться в течение второго полугодия 1847 года, и поскольку дан

ная рецензия завершает рукопись, то мы можем с полным основанием датировать «Костромскую вивлиофику» 1846-1847 годами.

Преобладающая часть книги написана почерком М.Я. Диева, однако, кроме него, прослеживаются еще три почерка, два из которых мы можем проигнорировать из-за малого объема в 2 и 6 страниц, однако последний, которым написано 200 страниц, то есть одна шестая часть рукописи, не может не обратиться на себя внимания. Некрасивый, вялый, с поправками, он тем не менее мало портит общее графически приятное впечатление, которое складывается благодаря броским и четким заголовкам частей, сделанных почти без исключения самим Диевым.

Возможно этим переписчиком является человек, упоминаемый Михаилом Яковлевичем в письме к И.М. Снегиреву от 10 октября 1855 года: «Более всего, — писал ученый, — затрудняюсь переписать набело. Писать самому очень трудно. К счастью моему, пишет на порядке пономарь моей церкви, но пьяница и не так-то знает правописание, впрочем, за деньги переписывает».⁴

Не пономарь ли переписал двести страниц «Костромской вивлиофики» и по нетрезвости опрокинул лампаду, залив маслом одну четвертую часть рукописи? Или это сделал по слабости зрения сам ученый?

Содержание «Костромской вивлиофики», как гласит заголовок, сводилось к собранию старинных грамот, разных рукописей и надписей, относящихся к нашему краю. Название это ученому наваяла напечатанная в одном томе «Вивлиофика» Н.А. Полевого, к которой Днев имел некоторое отношение. 17 декабря 1834 года ученый писал И.М. Снегиреву: «Всякий любитель отечественного пожелает, чтоб Николай Алексеевич продолжал вивлиофику, и я с моей стороны могу сообщить рукописи, коих у меня довольно».⁵

«Очень может быть, — предлагает биограф ученого Н.И. Полежаев, — что не дождавшись от Полевого продолжения вивлиофики, Днев и задумал впоследствии издать свою «Костромскую вивлиофику», куда должны были войти и рукописи, предназначенные для первой. Для обработки отдельных частей отечественной истории, — продолжает биограф, — особенно законодательства древнего, палеографии и статистики, ничто не может столь служить, как древние вивлиофики, коих, хотя издано у нас немалое число, но все остается еще много редкостей, неизвестных ученому свету».⁶ И, действительно, «Костромская вивлиофика» содержит огромное количество неизвестной и малоизвестной информации по истории края, которую можно разделить на ряд тем, и, прежде всего, — жития костромских святых.

Интерес к этой теме появился у М.Я. Диева еще в 1830-е годы. Собранными к тому времени материалами ученый охотно делился с известным русским агиологом Андреем Николаевичем Муравьевым, будущим автором книги «Жития святых российской церкви, также Иверских и Грузинских» (1857-65 гг.).

В письме к Снегиреву от 19 августа 1832 года Михаил Яковлевич кается: «Я виноват перед почтеннейшим А.Н. Муравьевым, коему обещался представить подробности о костромских святых. На сей случай покорнейше прошу доставить ему краткое начертание жизни Авраамия Чухломского, мною сочиненное, и житие Пахомия Нерехтского. Недели через четыре сообщу и о прочих костромских чудотворцах. Признаюсь, что я с большим удовольствием занимаюсь этим предметом

Титульный лист «Костромской вивлиофики»

но, к сожалению, должен сказать, что подробности, кои должны дать полное понятие о святых подвигах сих угодников, чрезвычайно затеряны. Некоторые из них знаем только по имени».⁷

Несмотря на трудности, к 1846 году ученый собрал довольно обширный агиологический материал, большая часть которого вошла в «Костромскую вивлиофику». Это жития и подвиги Пахомия Нерехтского, Иакова Железнодорожского, Геннадия Костромского и Любимоградского, Тихона Луховского, Авраамия Чухломского, а также обобщающая статья о костромских святых.

Будучи не только ученым, но и священником, Диев не мог обойти вниманием и тему истории костромских церквей и монастырей, причем наибольший объем собранных им материалов относился к Троице-Сыпанову монастырю, что под Нерехтой. Там долгие годы жил и служил Михаил Диев.

Полетаев писал: «Когда наш энергичный исследователь поселился в Сыпанове, то здесь, к своему удовольствию, нашел довольно любопытный архив, оставшийся после Сыпановских игуменов, которые несколько раз правили патриаршею костромской областью: из сих-де рукописей яснее виден быт поповских старост, точный круг их власти, равно много есть любопытного и по другим историческим изысканьям, что много может мне пособить в историческом и археологическом обозрении Нерехтской стороны».⁸

Кроме родного Троице-Сыпанова монастыря, Диев поместил в вивлиофику документы о Нерехтском Сретенском девичьем и Нерехтском же Богородицком монастырях, а также об Авраамиевом, Игрицком, Горницком, Кирило-Белозерском, Юрьевском, Соловецком, называемом Ломовым и многих других обителях как Костромской, так и соседних губерний. Изучая жития святых, а также историю обителей и храмов, ученый не мог не остановиться и на вопросах иконографии. В свою рукопись он включил сказания об иконе Федоровской, о двух иконах Владимирской Богоматери, а также Овиновской иконе Богоматери из Галича.

Религиозные сюжеты «Костромской вивлиофики» перемежаются с историческими документами: грамотами, летописями, фрагментами писцовых книг. Из последних можно назвать Воскресенскую Солгалицкую летопись, Галицкую летопись или выдержки из Русских летописцев о нашествиях поляков. Диев писал Снегиреву: «Редкий город в северной России так сберег старинные рукописи, как Галич: там есть свой летописец, довольно обширный... Не имея случая достать сей летописец, осмеливаюсь просить вас, не можно ли описание Галича Тычинкина сообщить мне на краткое время».⁹

Включенные в «Костромскую вивлиофику» писцовые книги города Галича, составленные около 1634 года князем Никифором Мещерским и подьячим Феоктистом Тихомировым, а также выписка из Галицкой летописи, составленная мещанином Иваном Тычинкиным, помогли ученому в создании труда «Историческое описание города Галича».

Существенную часть «Костромской вивлиофики» составляют материалы по истории городов и сел Костромской губернии: Юрьевцу, Судаю, Костроме, Галичу, Чухломе... Не перечить всех населенных пунктов, упомянутых в рукопи-

си. Наибольшее число документов посвящено Нерехтѣ и ее уезду, а также посаду Большие Соли.

Поражаясь многообразием и разнообразием форм материалов рукописи, невольно задаешься вопросом: черпали ли когда-либо исследователи из этого кладезя неисчерпаемой информации? Публиковали ли диевские документы? Совсем небольшая часть их опубликована в пятом выпуске «Костромской старины» Кострома. 1901 г. – научном сборнике архивной комиссии. Это «Описание посада Большие Соли». Исследование священника Евгения Лаговского в рецензии протоиерея М. Диева написанной им в 1847 году. (С.167-193). Кроме того, там же в «Костромской старине», в статье священника В.А. Соколова «Описание и критический разбор рукописей, содержащих службу и сказания о явлениях и чудесах Фѣдоровской иконы Божией матери» разбирается статья из «Костромской вивлиофики» – «Сказание о чудотворной иконе Пречистой Богородицы Федоровския како от Городца-града принесена на Кострому при Великом князе Василии, рекомом Квашне» (С.229).

«Костромская вивлиофика» поступила в Костромской историко-архитектурный музей-заповедник в составе библиотеки Костромской губернской архивной комиссии, что подтверждается содержанием Журнала заседания совета КГУАК от 20 сентября 1896 года, в котором говорится: «Слушали письменное сообщение гг. Диевых от 5 сентября 1896 г. о пожертвовании ими сдаточной описи Троицкого Сыпанова монастыря с прочими бумагами, трех столбцов XVII века, касающимися имени Одинцовых, печатной грамоты царя Алексея Михайловича 1654 года, затем из сочинений отца протоиерея Михаила Диева «Состояние пизитистов в XVIII веке», «Распространение западной церкви в XVIII столетии», «Нижегородская епархия» и др. Словесное заявление члена-делопроизводителя И.Д. Преображенского о том, что ему, помимо пожертвованных безвозмездно и вышеуказанных рукописей, передано еще одним из сыновей протоиерея Диева несколько собственноручных подлинных черновых рукописей отца их, протоиерея Михаила Яковлевича Диева и в том числе «Древняя Вивлиофика Костромс. губери». Ч.1-я на 1267 полулистах, а также несколько тетрадей из погодных записей того же отца протоиерея Диева, за кои жертвователъ желает получить денежное вознаграждение, по назначению комиссии...

Постановили: 1. Пожертвование гг. Диевых принять, выразив им письменную благодарность комиссии; 2. В.М. Диеву, выразившему желание получить вознаграждение по назначению комиссии за рукописи отца его, выдать из сумм комиссии 30 рублей; 3. Предложить гг. членам совета взять на себя обзор приобретенных комиссией рукописей с приведением, по возможности, в известность – которые из рукописей собрания отца проиерея Диева еще не появились в печати. Издержанные членом-делопроизводителем И.Д. Преображенским на поездку в усадьбу Диевых и привоз рукописей и предметов 12 руб.62 коп. покрыть из сумм комиссии»¹⁰.

Обобщив сказанное, мы можем с полным основанием утверждать, что «Костромская вивлиофика» М.Я. Диева в конце XIX века хранилась у потомков ученого в усадьбе Жары, конкретнее у сына автора Василия Михайловича Диева, у которого осенью 1896 года член-делопроизводитель КГУАК И.Д. Преображенский

приобрел рукопись с рядом других автографов Диева за 30 рублей. Так раритет попал в библиотеку архивной комиссии, а затем в Костромской музей-заповедник.

Любопытно, что В.М. Диев называет «Костромскую вивлиофику» 1-й частью, как, впрочем, отмечено и на титульном листе книги, следовательно существовали и последующие, нам неизвестные части, если, конечно, они не остались лишь в задумке.

Более столетия прошло с момента приобретения Костромской губернской архивной комиссией монументальной рукописи М.Я. Диева и публикации ее отрывков в «Костромской старине». Преемники КГУАК – Костромское научное общество по изучению местного края, а позднее краеведческий музей и историко-архитектурный музей-заповедник почти не занимались изучением и публикацией материалов этого замечательного сборника и уникальное собрание старинных документов, касающихся непосредственно нашего края, до сих пор, к сожалению, почти не востребовано. Издание «Костромской вивлиофики» могло бы кардинально изменить столь печальное положение вещей...

Примечания:

1. Диев М.Я. Костромская вивлиофика. Рукопись. 1846-1847. Кок 24738

2. Полетаев Н.И. Протоиерей М.Я. Диев и его историко-археологические и этнографические труды. Кострома. 1891. С.19 (Далее Полетаев Н.И. М.Я. Диев...)

3. Диев М.Я. Костромская вивлиофика. Л. 703

4. Титов А.А. Материалы для истории императорского общества истории и древностей российских. Переписка господ действительных членов общества (1830-76). Сообщены членом-соперевожателем А.А. Титовым – Биографический очерк про-

тоиерея Михаила Диева с приложением его писем к Ивану Михайловичу Снегиреву (1830-1857). М1909. С.111. (Далее Титов А.А. Материалы для истории...)

5. Полетаев Н.И. Протоиерей М.Я. Диев... С.19

6. Там же. С.20

7. Титов А.А. Материалы для истории. С.11

8. Полетаев Н.И. Протоиерей М.Я. Диев... С.11

9. Там же. С.37

10. Журнал заседания совета Костромской губернской ученой архивной комиссии 20 сентября 1896 года. С.8

ЭХО СТОЛЕТИЙ (Д.П. Горчаков)

ОДИН из анонимных рукописных стихотворных сборников, хранящихся в ценном книжном фонде Костромского музея-заповедника, на поверку оказался (в половинном своем составе, если не более) собранием произведений поэта-сатирика конца XVIII — начала XIX столетий князя Дмитрия Петровича Горчакова.¹

Событие, надо сказать, незаурядное, а для костромичей и вдвойне значимое, ведь, как известно, автор является нашим земляком: во-первых, уроженцем края — он родился 1 января 1758 года в селе Пушкино Костромского уезда, во-вторых, местным административным чиновником — в начале XIX века он занимал посты вице-губернатора и губернатора, и, наконец, здешним помещиком, периодически жившим в своем Костромском имении, занимаясь в нем сельским хозяйством и литературным творчеством.

Новообретенные стихотворения поэта заключены в самодельную тетрадь бледно-голубого цвета, сшитую из тридцати листов альбомного формата воедино суровыми нитками. Обложка отсутствует. Обнаруженные на просвет филигранные (водяные знаки) позволили определить производителя и дату выхода бумаги.² Она была изготовлена на Красносельской фабрике Николая Хлебникова, недалеко от Санкт-Петербурга, в 1807 году, а, следовательно, и записи на ней появились не ранее этого времени и не позднее 1817 года, ибо, как показывает опыт, именно за 8-10 лет расходилась партия новой бумаги.

Рукописный сборник включает в себя 14 стихотворений на русском, французском, итальянском и украинском языках, а также один рассказ и записи чернового характера. Отчетливо выделяются два почерка, один из которых, сделанный темно-коричневыми, почти черными чернилами, более тверд и динамичен, а второй, светло-коричневый, несколько округл, хотя, как и предшествующий, узок и длинен, имеет правый умеренный наклон.

Начальные семь стихотворений первого почерка, несомненно, принадлежат авторству Д.П. Горчакова. Два из них под его именем опубликованы в современных изданиях.³ Это стихотворения: «Моя теперешняя жизнь. Письмо к Г.И. Ш-ву» и «К другу моему Н.П.Н. Беседа 1-я». Однако и остальные пять стихотворений из рассматриваемой семерки не вызывают сомнения в авторстве князя Горчакова, ведь весь строй стихов, тематика, лексика и метрика идентичны между собой и весьма характерны для поэта-костромича, манеру которого тонко и точно передал в своих воспоминаниях его хороший знакомый С.П. Жихарев: «...немножко длинновато, и стихи идут попарно вереницею, бьют в такт, как два молота об наковальню, но в них местами довольно силы и есть мысли».⁴

И вот, как пример, фрагмент стихотворения из рукописного сборника:

*Почто, любезный друг, в оковах или вольны,
Все смертные своей судьбою недовольны?
В несправедливости вина всевышню власть,
На жребий свой роптать ужели их та часть?
Знать, так, и я теперь хоть протчих осуждаю,
Но, умничая, сам нередко заблуждаю.⁵*

Д.П. Горчаков

Адресат этого послания, озаглавленного «К другу моему Н.П.Н» — Николай Петрович Николев (1758-1815), известный в свое время поэт и драматург, автор комической оперы «Розана и Любим» и трагедии «Сорена и Замир». Как известно, Д.П. Горчаков являлся одним из создателей поэтической формы послания друзьям, в которой написаны первые семь стихотворений найденной тетради. Два из них адресованы Н.П. Николеву, два — Г.И. Шипову, одно — Д. И. Хвостову, одно — С.Н. Долгорукову и одно — «кому угодно». Адресаты обозначены инициалами, но легко поддаются расшифровке. Их связывали с автором родственные, дружеские и соседские отношения, а также литературные интересы.

Говоря о родственных связях князя, например, с Д.И. Хвостовым, женатым на родственнице поэта Аграфене Ивановне Горчаковой, нельзя умолчать и о великом русском полководце Александре Васильевиче Суворове, приходившемся двоюродным дядей Дмитрию Петровичу Горчакову. Ему князь обязан сильной проекцией, во многом определившей его биографию. Так уже в одиннадцатилетнем возрасте юный Горчаков, будучи адъютантом при князе П.С. Гагарине, во время русско-турецкой войны участвовал во взятии крепости Хотин.

Князю Павлу Сергеевичу Гагарину (1747-1789), поэту и безбожнику-вольтерьянцу, Горчаков обязан пристрастием к сочинительству и вольнодумству. Сложившееся под влиянием начальника, а по существу старшего наставника и опекуна, мировоззрение определило и выбор жанра сатиры, в котором творил поэт.

Начав публиковаться с 1770-х годов, Д.П. Горчаков все более склоняется в сторону творческого труда и в 1782 году увольняется из армии в чине секунд-майора.

После отставки он поселяется в Тульском имении (поэт владел недвижимостью в двух губерниях), занимается самообразованием и хозяйством ради куса хлеба, поскольку, несмотря на высокий титул, был небогат. О его умственных

и физических занятиях мы можем почерпнуть сведения из регулярных стихотворных посланий друзьям, в том числе и из послания к Г.И. Шипову, включенного в рукописный сборник под заглавием «Моя теперешняя жизнь»:

*Шипов, тебе казалось чудно,
Что я могу в деревне жить;
Что мог себя я приучить
К такому месту, где не людно;
Где взоры только лишь леса,
Долины и поля сретают
И лучшим зрелищем считают
В день ясный светлы небеса.*

*В сем месте, данном мне судьбою,
Я наслаждаюсь собою,
И с мертвыми я здесь живу;*

*Трудами их мой ум питаю
И тени их воображаю
Я часто видеть наею,
С Гельвецием я научаюсь,
С Вольтером духом созвышаюсь,
Сей века нашего Орфей
Свой редкий дар употребляет
Ко благу общему людей.
Расин мне душу улаждает,
И пламенным пером своим
Мне в сердце чувства возрождает,
Владея самовластно их.*

Не ограничившись поэзией, Горчаков по примеру Н.П. Николаева пробует себя в драматургии. Им были написаны и отданы на московскую сцену комические оперы на сюжеты из сказок «Тысячи и одной ночи» — «Калиф на час» и «Счастливая тоня», а также либретто по русской сказке «Баба-Яга», которые долго не сходили с репертуара. Музыка к операм Д.П. Горчакова писал М. Стаббингер.

Театральные пристрастия поэта выразились также в эпиграммах на театральных авторов: Д.И. Фонвизина, Я.К. Княжнина и А.О. Аблесимова — соперника Николаева. Последнего князь осмеял за престопадность пьесы «Мельник-колдун, обманщик и сват». Творческие занятия не шли в ущерб материальным: дела по имению Дмитрий Петрович также вел весьма успешно, освоив производство фламандского полотна из деревенского льносырья. Поэт решил для сбыта его направиться в действующую армию, сражавшуюся против турок. Но неожиданно для себя, услыша о предстоящем штурме Измаила, отставной премьер-майор не без согласия А.В. Суворова волонтером принял участие в штурме крепости, был серьезно ранен в руку, за что получил орден святого Владимира 4-й степени. Это событие нашло отражение в юмористическом стихотворении Н.П. Николаева «Послание к другу пиите и рыцарю в Измаил»:

*Что слышу, милой друг,
За правду ль мне то ставить,
Что вздумалось тебе войной себя прославить?
Пиитой быв в Москве и музе лишь подвластной
Под Измаилом стал секунд-майор нещастной.
Задоришка, драчун, губитель тел и душ,
(Для рифмы так сказать) военных дел Картуш,
Который хитрости под турок подпускает,
То ловит, то манит, то пули в них пускает...
Ну, что хорошева, пугать, гонять, колоть?
И в турках есть душа, хоть немощна их плоть:
Они ж и без тебя и голодны, и биты.*

Взгляни... все берега телами их покрыты...
 Отвсюду казнь для них, повсюду участь злая,
 Очаков превращен в Святого Николая.
 А гордый Измаил и весь его Содом
 В развалины... в сей вид затей, тщеты и тлена,
 Где турок бедных нет ни головы, ни члена.
 Вот каково письмо майорского пера,
 Которое подняв ты с толстова бедра
 И накрепко вцепя в свои геройски лапы,
 Сшибал главы с чалмой, и сам упал без шляпы,
 Прострелянный... в крови... Тут муза не шутя,
 От жалости ток слез из глаз моих пуска,
 Велит к тебе писать сердечные укоры, —
 Почто из их жилищ ушел в жилище ссоры,
 От мирных страны в страну, где смертна брань,
 И замарал в крови, а не в чернилах длань?⁷

Участие Д.П. Горчакова во взятии Измаила в 1790 году было поистине рискованным поступком, ведь оно могло кончиться не ранением, от которого, кстати сказать, поэт страдал до конца жизни, а его смертью, и тогда его семья, состоящая из жены и полуторагодовалого сына, осиротела бы. Брак князя Горчакова с Натальей Дмитриевной Боборыкиной был совершен во второй половине 1780-х годов, и, скорее всего, именно ее вывел поэт под романтическим именем Ирисы в «Письме к Д.И. Хвостову», включенному в рукописный сборник музея-заповедника:

Невинность с красотой
 Всех прелестей собор
 Приятною мечтою
 Осветили мой взор.

Везде ее сретаю.
 Ей полны все места
 Я в розе обретаю
 Ирисины уста.

Зефир ли устремится
 В листки лилеи дуть,
 В лилее мне явится
 Ирисы нежна грудь.

Иль после темной ночи
 Увижу солнце я
 И мыслью видеть очи
 Ирисы моея.

С тех пор как я в разлуке
 С возлюбленной моей
 Живу в несносной скуке,
 Не зрю веселых дней

Ирисою прельщаюсь
 Среди блудящих дум
 Ирисой восхищаюсь
 И стих нейдет мне в ум...⁸

От брака князя Горчакова с Натальей Дмитриевной Боборыкиной появилось на свет пятеро детей. Старший сын князя — Петр Дмитриевич (род. 1788), женатый на Наталье Дмитриевне Черевинной, стал генералом от инфантерии, командиром 6-го пехотного корпуса. Он подарил отцу внука — Дмитрия Петровича Горчакова, полного тезку поэта. Средний сын — Михаил Дмитриевич Горчаков (1792-1861), стал генерал-фельдмаршалом, наместником царства Польского. Слыл также известным музыкантом. Князь Сергей Дмитриевич Горчаков (1794-1873), младший сын

поэта, статский советник, женатый на Анне Александровне Шереметьевой, был отцом фрейлины и писательницы Елены Сергеевны Горчаковой (1824-1897), собравшей под одной обложкой рассыпанные по страницам периодических изданий и рукописных списков стихи деда в книге: «Сочинения князя Д.П. Горчакова». М. 1890 г. Ей же принадлежит и вступительная статья. Дочери князя состояли в замужестве: Софья за Д.А. Лаптевым, Ольга за И.П. Аникеевым.

Обремененный семьей, ежегодно разрастающейся, Дмитрий Петрович для ее материального обеспечения был вынужден поступить на службу и в течение трехлетия с отвращением тянул чиновническую лямку, будучи председателем Тульской верхней расправы. Отслужив срок и поняв тщетность получения приличных денег на государственной службе, он снова решил обратиться к частному предпринимательству, однако уже не в сфере полотняного производства, а более прибыльного — винокурения. Выбор места для эксперимента пал на костромское имение. Вот о чем повествует один из документов костромского областного архива — прошение крестьянина Кологривского уезда вотчины князя К.В. Репнина Тараса Кирилова Костромскому губернатору Николаю Ивановичу Кочетову:

«В Костромском уездном суде производилось с минувшего апреля 15-го числа сего 798 года дело по данной от меня бывшему в здешней губернии гражданскому губернатору господину действительному статскому советнику Борису Петровичу Островскому жалобе, в недодаче мне костромским помещиком господином секунд-майором и кавалером князь Дмитрием Петровичем Горчаковым по заключенному в прошлом 1796 году мая 4-го числа контракту за выстроенные мною два винокуренных завода и прочее денег шести сот двадцати двух рублей 95 копеек»...⁸

Только ли финансовыми выгодами определяется выбор профиля предпринимательства, то есть, винокурения вместо ткачества, и не было ли здесь личного пристрастия? Об этом заставляет задуматься одно из стихотворений рукописного сборника:

*Прочь забавы, пышность мира
Прочь утех, знатный сан,
И шинель моя порфира
Когда я бываю пьян.*

Н.П. Николаев

*Пусть Суворов ищет славы
Новой будет он Троян;
Я не пью ручьи кровавы
Я бываю только пьян.*

*Пусть Державин пишет оды
Новой будет Оссиян.
Не люблю я этой моды
Я напьюсь побольше пьян.*

*Вот что в свете есть жизнь наша
Горесть, мука, леть, обман.
Вся отрада пуншу чаша
И чтоб каждый день был пьян.¹⁰*

Приведенные здесь строчки не входят в число семи бесспорных стихотворений Д.П. Горчакова, хотя и не противоречат его характеру. Это произведение предваряет вторую партию стихов, написанных вторым почерком и, возможно, другим автором, судя по тому, что они гораздо слабее предыдущих и наименее их. О предполагаемом авторе можно заключить следующее: он военный человек — «и шинель моя порфира», скорее всего, офицер, но в небольшом чине, а следовательно, молод (судя по двум опущенным куплетам), а его неумное бражничество не более чем поза. Им, видимо, написано и следующее стихотворение, посвященное тяжелому положению в армии русского солдата:

*Выслушайте братцы советы мои
На каждом есть месте выгоды свои
В городах кареты, а в деревнях сады
В столицах палаты, а в поле плоды.*

*Что здесь едят даром, там платят дукат
Один лишь на свете без выгод солдат...
Ничего без денег ему не дают
И лишь только даром в день три раза бьют.*

*Мундир рублей в триста, а в кармане грош
Корми лошадь сыто, а сам воду пьешь
Отбил десяток пушек — шлют крест золотой
А потерял ногу — ступай жить домой...¹¹*

Не исключено, что это — образец солдатского фольклора, лишь записанный хозяином тетради, найти которого, очевидно, помогут черновые записи на одной из ее страниц: «2-го отборного резерва кавалерии, под командой Г.(енерал) М.(айора) Ермолова. Серпуховского полку шеф Григорович, запасного эскадрона... резервного эскадрона командир майор Лосев; прежде был Плотников Новороссийского Драгунского шеф, Граф Сивере, резервек. майор Беклемишев, Глуховского Кирасирского полка шеф полковник резервного эскадрона майор Макрович и т.д.»¹¹ Не исключено, что наш список зародился где-то в недрах резервного отряда, начальником которого с 1808 по 1811 год являлся Алексей Петрович Ермолов. Этот факт позволяет еще более сузить временные рамки нашего сборника, а также предположить поступление тетради из архива А.П.Ермолова, хранившегося у его костромских родственников.

Резервный отряд Ермолова насчитывал 14000 человек, которые размещались в 2-х губерниях — Волынской и Подольской на Украине. Видимо, этим объясняется наличие в тетради двух украинских стихотворений (песен?):

*Не пей коню воды
Бо цей вода здуе.*

*Не кохай дивчины
Бо це очаруе...*¹²

Среди уже частично приведенных записей в тетради фигурирует одна фамилия с довольно низким чином — «поручик Хитрово». Среди высоких чинов она выглядит инородно, к тому же не привязана ни к какому полку. Тем не менее она выделена не только двойной обводкой, но подчеркнута волнистой чертой, единственная из всех приведенных. Это явный претендент на роль писца второй половины рукописного сборника, если не автора.

Что касается первой части тетради, содержащей семь неопровержимых стихов Горчакова, то напрашивается вопрос: «Не самим ли автором сделана их запись?» Увы! К сожалению, это маловероятно, поскольку в примечании к стихотворению «Теперешняя моя жизнь» об авторе стихотворения говорится в третьем лице, что было бы странно, будь автор и переписчик одним и тем же человеком.¹³ А вот передача оригинала горчаковских стихов для копирования Ермолову или кому-либо из его людей вполне возможна, поскольку в рассматриваемый период времени, т.е. с 1808 по 1811 год, Дмитрий Петрович Горчаков исполнял должность таврического прокурора, совмещаая ее с должностью смотрителя симферопольского училища, Ермолов же, как сам пишет в своих записках, «занимался сформированием двух конно-татарских полков, Евпаторийского и Симферопольского».¹⁴ То есть пути генерала и поэта вполне могли пересечься. Более того, их могло связывать знакомство по Костроме во время ссылки А.П. Ермолова (1798-1801). Кстати, один из известных списков стихов Горчакова так и называется Ермоловским...

В своих записках Алексей Петрович поминает одного Хитрово — Николая Федоровича, и по «Родословной книге рода Хитрово» (СПб. 1866. С. 17) проходит также Николай Федорович Хитрово 1794 года рождения. Его жена — Елизавета Михайловна, урожденная кн. Кутузова-Смоленская, по первому мужу графиня Тизенгаузен. Не он ли это владелец сборника? В 1811 году ему исполнилось 15 или 16 лет, но ведь и сам Горчаков свой первый офицерский чин прапорщика получил в одиннадцать лет! Впрочем, поиск писца далеко еще не завершен.

Ко времени создания рукописного сборника Дмитрий Петрович Горчаков стал уже официально признанным поэтом, и свидетельством тому являлось звание академика

Князь М.Д. Горчаков

Российской Академии, куда он был принят в 1807 году не без протекции родственника, члена академии, но довольно слабого стихотворца Дмитрия Ивановича Хвостова. Пребывая по этому поводу в Петербурге, он, как предполагают биографы, посещал собрания масонской ложи А.Ф. Лабзина «Умирающий сфинкс», в число братьев которой входил и другой наш земляк — Юрий Никитич Бартенева.

Накануне Отечественной войны, осенью 1811 года, возобновив свои старые военные связи, князь переходит служить правителем канцелярии М.И. Голенищева-Кутузова в Дунайскую армию, которая вскоре подверглась расформированию.

Желая облегчить участь племянника Суворова, Кутузов рекомендовал князя на вакантное место костромского вице-губернатора, освободившееся после смерти Ивана Кузьмича Васькова 18 февраля 1813 года. Назначение 54-летнего поэта костромским вице-губернатором состоялось 8 апреля 1813 года, и примерно в это же время в журнале «Сын Отечества» появились «Стихи на изгнание неприятеля из России, посвященные его светлости князю Михаилу Ларионовичу Кутузову Смоленскому» за подписью: князь Дмитрий Горчаков:

*Смоленский! Русских вождь сынов,
Чьей ныне враг трепещет длани!
Нетщетно взрос ты средь громов,
Уматерел на лаврах брани.*

*Уж мнил вращать Наполеон
Судьбою наша Отчизны.
Мечтал предписывать закон
Иль новы нам готовить тризны;
Но ты воспрянул — он дрожит.
Ты грянул — он стремглав бежит,
Разграбя в ярости столицу;
Как тот, чье имя носишь ты,
Как молнию от высоты,
Низверг надменную денницу.*

*Докончи поприще, герой,
Жни новы лавры в поле чести.
Забудь для Отчества покой,
Простри к врагу меч правой мести...¹⁵*

Конечно, эти строки писал не просто благодарный протеже своему благодетелю, но гражданин-патриот великому полководцу, спасителю России.

Для принятия должности князь Горчакову не пришлось в 1813 году приезжать в Кострому, поскольку с потоком беженцев, устремившихся в отдаленные районы провинции, он прибыл еще загодя. Л.П. Скворцов в своей книге утверждает, что в Кострому переселилось тогда более 300 различных фамилий, в том числе и княгиня Анна Васильевна Горчакова — сестра знаменитого Суворова.¹⁶ Не сопровождал ли ее из Москвы родственник и не приютил ли свою тетку в собственном доме в начале улицы Никитской?

Е.С. Горчакова

О пребывании Дмитрия Петровича в Костроме еще в конце 1812 года мы узнаем из письма Н.П. Николева графу Д.И. Хвостову от 14 января 1813 года. «Милостивый государь! За... уведомление о нашем общем друге князе Горчакове приношу вашему сиятельству чувствительнейшую мою благодарность, но жалуюсь вам на него: он совсем оледенелся, ко мне из Костромы пишут, что он там и что знает, где я, однако на два моих письма о сю пору ни строчки... попеняйте ему хорошенько».¹⁷

Видимо, само время не располагало к дружескому общению, а ведь не так давно из той же Костромы князь рассылал стихотворные послания друзьям, как то, которое приведено в рукописной тетради и адресовано князю С.Н. Долгорукову в Санкт-Петербург:

*С подмытых волжских берегов
Я к невским берегам приборным —
Десяточек-другой стихов,
Открытым словом, не придворным*

*К тебе, любезный князь, пишу,
И мысленно обняв, спешу
Сказать, что я в большой здесь скуке,
Со всеми вами быв в разлуке...¹⁸*

Кострому тогдашнюю мы можем увидеть глазами Н.Ф. Грамматина, прибывшего в город для отправления должности директора костромской гимназии. Отвечая на письмо князя П..А. Вяземского, проживавшего в Вологде, он пишет: «Описывая Вологду, вы описываете Кострому: здесь такая же грязь, как и у вас, и точно такая же дороговизна в квартирах. С бедных приезжих дерут кожу, не помышляя, что завтра их может постигнуть такая же участь... Через здешний город на неделе раза два сотнями гонят пленных: вы не поверите, как они оборваны, бледны, худы — одно основание человечества, что-то похожее на человека»...¹⁹

На фоне этой унылой провинциальной картины полным диссонансом звучит другая, принадлежащая очевидцу-беженцу А.П. Глушковскому: «Губернатор Николай Федорович Пасынков любил весело пожить, у него бывали ежедневно гости и на нескольких столах играли в карты. Спектакли и балы были у него довольно часто. После ужина у губернатора бывали фейерверки и катание на лодках по Волге с песельниками — одним словом, губернатор в Костроме жил как сыр в масле».²⁰ Вот под начало этого человека и поступил князь Горчаков. Как человек бывалый и имеющий опыт прокурорской работы, он не мог не заметить несоответствия ок-

ружавшей губернию нищеты и губернаторского изобилия, а будучи заместителем Пасынкова, имел доступ к документации, подтверждающей его подозрения. Им или кем-нибудь другим единомышленником была вызвана Сенатская ревизия губернии, только в начале 1815 года в Кострому прибыл сенатор А. В. Алябьев и вскрыл злостные злоупотребления Н. Ф. Пасынкова, в результате чего злополучный губернатор был отдан под суд. Ему инкриминировалось присваивание денег, предназначенных на одежду и кормление пленных, проходивших в 1812 и 1813 годах через Кострому, и цифры были ужасающими. От холода и голода партия пленных в числе 3228 человек, направлявшаяся в Вологду, в конечном пункте насчитывала лишь 300. И это была не единственная партия. Сенатор писал в отчете: «О точном количестве поступивших в костромскую губернию пленных, на сколько человек и на какое время получено порционных денег и не поступило ли оставшегося от умерших приходом чего-нибудь, я нашел нужным взять сведения из костромской казенной палаты и поручил сию выpravку управляющему ныне губернию вице-губернатору (Горчакову — Е. С.), с тем, чтоб он представил ее от себя в Правительствующий Сенат».²¹

Итак, налицо сотрудничество ревизора и Сената с вице-губернатором. Когда князь Горчаков занял освободившееся место Пасынкова, на его место пришел другой человек, а кто именно, о том сообщает рапорт губернского прокурора Протасьева министру юстиции П. Д. Трошинскому.

«Сего августа 6-го числа полученным из Правительствующего Сената в Костромское губернское правление указом дано звать, что по именному Его Императорского Величества Высочайшему Повелению Костромской вице-губернатор коллежский советник князь Горчаков по его прошению уволен от должности, а на место его определен управляющий Костромской удельною конторою коллежский советник и кавалер Ушаков, коего и велено допустить к исправлению должности вице-губернатора».²² А новый губернатор уже официально вступил в должность. Однако то ли непостоянство его натуры, то ли осадок после процесса, наделавшего много шума не только в провинции, но и в столицах, то ли «палки в колесах», которые вставляли ему доброжелатели свергнутого начальника, только уже в 1816 году Д. П. Горчаков подает в отставку и переезжает в Москву, где проводит последние восемь лет своей жизни.

Умер он 29 ноября 1824 года, и прах его погребен в Даниловском монастыре. Эпитафией поэту могло бы стать его стихотворение «Моя исповедь при смерти»:

*Спокойного часа я в жизни не имел,
Коварством людей повсюду окруженный,
Противу честности я видел тучу стрел
И завистию блеск достоинств помраченный.*

*Я пышность и чины считал за вздорный сон.
В них видел глупости сугубую причину.
Терзался, слушая вседневно бедных стон,
И бесконечную зря в мире зол пучину.*

*Свет солнечный теперь в последний видя раз,
Я к смертному одру спокойно приближусь;
Не страшен для меня, приятен смертный час;
И я без робости на век уничтожусь.²³*

Навечно уничтожиться поэту, к счастью, не привелось, бессмертная душа сохранилась в его произведениях. И хотя Д.П. Горчакова знают и ценят прежде всего специалисты-литераторы, но есть надежда на возрождение его популярности и среди широкого круга читателей, в том числе и земляков, что вряд ли бы противоречило желанию самого поэта, недаром именно в Костроме в виде рукописного списка проявилось его творческое присутствие спустя почти два столетия, словно приоткрылся спиритический канал связи с потусторонним миром. Выплывшая из прошлого находка еще должным образом не изучена и потому может таить приятные сюрпризы, например, неопубликованные стихи, на что очень хочется надеяться...

Примечания:

1. Тетрадь рукописная. XIX в. Стихи неизвестных авторов. На 12 листах. И один лист чистый. Рукопись без обложек на синей бумаге. Размеры 33,5 на 22 см. Инв. № 24599/709/222

2. КФНХ 1807 Красносельская фабрика Николая Хлебникова.

3. Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века. Л. 1959 С. 101-105 и 121.

4. С.П. Житарева. Записки современника Т 2. Л. 1989. С. 119.

5. Тетрадь рукописная... Л. 7 об.

6. Там же. Л. 2.

7. Творения Николаева. Т. 4. СПб. 1793. С. 213.

8. Тетрадь рукописная... Л. 4 об.

9. ГАКО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 305. Л. 1.

10. Тетрадь рукописная... Л. 3.

11. Там же. Л. 11.

12. Там же. Л. 10 об.

13. Тетрадь рукописная... Л. 3 об. Текст сно-

ски: «Один преглупой стихокропатель, сочинил преглупые стихи на одного чиновного человека, и выпустил их под именем нашего автора; за что наш автор, вывел его на театр собственными его стихами, ибо он знает, что клепать своими стихами дурно».

14. Записки А.П. Ермалова 1798-1826. М. 1991. С. 116.

15. Сын Отечества. 1813.. 15. С. 153.

16. Скворцов Л.П. Материалы по горюду Костроме. Рукопись 1 пол. XIX в. С. 127.

17. Письма русских писателей. Л. 1980. С. 412.

18. Тетрадь рукописная XIX в. Л. 6.

19. Русский архив. 1866. Т. 1. С. 239.

20. Из воспоминаний балетмейстера А.П. Глушковского. Губернский дом. № 1. 1995. С. 38-39.

21. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1090. Л. 90.

22. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1090. Л. 1.

23. Вопросы истории религии и атеизма. Вып. VII, М. 1959 С. 408.

ИПАТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ В КОСТРОМЕ

ОДНА из древнейших русских летописей, третья по старшинству, относящаяся к XV столетию, своим бытованием непосредственно связана с Костромой, точнее с одним из ее монастырей, что закрепилось и в названии раритета – «Ипатьевская летопись». Впрочем, это название привилось довольно поздно, в XIX веке, и означало не только саму летопись, но и весь ее свод, то есть ее предтеч, с которых она была списана, и списков с нее самой.

До появления названия «Ипатьевская летопись» эта рукописная книга фигурировала в архивных источниках под разными названиями: «Летописец Киевской», «Летописец о княжении», «Русская летопись», «Волинская летопись». Некоторые из этих названий запечатлены в самой книге на переплетных листах, либо в тексте, другие привнесены исследователями. Кажущееся разночтение этих названий объясняется сложным трехчастным составом книги, каждая часть которой могла бы иметь и имела одно из перечисленных названий своим подзаголовком. Таким образом, «Ипатьевская летопись» является сборником трех отдельных летописей, то есть конволютом.

Главным свидетельством пребывания летописи в Костромском Ипатьевском монастыре являются две записи на переплетных листах ее:

1. «Книга Ипатцова старца Тарасия».
2. «Книга Ипацкого монастыря слуги Тихона Андреева сына Мижуева».

Вот и вся информация о пребывании раритета на костромской земле. Она, к сожалению, не дает ответа о времени местонахождения летописи в стенах монастыря и обстоятельствах перемещения ее в Санкт-Петербург, о судьбе ее владельцев старца Тарасия и Тихона Андреевича Мижуева, которых исследователи склонны считать одним человеком: до пострига Т.А.Мижуевым, а после старцем Тарасием.

Можно ли в наши дни, спустя половину тысячелетия со времени создания уникального памятника письменности, обнаружить новые свидетельства, могущие помочь получить ответы на заданные вопросы? Оказывается можно... Но все по порядку...

Желая «выжать» из скупых строчек надписей на переплетных листах книги максимум информации, исследователи обратились к палеографии и пришли к выводу, что записи о владении летописью старцем Тарасием, а также Тихоном Мижуевым сделаны почерком XVII столетия. Логично сделать вывод, что и появление книги в монастыре можно отнести к этому же времени. Однако, данному заключению противоречит намогильная плита инока Ипатьевского монастыря

Тарасия, стоящая некогда на монастырском погосте, а ныне хранящаяся в фондах Костромского историко-архитектурного музея-заповедника.¹

На ней высечена надпись, гласящая: «Лета 7100 преставился инок Тарасий». По нашему исчислению инок Тарасий умер в 1592 году. Не владел ли умерший Тарасий Ипатьевской летописью? Кажется невозможно объединить в одного человека инока Ипатьевского монастыря Тарасия, умершего в конце XVI века с Ипатьевским старцем Тарасием, владельцем раритета, жившем, согласно почерку владельческой записи летописи, в XVII столетии.

Однако, владельческая ли это запись, другими словами, сделана ли она владельцем книги при его жизни или кем-либо другим, возможно, уже после смерти его и через несколько лет, в XVII столетии, которое началось спустя всего лишь восемь лет после смерти Тарасия?

Подтверждение нашему предположению мы находим в книге М.И. Слуховского «Русская библиотека XV-XVII веков». Он пишет: «В случае смерти владельца, будь то инок или кто другой, состоявший на монастырском иждивении, его имущество и келейные книги поступали в распоряжение обители, если ранее владельцем не было сделано иных указаний. Частновладельческие собрания почти всегда оставались в стенах монастыря, механически наращивая основную библиотеку. На таких бесхозяйственных книгах, забранных в казну в «воспоминание» нередко помечалось задним числом в замен вкладной, имя покойного, например: «Старца Максима Пиманова» или «Иеромонаха Афанасия, по назвищу Тюреватого» и т.п.»²

Несомненно, надпись на Ипатьевской летописи: «Книга Ипатцкого старца Тарасия» из этой же серии, то есть сделана после смерти владельца, может спустя несколько лет во время редких сверок библиотечных книг в начале XVII столетия и, разумеется, почерком того времени, а, следовательно, и владелец Ипатьевской летописи старец Тарасий и похороненный под плитой инок Тарасий могут быть одним лицом – владельцем раритета, жившем в XVI веке в Ипатьевском монастыре города Костромы, тем более, что в старых синодиках имя инока Тарасия поминается лишь однажды и никаких других Тарасиев, состоящих на иждивении Ипатьевского монастыря там не встречается.

Это очень важный вывод, позволяющий почти на век назад отодвинуть временные рамки местонахождения летописи в Ипатьевском монастыре и, кроме того, определить дату смерти ее владельца и приблизительное поступление летописи в распоряжение библиотеки обители.

Итак, мы идентифицировали инока Тарасия и старца Тарасия.

Разумеется, скептики могут возразить: «Как же можно отождествлять двух монахов, даже имеющих одинаковые, пусть и нераспространенные имена, и имеющих служение в одном монастыре, если у них разные монастырские чины?»

В том-то и дело, что в отличие от иночества, старчество это по чин. Инок – это одно из названий православного монаха, низшая ступень иерархической лестницы православного монашества. Чаще всего его имели совсем молодые монахи, а потому многие неправильно считают, что иноками могла быть исключительно молодежь,

тогда как ими могли быть не только зрелые, но и престарелые монахи, не старавшиеся сделать духовную карьеру. Старцем же назывался монах, который брал на себя какое-либо обязательство – духовное руководство над послушниками (кандидатами в иноки, готовящимися к постригу) или какое-либо другое обязательство, например, писание икон или книг. Старцы далеко не всегда были в преклонном возрасте, порой даже в молодом, если обладали необходимым опытом и умением. Они играли важную роль и в управлении монастырем. Так в книге И.К. Смолича «Русское монашество» сообщается: «В соборе монастырских старцев, обычно состоявшем из 12 человек, участвовали не только старейшие иноки монастыря, но и те монахи, которые несли определенные послушания по управлению монастырем».³

Таким образом определения «инок» и «старец» не противоречат друг другу и могут оба относиться к одному человеку, как, например, к старцу Тарасию.

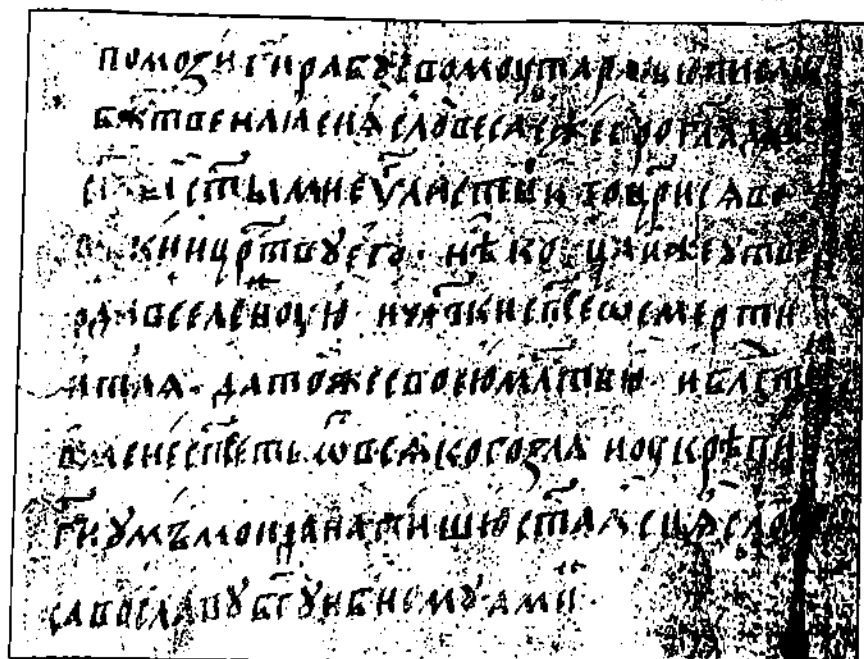
Что мы знаем об этом человеке? Да практически ничего, кроме того, что он был иноком Ипатьевского монастыря в XVI столетии до своей смерти пришедшейся на 1592 год, владел уникальным рукописным памятником, прозванным позднее «Ипатьевской летописью», перешедшей после его смерти в библиотеку монастыря, что, кстати сказать, подтверждается «Переписными книгами Ипатьевского монастыря 1595 года», изданными Н.И. Соколовым в 1890 году в Москве, где среди 123 монастырских книг значится и «Летописец Руской». В предисловии издатель пишет: «В опись вошла и библиотека монастыря, известная сохранением одного из важнейших списков русской летописи – Ипатьевского... значится как «Книга Летописец Руской в десть на бумаге».

Опись составлена через три года после смерти инока Тарасия и она снимает все сомнения насчет передачи раритета в монастырскую библиотеку после смерти ее владельца, проживавшего в XVI столетии.

В свете этой новой информации рушатся и некоторые старые версии, например, предположение, что старец Тарасий и Тихон Андреевич Мижуев, чьи имена как владельцев книги упоминаются на ее переплетных листах, одно и то же лицо. Мы считаем, что это отождествление невозможно, поскольку они принадлежат разным столетиям. Тарасий, как сказано выше – шестнадцатому, а Мижуев – семнадцатому.

Доказательство последнему утверждению о принадлежности Т.А. Мижуева к XVII столетию мы находим во Вкладной книге Ипатьевского монастыря (по фрагменту, приведенному в книге И.Рогова и С.Уткина «Ипатьевский монастырь»): «Сам Тихон Мижуев делал вклады в 1645 году, за что «его приняли в служки» и в 1663 году «по родителех своих, для вечного поминовения десять рублей и написаны в сенадки».³

Действительно, синодик Ипатьевского монастыря XVI–XIX веков (Инв.№ в/х 560) включает в себя костромской род Мижуевых и перечисляет его представителей: Стефана, Аввакума, Прохора, инокини-схимницы Мавры, Андрея, Тихона, Феодосии. Как видим, второй владелец Ипатьевской летописи, Тихон Андреевич Мижуев упомянут, как и его отец, в синодике. Не исключено, что и старец Тарасий, также упомянутый в синодике, до пострига носил фамилию Мижуев и

приходился Тихону Андреевичу, по временной прикидке, дедом. По крайней мере эта версия может объяснить почему на Ипатьевской летописи, уже переданной в монастырскую библиотеку, появляется вторая запись с именем нового владельца, который, видимо, предъявил наследственные претензии монастырю и получил книгу в свою собственность, что и было закреплено записью, но со временем вновь вернул ее обители путем продажи или дарения.

Но вернемся к биографии старца Тарасия. Так за какое же послушание инок Тарасий заслужил старчество? Невероятно, но на этот вопрос он ответил сам. Во время подготовки выставки «Ипатьевская летопись» в Костромском литературном музее в 2002 году, посетившая музей-заповедник профессор МГУ, археограф И. В. Поздеева обратила внимание на пространную запись на переплетном листе одного из рукописных Евангелий XVI века из хранилища ценного книжного фонда музея-заповедника «Ипатьевский монастырь», оказавшуюся при переводе со старославянского языка молитвенной записью книжного переписчика Тарасия с просьбой о получении Божьего благословения в предстоящей работе. Несомненно, это письмо нашего старца Тарасия, пришедшее из многовекового прошлого: «Помози Господи рабу своему Тарасию писать божественная сии словеса еже про глагола духа святого святыми евангелисты и воцарися во божие царству его не конца иже утверди вселенную и человеки Спасе от смерти и гления да тоже своею милостию и благодатью а мне спасет от всякого зла и укрепи господи ум мой да напишу святая сия словеса во славу богу небесному. Аминь!»⁶

Как книжник-писец Тарасий, конечно же, был идеальным хранителем раритетной рукописной летописи, прекрасно понимая ее историческую и графическую ценность.

Пребывание раритета в монастырской библиотеке подтверждается описями имущества 1642 и 1682 годов. Там она оставалась до второй половины XVIII столетия, что доказывается монастырской описью 1764 года, где Ипатьевская летопись значится как «Летописец Киевский о княжении».

Она была составлена за три года до посещения Костромы и Ипатьевского монастыря Екатериной II-й. Затем следы летописи теряются. Напрашивается версия, что во время осмотра монастыря императрица получила раритет в презент, хотя ни в печатных, ни в известных нам архивных источниках этот факт не зафиксирован. Тем не менее, есть данные об аналогичных случаях передачи императрицей книг, и в том числе летописей, подаренных ей, в библиотеку Академии наук.

Возможен и второй путь перемещения Ипатьевской летописи из Костромы в северную столицу: не исключено, что летопись была прислана в Петербург по указам Екатерины II 1778 и 1783 годов. А, скорее всего, по августовскому указу 1791 года, изданному по инициативе А.И. Мусина-Пушкина, предписывающему всем учреждениям церковного ведомства прислать в Синод «относящиеся к Российской истории летописи и другие сочинения» и все, что среди них обнаружится еще не изданным «внести к ее Величеству».¹

Тогда понятно, почему местонахождение летописи было ранее всех известно именно А.И. Тургеневу, который помимо занятий археографией еще и был членом Синода (коллегии по иностранным вероисповеданиям) и мог в 1807 году сообщить своему другу Н.М. Карамзину о наличии в академической библиотеке Волынской летописи, так он называл по третьей части Ипатьевскую летопись. Появление нового богатого фактами летописного источника заставило Карамзина полностью переработать уже подготовленный им к изданию пятый том «Истории государства Российского», отодвинув появление его в свет на четыре года. Он был издан лишь в 1811 году.

Итогами нашего исследования являются не только новые сведения о хранителе Ипатьевской летописи – старце Тарасии, но и уточнение временных рамок ее пребывания в Костромской обители, которое теперь исчисляется, по меньшей мере, двумя столетиями. Солидный срок! Поистине костромская святыня заслужила свое наименование...

Примечания:

1. Плита надгробная. Песчаник. Резьба по камню: длина 70-77, ширина 37-50, высота 16-17 см. Конец XVI века. (1595 г.). В/х 1169/6

2. М.И.Слуховский. Русская библиотека 16-17 вв. М.1964. С.57

3. И.К.Смольч. Русское монашество. М.1987. С.166

4. Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. Сообщил Н.И. Соко-

лов. М. Университетская типография. 1890 г. Источник подсказал костромским искусствоведам С.С. Катковой.

5. И.В.Рогов, С.А. Уткин. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. Кострома. 2004.С.91.

6. Евангелие Рукописное. XVI в.. Инв.№ КОК 25632/3. Версия И.В. Муравьевой. (Санкт-Петербург).

От автора

ЭТА КНИГА посвящена судьбам выдающихся костромичей прошлого, живших временно или постоянно на территории края и оставивших заметный след в его развитии.

Однако, может случиться, что территория их бытования имеет читателя на мысль, будто перед ним очередной краеведческий труд, локально значимый лишь на одной губернии (области), а потому не имеющий общероссийского значения.

Позвольте возразить! Разве Российская история, как и любая другая, не есть совокупность как центральной, так и региональных историй!

И разве местные материалы, собранные дотошными исследователями не способствуют заполнению белых пятен отечественной истории!

В любом случае, надо оговориться, что об одной губернии, в строгом смысле слова, не может идти речь, поскольку как прежние губернии, так и нынешние области не имеют стабильных границ. Их территории взаимнопроникающие, поскольку периодически одна из смежных областей укрупняется за счет урбанизации у соседней районов или уездов. Эта практика административно-территориального деления популярна как в прошлом, так и в нынешнем времени, думается, что и в будущем сохранится тоже. Видимо, по этой причине взаимопроникновения территорий, а следовательно и подвижности границ и появилось понятие края.

Костромская область также входит в состав края, называемого Поволжьем, наряду с соседними областями: Ярославской – с запада, Вологодской – с севера, Вятской – с востока, Нижегородской и Владимирской – с юга. Краевые связи осуществлялись и путем миграции жителей нашей губернии в другие смежные регионы.

Потому и в нашей книге персонажи-костромичи зачастую имеют отношение и к соседним губерниям. Так, костромской помещик Н.Н. Селифонтов, кстати сказать, уроженец Ярославля, имел поместья и в родной Ярославской губернии. То же можно сказать и о поэтессе Ю.В. Жадовской. В двух губерниях – Костромской и Ярославской – находились поместья знаменитого археографа графа А.И. Мусин-Пушкина и автора первой книги о Костроме И.К. Васькова. Аналогичные примеры можно привести почти по всем соседним вышеперечисленным областям. Судьбы многих персонажей связаны с обеими Российскими столицами. Так что, вопреки названию книги, ее содержание обнимает почти всю обширную территорию страны, не исключая даже столь далекие регионы, как Сибирь или Дальний Восток.

Но в эпицентре книги и в самом большом объеме присутствует, конечно, Костромская губерния с ее неповторимым «лицом».

Сама Кострома, основанная князем Юрием Долгоруким в 1152 году, спустя пять лет после основания иж же города Москвы, долгое время имела общую историю со своей «старшей сестрой». С 1364 года Кострома, бывшая до этого времени удельным княжеством, вошла в состав Московского княжества и в дальнейшем ее история стала неотделимой частью Русского государства, нашедшей отражение во многих старинных документах.

Из всех последующих эпох наиболее значимой для Костромы стала эпоха смутного времени и, прежде всего, ее центральное событие – возведение на престол Михаила Федоровича Романова, спасавшегося от поляков в костромском Ипатьевском монастыре, откуда посольская миссия из Москвы призвала его на царствование. Это событие имело судьбоносное значение для всей России, поскольку на три столетия определило ее развитие, открыв путь к правлению страной царственной династии Романовых. Недаром Кострому называли «колыбелью рода Романовых» и включили город в Золотое кольцо России.

Ранние периоды исторического развития Костромы нашли отражение лишь в очерке о костромской святыне «Ипатьевской летописи», другой же материал укладывается в следующие временные рамки: конец XVIII и весь XIX век. Как исключение, в двух статьях «задето» и наше время.

В центре же внимания автора – «золотой» XIX век: помещицы усадьбы с их культурными ценностями: библиотеками, фамильными галереями, архивами, на фоне которых разворачиваются судьбы их владельцев, в основном людей культуры: литературы, музыки, изобразительного искусства...

Это и безвременно забытые творцы, и уже знакомые нам герои, но в новых ситуациях и новых психологических обликах, делящиеся своим талантом с людьми, проживающими как в пределах губернии, так и всего края, а, в конечном счете, и по всей матушке-России. Каждый из них был не только продуктом своего времени, но и сам своей жизнью и деятельностью формировал его. Известно, что люди одной эпохи, имея сходные черты, определяют «лицо» своего времени, хотя, как исключение, среди них встречаются и ретрограды, не поддающиеся временным изменениям и тяготеющие к старым формам жизни. Встречаются также и прогрессисты, заглядывающие далеко в будущее и пугающие обывателя ломкой привычных понятий. И те и другие испытывают гонения от обычных людей, не желающих бурных социальных перемен или тормозов в эволюционных процессах. Именно их можно называть «стражами времени». Их борьбе с прогрессистами и посвящена наша книга. Во имя их, обреченных на победу, а не их врагов мучеников-одиночек, и названа наша книга.

Наиболее выразительным символом времени являются часы. Вот почему на обложке читатель видит репродукцию картины Сальвадора Дали «Постоянство памяти» с текущими часами, символизирующим текучесть, а также преемственность времени, точнее преемственность эпох. Эта текучесть, эта преемственность постулатабельна: от старого времени к новому, но не наоборот. Этому вторит эниграф: «Время безвозвратно и нет пути обратно... За нами следуют тени – эти странные стражи времени».

Тени прошлого – это персонажи книги, выдающиеся костромичи, неведомые нам, но реконструированные благодаря архивным и печатным источникам, а потому не поглощенные забвением, а оставшиеся в памяти последующих поколений. И опять удивляешься соответствию главной идеи книги с картиной С. Дали «Постоянство памяти». На переднем плане которой эмбрион живого существа с пока еще закрытыми глазами. На спине его текущие часы. Смысл изображенного таково: с рождением человека наступает временной отсчет его жизни и от него будет зависеть, как он ею распорядится и останутся ли его деяния в памяти потомков.

Издательство и типография
ООО «Промдизайн-М»

г. Кострома, ул. Локомотивная, 3д

Тел./факс 8(0942) 54-13-73

**ТИПОГРАФСКИЕ
УСЛУГИ**

Любой формат

Полноцвет

Книги

Бланки

Плакаты

Буклеты

Блокноты

Тетради

Альбомы

